
SIGILLUM ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV ANG
CHRISTO ET ECCLESIAE
VE RI TAS

АРХИВЪ
КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА

XXIV.

АРХИВЪ
КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

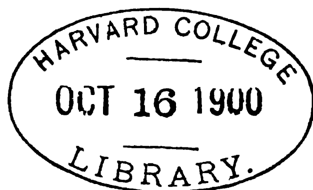
КНИГА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

БУМАГИ РАЗНАГО СОДЕРЖАНІЯ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1880.

HARVARD COLLEGE
OCT 16 1900
LIBRARY.

*

Въ настоящей книгѣ собраны разныя историческія бумаги, сохраненныя любознательностью предковъ свѣтлѣйшаго князя С. М. Воронцова. Сюда присоединены дополненія къ предъидущимъ книгамъ, найденныя послѣ отпечатанія оныхъ, что̀ объясняется несмѣтнымъ количествомъ рукописей, оставшихся отъ государственной дѣятельности, которая продолжается въ теченіи полутора столѣтія. Трудно указать, даже и въ чужихъ краяхъ, на другой болѣе богатый частный архивъ. Полный порядокъ при подобномъ обиліи и разнообразіи можетъ быть достигнутъ лишь приблизительно.

Петръ Бартеневъ.

*

СОДЕРЖАНІЕ

ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЙ КНИГИ АРХИВА

КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

Записка для памяти

ГРАФА АНДРЕЯ ИВАНОВИЧА ОСТЕРМАНА.

Страхъ Божій.

Милосердіе и снисходительство.

Любовь къ правосудію и исполненіе онаго.

Подкрѣплять правосудіе частыми издаваемыми манифестами.

Принимать ежемѣсячные рапорты о рѣшеныхъ и нерѣшеныхъ тяжебныхъ дѣлахъ.

Довершать новосочиняемое Уложеніе Законовъ посредствомъ учреждаемой особой на то коммиссіи.

Не упускать награждать чинами и должностями людей достойныхъ и заслуги оказавшихъ.

Все слушать и все изслѣдовать.

Учредить четыре дни на недѣлѣ для Совѣта, изъ коихъ одинъ или два дни трактовать объ иностранныхъ, а прочіе дни о внутреннихъ дѣлахъ.

Приглашать въ Совѣтъ изъ Сената, Военной и Адмиралтейской Коллегій нѣсколькихъ по обстоятельству дѣлъ членовъ для отвращенія вредной зависти.

Рѣшить дѣла по законамъ и учрежденіямъ, и потомъ, гдѣ заблагоразсудится и нужно, показывать милость.

Въ дѣлахъ церковныхъ, колико возможно, сообразжаться съ Духовнымъ Регламентомъ.

Оставить про духовныхъ и для монастырей, сколько нужно

для брагопристойнаго содержанія ихъ, а остальное употребить на школы и госпитали.

Распространить школы въ Имперіи.

Синоду повторять почаще изданной не вдавнѣ манифестъ и, какія отъ каждаго въ епархіи своей учрежденія сдѣланы будутъ, о томъ требовать письменные рапорты, тожъ почасту.

Сухопутную силу содержать на непремѣнномъ основаніи.

Истребовать рапорты о смотрахъ полковъ по послѣдней Инспекторской Инструкціи, и по онымъ учреждать, что̀ нужнымъ усмотрѣно будетъ.

Истребовать обстоятельное описаніе о крѣпостяхъ въ Имперіи и въ силу онаго поправлять по-малу одну за другою.

Въ полкахъ положенные сроки завести и точно наблюдать оные.

Въ мирное время можно для сбереженія казны опущать по нѣскольку сроковъ въ разсужденіи нѣкоторыхъ аммуніонныхъ вещей.

Въ Тулѣ вырабатывается до 50,000 новыхъ ружьевъ ежегодно. Заводъ сей содержать тщательно и арсеналы вездѣ снабдѣвать новыми ружьями.

Въ мирное время можно старыя ружья оставлять въ полкахъ для употребленія, а новыя хранить въ арсеналахъ.

Буде сіе съ точностію наблюдаемо быть имѣетъ, то со временемъ не трудно открыть новой съ иностранными государствами ружейной торгъ.

Относительно артиллеріи и свозки брошенныхъ въ разныхъ мѣстахъ Россійской Имперіи пушекъ сдѣланы уже полезнѣйшія предписанія.

Потребно перелить всѣ негодныя для употребленія пушки ради нововведенныхъ нынѣ калиберовъ.

Литейное дѣло возстановить.

Въ артиллеріи повелѣть безпрерывно работу производить надъ лафетами и иными военными припасами для запаса.

Истребовать свѣдѣнія о состояніи пороховыхъ заводовъ и содержать оные въ безпрерывномъ теченіи, для пополненія магазейновъ порохомъ.

Селитренные заводы въ государствѣ умножить, поелику въ слѣдующія времена можно селитру выпускать изъ государства съ великою пользою.

Препоручить сбереженіе пороха.

Учрежденные конскіе заводы немедленно возстановить, также въ драгунскихъ полкахъ.

О ландмилиціи въ Украйнѣ и населеніи тамошнихъ мѣстъ.

О Закамской, Царицынской и Украинской линіяхъ и о встрѣчающихъ при томъ разсужденіяхъ.

О бывшихъ учрежденныхъ Коммиссіяхъ относительно рекрутъ.

О сбереженіи солдатскихъ дѣтей какъ въ полевыхъ полкахъ, такъ и въ гарнизонахъ.

О недоборахъ по подушному сбору и о взысканіи ихъ.

При учиненномъ предложеніи о новой ревизіи, можно, позволивши, совершить оную разомъ чрезъ воеводъ.

О исполненіи по прежде изданнымъ учрежденіямъ касательно флота.

О распоряженіи въ силу оныхъ строенія кораблей въ Санктпетербургѣ.

О подкрѣпленіи новозаведеннаго строенія кораблей въ Архангельскомъ городѣ.

Приложить всемѣрное стараніе къ постройкѣ докеновъ въ Кронштадтѣ.

Галерную гавань вывесть и разсмотрѣть, нельзя ли такую же гавань завесть въ Кронштадтѣ.

Построить въ Кронштадтѣ каменную гавань.

Крестьянъ, около моря живущихъ, избирать въ рекруты для морской службы.

Смотрѣть о сбереженіи матроскихъ и иныхъ ремеслепныхъ людей дѣтей.

Установить осмотръ артиллеріи и ружьямъ во флотѣ и привесть оное въ порядокъ.

Не можно ли молодымъ дворянамъ вступать въ службу во флоты Англійскіе и Французскіе?

Ободрить дворянъ, поелику никто неохотно служитъ во флотѣ.

Сберегать наитщательнѣйше лѣса, и особенно новоразведенные на Волгѣ дубовые лѣса.

Привесть въ устройство находящееся въ Астрахани Адмиралтейство и содержать тамъ нѣсколько употребительныхъ вооруженныхъ судовъ.

Флоту надлежитъ получать положенную сумму изъ Адмиралтейства, для отвращенія многихъ замѣшательствъ и непорядковъ.

О приписанныхъ подъ Адмиралтейство Казанскихъ ясашныхъ.

Весьма полезно быть имѣетъ истребовать обстоятельныя вѣдомости обо всѣхъ къ публичнымъ работамъ и заводамъ деревняхъ съ истиннымъ показаніемъ состоянія ихъ какъ прежняго, такъ и нынѣшняго.

Работу производить, колико возможно, вольнонаемными плотниками.

Повелѣть со старыхъ кораблей канаты, желѣзо и другія части сохранять и употреблять на новые корабли, и потому сіи послѣдніе строить всѣ по утвержденной пропорціи.

Фабрики при Адмиралтействѣ содержать тщательно.

Повелѣть на Липскихъ *) заводахъ отливать токмо ядра, гранаты и бомбы.

Какое во флотѣ сбереженіе сдѣлано быть можетъ?

*) Вѣроятно Липецкихъ.

Учредить штатъ для Морскаго Кадетскаго Корпуса, дабы оный приносилъ пользу.

Потребно учредить гражданской штатъ, поколику отъ онаго зависитъ все внутреннее устройство Имперіи.

Какимъ образомъ утвердить оный по множеству и различію встрѣчающихся въ каждомъ судебномъ мѣстѣ дѣлъ?

(Записка не докончена).

Изъ царствованія Петра Втораго.

ССОРА ДЮКА ДЕ ЛИРІЯ СЪ ГРАФОМЪ А. А. МАТВѢЕВЫМЪ.

I. Письмо Гишпанскаго посла дюка де Лирія къ графу Остерману.

Мнѣ надлежитъ упредить ваше превосходительство о проис-шедшемъ здѣсь въ Перовѣ дѣлѣ. Графъ Матвѣевъ обидѣлъ мой караулъ и меня самого, чему знакъ оставшійся у меня кортикъ безъ ноженъ, о чемъ я ваше превосходительство завтрѣ увѣдомлю поутру, ежели вы позволите. Я имѣю честь быть

Перово, 10 Іюня 1729. **Дюкъ де Лирія.**

II. Донесеніе Кейта.

Репортъ о томъ, чтб генералъ-маіоръ Яковъ Кейтъ по-мнитъ, чтб видѣлъ и слышалъ у Гишпанскаго посла дюка де Лиріа въ 10 день Іюня 1729 года, по повелѣнію, полученному имъ въ 13 день отъ его сіятельства князя Ивана Алексѣевича Долгорукова съ стороны Императора.

Будучи прошенъ къ тому дню на обѣдъ чрезъ его сіятельство дюка де Лирія, пріѣхалъ я о полудни въ Перово, куда скоро потомъ прибылъ и графъ Матвѣевъ, а послѣ обѣда, услыша ружейные выстрѣлы, вышелъ посмотрѣть, чтб такое было, и увидѣлъ, что караулъ выстрѣлилъ залпомъ, по приказу реченнаго дюка. Графъ же Матвѣевъ сказалъ, что караулъ худо выпалилъ. Тогда дюкъ де Лирія

сказалъ ему, чтобъ онъ имъ командовалъ; по чемъ графъ Матвѣевъ, пришедши ко мнѣ, спросилъ меня, не хочу ли я приказать самъ, чтобъ палили; и какъ я ему въ томъ вовсе отказалъ, то приказалъ онъ выстрѣлить. А потомъ, какъ дюкъ де Лирія и онъ солдатамъ дали нѣсколько денегъ на вино, возвратился я въ покои, гдѣ немного спустя генералъ-порутчикъ Дугласъ меня кликнулъ и сказалъ, чтобъ я вошелъ въ одну компату, въ которой. какъ онъ мнѣ сказывалъ, дюкъ де Лирія и графъ Матвѣевъ были, и что-де повидимому они вздорятъ. Я, вошедши, услышалъ, что дюкъ де Лирія ему говоритъ: „Мой господинъ! Вы обидѣли мой караулъ, и по справедливости надлежитъ вамъ дать мнѣ сатисфакцію". На что графъ Матвѣевъ отвѣчалъ, что дюкъ ему далъ позволеніе командовать его карауломъ, и что онъ иного не сдѣлалъ, какъ только наказалъ солдата, которой безчинствовалъ. И въ самое то время, когда я хотѣлъ выдти, чтобъ кликнуть графа Дугласа, то и графъ Матвѣевъ вышелъ, и хотѣлъ сѣсть въ карету и ѣхать; токмо дюкъ де Лирія остановилъ его за руку, сказавъ ему, что онъ его прежде не отпуститъ, пока не дастъ ему сатисфакціи. Нѣсколько времени потомъ графъ Матвѣевъ сказалъ мнѣ, что дюкъ де Лирія его арестовалъ. На что я дюку представилъ, что онъ права не имѣетъ оное чинить, и просилъ его, дюка, чтобъ его отпустилъ, на что дюкъ де Лирія и согласился. И видя, что̀ начало̀ уже становиться поздо, а графъ Матвѣевъ никакого резона не принималъ, и меня уже надлежаще почитать не сталъ, то я и поѣхалъ.

И сіе все, о чемъ я помню, что видѣлъ или слышалъ при семъ случаѣ, а достальное, о чемъ дюкъ жалуется, происходило послѣ моего отъѣзда.

Жамесъ Кейтъ.

III. Промеморія.

Какъ дюкъ де Лирія трактовалъ третьяго дни, то есть 10 (21) сего мѣсяца, въ загородномъ своемъ домѣ, всѣхъ находящихся въ Москвѣ Агличанъ, Шотланцовъ и Ирлянцовъ, партіи претендентовой, котораго былъ тогда день рожденія, то господинъ графъ Матвѣевъ туда же нечаянно пріѣхалъ и, по приглашенію дюка, склонился при банкетѣ остаться. Когда вино компанію развеселило, то дюкъ приказалъ офицеру своего караула, чтобъ солдаты палили при питьѣ здоровьевъ, и велѣлъ дать имъ денегъ, чтобъ и они для такого праздиества повеселились. А между тѣмъ графъ Матвѣевъ вышелъ вонъ, и одинъ караульной солдатъ поклонился ему не довольно низко, какъ ему показалось, за что онъ его своимъ кортикомъ билъ.

Офицеръ пожаловался о томъ дюку, и тѣмъ помѣшалось веселье званыхъ гостей. Но, не допущая до прямаго дѣла, отъ котораго бы слѣдствія произойти могли, реченной дюкъ хотѣлъ оное утушить, уговаривая графа, чтобъ компаніи объявилъ, что онъ сожалѣетъ о томъ, что̀ случилось отъ побой солдату его, дюкова, караула и что онъ надѣется, что его, происшедшую отъ вина, запальчивость извинятъ. А какъ ни умѣренность, ни представленія его, дюка, помянутаго графа ни къ чему склонить не могли, но еще больше разсердился; тогда вышли изъ покоевъ гулять въ рощу, куда Матвѣевъ прежде не пришелъ, пока не взялъ у своего лакея кортика, которой онъ бросилъ на землю въ присутствіи дюка, вызывая его съ собою биться, и скинулъ съ себя платье, чтобъ ему въ томъ свободнѣе было. Дюкъ за сіе не разсердился, но паче старался его успокоить, обнадеживая его, что онъ его другъ, а не такой непріятель, чтобъ съ нимъ драться, и что есть другія средства,

гораздо пристойнѣе, для пресѣченія ихъ ссоры. Послѣ чего донъ Ласкосъ прибралъ тотъ кортикъ, а графъ хотѣлъ оной силою назадъ отнять; токмо донъ Ласкосъ отдать его не хотѣлъ. Тогда графъ старался ухватить шпагу дона Жюана, которой, державъ ее крѣпко, поранилъ у себя палецъ.

За сіе графъ такъ разсердился, что хотѣлъ напослѣдокъ драться съ симъ новымъ соперникомъ, которой отъ того уклонился, а онъ, графъ, вмѣсто того, подрался съ маркіемъ де Кастело, которая драка долго продолжалась и, пока графа люди его напослѣдокъ отъ того не отвели.

Изъ сего краткаго и основательнаго объявленія происходятъ три подлинные пункта:

1-е. Что графъ Матвѣевъ, напившись при столѣ пьянъ, билъ солдата находящагося въ дюковомъ домѣ караула и нарушилъ безопасность дома его сіятельства.

2-е. Что онъ персону дюка весьма обидѣлъ вызываніемъ его съ собою биться.

3-е. Что, при бывшемъ банкетѣ, караульной офицеръ не зналъ своей должности, позволя своей командѣ палить; ибо караулъ только опредѣленъ для безопасности персоны и дома публичнаго министра, а не для другаго употребленія.

Въ разсужденіи перваго и втораго пункта, что графъ Матвѣевъ на такія наглости, позабывъ себя, поступилъ, онъ весьма виноватъ былъ бы, ежели бъ вино нѣкоторымъ образомъ его не оправдало. Но въ примѣръ другимъ надлежало бъ для виду съ нимъ строго поступить, а между тѣмъ искуснымъ образомъ заслатъ дюка, чтобъ онъ за него у Его Императорскаго Величества заступилъ, которой покажетъ въ томъ великодушіе и милость.

Чтò принадлежитъ до употребленія и службы даваемаго иностраннымъ министрамъ караула, то надлежало бъ постановить кондиціи, съ повелѣніемъ командующимъ онымъ офицерамъ, чтобъ они ихъ точно наблюдали.

Изъ времени правительницы Анны Леопольдовны.

Проектъ графа И. А. Остермана о приведеніи въ благосостояніе Россіи

(Съ копіи съ Нѣмецкаго подлинника, писаннаго графомъ Остерманомъ собственноручно) 1741 года.

Сколько Вашего Императорскаго Высочества всемилостивѣйшему намѣренію было бы противно, столько притомъ и для меня невозможно описать въ полномъ совершенствѣ отмѣнно великія качества и добродѣтели, которыми съ волею Божіею высочайшая и дражайшая особа ваша толь богато украшена; но въ сходствіе всемилостивѣйшаго позволенія вашего не преминулъ я коснуться токмо до трехъ изъ оныхъ, поелику сіи главнѣйше принадлежатъ къ трактуемой нынѣ мною матеріи.

Первое качество есть извѣстный, обитающій въ сердцѣ Вашего Высочества, страхъ Божій.

Страхъ Божій содѣлаетъ Ваше Высочество на вѣкъ благополучными. Чрезъ оный укрѣпляется паче и паче довѣріе, возложенное отъ всего народа на особу Вашего Высочества; поелику весь народъ вѣдаетъ, и точно потому почитаетъ себя счастливымъ, что имѣетъ Правительницу богобоязненную.

Второе качество есть врожденное Вашего Императорскаго Высочества милосердіе и снисходительство, которыя вы ко всѣмъ изъявлять благоизволите. Такимъ снисходительствомъ и милосердіемъ вы сопрягаете навсегда преданностію

къ вамъ сердца и умы всея націи, и слава ваша имѣетъ пребывать въ незабвенности у позднѣйшихъ потомковъ. Извѣстно каждому, коль преизящное дѣйствіе производитъ въ сердцахъ подданныхъ, когда они увѣрены, что имѣютъ Правительницу, внимающую имъ съ милосердіемъ и снисходительствомъ и дарующую всѣмъ имъ высокоматернее утѣшеніе.

Третіе качество есть извѣстная Вашего Императорскаго Высочества любовь къ правосудію. Точно посему Господь безпрестанно съ вами обращаться будетъ, поелику Онъ обитаетъ съ тѣми, кои соблюдаютъ правосудіе; злоба чрезъ сіе испровергнется, всякъ сохранится въ достодолжномъ повиновеніи, и въ сердцахъ всѣхъ честныхъ подданныхъ, Господа боящихся и желающихъ быть христіанами, воспламенится толикой пламень любви и радостнаго восторга къ Вашему Императорскому Высочеству, что во вѣкъ угаснуть и померкнуть оной не можетъ.

Колико тысячъ теплѣйшихъ молитвъ каждодневно возсылаемы будутъ ко Всевышнему Творцу о благоденствіи Вашего Высочества по той причинѣ, что подъ вашимъ достославнымъ правленіемъ всякъ, знатныя и низкія, богатыя и убогія, безъ различія и безъ уваженія особы снискиваютъ правосудіе и расправу!

Автобіографическая записка Бирона.

Когда въ 1730-мъ году Португальскій принцъ Эмануилъ пріѣзжалъ въ Москву, съ намѣреніемъ узнать подъ рукою, не рѣшится ли въ Бозѣ опочивающая императрица Анна вступить въ супружество, но былъ отъ сего отведенъ до формальнаго еще его о томъ отзыва и, перемѣня свои мысли, пожелалъ было совокупиться бракомъ съ принцессою Мекленбургскою, которой равнымъ образомъ былъ ему отсовѣтованъ: тогда происшествіе сіе подало поводъ тогдашшему вице-канцлеру графу Остерману и оберъ-шталмейстеру Левенвольду многократно говорить Ея Императорскому Величеству о наслѣдствѣ, а именно о необходимой надобности принять по сему свои мѣры. Наконецъ блаженныя памяти Императрица повелѣла имъ, снесясь между собою, свое мнѣніе представить Ея Величеству, чтò и учинили они нѣсколько дней спустя, и состояло оно въ слѣдующемъ:

1-е, что когда Ея Императорское Величество не изволитъ рѣшиться сама въ бракъ вступить, то надлежитъ принцессу Анну выдать за иностраннаго принца;

2-е, чтобы изъ происходящихъ отъ нея принцовъ избрать Ея Величеству къ наслѣдству того, кого заблагоразсудитъ, не взирая на перворожденіе;

3 е, чтобы указать по всей Имперіи учинить присягу въ томъ, чтобъ будущимъ наслѣдникомъ быть тому, кого Ея Императорское Величество избрать изволитъ;

4-е, польза изъ того будетъ та, что какъ въ государствѣ, такъ и внѣ онаго истребятся всѣ безполезные замыслы, увидя, что уже и о будущемъ помышляется;

5-е, что самую принцессу нельзя, кажется, назначить по слѣдующимъ причинамъ: 1) что уповать можно имѣть паки на престолѣ мужеское поколѣніе; 2) что при нареченіи принцессы опасаться должно, чтобы не пришло ей на мысль, что престолъ принадлежитъ ей, яко отъ старшей сестры рожденной; 3) опасаться же еще надлежитъ, чтобы восходящее солнце не было предпочтено заходящему; 4) что всему свѣту извѣстно, какого она безпокойнаго отца имѣетъ, который не преминулъ-бы внушать ей всякія мысли, а сіе послужило бы единственно къ опечаленію Ея Императорскаго Величества; 5) что извѣстно, что императоръ Римскій подобное о наслѣдствѣ своемъ сдѣлалъ распоряженіе; 6) но что полезно принцессѣ принять Греческое исповѣданіе; 7) что когда сіи мнѣнія Ея Императорскимъ Величествомъ за благо приняты будутъ, тогда безъ потерянія времени надлежитъ послать довѣренную особу къ нѣкоторымъ дворамъ для прісканія такого принца.

Когда же таковыя мнѣнія представлены были Ея Императорскому Величеству въ 1730-мъ году, то она, не показывая къ тому великой склонности, такъ оставить изволила; и когда ей вышепомянутыми особами о томъ напоминаемо было, отвѣтъ ея всегда былъ такой: что еще будетъ времени, что принцесса молода еще, чтобы замужъ выйти. Хотя же Ея Императорское Величество ничего о семъ не объявила сестрѣ своей герцогинѣ Мекленбургской, но примѣтно было, что она совершенно была извѣстна; ибо часто со слезами просила Ея Императорское Величество, чтобы принцессу къ себѣ взять, пещися о ея воспитаніи и наставить въ Греческомъ исповѣданіи. Тоже самое говорилъ и тогдашній отецъ духовной архимандритъ Троицкой. А

какъ Ея Величество нынѣшняя Императрица*) мало была уважаема покойною Императрицею, то умершая герцогиня Мекленбургская обыкновенно въ дѣлахъ своихъ употребляла его, духовника. Правда, и удались всѣ устроенныя пружины къ обнесенію ея; но главное дѣло оставалось все безъ успѣха, доколѣ, по многократномъ присовѣтованіи графовъ Остермана и Левенвольда, не учредила Ея Императорское Величество Кабинета, и не назначила тайными кабинетъ-министрами великаго канцлера графа Головкина, Остермана и князя Черкаскаго. Тутъ достигъ графъ Остерманъ и своего предмета, но наслѣдственное дѣло не шло по его желанію. И такъ прилѣпился онъ къ архіепископу Новгородскому Прокоповичу, который въ великомъ почтеніи былъ у Императрицы. Сей-же дѣло представилъ тоже какъ весьма нужное, и представленія его были уважены, и по прошествіи двухъ или трехъ дней, когда Кабинетъ засѣдать началъ, сочинено было тайно клятвенное о будущемъ наслѣдствѣ обѣщаніе, которое Ея Императорскимъ Величествомъ и подписано. Типографія взята была въ домъ архіепископа, и запертые въ ономъ типографщики напечатали нѣсколько тысячъ экземпляровъ. Потомъ всѣ главные чины, какъ духовные, такъ и свѣтскіе, были однимъ утромъ во дворецъ созваны, и когда великое ихъ множество собралось, то Ея Императорское Величество вышедъ изволила имъ сказать: что она за нужно почитаетъ велѣть имъ всѣмъ учинить присягу, равно какъ всему своему государству, чтобъ они въ большомъ соборѣ и надлежащимъ образомъ ее учинили и подписали, чтд немедленно ими всѣми было учинено, продолжалось и на другой день.

Когда все сіе къ концу приведено было, то графъ Остерманъ неизреченно похвалялъ за сіе дѣло Ея Импе-

*) Т. е. Елисавета Петровна.

раторское Величество. Потомъ графъ Левенвольдъ безпрестанно трудился о посылкѣ нѣкоторой особы въ Германію для пріисканія принца, и поелику архіепископъ Новогородскій въ первомъ успѣлъ, то употребили они его и въ семъ дѣлѣ. Онъ же представилъ столь живо Ея Императорскому Величеству, что оное весьма нужно, а наипаче послѣ учиненнаго клятвеннаго обѣщанія и зависитъ единственно отъ нея. Онъ и тутъ получилъ желанный успѣхъ. Вслѣдствіе чего оберъ-маршалъ посланъ былъ къ графу Остерману, чтобы узнать его мнѣнія объ особѣ, которую надлежитъ послать и получилъ въ отвѣтъ, чтобъ поручено было оберъшталмейстеру Левенвольду, который тогда не имѣлъ еще сего чина, а былъ только генералъ-адъютантъ; а ежели ему нельзя, то брату Мекленбургскому Остерману. Но Ея Императорское Величество изволила назначить въ сію посылку Левенвольда и указала ему къ отъѣзду приготовляться. Потомъ повелѣно ему было обозрѣть Германскіе дворы, впрочемъ не вызываться, а учинить донесеніе свое и мнѣніе подать самолично. Но едва выѣхалъ Левенвольдъ изъ Москвы, какъ уже примѣтно стало, что иностранные министры о томъ извѣстны. Левенвольдъ ѣздилъ и въ Вѣну, но съ чѣмъ, того я не могу припомнить. По возвращеніи своемъ онъ изустно донесъ и мнѣніе свое представилъ о всѣхъ иностранныхъ принцахъ, которыхъ онъ видѣлъ. Между прочими были двое, маркграфъ Карлъ и принцъ Антонъ Ульрихъ Беверискій. Графъ Остерманъ былъ склоненъ Прусскому принцу, а Левенвольдъ Беверискому. Наконецъ рѣшилась Ея Императорское Величество принца Антона Ульриха опредѣлить кирасирскаго полка полковникомъ съ пенсіею. Графу Левенвольду велѣно было отписать о семъ къ родителямъ его, кои немедленно принца сына ихъ и послали. Но когда онъ ко двору явился, то не понравился онъ нимало Ея Величеству, и Государыня недовольна была

Левенвольдовымъ выборомъ. Но поелику его выписали, то не только данъ былъ ему полкъ, имѣлъ еще и отъ двора содержаніе, да нѣсколько тысячъ рублей пенсіи. Онъ ежедневно пріѣзжалъ ко двору, и сіе продолжалось нѣсколько лѣтъ. Ея Императорское Величество оставалась въ нерѣшимости, тѣмъ болѣе что Ея Высочество его совсѣмъ терпѣть не могла. Между тѣмъ графъ Левенвольдъ умеръ, и Остерманъ по причинѣ болѣзни не выѣзжалъ. Тогда казалось, что Ея Императорское Величество мало помышляла о семъ дѣлѣ и даже не любила, чтобъ о томъ говорили; напротивъ того, Вѣнскій дворъ употреблялъ всѣ способы привести сіе дѣло къ концу, и блаженныя памяти императоръ просилъ меня часто чрезъ своего министра графа Остейна и резидента Гогенгольцера, чтобы я поспѣшествовалъ въ семъ дѣлѣ, съ тѣмъ, что его императорское величество, въ изъявленіе своего ко мнѣ почитапія, хочетъ отдать за моего наслѣднаго принца одну изъ Вольфенбютельскихъ принцессъ, съ приданымъ изъ своей казны, во стѣ тысячахъ рейхсталеровъ состоящимъ. Но я поблагодарилъ за сію милость и отговорился отъ сего молодостію сына моего, чѣмъ подалъ я поводъ о себѣ думать, яко бы я желалъ принцессу Анну бракосочетать съ сыномъ моимъ, чтò мнѣ по всю мою жизнь на умъ не приходило. Когда же покойная Императрица, по моему мнѣнію, чувствовала умножающуюся свою немощь, то говорила она нѣкогда, что теперь никто не помышляетъ болѣе о томъ, чтобы я выдала принцессу, а теперь уже время; ибо начинаетъ она дородничать. Правда-де, что сей принцъ ни мнѣ, ни ей не нравится; но большія особы не всегда по склонности въ бракъ вступаютъ. Онъ правленіемъ государства заниматься не будетъ, слѣдственно-де все равно, за кого бы я ее ни выдала; имѣть бы мнѣ только отъ него наслѣдниковъ; а притомъ сіе можетъ и императора озлобить, естьли я его

ни съ чѣмъ отпущу; онъ-де человѣкъ тихой; я пошлю спросить графа Остермана, чтò и было сдѣлано. Но я теперь не знаю, кого Ея Императорское Величество посылала.

Остерманово мнѣніе было таково, что сіе—весьма полезное дѣло, и что Ея Императорское Величество весьма обрадуетъ императора въ теперешней его печали. Послѣ сего немедленно учинены были приготовленія къ бракосочетанію, которое, какъ извѣстно, и совершилось. Но когда принцесса родила принца, то Ея Величество покойная Императрица посылала къ графу Остерману спросить о его мнѣніи: гдѣ въ церквахъ на проскомидіи помѣстить новорожденнаго принца и какую титулатуру употреблять. Его совѣтъ былъ, чтобы его тотчасъ наречь Великимъ Княземъ и поминать безпосредственно по Ея Императорскомъ Величествѣ. Первое не было принято за благо, а послѣднее указано. По крещеніи же, Ея Императорское Величество взяла его къ себѣ. Правда, что Ея Императорское Величество изволила лѣчиться все время своего въ Петергофѣ пребыванія; но находилась тамъ въ лучшемъ состояніи. По прибытіи же въ Санктпетербургъ, жаловалась безпрестанно на безсонницу; но врачи немного сіе уважали. Наконецъ, въ Воскресеніе Ея Императорское Величество за столомъ упала въ обморокъ, съ сильною рвотою, и принуждена была лечь въ постель. Врачи тотчасъ были собраны, и архіятель Фишеръ сказалъ мнѣ, что Ея Императорскому Величеству случился тяжкой припадокъ, и что ежели болѣзнь усилится, то опасаться надлежитъ скорой кончины. Напротивъ того, придворный докторъ Саншесъ сказывалъ, что сія болѣзнь не опасна. Ея Императорское Величество хотѣла заснуть и для того пустила меня изъ своей почивальни, а я послалъ моего старшаго принца къ принцессѣ Аннѣ, которая также недомогала и приказалъ ей сіе сказать; но она его не хо-

тѣла слышать, какъ онъ къ ней пришелъ, и сказала, чтобы онъ фрелинѣ Менгденѣ сказалъ, если онъ что̀ сказать имѣетъ, что̀ онъ и учинилъ. Я же немедленно послалъ къ себѣ просить князя Черкасскаго съ господиномъ кабинетъ-министромъ Бестужевымъ и фельдмаршаломъ Минихомъ.

Какъ скоро они прибыли, представилъ я имъ обоихъ врачей, съ коими они говорили и которые имъ объявили, что болѣзнь Ея Императорскаго Величества опасна. Между тѣмъ меня позвали къ Ея Императорскому Величеству, и она изволила мнѣ слѣдующія слова сказать: „Я больна, я опасаюсь, чтобъ моя кончина не приближилась; я готова повиноваться власти Господней; но что̀ будетъ съ моимъ государствомъ, и не подвергнется ли оно величайшимъ замѣшательствамъ? Исчезнетъ по смерти моей слава моя, что оставила оное въ такомъ состояніи“. Я старался Ея Императорское Величество утѣшить, говоря, что Богъ можетъ еще явить надъ нею милосердіе Свое, чтобъ она не столько тѣмъ безпокоилась; ибо чрезъ то увеличиваетъ только болѣзнь свою, что и безъ того все по предопредѣленію Божію. Нѣсколько спустя продолжала она, чтобъ я, будто отъ себя, послалъ къ принцессѣ дать ей знать, что Ея Императорское Величество трудна. Еще спрашивала, собрались ли министры и что̀ они дѣлаютъ, и чтобъ я примѣчалъ, что̀ они говорить станутъ. Я послалъ въ другой разъ къ принцессѣ и получилъ въ отвѣтъ отъ фрелины Менгденъ, что принцесса сама неможетъ. Министры были при дворѣ, для того что было собраніе и уже съѣзжаться начали. Потомъ спросила у меня Ея Императорское Величество, тутъ ли министры? Я отвѣтствовалъ, что я имъ объявилъ о опасности, въ которой Ея Императорское Величество находится, и что они весьма опечалены, а что принцесса сама неможетъ. Послѣ сего Ея Императорское Величество повелѣла мнѣ послать графа Левенвольда къ графу Остер-

ману и у него спросить, чтò надлежитъ дѣлать. Его отвѣтъ былъ: что прежде всего нужно помышлять о наслѣдствѣ, установя оное, и что онъ уповаетъ, что Ея Императорское Величество останется при своемъ намѣреніи, а именно: касательно новорожденнаго принца, что въ томъ случаѣ потребно поступать по примѣру Петра Великаго, когда онъ опредѣлялъ къ наслѣдству юнаго принца Петра Петровича. Сей отвѣтъ привезъ графъ Левенвольдъ. А Ея Императорское Величество тотчасъ повелѣла двумъ кабинетъ-министрамъ ѣхать къ Остерману и имъ заготовить все къ тому потребное. А мнѣ сказала: „Я хочу сдѣлать свое, а впрочемъ буди воля Господня. Я напередъ знаю, что оставляю отрока въ плачевныхъ обстоятельствахъ. Самъ онъ себѣ пособить не можетъ, а отецъ и мать его не могутъ онаго учинить: ибо отецъ не получилъ отъ Бога потребнаго къ тому, не имѣетъ довольнаго знанія; а мать хотя не имѣетъ недостатка въ разумѣ, но нелюбима въ народѣ; притомъ же отецъ ея живъ, который здѣсь столь извѣстенъ, что его почитаютъ за мучителя и который, немедленно сюда пріѣхавъ, сталъ-бы и здѣсь также поступать, какъ въ Мекленбургѣ, государство мое вмѣшалъ-бы въ войну, и разорилъ-бы оное. Истинно должна я опасаться, что и по смерти моей на меня негодовать станутъ“. Я увѣщевалъ Ея Императорское Величество, говоря, чтобъ она не отчаевалась; что Богъ ей поможетъ, и вышелъ вонъ къ министрамъ и пересказалъ имъ все, чтò Ея Императорское Величество повелѣть изволила и чтò она при томъ говорила.

Фельдмаршалъ Минихъ началъ говорить, что во первыхъ герцогъ Мекленбургскій сдѣлается генералиссимусомъ, а потомъ заведетъ много бѣдствій и станетъ мстить какъ Римскому императору, такъ и Гановерскому дому, о чемъ они долго между собою говорили. А меня Ея Императорское Величество опять призвать приказала. Къ вечеру, какъ я от-

туда вышелъ, нашелъ я много людей въ моей комнатѣ. Фельдмаршалъ Минихъ сказалъ мнѣ, что собирались туда нѣсколько патріотовъ, которые, по совѣсти и по лучшему ихъ знанію, размышляли, чтò бы было полезнѣе для государства, если-бы Богъ опредѣлилъ отозвать Ея Императорское Величество отъ сего міра, кому править государствомъ во время малолѣтія юнаго принца; что по довольномъ разсужденіи не нашли никого, кто-бы, человѣчески судя, удобнѣе былъ для государства какъ я; и то по тѣмъ главнымъ причинамъ: что я знаю положеніе государства, каждую особу; что они со мною свычны; что иностранныя, до государства относящіяся, дѣла мнѣ извѣстны. И употребляли еще другія слова, до моей особы касающіяся. Удивило меня сперва такое предложеніе; но потомъ я одумавшись учинилъ ему взаимное слѣдующее привѣтствіе: что если-бы не зналъ я напередъ, что они всѣ мнѣ друзья, то-бъ увѣрился о семъ теперь; но что я думаю, что они меня столько любятъ, что не потребуютъ отъ меня того, чего я управлять не въ состояніи: ибо мое слабое здравіе и случавшіеся мнѣ доселѣ припадки и заботы довели меня до того, что для меня ничего теперь лучше быть не можетъ какъ совершенное освобожденіе отъ всѣхъ большихъ дѣлъ и препровожденіе остальныхъ дней моей жизни въ тишинѣ и покоѣ, и что какъ скоро Ея Императорское Величество по волѣ Божіей отъидетъ изъ сего свѣта, то я, бывъ отъ всего свободенъ, уповаю и прошу ихъ, чтобъ они по достоинству моему обходились со мною, яко съ иностранцомъ, но притомъ всегда какъ съ дражайшимъ ихъ другомъ. Я благодарилъ ихъ за великую ихъ довѣренность; но что я сего принять не могу. Фельдмаршалъ началъ опять говорить и въ присутствіи ихъ всѣхъ сказалъ мнѣ, что не человѣкъ меня о томъ проситъ, но великая Имперія и чтобъ я сіе уважилъ; а притомъ вспомнилъ-бы и тѣ великія и многочисленныя ми-

лости, кои Ея Императорское Величество поднесь мнѣ оказать изволила, и что сіе—худое за оныя признаніе. Я отвѣтствовалъ, что благодарность моего сердца прекратится только моею жизнію, но что мнѣ надлежитъ себя самого лучше знать. Нашъ разговоръ былъ пересѣченъ позваніемъ меня къ Ея Императорскому Величеству.

Все сіе происходило въ Воскресенье, когда Ея Императорское Величество принуждена была лечь въ постелю. Какъ я пришелъ къ Ея Императорскому Величеству, то спросила она меня, кто у меня былъ? А я на сіе сказалъ, что были у меня фельдмаршалъ Минихъ, министры Черкасской и Бестужевъ, генералъ Ушаковъ, оберъ-шталмейстеръ Куракинъ, князь Трубецкой, адмиралъ Головинъ, оберъ-маршалъ Левенвольде, господинъ Фонъ-Бревернъ и многіе другіе. Потомъ весь день я не выходилъ въ свою переднюю горницу, а былъ принужденъ, по повелѣнію Ея Императорскаго Величества, на куртагъ пойти, гдѣ я и недолго пробывъ, остался до полуночи у Ея Императорскаго Величества.

Въ Понедѣльникъ поутру фельдмаршалъ Минихъ, оба кабинетъ-министры и другія знатныя особы собрались въ одну комнату и хотѣли со мною говорить. Когда я былъ вызванъ изъ покоевъ Ея Императорскаго Величества и къ нимъ вышелъ, требовали они, чтобъ доложилъ я объ нихъ Ея Императорскому Величеству, чтȏ я и учинилъ. Ихъ немедленно допустили. По сожалѣніи ими изъявленномъ о болѣзни Ея Императорскаго Величества представили они клятвенное обѣщаніе касательно до Великаго Князя, которое они ночью у графа Остермана сочинили. По прочтеніи онаго, Ея Императорское Величество, подписавъ оное, ихъ и отпустить изволила. Но фельдмаршалъ Минихъ, который былъ изъ послѣднихъ, началъ Ея Императорскому Величеству говорить и благодарилъ ее за подписаніе; но что они

всѣ просятъ Ея Императорское Величество о назначеніи меня правителемъ. Ея Императорское Величество ему ничего не сказала; но какъ я пошелъ, то засталъ я ее въ печали и въ унынiи. Но ободрясь она тотчасъ сказала: „Я подписала клятвенное обѣщаніе трепещущею рукою, чего никогда да и въ то время со мною не случилось, какъ подписывала я объявленіе войны Туркамъ". Помолчавъ нѣсколько, спросила она у меня, какъ долго я ей служу? На сіе отвѣтствовалъ я, что 22 года. Мое намѣреніе было пресѣчено, и Ея Императорское Величество изволила мнѣ сказать: „Я не довольно наградила вѣрную вашу службу; но вѣрьте, что Богъ воздастъ вамъ за оную. Фельдмаршалъ Минихъ сказалъ мнѣ нѣчто, о чемъ я сію ночь размышляла". Но я о томъ не навѣдывался, бывъ уже извѣстенъ.

По прошествіи одного или двухъ дней, много знатныхъ особъ собралось въ почивальню Ея Императорскаго Величества, между коими былъ и графъ Остерманъ, который, при выходѣ моемъ изъ комнаты, въ которой Ея Императорское Величество лежала, говорилъ мнѣ слѣдующее: что они всѣ собрались просить меня именемъ всего государства, чтобъ я не отказалъ имъ въ просьбѣ ихъ, что безчетное множество меня за то благословятъ и за меня Бога молить будутъ. А я спросилъ, о чемъ дѣло идетъ? Тогда открылись они, чтобы я принялъ на себя правленіе. Я всячески противился, но они на своемъ настояли и говорили: „Мы хотимъ, яко честные люди, вамъ помогать несть ваше бремя". Просили, чтобы я выслушалъ что̀ они о семъ Ея Императорскому Величеству представить намѣрены, и немедленно прочли мнѣ оное. И поелику я не могъ надежнымъ и приличнымъ образомъ отбиться, то просилъ я прибавить сіе: что ежели мнѣ по причинѣ слабости здоровья моего или по инымъ обстоятельствамъ, госу-

дарствомъ править не можно будетъ, то-бъ дозволено мнѣ было сложить правленіе, что̀, какъ извѣстно, и было внесено. Графъ Остерманъ велѣлъ потомъ себя внести къ Ея Императорскому Величеству, которая его нѣсколько лѣтъ не видала и, поговоривъ наединѣ съ Ея Императорскимъ Величествомъ и оставивъ тамъ бумаги, велѣлъ онъ себя опять вынести. При входѣ моемъ къ Ея Императорскому Величеству, хотѣла она ту бумагу подписать; но я просилъ Ея Императорское Величество, чтобы она сего не чинила, ибо я того принять не могу и ежели Ея Императорскому Величеству угодно малыя мои услуги наградить, то можетъ сіе исполнено быть тѣмъ, если Ея Величество не подпишетъ рѣченной бумаги, что̀ она и не изволила сдѣлать, а положила ее къ себѣ подъ изголовье. Какъ я вышелъ изъ комнаты Ея Императорскаго Величества, то всякій желалъ знать, подписано-ли. А я всѣмъ отвѣтствовалъ, что нѣтъ. И хотя Ея Императорское Величество каждый день хотѣла подписать, однако-же я все ее отклонялъ, хотя безпрестанно былъ прошенъ о принятіи на себя. Наконецъ, когда главные чины государства провѣдали, что уже и нѣсколько дней прошло безъ подписанія, то единогласно и въ такомъ случаѣ условились, когда-бъ Ея Императорское Величество и не подпишетъ и скончалась-бы, не учинивъ распоряженія, опредѣлить меня своимъ правителемъ. Чтобы сіе тѣмъ вящше утвердить, созваны были всѣ знатныя даже до гвардіи капитанъ-поручиковъ. И тогда первѣйшихъ чиновъ особы, духовныя и свѣтскія, числомъ 190, безъ вѣдома моего, соединились для того въ кабинетѣ, о чемъ свѣдалъ я не прежде какъ 24 часа спустя, а когда сказали мнѣ о томъ и нѣкоторые изъ знатныхъ господъ, — дивился, какъ можно было къ сему предпріятію приступить, не сказавъ мнѣ ни слова. Но они остались непоколебимы въ рѣшеніи своемъ. Не довольствуясь симъ, нѣкоторыя изъ

первыхъ особъ, безъ моего-же вѣдома, положили сочинить прошеніе на имя Ея Императорскаго Величества, коимъ просили, чтобы Ея Императорское Величество оказала милость своему государству, назнача меня правителемъ во время малолѣтняго принца. Сіе прошеніе поднесено было Ея Императорскому Величеству. Подписавшіяся особы были слѣдующія: 1) фельдмаршалъ графъ Минихъ, 2) фельдмаршалъ Трубецкой, 3) графъ Остерманъ, 4) кабинетъ-министръ Черкасскій, 5) генералъ-фельдцейхмейстеръ принцъ Гесенъ-Гомбургской, 6) генералъ-аншефъ Чернышевъ, 7) генералъ Ушаковъ, 8) оберъ-маршалъ графъ Левенвольдъ, 9) адмиралъ Головинъ, 10) дѣйствительный тайный совѣтникъ Головкинъ, 11) оберъ-шталмейстеръ Куракинъ, 12) дѣйствительный тайный совѣтникъ и оберъ-прокуроръ Трубецкой, 13) дѣйствительный тайный совѣтникъ и кабинетъ-министръ Бестужевъ.

Когда Ея Императорское Величество изволила прочесть прошеніе, то послала по утру за графомъ Остерманомъ. Въ 9 часовъ его еще не было, и такъ ея Императорское Величество повелѣла вторично за нимъ послать, и наконецъ онъ прибылъ. Она велѣла его къ себѣ допустить и потребовала чернильницу и перо и вынула бумагу изъ подъ изголовья. Въ самое то время вошелъ я въ комнату. Слова ея были слѣдующія: „Я подписываю сію бумагу, а ты, графъ Остерманъ, всѣмъ скажи, чтобы они были спокойны, что я ихъ не оставила безъ призрѣнія“ и, проговоря, взяла перо и подписала. Потомъ графъ Остерманъ у ея кровати, сдѣлавъ кувертъ, запечаталъ, а Ея Императорское Величество взяла ту бумагу и отдала подполковницѣ Юшковой съ тѣмъ, чтобъ положить оную къ брильянтамъ ея. Послѣ сего она долго еще говорила съ графомъ Остерманомъ и когда его вынесли, указала призвать графа Ушакова и спрашивала его о разныхъ вещахъ и сказала ему:

„Я васъ призрѣла; вы будете довольны, и скажи сіе всѣмъ тѣмъ, съ которыми ты говорить будешь".

Во время болѣзни Ея Императорскаго Величества ежедневно были дамы и кавалеры около ея постели и по нѣскольку часовъ. На первыхъ дняхъ принцесса Анна не была у Ея Императорскаго Величества за болѣзнію, почему Ея Императорское Величество часто спрашивала врачей о ея болѣзни, кои оную считали неопасною. Но однвъ разъ нечаянно прислала принцесса подполковницу Юшкову и велѣла Ея Императорскому Величеству сказать, что она весьма слаба и что ей надлежитъ причаститься святыхъ таинъ. Госпожа сія порученное ей не съ надлежащею осторожностью исправила, такъ что Ея Императорское Величество испугалась. День спустя, приказала она Ея Величеству сказать, что хочетъ собороваться. Ея Императорское Величество съ сердцемъ говорила докторамъ, которые отвѣтствовали, что принцесса не въ опасности, что они ей тоже сказывали, но что она о томъ слышать не хочетъ. Послѣ сей великой опасности принцесса черезъ два дня появилась внезапно въ почивальнѣ Ея Императорскаго Величества, которая весьма негодовала за то на принцессу. Потомъ приходила она каждый день къ Ея Императорскому Величеству въ почивальню и когда она тутъ находилась, то уходилъ я купно со всѣми, въ комнатѣ случившимися, чтобы ей дать случай, буде она что говорить имѣла. Сіе примѣтя, покойная Императрица гнѣвалась, что мы всѣ выходили и говорила о принцессѣ въ такихъ выраженіяхъ, о которыхъ я умолчу. Она въ памяти была до послѣдняго часа своей жизни и жаловала къ рукѣ всѣхъ присутствующихъ, коихъ много тутъ было, называя каждаго по имени, велѣла себя собороватъ и отошла спокойно.

Какъ скоро сіе воспослѣдовало, приказалъ я запечатать брильянты Ея Императорскаго Величества, чтò было учи-

нено. Я сидѣлъ въ передней; ко мнѣ пришли главнѣйшія особы и навѣдывались, гдѣ завѣщаніе Ея Императоргскаго Величества. Я отвѣтствовалъ, чтобы они спросили о томъ у подполковницы, которая и вручила имъ бумагу, а понеже кувертъ былъ запечатанъ, то былъ онъ паки распечатанъ. Они, взявъ бумагу въ присутствіи принца Брауншвейгскаго, распечатали, а генералъ-прокуроръ князь Трубецкой прочелъ ее въ слухъ. Я же находился въ моей комнатѣ для того, что не былъ здоровъ. Во всю ночь имѣлъ я припадки жестокіе, въ Субботу не могъ выйти, и для того весьма я мало говорилъ. Между тѣмъ Кабинетъ заготовилъ все потребное и отправилъ указы безъ моего подписанія; ибо я не въ состояніи былъ что либо слушать. Принцесса Анна чинила мнѣ многія увѣренія и благодарила за принятое мною на себя великое попеченіе, обнадеживая меня безпрестанно о своей дружбѣ, что̀ равнымъ образомъ и принцъ чинилъ. Какъ я немного оправился, то поѣхалъ къ нимъ обоимъ и сдѣлалъ имъ привѣтствіе, съ присовокупленіемъ просьбы: что ежели найдутся люди, которые донесутъ имъ обо мнѣ нѣчто противное, могущее помутить доброе согласіе, то прошу я ихъ, чтобы они такимъ слухамъ вѣры не давали и представляли-бъ ихъ мнѣ, ибо тогда истина выйдетъ наружу, что̀ и я равномѣрно чинить буду. Сей разговоръ случился въ присутствіи многихъ знатныхъ особъ. Оное мнѣ и обѣщано было. Я подъ рукою провѣдать велѣлъ чрезъ оберъ-маршала, изволятъ-ли они содержаніе имѣть общее отъ двора, или желаютъ назначеніе себѣ ежегодной суммы. Избрано было послѣднее, а именно: 200,000 руб Я безъ умедленія согласно съ ихъ желаніемъ велѣлъ указъ изготовить и въ тоже самое время другой о выдачѣ Ея Величеству нынѣшней Государынѣ Императрицѣ 50000 рублей. Съ симъ поѣхали господа кабинетъ-министры и объявили о томъ въ обоихъ мѣстахъ. Немедленно потомъ

былъ у меня вечеромъ поздно кабинетъ-министръ графъ Бестужевъ и сказалъ, что есть два поручика Преображенскаго полка, имѣющіе злые замыслы. Я отвѣтствовалъ, что надлежитъ сіе дѣло нѣсколько отложить. По утру пришелъ ко мнѣ фельдмаршалъ Минихъ, котораго я увѣдомилъ о тѣхъ двухъ офицерахъ. Онъ-же, яко того полка подполковникъ, сказалъ, что ихъ къ себѣ позоветъ и, поговоря съ ними, поступитъ по усмотрѣнію. Потомъ приказалъ онъ сихъ офицеровъ къ себѣ на домъ позвать и далъ мнѣ знать, что онъ разсудилъ за благо велѣть ихъ взять подъ стражу, но что надобно ихъ порядочно распросить. Скоро послѣ того пришелъ князь Черкасской и сказалъ, что у него былъ отставной капитанъ, который говорилъ ему, что былъ у графа Головкина и говорилъ съ нимъ о нынѣшнемъ правленіи, что оно принадлежитъ тогдашнимъ императорскимъ родителямъ; а что графъ Головкинъ отослалъ его къ нему князю съ тѣмъ, чтобы онъ о томъ ему представилъ; что ихъ 3000 человѣкъ недовольныхъ, отчасти дворяне, отчасти офицеры и солдаты; въ слѣдствіе чего онъ, князь Черкасской, ко мнѣ и пришелъ объявить объ ономъ и что онъ отставному капитану быть къ себѣ велѣлъ о полудни, чтò оный и учинилъ. Тогда генералъ-прокуроръ князь Трубецкой туда-же пріѣхалъ и съ тѣмъ человѣкомъ подробнѣе говорилъ, спрашивая его, не знаетъ ли онъ сихъ людей поименно; но онъ сказалъ, что ни о комъ не знаетъ, выключая тѣхъ двухъ поручиковъ и одного унтеръ-офицера, находящагося у графини Головкиной, и другаго у графини Ягужинской. Сей былъ взятъ подъ стражу съ двумя прочими. А какъ за Головкинымъ была двоюродная сестра покойной императрицы Анны, то и подумалъ я, что то его затѣи, поѣхалъ немедленно къ принцу Брауншвейгскому и сказалъ ему: что понеже я слово ему далъ ничего не утаить, чтò нѣкоторымъ образомъ мог-

ло-бъ дружбу нашу привесть въ остуду, то объявляю я ему, что есть нѣсколько дворянъ злонамѣренныхъ, и что я думаю, что ему то не безъизвѣстно, при чемъ представляю я ему, какія изъ того произойти могутъ худыя слѣдствія, если объ ономъ умолчано будетъ. Онъ отвѣтствовалъ мнѣ немедленно на сіе, что изъ сего иного произойти не можетъ какъ убіеніе. Я, напротивъ того, ему сказалъ: не ужели онъ сіе поставляетъ столь маловажнымъ, что онъ себя чувствуетъ къ оному склоннымъ; чтобы онъ разсудилъ, что̀ произойти можетъ, ежели такое дѣло совершится, и что я не могу повѣрить, чтобы онъ такое предпріятіе подкрѣплять намѣрился. Но онъ повторилъ три раза, что онъ не будетъ зачинщикомъ. Я продолжалъ ему отвѣтствовать: что оно худо вымышлено, ибо начинаю-ли я дурныя дѣла или бываю въ томъ помощникомъ, все равно и что при всемъ томъ, сіе больше всего вреда будетъ ему самому. Но онъ все при томъ оставался, что онъ зачинщикомъ быть не хочетъ. Я у него спрашивалъ, что̀ онъ тѣмъ пріобрѣсть желаетъ, или по какимъ причинамъ онъ недоволенъ. Наконецъ, вышло, что онъ завѣщанія Ея Императорскаго Величества не почитаетъ дѣйствительнымъ, а думаетъ, что оно подписано подложно. Мой отвѣтъ былъ, что онъ о томъ лучше всего извѣститься можетъ у графа Остермана, который можетъ ему въ томъ отчетъ дать; и что по моему мнѣнію онъ себѣ и сыну своему симъ замысломъ величайшій вредъ учинитъ, ибо тѣмъ самымъ завѣщаніемъ подтвержденъ онъ Императоромъ. Я продолжалъ мою рѣчь, говоря ему, что я, что̀ до особы моей принадлежитъ, все снести могу, что̀ бъ онъ ни предпринималъ; но желательно, чтобъ расположеніе было основательнѣе, что я ему ничего болѣе сказать не могу, какъ только то, что конечно дѣла еще не на такомъ твердомъ основаніи, какъ онъ думаетъ. Я примолвилъ: „вамъ, конечно нужно остаться въ покоѣ и молить Бога“. Онъ от-

вѣтствовалъ, что сіе ничего не значитъ, чтобъ я выключилъ только изъ гвардіи старыхъ офицеровъ и солдатъ, у которыхъ еще голова набита покойнымъ императоромъ Петромъ. Я отвѣтствовалъ, что сего трудно учинить, и что я не въ состояніи того исполнить, не подвергнувъ дѣла крайней опасности, что ему надлежитъ знать, что не одни старые солдаты, но и вся публика о императорѣ Петрѣ памятуетъ, и такъ-де я еще прошу его бросить такія мысли и отослать людей злонамѣренныхъ, а мнѣ объ нихъ объявить Но онъ въ то войти не хотѣлъ. Я ему еще сказалъ: положилъ-ли онъ то на мѣрѣ съ супругою своею, или не извѣстны ей его мысли? Онъ отвѣтствовалъ, что онъ съ нею о томъ не говорилъ. И послѣ сего я оттуда поѣхалъ. Послѣ обѣда позвалъ я къ себѣ обоихъ кабинетъ-министровъ, князя Черкасскаго и Бестужева, и разсказалъ имъ все происшедшее. Немедленно потомъ взошелъ въ комнату мою камергеръ Менгденъ и сказалъ, что принцесса Анна прислала своего Русскаго секретаря, который ей подозрительнымъ кажется и чтобъ я велѣлъ его допросить. Въ слѣдствіе сего сей человѣкъ и былъ допрашиванъ обоими кабинетъ-министрами, и онъ признался, что Брауншвейгской принцъ намѣрился сдѣлать возмущеніе и что адъютантъ его о семъ дѣлѣ лучше вѣдаетъ; что въ семъ заговорѣ находилися и другіе люди, какъ-то: Яковлевъ, который, бывъ допрашиванъ, немедленно въ преступленіи своемъ признался. Адъютанта взяли подъ стражу, и онъ тотчасъ признался, что принцъ употреблялъ его къ возмущенію народа, а что самъ принцъ хотѣлъ предводительствовать при смѣнѣ обѣихъ гвардій и тогда рубить всѣхъ противящихся ему, а себя объявить первою особою по Императорѣ; что имъ надлежало сіе предпріятіе исполнить въ тотъ самый вечеръ, когда Ея Величество Императрица скончалась; но что Вольфенбютельскій тайный совѣтникъ Кейзерлингъ ему сіе от-

совѣтовалъ, сказавъ, чтобъ онъ остался еще въ покоѣ, что напередъ надлежитъ довесть до того, чтобъ онъ сдѣланъ былъ генералиссимусомъ, а тогда-де прочее сбудется все. Оба кабинетъ-министры, бывъ о семъ увѣдомлены, почли за нужно собрать всѣхъ особъ перваго и втораго ранговъ, и еще въ тотъ-же вечеръ созваны немедленно для открытія имъ о семъ происшествіи, чтὸ и учинено было. Собрались фельдмаршалы Трубецкой и Минихъ, три кабинетъ-министра, принцъ Гомбургской, генералъ Ушаковъ, Чернышевъ, адмиралъ Головинъ, тайный совѣтникъ Головкинъ, оберъ-шталмейстеръ Куракинъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Трубецкой. Когда всѣ они собрались, объявилъ я имъ все, чтὸ между мною и принцомъ въ народѣ произошло. Написалъ я оное понѣмецки въ присутствіи всѣхъ тутъ находившихся, а тайный совѣтникъ Бревернъ сіе перевелъ на Россійскій языкъ и прочелъ въ слухъ. Всѣ были онымъ весьма удивлены и говорили, что они не могли себѣ представить, чтобъ такія дѣла заводить хотѣли, отъ которыхъ только зло родиться можетъ. Былъ при томъ и Волфенбютельскій министръ. Принцесса Анна также пріѣхала, и я ей донесъ обо всемъ случившемся. Она весьма казалась тронутою поступками супруга своего и увѣряла, что она ничего о семъ дѣлѣ не вѣдала, что она поѣдетъ домой и объяснится съ нимъ, чтὸ она и учинила, а принцъ немедленно потомъ пріѣхалъ съ Вольфенбютельскимъ Кейзерлингомъ. Генералы и министры всѣ тутъ были. При входѣ сказалъ принцъ: „я рѣшился сложить съ себя всѣ чины, о семъ чрезъ сіе объявляю“. Отвѣтъ мой былъ, что не я ему ихъ давалъ, слѣдственно ихъ у него и не возьму; что теперь не время говорить о чинахъ, а что дѣло идетъ о спокойствѣ государственномъ и что я принужденъ былъ объявить всѣмъ присутствующимъ сегодняшній мой съ нимъ, принцомъ, разговоръ, который еще разъ отъ слова до слова повторилъ при немъ

и при всѣхъ бывшихъ. Онъ не могъ мнѣ ни въ чемъ прекословить. Отъ сего произошло отъ предстоящихъ на принца роптаніе. Потомъ генералъ Ушаковъ, подошедъ къ нему весьма близко, сказалъ: „Могли-ль мы подумать, чтобы вы захотѣли у насъ такія дѣла заводить, каковыхъ, слава Богу, сколько мы упомнимъ, никогда у насъ не бывало? То-ли за наши услуги воздаяніе, что вы намѣряетесь губительство учинить? Хотя вы и отецъ Императору, однакоже вамъ вѣдать надлежитъ, что я старшій подполковникъ гвардіи, а особливо Семеновскаго полка, на которой вы положиться хотите и его къ тому склонить. Не думайте, чтобъ я перестал быть честнымъ человѣкомъ“. Тутъ началъ принцъ плакать и проклинать тѣхъ, которые сіи мысли ему въ голову вперили, просилъ прощенія въ присутствіи всѣхъ и трижды клялся, что отъ всего отступаетъ. Послѣ сего сочинена была запись, коея содержанія я не запомню, и всѣми присутствующими подписана и ихъ печатьми припечатана, а потомъ всякой поѣхалъ къ себѣ.

По прошествіи нѣсколько дней пріѣхала ко мнѣ баронесса Менгденова, которая съ удивленіемъ разсказала мнѣ, что она была у нынѣ царствующей Императрицы, которой показыванъ былъ портретъ герцога Голштинскаго, также мѣра его роста съ великими похвалами добрыхъ его качествъ; присовокупила она къ сему, что при жизни покойной Императрицы ничего о семъ не вѣдала; что извѣстно ей, что сей портретъ приходящимъ всѣмъ тутъ показываютъ. Фельдмаршалъ Минихъ, пріѣхавъ ко мнѣ, разсказывалъ сіе такимъ-же образомъ, узнавъ о томъ отъ племянницы своей, разсуждалъ при томъ, что тутъ нѣчто кроется, и что онъ за нужно считаетъ присовѣтовать запретить въ томъ. Мой отвѣтъ былъ: что всякъ воленъ имѣть портреты родственниковъ своихъ; какъ-же можно мнѣ запретить то Ея Императорскому Высочеству; что я сего не могу сдѣлать. Прин-

цесса Анна тоже, хотя и глухо, о семъ вызывалась; но нѣсколько дней спустя все было тихо.

Предъ самымъ моимъ несчастіемъ пришелъ графъ Минихъ и завелъ рѣчь о Ея Императорскомъ Величествѣ, говоря, что кавалеры ея часто у Французскаго посла бываютъ, что̀ ему кажется подозрительно. Я на сіе отвѣтствовалъ, что я ни о чемъ не знаю, и что оно ничего не значитъ, но что имъ вѣдать надлежитъ, что Ея Величество нынѣ царствующая Императрица и молода, и много способовъ (ressources) имѣетъ, ибо народъ всегда ей былъ преданъ. Онъ отвѣтствовалъ, что о поискахъ ея онъ то заподлинно знаетъ. „Нѣтъ", сказалъ я, „мнѣ извѣстно, что и въ войскѣ, и въ народѣ весьма любима отъ мала до велика, что Ея Высочеству преданы и гвардіи, даже тотъ полкъ, которымъ онъ самъ предводительствуетъ". Онъ отвѣтствовалъ, что теперь всѣ рады, имѣя Императора и что такимъ образомъ возстановилось мужеское поколѣніе; а что хотя и въ самомъ-бы дѣлѣ такъ было, то къ чему много околичностей, чтобъ я нынѣшнюю Императрицу велѣлъ взять въ монастырь. Я столь пораженъ былъ, что не скоро опамятоваться могъ; почему и сказалъ ему только сіе, что сіе было бы начать дѣло съ прямаго конца. Примѣтя во мнѣ перемѣну, молвилъ онъ: „хотя бы и на нѣсколько лѣтъ". Потомъ онъ меня оставилъ. Увѣрясь-же довольно, что сей совѣтъ мнѣ не нравенъ конечно, положено было долѣе ждать, чтобъ я о томъ не открылъ. И такъ 9-го Ноября ночью гренадеры, напавъ на меня, когда я былъ въ постелѣ, стащили меня съ оной неодѣта, притащили къ Миниховой каретѣ, и адъютантъ его Манштейнъ отвезъ меня въ зимній дворецъ. Тутъ у меня ни слова не спрашивали, но по полудни, посадя меня въ карету, отвезли меня со всею моею фамиліею въ Шлюсельбургъ, подъ крѣпкою стражею, гдѣ оставался я по 10-е Іюня и былъ три раза до-

прашиванъ. Допросы, а именно 2-ой и 3-ій, состояли въ томъ, чтобъ я сказалъ, поколику я съ Ея Величествомъ нынѣ царствующею Императрицею обязался тогдашняго свергнуть съ престола, какимъ образомъ хотѣлъ призвать въ Россію Его Высочество Великаго Князя, кто о всемъ томъ вѣдалъ и какимъ образомъ надлежало быть женидьбѣ на моей дочери. Прочее все было мелочи, а именно: для чего я сказалъ, что когда-бъ принцесса Анна вступила въ правленіе, то-бъ Менгденова фамилія всѣмъ государствомъ управлять стала. Все, что внесено въ безбожной манифестъ, суть лжи. Я кратко отвѣтствовалъ: что все сіе мнѣ неизвѣстно, и что я о томъ ничего не вѣдаю; что со мною поступаютъ такъ нехристіански, какъ еще не слыхано было въ свѣтѣ, что какъ по всей вселенной, такъ и въ здѣшней имперіи употребительно, чтобъ люди обвинены были въ ихъ преступленіяхъ, или самымъ дѣломъ, или чрезъ письма, или чрезъ свидѣтелей; что я владѣтельный государь, имѣющій ленъ отъ короля и республики Польскихъ, что и ихъ министрамъ надлежитъ притомъ-же быть какъ меня будутъ допрашивать, и чтобъ мои отвѣты слышать. Но сего и слышать не хотѣли, а отвѣтствовали мнѣ, чтобъ, на то не считая, я отъ сего намѣренія отступился; что сіе мнѣ ни въ чемъ не пособитъ, и что мнѣ довольно свидѣтелей представить могутъ. Я былъ доволенъ.

Наконецъ, былъ мнѣ представленъ графъ Бестужевъ въ весьма бѣдственномъ состояніи. Какъ скоро онъ меня увидѣлъ, то, поклонившись мнѣ, началъ говорить: „Я дурно сдѣлалъ, что я то и другое о герцогѣ говорилъ; все это неправда; я, кромѣ хорошаго, ничего худаго объ немъ сказать не знаю; и я прошу васъ, т. е. тогдашнихъ господъ комиссаровъ, сіе въ протоколъ записать. Я былъ къ сему доведенъ фельдмаршаломъ Минихомъ, который приказалъ мнѣ обѣщать, что меня немедленно освободятъ, если

я сіе о герцогѣ скажу“; къ чему присовокупилъ, что свирѣпость, съ которою съ нимъ поступлено, и страхъ ему представленный заставили его такое показаніе учинить. Впрочемъ все, что̀ онъ про меня сказалъ, было маловажно, ибо касалось токмо до поведенія герцога Мекленбургскаго, до Менгденовой фамиліи, что я намѣрялся выходить съ принцомъ на поединокъ, и много тому подобныхъ бездѣлокъ. Весь генералитетъ, поздравляя меня, послалъ немедленно въ Санктъ-Петербургъ съ симъ извѣстіемъ, что они всѣ того мнѣнія, что дѣло мое не иначе пойдетъ какъ благополучно и хорошо. Но они всѣ поражены были, получа строгій указъ и выговоръ, что они не по надлежащему къ дѣлу приступили; чтобъ меня строже содержать съ моею семьею, а графа Бестужева возвратить въ С.-Петербургъ. И такъ они коммисію рушили и разъѣхались.

Въ послѣднихъ числахъ Апрѣля мѣсяца (1741) бывшій кабинетъ-секретарь Яковлевъ, маіоръ гвардіи Соковнинъ и капитанъ Ханыковъ присланы были допросить меня въ третій разъ, слѣдующимъ образомъ.

1-е. Что всѣ весьма опасныя мои преступленія открыты, но что великая милость принцессы Анны превосходитъ и тѣ мои преступленія, только-бъ я безъ утайки отвѣтствовалъ на всѣ ихъ допросы. Буде-же я сіе учиню, то могутъ они именемъ ея увѣрить меня, что я не токмо мою свободу получу, но еще изобильно и награжденъ буду; что въ противномъ случаѣ, ежели я при старомъ останусь, то не только не надлежитъ мнѣ и семьѣ моей милости ожидать, но что мы пропадемъ на вѣки.

2-е. Допросъ былъ, что какъ Елисавета Петровна объявила, что я безпрестанно стараюсь тогдашняго Государя съ престола свергнуть, а возвесть герцога Голыптинскаго, то сказалъ-бы я, для чего я сіе учинить хотѣлъ; какимъ

образомъ я оное произвести намѣрялся, кого я къ тому употреблялъ, и кто былъ тутъ сообщникомъ.

3-е. Для чего я не отсталъ отъ моего намѣренія, а напротивъ того настоялъ въ томъ безпрестанно у Ея Величества нынѣ царствующей Императрицы, когда она сама того не признавала за благо и столь человѣколюбива была, что часто мнѣ отвѣтствовала.

4-е. Какъ далеко дошелъ бракъ съ нынѣшними ихъ высочествами *), и кого я къ тому употреблялъ?

5-е. Что̀ я у Ея Величества нынѣ царствующей Императрицы по ночамъ дѣлалъ, и то такъ скрытно?

6-е. Зачѣмъ Ея Императорское Величество толь часто у меня была и какіе совѣты мы держали межъ собою при запертыхъ дверяхъ? Что Ея Величество нынѣ царствующая Императрица сама о томъ объявила, но что они всѣ обстоятельства хотятъ отъ меня узнать. Я отвѣтствовалъ кратко: что, будучи лишенъ всего, я не хочу лишиться имени честнаго человѣка и чистой совѣсти; что я о томъ ничего не знаю и во всю мою жизнь не помышлялъ; что я не бывалъ по ночамъ у Ея Императорскаго Величества, а былъ только однажды, да и то днемъ, когда былъ у Ея Императорскаго Величества съ сожалительнымъ комплиментомъ; но что всегдашняя ея къ моему дому милость причиною была, что она иногда меня посѣщала и что за подлинно знаю, что Ея Императорское Величество относительно сего обо мнѣ ничего сказать не можетъ; что я повинуюсь своей судьбѣ и полагаюсь на Бога, Который сердцевидецъ и когда либо судьею будетъ.

По семъ объявленіи кабинетъ-секретарь выслалъ обоихъ товарищей своихъ и старался меня еще уговорить, чтобъ я только сказалъ; ибо тѣмъ себя спасти могу. Мой от-

*) Слѣдовательно, это писано Бирономъ не раньше какъ лѣтомъ 1744 г. П. Б.

вѣтъ былъ, что такимъ образомъ не требую я себѣ помощи. Тогда они мнѣ объявили, что мнѣ нечего уже надѣяться.

Іюня 13 дня была команда, взяла насъ изъ Шлюссельбурга и везла водою и сухимъ путемъ по 5-е Ноября. Тогда пріѣхали мы къ тому мѣсту, гдѣ намъ жизнь кончить надлежитъ, и если бъ Всевышній и Всемогущій Богъ не былъ милосердъ къ Ея Императорскому Величеству, то-бъ не долго она продлилась при несносной нуждѣ, которую мы терпѣли. Но 20-го Декабря пришло наше освобожденіе. Курьеръ привезъ намъ сію радостную вѣсть, что нашъ арестъ прекратится и что мы во всемъ удовлетворены будемъ. 28 Декабря сгорѣлъ тотъ домъ, въ коемъ мы находились, и мы перешли въ воеводской, гдѣ пробыли по 27 Февраля. А въ сей день отправились и въ четыре недѣли сюда прибыли. Бисмаркъ и братья мои пріѣхали нѣсколько мѣсяцевъ спустя. Теперь мы здѣсь *) всѣ собраны и ожидаемъ ежедневно Божіей и Вашего Императорскаго Величества милости.

Переводилъ переводчикъ Павелъ Дивовъ.

---

*) Т. е. въ Ярославлѣ.

Отвѣтъ на записку герцога Курляндскаго, сочиненный нѣкоторымъ изъ ближнихъ родственниковъ фельдмаршала графа Миниха.

1740-го года весною здравіе государыни императрицы Анны подвержено было очевидной перемѣнѣ. Уже болѣе пятнадцати лѣтъ страдала она почечною каменною болѣзнію, однакожъ припадки оной во все сіе время были еще сносны. Но послѣ того почувствовала она не токмо гораздо сильнѣйшую боль, но и тѣлесныя ея силы со дня на день дѣлались слабѣе.

Октября 6-го Императрица, сѣвъ за обѣденный столъ и покушавъ немного, почувствовала тошноту, такъ что у ней вырвало принятую ею ѣству, при чемъ положена она была въ постель въ безпамятствѣ.

Герцогъ Курляндскій велѣлъ немедленно призвать къ себѣ фельдмаршала Миниха, двухъ кабинетныхъ министровъ, князя Черкасскаго и тайнаго совѣтника Бестужева, такъ равно и оберъ-гофмаршала графа Левенвольда. По пріѣздѣ фельдмаршала, герцогъ началъ говорить со многими слезами и воплемъ, колико онъ несчастенъ, лишаясь столь рано и нечаянно Государыни, изъявлявшей ему неизреченную милость и довѣренность; что онъ, по смерти ея, не можетъ себѣ уже и вообразить никакого благополучія въ такой странѣ, гдѣ онъ, какъ извѣстно, имѣетъ болѣе непріятелей, нежели друзей, и что онъ за всѣ услуги, оказываемыя имъ государству, не ожидаетъ уже ника-

кой иной награды, кромѣ неблагодарности и ненависти; что при всемъ томъ собственное свое положеніе менѣе его обезпокоиваетъ, нежели состояніе, въ какомъ по кончинѣ Императрицы находиться будетъ государство, о благосостояніи коего онъ до того толь ревностное имѣлъ попеченіе; что наслѣдникъ еще младенецъ, не имѣющій даже 8 недѣль; что въ разсужденіи назначенія наслѣдства престола отъ Императрицы еще ничего не обнародовано, и что потому неизвѣстно еще, какъ принятъ будетъ въ настоящихъ обстоятельствахъ таковое назначеніе народомъ, при прежде бывшихъ малолѣтствахъ мятежничавшимъ; что Швеція, продолжая вооруженія свои, не можетъ желать для себя удобнѣйшаго случая къ нападенію на Россію, какъ когда начнутся въ оной внутреннія безпокойствія; что при таковомъ состояніи дѣлъ весьма важно, чтобъ правленіе государства ввѣрено было такой особѣ, которая-бы имѣла не токмо достаточное свѣдѣніе о дѣлахъ государственныхъ, но и довольно твердости къ укрощенію легкомысленныхъ подданныхъ; что онъ, хотя во нравѣ принцессы, матери младаго принца, ничего хулы достойнаго не находитъ, однако-жъ опасается, чтобъ она, вступивъ въ правленіе, по природной нѣжности, не призвала къ себѣ въ Россію отца своего герцога Мекленбургскаго Карла Леопольда и не дозволила бы ему принять великое участіе въ государствѣ, при чемъ страшиться должно, чтобъ сей государь, который, какъ извѣстно, по причинѣ своевольнаго и упрямаго своего нрава, и съ собственными своими подданными согласиться не могъ, не побудилъ принцессу, дщерь свою, къ такимъ предпріятіямъ, кои не токмо ей, но даже и сыну ея крайне опасными быть могутъ. Чтожъ касается до Брауншвейгскаго принца, то онъ, герцогъ, еще менѣе предусматриваетъ, какъ ему правленіе государства поручено быть можетъ, вѣдая за подлинно, что государство тогда

не помянутымъ принцомъ, но Вѣнскимъ посломъ управляемо, а слѣдственно и во всѣ дѣла Австрійскаго дома запутываемо будетъ

Здѣсь остановился герцогъ Курляндскій въ рѣчи своей, какъ вышли въ горницу оба кабинетскіе министры, князь Черкасской и Бестужевъ, коимъ онъ отъ слова до слова повторялъ все то, о чемъ говорилъ съ фельдмаршаломъ и прежде того уже съ графомъ Левенвольдомъ; о заключеніи же рѣчи умолчалъ, будучи увѣренъ, что всякъ удобно о намѣреніи его догадаться можетъ. Князь Черкасской, стараясь дать опытъ своей при семъ прозорливости, первый началъ говорить: что онъ къ отправленію означенной толь важной должности не находитъ никого способнѣе и достойнѣе герцога Курляндскаго, который во все время царствованія Императрицы съ толикою-жъ ревностью какъ и славою управлялъ государственными дѣлами, и коего личная польза, въ разсужденіи герцогства его, столь тѣсно сопряжена съ благосостояніемъ Россіи; и что онъ потому окажетъ государству услугу, прося наиусильнѣйше герцога приняться и впредъ за оное. Тайный совѣтникъ Бестужевъ на сіе предложеніе согласился немедленно. Фельдмаршалъ же и графъ Левенвольдъ, предвидя, что тщетно и даже опасно было бы имъ въ томъ противорѣчить, разсудили за полезно слѣдовать сей разъ худому примѣру. Тогдашнее положеніе для честнаго человѣка было весьма колкое; ибо все то, чтò безстыдными льстецами въ пользу герцога и его фамиліи ни выдумывалось, Императрицею до того не токмо дозволяемо, но даже и ободряемо было. А напротивъ того, къ сожалѣнію, неоднократно бывали примѣры о томъ, сколь строго и самыя малѣйшія обиды, сему любимцу нанесенныя, ею наказываемы были. Нынѣ же, хотя врачи о выздоровленіи Императрицы и отчаявались, однако никто изъ нихъ за подлинно увѣрить не могъ, что при-

ближается дѣйствительно конецъ дней ея. Если-же бы случилось, чтобъ она хотя мало оправилась и прожила-бы еще недѣлю, то и сего времени довольно-бы было ко ввержению въ крайнюю погибель того человѣка, который вздумалъ не утаить предъ герцогомъ сущей истины.

Герцогъ, выманивъ у всѣхъ желаемый имъ комплиментъ, отвѣчалъ: что учиненное ему предложеніе привело-бы его въ крайнее удивленіе, если-бы онъ не почиталъ единою побудительною оныхъ причиною любовь и дружество, которыя къ нему имѣютъ; но что онъ имъ всѣмъ предаетъ на размышленіе, сколь малое они найдутъ число людей, таковое ихъ доброжелательство одобряющихъ; что онъ, яко иностранецъ, никакого въ государствѣ не имѣетъ участія; что милость, коею пользовался до того времени, возбуждала уже противъ него безчисленное множество завистниковъ, и что онъ неоднократно принужденъ былъ видѣть съ прискорбіемъ, что и чистѣйшія его намѣренія подвержены бывали самымъ дурнымъ толкованіямъ; что-жъ воспослѣдуетъ, когда ему ввѣрена будетъ высочайшая власть? Сколь малому числу людей будетъ онъ въ состояніи угодить, и коликихъ оклеветаній остается ему тогда ожидать? Что по сіе время Императрица покровительствовала его противъ всѣхъ его непріятелей, а кто-жъ впредь за него вступаться и ему пособлять будетъ защищаться отъ оныхъ? Что онъ милостью Императрицы снабденъ столь избыточнымъ имѣніемъ, что ему на семъ свѣтѣ не остается уже желать болѣе ничего, кромѣ того, чтобъ онъ честнымъ образомъ отпущенъ былъ въ свой домъ, и что, чаятельно, наилучшіе его друзья не восхотятъ лишить его сего утѣшенія. Если-же онъ, взявъ все въ разсужденіе, и могъ-бы склониться принять на себя столь тяжкое бремя, то поводомъ къ тому будетъ не иное что какъ признательность за великія благодѣянія, Императрицею на него изливаемыя, преданность его къ ея фами-

ліи, и ревность, съ которою онъ безпрестанно тщался купно о славѣ и о благосостояніи Россійской Имперіи; но что онъ ни на что рѣшиться не можетъ, не вывѣдавъ прежде о семъ мнѣнія другихъ благомыслящихъ сыновей отечества; и что онъ на сей конецъ признаваетъ за полезно, дабы на другой день собранъ былъ совѣтъ изъ знатнѣйшихъ особъ Сената, генералитета и придворныхъ служителей; что необходимо нужно объявить младаго принца Ивана наслѣдникомъ и преемникомъ и учинить ему присягу въ вѣрности. Наконецъ-же, предложилъ имъ герцогъ, чтобъ они пошли къ графу Остерману для общаго съ нимъ разсужденія о состояніи дѣлъ, и старались-бы, чтобъ издаваемый въ народъ манифестъ сочиненъ былъ еще будущею ночью, дабы оный на другой день Императрицею подписанъ и немедленно обнародованъ быть могъ.

Хитрому графу Остерману въ 1730-мъ году, по кончинѣ государя Петра Второго, удалося, или за дѣйствительною или-же за мнимою его болѣзнью уволиться отъ засѣданія въ собраніи, для уничтоженія самодержавія тогда назначенномъ; нынѣ-же и самое разслабленіе обѣихъ ногъ, за которымъ онъ уже слишкомъ пять лѣтъ изъ дому не выходилъ, не могло ему воспрепятствовать въ подаваніи наравнѣ съ прочими голоса своего къ возведенію герцога Курляндскаго на правленіе. Едва фельдмаршалъ общее съ прочими вышеупомянутыми особами успѣли увѣдомить его обо всемъ происшедшемъ, какъ онъ уже съ горячею ревностью и объявилъ на оное дѣло свое согласіе, присовокупя: что если герцогъ нерѣшимымъ въ томъ останется, то надобно будетъ и самую Императрицу просить, дабы благоволила его къ сему уговорить. Вышеозначенный манифестъ сочиненъ, и разсуждено за благо пригласить къ чрезвычайному Совѣту еще слѣдующихъ особъ, а именно: генерала Ушакова, адмирала графа Головина, оберъ-шталмейстера кня-

зя Куракина, сенатскаго генералъ-прокурора князя Трубецкаго, генералъ-поручика Салтыкова и гофъ-маршала Шепелева.

На другой день по утру собрались всѣ вышеупоминаемыя персоны ко двору въ покои герцога, и самъ графъ Остерманъ велѣлъ нести себя туда-же въ креслахъ. Четыремъ гвардіи полкамъ приказано было расположиться предъ дворцомъ по утру того-же дня. По подписаніи же Императрицею манифеста оный читанъ былъ въ придворной церкви при многолюдномъ собраніи знатнѣйшихъ воинскихъ и приказныхъ служителей, а принцу Ивану, яко преемнику престола, учинена присяга. Въ городскихъ церквахъ происходило тоже, собравшіеся же предъ дворцомъ гвардіи полки по ротамъ приведены были къ присягѣ.

Послѣ всего того приступлено было вновь къ дѣлу, до управленія государства касающемуся. Не токмо всѣ согласны были въ томъ, что герцогъ къ сему всѣхъ прочихъ особъ способнѣе, но почитали даже за полезное поднесть Императрицѣ прошеніемъ докладъ о семъ единодушномъ ихъ мнѣніи, и просить при томъ Ея Величество, какъ о высочайшей ея на оное апробаціи, такъ и о томъ, чтобъ благоволила склонить герцога къ принятію на себя правленія. При томъ положено было подать Императрицѣ на подписаніе декларацію, по которой слѣдовало герцогу, яко правителю, государствомъ управлять до того, пока не достигнетъ младый государь до 17-го года возраста своего. Графъ Остерманъ принялъ на себя поднесть Императрицѣ какъ прошеніе, такъ и декларацію; но цѣлые два дни прошли, пока могъ допущенъ быть на аудіенцію.

Въ теченіи сего времени велѣно было созвать еще отъ 40 до 50 изъ знатнѣйшихъ военныхъ, статскихъ и придворныхъ служителей, отъ коихъ, по представленіи имъ необходимости избрать герцога въ правители государства, ис-

требовано было объявленіе ихъ согласія чрезъ подписаніе ихъ именъ

Сколь ни велика была сила, которую имѣлъ герцогъ у Императрицы, но никогда что либо не стоило ему такого труда, каковъ онъ принужденъ былъ прилагать въ преклоненіи ея къ учиненію надежныхъ распоряженій касательно будущаго. Она ниже слышать не хотѣла о смерти, представленія же герцога почитала предвѣщаніемъ оной. Наконецъ же, согласилась она выслушать графа Остермана, который, подая ей принесенныя съ собою бумаги, приводилъ наиважнѣйшимъ образомъ на память состояніе дѣлъ. Императрица, принявъ оныя бумаги съ холодностью, сунула ихъ подъ возглавіе, сказавъ только, что дастъ на то рѣшеніе.

Но какъ по прошествіи нѣсколькихъ дней обѣщанное объясненіе все еще не послѣдовало, то герцогъ сталъ безпокоиться и, опасаясь, чтобъ Императрица не воспящаема была въ томъ движеніями нѣжности къ принцессѣ Аннѣ, вздумалъ внушить сей послѣдней чрезъ извѣстную особу, чтобъ она просила не токмо его самого о принятіи правленія, но также и Императрицу объ опредѣленіи его къ оному. Принцесса отвѣчала ему на сіе странное предложеніе: что она никогда не вмѣшивается въ дѣла государственныя, и что она, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, еще менѣе то учинить осмѣлится; что хотя жизнь Императрицы и кажется быть въ опасности, но, не смотря на то, она опять выздоровѣть можетъ; что учиненіе ей помянутаго представленія послужило-бы ей вновь напоминаніемъ о ея смерти, и что ей, принцессѣ, на то отнюдь рѣшиться нельзя; что Ея Величество, благоволивъ всемилостивѣйше объявить принца Ивана преемникомъ, несумнѣнно сдѣлаетъ также и нужныя объ управленіи государства распоряженія; что впрочемъ, предая все на соб-

ственное Императрицы благоразсужденіе, не непріятно будетъ ей, если отъ оной во время малолѣтства правленіе поручено будетъ герцогу.

Герцогъ притворился, будто ему о семъ отвѣтѣ ничего неизвѣстно. Особа-же, коей оное дѣло поручено было, не упустила дать о томъ знать Совѣту, отъ котораго потомъ немедленно положено было послать двухъ членовъ къ принцессѣ, для убѣжденія ея, буде можно будетъ, къ исполненію желаній герцога.

На другой день депутаты сіи и дѣйствительно посланы были, но не получили иного кромѣ даннаго уже первому повѣренному отвѣта, почему герцогъ и видѣлъ себя принужденнымъ ходить за дѣломъ своимъ одинъ. Не взирая же на то, что Императрица чистосердечно его предостерегала сими словами: „Сожалѣю о тебѣ, герцогъ; ты неблагополучнымъ будешь", не давалъ онъ ей покою до того, пока она, призвавъ къ себѣ графа Остермана, не подписала при немъ декларацію и не приказала оную запереть въ стоявшій возла постели ея поставецъ, гдѣ хранились драгоцѣнные ея каменья.

Потомъ графъ Остерманъ, вышедъ изъ покоя Императрицы, объявилъ сію важную вѣдомость колеблющемуся между страхомъ и надеждою собранію. Вскорѣ потомъ явился въ оное и герцогъ Курляндскій съ обнадеживаніемъ, что Императрица изъявила въ разсужденіи поступковъ онаго собранія не токмо высочайшее свое благоволеніе, но притомъ обѣщала также давать оному, какъ скоро помощію Божіею оправится, отличные знаки своего удовольствія. Самъ же онъ, для изъявленія собственной своей благодарности, говорилъ слѣдующія слова: „Вы, господа, поступили такъ, какъ древніе Римляне!"

Между тѣмъ состояніе Императрицы съ дня на день становилось хуже; но, не смотря на то, принимала она

ежедневно посѣщенія отъ принцессъ Елисаветы и Анны и ихъ супруговъ *), доказывая при томъ всѣми вопросами и разговорами своими, что она владѣетъ еще всѣмъ разумомъ.

Октября 17-го послѣ обѣда почувствовала она разслабленіе въ лѣвой ногѣ. Въ вечеру же, по вторичномъ приходѣ къ ней обѣихъ принцессъ и принца Браунвейгскаго, прощалась она съ ними съ великимъ равнодушіемъ. Въ 9 часовъ чувствуемы были у нея судорожные припадки, при чемъ призваны были къ ней въ комнату ея духовникъ, придворной церкви священникъ и пѣвчіе, для отправленія, по обыкновенію Греческой церкви, отходныхъ молитвъ. Въ тоже самое время вошли и фельдмаршалъ Минихъ, князь Черкасской и нѣсколько другихъ особъ. Первому умирающая Императрица, узнавъ его, сказала: „прощай, фельдмаршалъ!" прочихъ-же не могла она узнать, но спросила, кто они таковы, и услышавъ отъ герцога имена ихъ, со всѣми ими простилась. Потомъ она, бывъ соборована масломъ и окроплена освященною водою, испустила послѣднее свое дыханіе.

По представленіи Императрицы двери въ комнатѣ, гдѣ она скончалась, были отворены, и всѣ находящіеся при дворѣ въ оную впущены. Тогда-то повсюду слышно было не что иное, какъ вопль и сѣтованіе. Принцесса Анна, сидя въ одномъ углѣ покоя, проливала горькія слезы; герцогъ же Курляндскій стеналъ громко и притворился быть отъ грусти внѣ себя. Но едва лишь прошло полчетверти часа, какъ онъ, опамятуясь, приказалъ принесть декларацію, до правленія его касающуюся, и читать оную. Генералъ-прокуроръ князь Трубецкой, держа оную бумагу въ рукахъ, приблизился къ свѣчѣ, куда слѣдовали за нимъ и всѣ прочіе при томъ бывшіе; герцогъ же, примѣтя, что принцъ Браун-

*) Т. е. супруга Анны Леопольдовны.

швейгскій, стоя за стуломъ супруги своей, съ мѣста не сошелъ, спросилъ его немедленно: не желаетъ-ли и онъ слушать послѣднее Императрицыно завѣщаніе? Принцъ, не сказавъ ни слова, пошелъ также къ великому числу собравшихся около генералъ-прокурора и слушалъ терпѣливо, какъ читанъ былъ его, или паче сказать супруги его, приговоръ. По окончаніи всего вышеписаннаго герцогъ возвратился паки въ свой покой, а принцесса съ супругомъ своимъ легла спать возлѣ колыбели младаго Императора.

На другой день, на разсвѣтѣ, уже всѣ гвардіи полки рядами стояли предъ дворцомъ. Въ девятомъ часу, по собраніи ко двору великаго числа какъ духовныхъ особъ, такъ военныхъ и приказныхъ служителей, графъ Остерманъ, объявивъ имъ о кончинѣ Императрицы, читалъ декларацію касательно до правленія. Потомъ учинена была и молодому государю, и правителю присяга, послѣ которой всѣ шли къ герцогу для засвидѣтельствованія ему почтенія и для поздравленія съ новымъ его достоинствомъ. Герцогъ, вошедъ, говорилъ стоящимъ въ близости сенаторамъ слѣдующее: что онъ, не находя нужнымъ поощрять ихъ къ продолженію ревности, съ коею они до того наблюдали пользу отечества, увѣренъ, что одно уваженіе нѣжнаго возраста младаго ихъ Императора послужитъ имъ сильнѣйшимъ къ тому побужденіемъ; что всѣ дни и часы его жизни имъ посвящаемы будутъ дѣламъ государственнымъ, и что оные сенаторы не могутъ ему дать убѣдительнѣйшаго знака довѣренности ихъ, какъ обратясь прямо къ нему для учиненія полезныхъ предложеній и для полученія нужныхъ рѣшеній; что онъ любимцевъ имѣть не будетъ, но что двери его для всякаго честнаго человѣка отворены *).

---

*) До того времени Сенатъ состоялъ подъ Кабинетомъ, яко верховнѣйшимъ тогда мѣстомъ.

Потомъ герцогъ, вышедъ, взялъ съ собою фельдмаршала, графа Остермана, князя Черкасскаго и тайнаго совѣтника Бестужева, приносилъ имъ свое благодареніе за изъявляемую ими привязанность и, обнадеживъ ихъ, что не упуститъ дать имъ знаки своей признательности, просилъ ихъ подкрѣплять его впредь добрыми ихъ совѣтами.

Еще того же утра велѣлъ герцогъ перевесть младаго Императора въ тѣ палаты, въ коихъ дворъ обыкновенно жительство свое имѣлъ зимою, куда потомъ и принцесса Анна съ супругомъ своимъ переѣхала. Самъ же онъ, оставаясь въ лѣтнемъ дворцѣ, вознамѣрился не выѣхать изъ онаго прежде погребенія Императрицы. Послѣ обѣда, посѣтивъ младаго государя обще съ его родителями и оказывая принцессѣ Аннѣ свое соболѣзнованіе, обнадежилъ ее, что онъ не приминетъ расположить сумму, назначаемую на годовое ея содержаніе, такъ что ей можно будетъ вести жизнь, роду и достоинству ея соотвѣтствующую. Послѣ того поѣхалъ онъ къ принцессѣ Елисаветѣ, коей опредѣлилъ годовой пенсіи пятьдесятъ тысячъ рублей.

Въ первые дни правленія своего занимался герцогъ освѣдомленіемъ о состояніи войскъ и государственныхъ доходовъ. Поелику Сенатъ еще въ самомъ началѣ прежняго правительства, при учрежденіи Кабинета, лишился первенства своего, то герцогъ старался оному льстить, присутствуя и самъ неоднократно въ засѣданіяхъ онаго. Сенатъ, напротивъ того, во угожденіе герцогу, предложилъ производить ему на расходы его ежегодно по пяти сотъ тысячъ рублей. А какъ титулъ свѣтлость для правителя казался быть слишкомъ простъ, то опредѣлилъ Сенатъ придать ему названіе Императорскаго Высочества, на что однакожъ герцогъ не согласился до того, пока не предоставлено было оное также и принцу Браунъшвейгскому.

До того времени принцесса Анна пользовалась содержаніемъ обще съ прочими, къ Императорскому дому принадлежавшими; нынѣ же герцогъ, для приведенія ея въ состояніе управлять собственнымъ своимъ хозяйствомъ, обѣщалъ ей выдавать каждый годъ по двѣсти тысячъ рублей.

Еще не прошло во время правленія герцога недѣли съ спокойствіемъ, какъ онъ уже во исполненіе власти своей началъ употреблять строгость. Два офицера гвардіи, изъ коихъ одинъ былъ капитанъ, а другой поручикъ, не могли воздержаться открыть однажды въ разговорахъ съ ихъ сотоварищами неудовольствіе свое объ управленіи герцога: перваго же при томъ видѣли иногда посѣщающаго принцессу Елисавету. Сихъ обоихъ офицеровъ велѣлъ герцогъ взять подъ стражу и производить надъ ними пытку для узнанія, не затѣяли ли они противъ него какого либо злоумышленія, и не имѣли-ли въ томъ сообщниковъ; однакожъ они признались только въ томъ, что прегрѣшеніе ихъ состояло единственно въ разговорахъ. Тоже самое случилось и съ кабинетскимъ секретаремъ, потому что онъ во время составленія деклараціи относительно правленія не токмо сочиненіе сіе начерно показалъ обѣимъ принцессамъ, но еще жаловался онымъ на уставляемый вновь образъ правленія, въ чемъ онъ при пыткѣ самъ признался. Но таковые насильственные поступки, вмѣсто того, чтобъ, по мнѣнію герцога, другихъ устрашить, послужили только людямъ къ превращенію ненависти въ огорченіе и отмщеніе.

Въ то самое время получено извѣстіе, что Римскій императоръ Карлъ VI-й 10 (20) Октября, а слѣдовательно за 7 дней до императрицы Анны, умеръ. Коликое участіе герцогъ принялъ бы въ дѣлахъ Австрійскаго дома, еслибы еще долѣе остался главнымъ начальникомъ, о томъ

тогда еще судить не можно было. Но что онъ вовсе намѣренія не имѣлъ наблюдать гарантированное императрицею Анною постановленіе, о томъ увѣриться можно по тому трактату, который онъ, какъ послѣ паденія его оказалось, заключилъ съ Россійскимъ дворомъ и по которому обѣщано было Польскому королю, что ему со стороны Россійской Имперіи не будетъ сдѣлано никакого препятствія во удовлетвореніи тѣхъ требованій, которыя онъ со стороны супруги и дѣтей своихъ имѣетъ на Австрійское наслѣдство. Король, напротивъ того, гарантировалъ герцога и его наслѣдниковъ въ спокойномъ владѣніи герцогствомъ Курляндскимъ.

Сей-то единый былъ союзъ, въ которой время дозволило ему вступить съ чужестранными державами. Чтожъ касается до внутренняго состоянія Имперіи, то въ ономъ не происходило ничего достопамятнаго, кромѣ того, что герцогъ, для облегченія подданнымъ новаго образа правленія, уступилъ имъ обыкновенные подушные сборы за четыре мѣсяца.

Со времени арестованія вышепомянутыхъ офицеровъ не прошло ни единаго дня, въ которой не были оклеветаны герцогу и по его приказанію взяты подъ стражу разнаго состоянія люди; однакожъ всѣхъ оныхъ вина состояла единственно въ поносительныхъ рѣчахъ. Но вдругъ открылся формальный тайный заговоръ, происшедшій слѣдующимъ образомъ. Сенаторъ и дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Михайло Головкинъ въ разсужденіи супруги его, яко урожденной княгини Ромодановской и двоюродной сестры Императрицы со стороны материнской, могъ ласкаться быть въ ближнемъ родствѣ съ императорскимъ домомъ. Не взирая на то, припужденъ онъ былъ видѣть въ послѣднія лѣта Императрицы, что слава его явно ослабѣваетъ, чему причиною были нѣко-

торыя слишкомъ откровенныя рѣчи, произносимыя имъ о поведеніи герцога. Поелику-же онъ нынѣ отъ него, яко правителя, много добраго ожидать не могъ, то помышлялъ ни о чемъ иномъ какъ о его погубленіи; къ произведенію же онаго въ дѣйство выдумалъ средство, которымъ онъ чуть самъ не попалъ въ крайнюю бѣду. Открывъ нѣкогда нѣсколькимъ изъ вышереченныхъ офицеровъ, ему наиболѣе доброжелательными бывшихъ, неудовольствіе свое о повышеніи герцога и о причиненной тѣмъ принцессѣ Аннѣ обидѣ и получивъ отъ нихъ взаимное увѣреніе какъ о доброхотствѣ ихъ къ оной принцессѣ, такъ и о томъ, что большая часть гвардейскихъ офицеровъ готовы ничего для нея не щадить, какъ скоро только найдется для нихъ предводитель, положено было въ семъ дѣлѣ поступать такимъ же образомъ, какъ и въ 1730 году при возстановленіи самодержавія въ Москвѣ. Въ слѣдствіе сего должно было, въ назначаемый день, преданнымъ принцессѣ особамъ и на то согласнымъ, идти къ оной и, припадши къ ея ногамъ, просить ее объ освобожденіи народа отъ ненавистнаго правителя и о принятіи на себя, во время малолѣтства сына ея, правленія. А быть въ семъ предпріятіи начальникомъ графъ Головкинъ никакъ рѣшиться не могъ, но представилъ къ тому кабинетскаго министра князя Черкасскаго, воображая неосновательно, что оный къ сему столько же окажетъ готовности, сколько изъявилъ прежде при подачѣ покойной Императрицѣ отъ лица дворянства прошенія объ уничтоженіи введеннаго Долгорукими аристократическаго образа правленія. Положивъ сіе рѣшительно, назначили къ учиненію о томъ князю Черкасскому предложенія день, по приближеніи котораго упоминаемые офицеры пошли къ князю и, объявивъ ему о своемъ желаніи, напомнили ему объ оказанной имъ прежде отечеству ревности, прося при томъ его усильнѣйше, дабы онъ, препроводя ихъ къ принцессѣ,

говорилъ съ нею за нихъ. Черкасской, выслушавъ ихъ спокойно, похвалилъ ихъ намѣреніе и будто за множествомъ носпѣшаемыхъ дѣлъ приказалъ имъ опять явиться къ нему на другой день. А какъ скоро они ушли, то онъ, поѣхавъ къ герцогу, разсказалъ ему обо всемъ.

Менѣе нежели въ два часа всѣ бывшіе у князя Черкаскаго взяты были подъ стражу, и еще того же дня начался уголовный допросъ о прочихъ ихъ товарищахъ. Назвавъ нѣсколькихъ изъ оныхъ, никто не сказалъ на графа Головкина, хотя о томъ и допрашиваемы были весьма строго; потому что знали, что они всѣ были доброжелатели помянутаго графа. Одинъ изъ тѣхъ, о коихъ объявили, былъ Россійской секретарь принца Брауншвейгскаго, который, при произведеніи надъ нимъ пытки, признался не токмо въ томъ, что зналъ объ ономъ дѣлѣ, но открылъ также еще и новый заговоръ, въ коемъ онъ съ вѣдома и одобренія принца способствовалъ. По сказкѣ его, намѣреніе при семъ состояло въ томъ, чтобъ склонить на свою сторону всѣхъ офицеровъ гвардіи Семеновскаго полка, въ которомъ принцъ былъ подполковникомъ и, обнадеживъ себя также въ разсужденіи полка, напасть на правителя и его сообщниковъ и стараться, буде возможно, всѣми ими завладѣть. Помянутый секретарь повѣрилъ сію тайну еще одному только офицеру, а именно капитану князю Ивану Путятину, поруча ему набрать другихъ сообщниковъ. Путятинъ-же, претерпѣвая пытку, признался во всемъ ономъ дѣлѣ и объявилъ о тѣхъ, съ коими онъ о семъ сносился. Сіи были два капитана и одинъ поручикъ реченнаго полка.

По всему тому герцогъ могъ бы совершенно увѣриться о томъ, сколь мало правленіе его нравилось людямъ; но, не смотря на то, отважился онъ все еще обходиться съ оными строго. Онъ наипаче положился на вѣрность двухъ гвардіи полковъ, какъ-то Измайловскаго и Коннаго, изъ

коихъ первымъ братъ его Густавъ Биронъ, а вторымъ старшій его сынъ принцъ Петръ командовали.

Для показанія принцу Браунштейгскому, что онъ его не опасается, велѣлъ герцогъ призвать его къ себѣ, представилъ ему публично о сказкѣ его секретаря, называлъ его неблагодарнымъ, кровожаждущимъ и такимъ человѣкомъ, который, имѣя начальство, сдѣлалъ бы самого себя, сына своего и все государство несчастливыми. А какъ принцъ ненарочно лѣвою рукою схватилъ за эфесъ своей шпаги, то герцогъ, почитая сіе за угрозы, ударилъ и по своей шпагѣ, сказавъ, что онъ, буде пожелаетъ принцъ, готовъ и посредствомъ оной рѣшить дѣло. По долгомъ преніи, въ коемъ однако принцъ, ни въ чемъ не признаваясь, подтвердилъ, что онъ не имѣетъ никакихъ умысловъ, разошлися они, и болѣе тогда ничего не происходило. На другой же день отъ герцога поручено было дѣйствительному тайному совѣтнику Миниху, брату фельдмаршала, представить принцу, что, буде онъ желаетъ заслужить еще впредь довѣренность, то долженъ поставить по себѣ поручительство, которое нынѣ состоять имѣетъ въ томъ, чтобъ онъ отсталъ немедленно отъ всѣхъ своихъ званій, какъ-то отъ чина генерала-поручика, а особливо гвардіи подполковника. Принцъ на сіе согласился и въ тотъ-же еще день послалъ герцогу сказать, что онъ всѣ свои должности съ себя сложилъ, о чемъ тогда-же извѣщено было какъ гвардіи, такъ и прочимъ гарнизоннымъ полкамъ. Однакожъ недовольно было сего оскорбленія, но принцъ еще принужденъ былъ слышать отъ герцога странное увѣдомленіе, что не худо-бы было для него нѣсколько времени изъ дома своего не выходить; поелику опасаться должно, чтобъ народъ, огорченный по причинѣ множества людей, ради его въ тюрьму посаженныхъ, не произвелъ противъ его какихъ либо наглостей.

Въ такомъ-то состояніи были тогда дѣла. Со дня на день ожидали, чтобъ принцъ и принцесса вздумали выѣхать изъ государства, или-же въ отдаленномъ мѣстѣ Россіи пользоваться пенсіею, какъ предпринято было фельдмаршаломъ Минихомъ всѣ дальнѣйшія насильства прекратить, что̀ произведено было имъ въ дѣйство слѣдующимъ образомъ.

Ноября 8-го до полудни, пошедъ къ принцессѣ, представилъ онъ ей опасность, которой не токмо всѣ императорскаго дома служители, но даже и она сама подвержена будетъ, если правленіе останется еще долѣе за герцогомъ Курляндскимъ, и обязался, какъ скоро она дастъ на то свое соизволеніе, взять и предать ей герцога; для вящшаго же ободренія офицеровъ и солдать, при томъ имъ употребляемыхъ, просилъ онъ ее быть самолично при семъ предпріятіи. Чѣмъ менѣе принцесса ожидать могла подобнаго предложенія, тѣмъ пріятнѣе оное для нея было; однакожъ не осмѣлилась въ произгеденіи онаго сама соучаствовать. Между тѣмъ условилась она съ фельдмаршаломъ, чтобъ онъ будущей ночи паки къ ней пришелъ и, собравъ нужное число людей изъ находящихся во дворцѣ часовыхъ, взялъ подъ арестъ правителя. Потомъ фельдмаршалъ, просивъ принцессу не сказывать о семъ никому, ниже супругу своему и откланявшись, поѣхалъ къ герцогу отдать ему, по обыкновенію, свое почтеніе, и въ тотъ день съ нимъ обѣдалъ.

Послѣ обѣда фельдмаршалъ, возвратясь домой, исправилъ дѣла до должности его касавшіяся, а въ вечеру въ обыкновенное время легъ спать. По полуночи въ два часа вставъ, поѣхалъ обще съ тогдашнимъ его генеральсъ-адъютантомъ подполковникомъ Манштейномъ ко дворцу и, прибывъ туда, вошелъ тихонько задними дверьми, кои нарочно оставлены были незапертыми, въ принцессинъ по-

кой. Принцесса съ супругомъ своимъ уже почивала, однакожъ приказано было отъ нея фрейлинѣ Юліанѣ фонъ-Менгденъ, подругѣ ея и сестрѣ невѣстки фельдмаршаловой, чтобы она, по прибытіи сего послѣдняго, разбудила ее немедленно. Но сколь все сіе нипроисходило тихо, однако принцъ отъ того пробудился и спросилъ, что̀ оное значитъ? Принцесса отвѣчала ему, что она нѣсколько занемогла, и чтобъ онъ остался въ постели, ибо она скоро опять къ нему возвратится. Когда она вышла къ фельдмаршалу, то сей сказалъ ей, что нынѣ настало удобное время къ произведенію извѣстнаго предпріятія въ дѣйство, и просилъ ее вторично идти съ нимъ вмѣстѣ. Но какъ она на то отнюдь согласиться не хотѣла, просилъ онъ, чтобъ она по крайней мѣрѣ призвала къ себѣ караульныхъ во дворцѣ офицеровъ, и по объявленіи имъ намѣреваемаго дѣла, увѣщавала бы ихъ слѣдовать ему во всемъ съ вѣрностью, чему она и не противилась, но, велѣвъ допустить къ себѣ офицеровъ, сказала имъ: что она надѣется, что они, яко честные люди, не отрекутся оказать младому Императору и его родителямъ одну изъ наиважнѣйшихъ услугъ, состоящую въ взятіи подъ арестъ правителя, коего насильства имъ столь же извѣстны, сколь и ненавистны быть должны; что она проситъ ихъ исполнять охотно все то, что̀ имъ ни приказано будетъ отъ фельдмаршала, и что они увѣрены быть могутъ въ полученіи награжденія за ихъ вѣрность. Наконецъ, обнявъ фельдмаршала, жаловала офицеровъ къ рукѣ и желала имъ благополучнаго въ семъ дѣлѣ успѣха.

Фельдмаршалъ, сошедъ потомъ обще съ вышеозначенными офицерами внизъ въ караульню и взявъ изъ оной 30 гренадеровъ съ тремя офицерами, отправился съ ними. Правитель жилъ тогда въ такъ называемомъ лѣтнемъ дворцѣ, гдѣ находилось еще и тѣло покойной Императрицы. Здѣсь-

то стояли слишкомъ триста человѣкъ на караулѣ, которые, если бы были доброжелатели герцогу, удобно могли-бы отвратить арестъ онаго. Однакожъ фельдмаршалъ для предосторожности выбралъ нарочно къ произведенію своего предпріятія въ дѣйство такую ночь, когда на караулѣ былъ Преображенскій полкъ, коего онъ былъ подполковникъ. Приближась къ помянутому лѣтнему дворцу, остановился онъ разстояніемъ отъ онаго въ нѣсколькихъ стахъ шаговъ и послалъ напередъ офицера сказать караульному капитану, чтобъ онъ не дѣлалъ никакого шума, но пришелъ-бы съ двумя изъ своихъ офицеровъ къ нему. Оные тотчасъ и явились и, узнавъ о намѣреніи фельдмаршала, обнадеживали они его, что никто изъ нихъ и изъ подчиненныхъ имъ ниже не пошевелится, послѣ чего онъ продолжалъ идти до самаго входа во дворецъ, а оттуда отправилъ своего генеральсъ-адъютанта подполковника Манштейна съ 12 гренадерами въ покои герцога. Пока могли они дойти до оныхъ, надлежало имъ проходить еще мимо нѣсколькихъ часовыхъ; но сіи, бывъ обо всемъ извѣстны, молчали и допустили Манштейна безпрепятственно до дверей спальни, которыя, будучи внутри затворенными, выломить должно было. Герцогъ отъ того пробудился и, выскочивъ изъ постели, хотѣлъ спрятаться подъ кроватью, думая, что пришли его умертвить. Однакожъ Манштейнъ на его напалъ; и между тѣмъ какъ онъ всѣми силами сопротивлялся, прибѣжали гренадеры и схватили его. Надѣвъ на него тулупъ, посадили его въ коляску, которая нарочно подвезена была по приказанію фельдмаршала, и съ сею-то добычею пріѣхалъ фельдмаршалъ къ принцессѣ и донесеніемъ своимъ причинилъ неизреченную радость.

При возвращеніи ихъ во дворецъ взятъ былъ подъ стражу также герцоговъ братъ Густавъ Биронъ, жившій въ той улицѣ, которою они шли. Тоже самое послѣдовало въ

ту ночь и съ тайнымъ совѣтникомъ и кабинетскимъ министромъ Бестужевымъ, которому поставили въ вину чрезвычайную преданность его къ правителю.

Герцогъ и его братъ содержаны были до указа во дворцѣ, каждый особливо подъ строгимъ стереженіемъ.

Еще до разсвѣта извѣщено было о семъ происшествіи всему городу, и всѣ чиновныя особы призваны ко двору. По принесеніи императорскимъ родителямъ поздравленій, собрался чрезвычайный совѣтъ, въ коемъ положено было просить принцессу о принятіи на себя правленія во время малолѣтства государя, сына ея, подъ названіемъ Великой Княгини Всероссійской. И какъ скоро она дала на то свое соизволеніе, то по отправленіи Божіей службы въ придворной церкви, при пушечной пальбѣ, воспѣта была пѣснь: „Тебе Бога хвалимъ!" а потомъ, по учиненіи правительницѣ присяги въ вѣрности, еще въ тотъ-же день отправлены были какъ во всѣ области Россійской Имперіи, такъ и къ чужестраннымъ дворамъ нарочные съ извѣстіемъ о происшедшей перемѣнѣ.

Около вечера бывшій правитель съ фамиліею отвезенъ былъ подъ сильнымъ конвоемъ въ крѣпость Шлиссельбургскую, отъ Санктъ-Петербурга въ 60 верстахъ лежащую. Какъ вывезли его изъ дворца, то принцесса, стоя у окна и не могши воздержаться отъ слезъ, сказала, что она имѣла лучшее въ разсужденіи его намѣреніе, если-бы онъ самъ не принудилъ ее поступить съ нимъ такимъ образомъ. Также присовокупила она, что она, если-бы герцогъ поручилъ ей правленіе, съ охотою отпустила бы его въ домъ со всѣми приличными ему почестями и сокровищами.

Изъ временъ Елисаветы Петровны.

I.

КОПІЯ СЪ ПИСЬМА ГОСПОДИНА ПВИНСКАГО ОТЪ 2-ГО ДЕКАБРЯ ПРИСЛАННАГО КЪ КАНЦЛЕРУ.

Высокосіятельнѣйшій графъ, милостивой государь и отецъ Михаилъ Ларіоновичъ!

Мы думали [1]), когда Марія Терезія за необходимодолжную баталію имя свое орденомъ въ вѣкъ славнымъ учинила, а Елисавета Великая Первая не учинитъ ли особой свой орденъ намъ, въ память будущимъ родомъ о неслыханной побѣдѣ, и такое ужаспое предпріятіе дѣвическому сердцу и достопамятное [2]) утвердилось бы орденомъ великія и храбрыя Россійскія Елисаветы; сама-бъ за услугу благоволила того ордена быть великимъ магистромъ. То-то-бъ было па свѣтѣ великое чудо повелѣть въ титлахъ писать Мать Отечества. Анъ вотъ, государь, пе потрафилъ я. Люди заслуженные 17 лѣтъ въ лосинныхъ орденахъ затянулись и предъ всѣмъ свѣтомъ смѣшны, обойдены и постыждены, и какая худая форма учинена! Какую шапку имѣетъ брегадиръ, такую и барабанщикъ; какую имѣетъ шпагу бре-

---

[1]) Напечатанное въ разбивку подчеркнуто въ подлинникѣ красным карандашомъ.

[2]) Т. е. восшествіе на престолъ.

гадиръ, такую и флейщикъ; а по военнымъ во всѣхъ полкахъ обрядомъ во всемъ отмѣна; здѣсь все въ равномъ достоинствѣ. Однимъ словомъ сказать, не имѣемъ на себѣ въ должности вида честности на нитку не токмо часовыхъ, и часовые чести ружьемъ не отдаютъ и нашимъ дѣломъ правитъ и командуетъ Воейковъ, а мы развѣ или подлинно дураки. А тутъ есть такіе глупцы, могутъ великую армію водить, да достоинства и храбрости ихъ вашему сіятельству видѣть не почему: ибо такой человѣкъ отъ дѣла познавается, а здѣсь подъ мѣдными сумами кромѣ стыда, хотя-бъ былъ Минихъ, не прославиться, и не знаю, для чего-бъ по моему желанію быть въ гвардіи мнѣ не вмѣстно: тамъ меня ни благородствомъ, ни дородствомъ никто не превосходитъ; намъ ихъ знатность вѣдома, все наши братія дворяне. Они и сами на себя дивятся, за что такъ украшены и обвѣшаны орденами и право не вѣдаютъ, что въ томъ министерія употреблена, дабы предъ военными глазами увеличить начальника, что̀ и неотмѣнно справедливо. А и то на правду походитъ: не добро отъяти хлѣбъ чадамъ и поврещи псомъ; а они думаютъ: это-де мы достойны, не кого другова кромѣ насъ.

И когда уже выпустить меня въ гвардію и товарищей моихъ генералъ-маіорами повысить не можно, и политика не дозволитъ: прошу исходатайствовать отпускъ мнѣ *вѣчный* въ деревню мою оплакивать бѣдно-несчастную жизнь мою, а должности здѣсь офицерской, какъ стать предъ судъ Божій, понести ей-ей не могу: совсѣмъ боленъ сталъ и дряхлъ.

Жалѣю и о томъ, па что я разумѣю: по пословицѣ, съ умомъ жить вѣкъ мучиться, безъ ума жить тѣшиться.

Прошу милостиваго прощенія, что болѣзнь принудила письмомъ, а не персонально просить надлежащей помочи: ослабѣлъ, груди утѣснены, на стужу выдти не могу, токмо истиннымъ сердцемъ, радуясь вашего сіятельства благополучію, есмь

Всепокорный слуга Матвѣй Ивинской.

При самой горести позвольте пошутить.

Развѣ тѣ головы дороже,
Кои усы носятъ на своей рожѣ?
Журавлевы съ Улучкинымъ служили не однѣ,
Отрубленнымъ головамъ всебъ равно что сверху, что на днѣ;
Они жъ, я слышалъ, намѣрены жить лѣтъ по двѣсти,
И для того не очистятъ никому здѣсь мѣста.

Примѣчанія на поляхъ этого письма, написанныя графомъ М. Л. Воронцовымъ:

Кромѣ его пустой головы едвали кто другой подобныя мысли имѣлъ, и однимъ словомъ сказать, что содержаніе сего письма грубо, безразсудно и наказанія достойно сочинено. Токмо не соизволите ли, Ваше Величество, великодушно глупости Ивинскаго простить, хотя онъ и достоинъ штрафованъ быть, но для избѣжанія худыхъ разглашеній оставить, и ему репримандъ учинить.

Симъ письмомъ довольно разума своего оказалъ.

Ивинскій получилъ большія владѣнія въ Скопинскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи П. Б.

II.

По дѣлу Лестока.

1. Переводъ съ разобранной съ цифръ реляціи прусскаго министра графа Финкенштейна къ королю, изъ С.-Петербурга отъ 4 мая 1748 г.

Я съ почтительнѣйшею униженностію имянной указъ вашего величества отъ 20 Апрѣля получилъ, и я не инако какъ на то согласиться могу, ежели въ ономъ о князѣ Трубецкомъ, и о той малой надеждѣ, кою на него и на друзей его по опасенію ихъ отъ великаго канцлера, положиться можно, находится. Между тѣмъ я радуюсь, что онъ отъ послѣдней своей болѣзни выздоровѣлъ; ибо онъ наинепримирительнѣйшимъ графа Бестужева непріятелемъ и, по великому своему разуму, наиспособнѣйшимъ есть своихъ пріятелей въ тѣхъ мнѣніяхъ содержать, которое обстоятельство въ какомъ нибудь изъ тѣхъ дивныхъ случаевъ, коихъ нынѣ предвидѣть не можно, но какою нибудь резолюціею, смертію канцлеровою, или какою другою неожиданною перемѣною, однакожъ приключиться въ состояніи существительнымъ учиниться можетъ: ибо тогда тѣже самые пріятели, которые теперь въ спячкѣ находятся, всемѣрно подымутся, и для интересовъ вашего величества, которымъ они усердно преданы, полезными быть могутъ.

Примѣчаніе канцлера Бестужева:

Ея Императорское Величество всевысочайше вспомнить изволитъ, что предъ симъ отъ Французскаго и Прусскаго дворовъ канцлера поносили, и чрезъ своихъ партизановъ Ея Императорскому Величеству внушали, яко бы онъ Мекленбургской принцессѣ Аннѣ преданъ былъ. Въ семъ же письмѣ (которое хотя Ея Императорскому Величеству

оберъ-секретаремъ, въ послѣднюю бытность въ Петергофѣ, съ другими, поднесено было, однако въ разсужденіи важности онаго и очевиднаго опасенія, вторично на всевысочайшее проницаніе предается) Финкенштейнъ признавается, что формальная потаенная шайка, по одному опасенію отъ канцлера, замысловъ своихъ въ дѣйство произвести еще не въ состояніи, и для того всю надежду свою на смерть его, канцлера, полагаетъ; слѣдовательно, по неволѣ своей, ему въ вѣрности и усердіи къ Ея Императорскому Величеству справедливость отдаетъ. Впрочемъ же Вольфенстирна, будучи остереженъ, весьма скрытно писалъ, какъ то и Финкенштейну пріятельно усильно рекомендовалъ; однакожъ канцлеръ справедливо тогда угадывалъ, что Лестока опасаться надобно, чтобъ онъ изъ своей партіи другаго Миниха не сдѣлалъ: ибо теперь явствуетъ, что князь Трубецкой достойнымъ къ тому уже признанъ, къ чему, правда, по власти его въ Сенатѣ, и поводъ есть. Теперь только остается Ея Императорскому Величеству всевысочайшую свою самодержавную власть оказать или допустить, чтобъ явные и потаенные измѣнники умножались, и пламя вдругъ возгорѣлось, еже уже и чинится: ибо извѣстно, что баронъ Черкасовъ по ночамъ къ вице-канцлеру и къ генералъ-прокурору въ чужихъ колясках ѣздитъ. Лестоковы сборища Ея Императорскому Величеству совершенно извѣстны, такъ что болѣе и распространяться нечего. Лестокъ уже давно лучшее мѣсто въ Камчаткѣ заслуживаетъ; а другіе, конечно, способнѣе были бы въ Сибири или индѣ гдѣ въ губернаторахъ, нежели здѣсь. Сіе, можетъ быть, достаточно бъ было потаенныхъ измѣнниковъ устрашить и привесть въ память самихъ себя и ихъ должности.

---

2. Записка канцлера графа Бестужева-Рюмина.

(1748).

Записка на память для всенижайшаго донесенія Ея Императорскому Величеству и на всемилостивѣйшую апробацію.

По слабѣйшему мнѣнію видится, что въ разсужденіи толь очевидно наружу вышедшихъ богомерзкихъ замысловъ, какъ безпрестанными нощными съѣздами и конференціями, такъ наипаче извѣстными секретными письмами, къ чему еще носящіеся въ Берлинѣ о воспослѣдованной перемѣнѣ въ правительствѣ присовокупить и безъ такого примѣчанія оставить не должно, какъ подаванныя въ прежнія времена Аглинскимъ, здѣсь бывшимъ, посланникомъ Финшемъ равномѣрныя же извѣстія, отъ чего нынѣшнее благополучное государствованіе ко всенародной радости воспослѣдовало, оное же Всевышній на неисчислимыя лѣта подъ покровомъ Своимъ да сохрани! Ничего инаго не остается, какъ надъ нѣкоторыми измѣнниками и ихъ мнимыми сообщниками въ одно время высокомонаршую Ея Императорскаго Величества власть, для собственной своей и общей государственной безопасности, оказать, разославъ ихъ вдругъ внутрь государства по всевысочайшему благоизобрѣтенію, для чего на всемилостивѣйшую апробацію мѣста ниже сего предлагаются, чрезъ которой серьезной примѣръ у протчихъ безъ сумнѣнія многихъ вѣроломныхъ или по меньшей мѣрѣ въ присяжной должности колеблющихся, колѣни затрясутся, и они въ такую робость придутъ, что не токмо безсовѣстные свои замыслы въ дѣйство производить не отважатся, но

иначе весьма рады будутъ, когда злостные ихъ виды наружу не выдутъ. А чтобъ въ имѣющихся доказательствахъ изустными сказками надежнѣе утвердиться, то того не довольно чтобъ (какъ прежде сего всенижайше донесено было) находящагося при извѣстномъ смѣломъ Прусскомъ партизанѣ капитана одного схватить (ибо онъ, почувствуя изъ того, что и до него дѣло дойдетъ, иногда какого десператнаго поступка не учинилъ бы); но всемѣрно потребно, чтобъ и онъ въ одно время купно съ своими письмами захваченъ и въ крѣпость посаженъ былъ. А хотя и то легко статься можетъ, что оной Прусской смѣлой партизанъ по извѣстной своей злости и упрямству, не взирая на всѣ доказательства, страхи и угрозы, для предъявленія своей невинности и для спасенія своихъ сообщниковъ, запираться станетъ, не взирая на то, когда-бъ съ нимъ и до самыхъ крайностей дошло; то однакожъ и того довольно, что онъ, за всѣ отъ Ея Императорскаго Величества ему показанныя щедроты и неописуемыя награжденія, себя столько, какъ извѣстно, неблагодарнымъ оказалъ, дабы предъ очми Ея Императорскаго Величества болѣе не являться и свою шайку въ предосужденіе Ея Императорскаго Величества и государства не ободрять, но самое дальнѣйшее мѣсто въ Камчаткѣ достойнымъ за всѣ его преступленія награжденіемъ есть; Ея же Императорское Величество, яко самодержавная Государыня, никому кромѣ Бога, предъ Которымъ въ совѣсти своей чиста, отвѣта дать не должна.

Что̀ до важнаго Прускаго партизана касается, то по слабѣйшему мнѣнію весьма излишне быть видится ему какія-либо доказательства предлагать; ибо Ея Императорское Величество, уповательно, изъ разныхъ пассажевъ такія дѣла примѣтить изволила, о которыхъ онъ Ея Императорскому Величеству одинъ представлялъ, и Ея Величество о томъ ни къ кому иному отзываться не изволила, а онъ одна-

кожъ о томъ открылъ. Напротивъ же того, по прежнему объ немъ мнѣнію, чтобъ его при дворѣ опредѣлить, нѣсколько опаснымъ быть разсуждается, а особливо по причинѣ дальнѣйшаго открытія изъ секретныхъ писемъ его вѣроломства и нарушенія прежней должности; и когда Ея Императорское Величество доставшееся канцлеру въ руки, мимо его на обратномъ походѣ изъ Ревеля сюда, письмо вспомнить изволитъ, будучи онъ въ немъ, яко такой человѣкъ, наикрѣпчайше рекомендованъ, которому бы и пріятелямъ его въ совѣтахъ во всемъ послѣдовать: то для него весьма особливая милость была бъ, когда бъ онъ въ сходственной съ Италіянскимъ воздухомъ, теплой климатъ, а именно въ Астрахань генералъ-губернаторомъ отправленъ былъ. Извѣстной же корреспондентъ, котораго въ послѣдній разъ одиннадцать писемъ всенижайше поднесено было, хотя и теперь арестованъ быть довольно заслужилъ; но, для лучшаго доказательства его преступленія, всемѣрно потребно, на посланныя предъ четырьмя мѣсяцами въ извѣстное мѣсто піесы цыфирнаго ключа и того дождаться, чтобъ онъ туже цыфирь употреблять сталъ, дабы возможно было ему разобранные оригиналы предъявить, и тогда съ нимъ инако, нежели съ Шетардіемъ, поступить должно, арестовавъ его и забравъ всѣ находящіяся письма, изъ которыхъ безъ сомнѣнія всѣ богомерзкіе проекты и авторы оныхъ еще обстоятельнѣе нынѣшняго усмотрятся. А что такимъ образомъ поступить можно, то примѣры есть, особливо же тотъ, которой въ 1717 году надъ Шведскимъ посланникомъ Гилленбургомъ, которой потомъ сенаторомъ и президентомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ Стокгольмѣ былъ, и предъ нѣкоторымъ временемъ, яко Французско-Пруской партизанъ, околѣлъ, будучи не токмо онъ съ дѣлами своими, по причинѣ открытаго въ перехваченныхъ письмахъ умысла о вспомоществованіи претенденту въ Анг-

лія, но и другой первой Шведской министръ баронъ Герцъ, бывшій съ нѣкоторыми комисіями въ Гагѣ, по причинѣ переписки съ нимъ о томъ, по требованію Великобританскаго двора, заарестованъ. Но понеже думать надобно, что господинъ того корреспондента въ такомъ случаѣ за него вступится, то необходимо нужно съ тѣмъ дворомъ, чрезъ котораго такія тайности получены, и слѣдовательно ему оныя извѣстны, заблаговременно и прежде нежели ожидаемыя откровенія получатся, согласиться, дабы оной въ слѣдствіе союзнаго трактата, ежели вышепомянутой господинъ за своего кореспондующаго раба вступится, вспоможеніе учинилъ. И, яко по вышепредъявленному, Ея Императорское Величество никому въ свѣтѣ, наименьше же своему рабу, отчетъ въ своихъ поступкахъ и предпріятіяхъ давать не должна, то слабѣйше думается, весьма потребно быть, важному Прускому партизану прямыхъ причинъ, для которыхъ съ нимъ такое распоряженіе чинится, не открывать: ибо онъ безъ сумнѣнія, ежели самъ времени имѣть не будетъ, по меньшей мѣрѣ чрезъ другихъ кореспондента о томъ увѣдомитъ, а сей немедленно цыфирь перемѣнитъ, слѣдовательно съ нимъ пожеланнаго вида достигнуть невозможно будетъ.

А дабы мнимыхъ Прускихъ тайныхъ сообщниковъ отъ нынѣшнихъ дѣлъ къ другимъ перевести и опредѣлить, и Французско-Пруско-Шведской партизанки, которая, уповательно, не отъ одного изъ сихъ дворовъ подати получаетъ, избавиться, то слабѣйше думается мужу ея нижеслѣдующее объявить, а именно:

Генералу графу Румянцову: что Ея Императорское Величество, изъ особливой своей къ нему милости, въ разсужденіи его старости и слабости здравія, его какъ отъ сенатскихъ дѣлъ, такъ и отъ воинскихъ командъ совсѣмъ освобождаетъ и увольняетъ, позволяя ему и съ женою

Архивъ Князя Воронцова. XXI, 5.

XXIV 5

въ тѣхъ мѣстахъ жить, гдѣ онъ для своего покоя за способнѣе изобрѣтетъ.

А на мѣсто его въ подполковники Преображенского полку генерала-маіора и маіора конной гвардіи князя Черкасскаго, или генерала-маіора и гвардіи маіора Ушакова, которой нынѣ за особливою комисіею въ Москвѣ, или же кого иного Ея Императорское Величество опредѣлить всевысочайше заблагоизобрѣтетъ.

Генералъ-прокурора генералъ-губернаторомъ въ Сибирскую губернію.

Снабдѣніе кѣмъ другимъ мѣста его видится быть излишнимъ, и однимъ оберъ-прокуроромъ довольствоваться можно; да и во всѣхъ прокурорахъ, кромѣ Синода и Сената, по слабѣйшему мнѣнію, никакой нужды не усматривается, потому что токмо ябеды производятъ и дѣла болѣе протягиваютъ, интересамъ же Ея Императорскаго Величества еще ни малѣйшей пользы не приносятъ; а между тѣмъ они повсягодно въ тридцать четыре тысячи рублевъ становятся, а со времени благополучнаго Ея Императорскаго Величества государствованія двѣсти тридцать восемь тысячъ рублевъ убытка причинили.

Тайнаго совѣтника и сенатора князя Алексѣя Голицына на мѣсто весьма престарѣлаго генерала-порутчика Загряжскаго губернаторомъ въ Казань.

Генерала-порутчика и сталмейстера Сумарокова въ Нижній на мѣсто губернатора князя Друцкаго.

На мѣсто его не соизволитъ ли Ея Императорское Величество графа Ивана Симоновича Генрикова пожаловать, или не соизволитъ ли, до времени опредѣленія, совѣтника Неронова унтеръ-шталмейстеромъ въ рангѣ бригадирскомъ пожаловать и управленіе тѣхъ дѣлъ поручить?

Вице-канцлеръ канцлеру неоднакратно упоминалъ, чтобъ оберъ-церемоніймейстера Сантія посломъ въ Китай отпра-

вить. Правда, такая посылка для всевысочайшихъ Ея Императорскаго Величества интересовъ весьма полезна была бы; однакожъ не такого шпіона, какъ Санти, которой Французско-Пруско-Шведской партизанъ и, какъ извѣстно, отъ Даліона потаенно подарки получалъ, къ тому употребить надлежитъ. И потому не соизволить ли Ея Императорское Величество его лучше въ пограничной Сибирскій городъ Селенгинскъ воеводою на мѣсто бригадира Якоби (которой при кавалеріи не безпотребенъ быть можетъ) отправить?

А на его мѣсто видится, и ни въ комъ другомъ нужды нѣтъ, потому что онъ токмо при посольскихъ аудіенціяхъ, которыя не часто случаются, слѣдовательно камергеромъ тогожъ ранга сія должность тогда исправлена быть можетъ; а между тѣмъ жалованье его, три тысячи рублевъ на годъ, въ казнѣ Ея Императорскаго Величества останется.

Камергера князя Александра Голицына, которой и предъ симъ въ военной службѣ находился, не соизволено ли будетъ бригадиромъ въ армію отправить?

Камергера князя Петра Голицына, яко наперсника двухъ Прускихъ партизановъ и переносщика всѣхъ вѣдомостей, на мѣсто камергера Бутлара (которой извѣстнымъ образомъ королю Прускому преданъ и въ раздачѣ секвестрованныхъ мызъ весьма безсовѣстно поступалъ) въ Курляндію послать и велѣть касающіяся до секвестрованныхъ мызъ дѣла, въ коихъ онъ и предъ симъ употребленъ бывалъ, вмѣстѣ съ полковникомъ Бестужевымъ-Рюминымъ, для лучшей надежности исправлять, а Бутларъ въ Ригу или какое иное мѣсто для отчета потребенъ быть имѣетъ.

Всенижайше думается, что для учиненія вдругъ удара, и для разогнанія и устрашенія какъ сей шайки, такъ и многихъ другихъ потаенныхъ злодѣевъ, указы по командамъ заблаговременно подписать, чтобъ въ одно время

вышеупомянутыхъ двухъ, почью заарестовавъ, въ крѣпость отвезти, а протчимъ въ слѣдующее потомъ утро означенное объявленіе съ такимъ присовокупленіемъ учинить, чтобъ каждой изъ нихъ въ недѣлю изъ С.-Петербурга, а въ два дни изъ Москвы къ мѣстамъ своимъ ѣхалъ. Но ежели бы, по сказкамъ двухъ въ крѣпость посаженныхъ, дѣло до кого-нибудь изъ отправленныхъ коспулось, то ихъ всегда и съ дороги назадъ поворотить можно.

Впрочемъ же все сіе слабѣйшее, но вѣрно-рабское представленіе монаршимъ стопамъ подвергается и па всевысочайшее проницаніе предается.

III.

Поляки при дворѣ Елисаветы Петровны.

1. Переводъ экстрактомъ изъ письма князя Корибута-Воронецкаго къ графинѣ Міончинской, каштелланшѣ Подляшской.

(Апрѣль 1752).

Первую мою здѣсь удачу Богъ благословилъ весьма благополучно, понеже, на третій день по прибытіи моемъ сюда, имѣлъ честь представленъ быть Ея Величеству пресвѣтлѣйшей Императрицѣ, при чемъ Ея Величество изволила меня весьма отлично принять и со мною довольное время разговаривать. Третій тому день, какъ изволила Ея Величество отъѣхать въ Питергофъ для гулянья на нѣсколько дней, а завтрашняго дня изволитъ возвратиться; понеже слѣдуютъ торжественные дни, а именно: 21-го сего мѣсяца день рожденія Великой Княгини, а 25 день коронаціи Ея Величества, кои съ великолѣпіемъ обыкновенно здѣсь празднуются. Сіи праздники сдѣлаютъ уже прибавку и моему карману; а еще не вѣдаю, какъ скоро и съ чѣмъ Богъ меня отсюда вынесетъ; слышу же, что здѣсь дѣла весьма не скоро дѣлаются.

2. Переводъ экстрактомъ изъ письма Станислава Піора къ Михайлѣ Нарвишу, губернатору Бирзанскому, изъ С-тъ-Петербурга отъ Апрѣля 1752 года.

Доношу вашей вельможности, что я здѣсь, по милости Ея Императорскаго Величества, имѣю великую выгоду: палаты мнѣ опредѣлены весьма изрядныя, также и для

услугъ моихъ болѣе десяти человѣкъ изъ придворныхъ служителей; вина Венгерскаго, Шампанскаго, Бургонскаго и другихъ, какихъ только потребую, весьма довольно; карета богатая, кровать съ постелью и съ балдахиномъ пребогатѣйшая; при дворѣ часто за однимъ столомъ съ Ея Императорскимъ Величествомъ кушаю, и на одномъ балѣ имѣлъ честь съ Ея Величествомъ танцовать попольски. Однимъ словомъ, сколько есть счастья въ свѣтѣ, все Богъ изліялъ на меня, бѣдную креатуру. Описать такожде не могу, сколько я здѣсь имѣю милостивыхъ благодѣтелей, кои меня одинъ по другомъ на обѣды и ужины къ себѣ просятъ. Чужестранные министры, а именно: Англійской, Дацкой, Шведской, Саксонской и прочіе, отдали мнѣ контравизиты, и также одинъ по другому у себя меня трактуютъ; я, напротивъ того, часто многихъ кавалеровъ и у себя имѣю и богатымъ трактаментомъ оныхъ принимаю. Великолѣпіе двора описать невозможно; красота покоевъ, новомодныя строенія и великость Петербурга неизреченная.

3. Переводъ экстрактомъ его жъ Станислава Піора къ Антонію Соботковскому, стольнику Венденскому отъ Апрѣля 1752 года.

Доношу вамъ, что на сихъ дняхъ прибылъ сюда изъ Волыня князь Воронецкій съ небольшимъ числомъ служителей, и въ прошлую недѣлю имѣлъ онъ честь быть предъ Ея Императорскимъ Величествомъ; квартиру нанялъ онъ по семнадцати рублей на мѣсяцъ; имѣетъ орденъ святаго Губерта Рейнскаго палатина, и ключъ камергерской нашего короля; ѣздитъ онъ въ своей каретѣ парою наемныхъ ямщицкихъ лошадей. Онъ желаетъ получить рекомендацію отъ здѣшняго двора къ нашему, чтобъ дано ему староство, оставшееся по большемъ братѣ его, которой

недавно умре; но только я весьма сумнѣваюсь, чтобъ онъ такую рекомендацію получить могъ; понеже говорили со мною уже нѣкоторые, что то не сходствуетъ съ добрымъ манеромъ; что онъ, не будучи заслуженъ, ниже знакомъ, смѣетъ утруждать Ея Величество; мы-де имѣемъ въ Польшѣ такихъ, которые намъ вѣрны и которымъ надобно милости оказывать, упоминая при томъ и обо мнѣ; что вамъ-де съ охотою такая милость учинится. И потому крайне я не чаю, чтобъ оной князь желаемое получилъ; но жаль будетъ того кошту и времени, которое онъ потеряетъ напрасно; понеже здѣшнее министерство о такихъ дѣлахъ весьма тонко разсуждаетъ. Помянутой князь—кавалеръ изрядной, и видно, что онъ человѣкъ достаточной; понеже много здѣсь покупаетъ богатыхъ матерій на платье, чтобъ себя хорошо показать при дворѣ, при которомъ чрезвычайно богатые уборы носятъ. Прошу не всякому въ нашемъ краѣ объ ономъ князѣ разглашать.

Я же здѣсь по милости Божеской, весьма благополучно пребываю, и по моей пропорціи дѣлаю себѣ платье въ двѣсти и въ триста рублей одну пару; недостаетъ мнѣ только одной золотой сабли. Пуговицы бриліантовыя уже имѣю по милости нѣкотораго добраго человѣка, и кушакъ въ двѣсти сорокъ рублей, подаренной отъ Аглинскаго резидента, господина барона Вульфа. Всѣхъ презентовъ получилъ я здѣсь на девять сотъ рублей, и только сначала, а впредь уповаю, что Богъ пошлетъ Своимъ милосердіемъ еще больше. Ежели-бы нужда меня не влекла ѣхать отсюда къ празднику святаго Іоанна для раздѣлки съ моими кредиторами, то я пожилъ-бы здѣсь до самой осени; понеже всѣ ко мнѣ такъ ласковы, что о скоромъ моемъ отъѣздѣ и воспоминать мнѣ не даютъ; но ежели не выѣду въ среднихъ числахъ Іюля, то по крайней мѣрѣ въ первыхъ Августа, чтобъ быть мнѣ на сеймѣ изъ Лифлян-

діи, и для одного сего резону могу скорѣе быть отсюда отпущенъ. Одинъ изъ пріятелей моихъ ко мнѣ отзывался, что здѣсь желаютъ, чтобъ я до зимы пробылъ; да и правда, что при такихъ выгодахъ, которыя я имѣю, надлежало-бы хотя и до самой смерти жить здѣсь и Бога благодарить и молить о многолѣтномъ здравіи и благополучномъ государствованіи Ея Императорскаго Величества. Одна та бѣда моя, что надобно ѣхать и раздѣлаться съ заимодавцами. Столъ мой коштуетъ въ мѣсяцъ болѣе тысячи рублей; изъ сего можно видѣть, какая ко мнѣ милость Ея Императорскаго Величества. Сія Монархиня толь наполнена милосердія и щедротъ, что она всему свѣту есть короною и красотою; счастливымъ-бы свѣтъ себя почиталъ, когда бы онъ весь подъ властію и державой сей Монархини находился. По ея красотѣ можно назвать ее истинною Пульхеріею, а по милости къ подданнымъ истинною матерію. Прошу увѣдомить меня, нѣтъ-ли какихъ вакантныхъ мѣстъ или леновъ, и дайте мнѣ совѣтъ, просить-ли мнѣ о старостве Пропойскомъ? Я уже подаю одинъ проектъ, которой уповаю, что на сихъ дняхъ пойдетъ въ дѣло, а какая резолюція воспослѣдуетъ, о томъ донесть вамъ не премину. Прошу донесть его сіятельству князю подканцлеру о моемъ здѣшнемъ поведеніи, чтобъ ко мнѣ былъ милостивъ, когда отъ здѣшняго двора къ нашему пошлется обо мнѣ рекомендація. Я же здѣсь особу его сіятельства столько прославляю, что и сказать невозможно.

Я имѣю здѣсь перваго и особливѣйшаго моего благодѣтеля его сіятельство графа Разумовскаго, которой такъ ко мнѣ милостивъ, что описать не могу; онъ мнѣ прислалъ презентъ въ четыреста рублей. Боже даруй ему многолѣтное здравіе! Когда ни случится мнѣ у него быть, то принимаетъ меня весьма милостиво, и сѣсть мнѣ ве-

лить, и разные разговоры одинъ на одинъ со мною продолжаетъ. Сей кавалеръ достоинъ наивящаго почитанія, понеже при томъ въ великомъ своемъ счастіи нимало онъ не возносится, но ко всякому униженъ и пріятенъ. Три раза уже имѣлъ я честь публично быть при одномъ столѣ съ Ея Величествомъ и попольски танцовать.

4. Переводъ экстрактомъ изъ письма Станислава Піора къ Максимиліану Замойскому, отъ 8-го Апрѣля н. с. 1752-го года.

Я всякую недѣлю два раза пишу къ господину Беренсу въ Ригу, только онъ ко мнѣ еще ни единожды не писалъ; да и отъ васъ ни одного письма я не получилъ. Я предъ симъ уже къ вамъ писалъ, въ какомъ благополучіи здѣсь я нахожусь, по Высочайшей милости Ея Императорскаго Величества, и для того о томъ болѣе при семъ не упоминаю; только прошу какъ наискорѣе прислать ко мнѣ дѣтей Стефана и Михайла, чтобъ они всеконечно прибыли сюда къ 1-му или 2-му числу будущаго Мая предъ праздникомъ рожденія Ея Высочества Государыни Великой Княгини. О старостѣ Вилкомирскомъ что̀ слышать будете, прошу мнѣ о томъ знать давать, чтобъ намъ послѣ съ рекомендаціями къ двору нашему не опоздать; а то легко сдѣлать можетъ господинъ Беренсъ, понеже письма мои у него пропадаютъ. Онъ человѣкъ безбожной и грубіянъ; я ему, покуда жить буду на свѣтѣ, никогда того не забуду.

5. Переводъ экстрактомъ изъ письма Станислава Піора къ Максимиліану Замойскому отъ 22-го Апрѣля н. с. 1752-го года.

Прошу послать письмо мое хотя съ нарочнымъ въ Вильну, а что̀ коротко пишу, то затѣмъ, понеже времени не имѣю для безпрестанно чинимыхъ мнѣ визитъ отъ вели-

кихъ господъ, а въ слѣдующій Вторникъ пошлю вамъ вѣсть весьма изрядную, которою вы будете довольны, и Бога благодарить станете, что Онъ сдѣлалъ со мною великое чудо. На одно платье издержалъ я девять сотъ ефимковъ; такъ-то здѣсь щеголялъ, что ни одинъ панъ въ Польшѣ лучше меня щеголять не можетъ. Богъ мнѣ послалъ милость Свою и чудо сдѣлалъ; пускай бѣсятся мои непріятели, а и пріятелямъ завидить вольно.

6. Переводъ экстрактомъ изъ письма Станислава Піора къ Венденскому стольнику Антону Соботковскому отъ 22-го Апрѣля н. с. 1752-го года.

Хотя въ первомъ моемъ къ вамъ письмѣ, отправленномъ чрезъ нарочнаго, пространно писалъ я о моемъ здѣшнемъ благополучіи; однако описаніе онаго еще неполное и несовершенное. Да и описать всего счастья моего отнюдь невозможно, понеже по окончаніи великаго поста, который Ея Величество пресвѣтлѣйшая Императрица чрезъ все оного время толь крѣпко наблюдать изволила, что въ нѣкоторые урочные дни и рыбы не кушала, а послѣднюю недѣлю однимъ только хлѣбомъ и водою препроводила, въ денныхъ и нощныхъ молитвахъ, что̀ все хотя и надлежало-бы, кажется, съ трудностью быть толь деликатной особѣ, однако Богъ милостью Своею укрѣпляетъ здравіе Ея Величества и помогаетъ безъ всякаго вреда такое строгое пощеніе сносить. По окончаніи великаго поста наступилъ праздникъ Свѣтлаго Воскресенія Христова, въ недѣлю послѣ нашего. Въ первомъ часу по полуночи, прежде начатія заутрени, данъ былъ сигналъ трикратною пальбою изъ пушекъ; потомъ въ придворной церкви началась торжественнымъ образомъ церковная церемонія съ многочисленною пальбою-же изъ пушекъ; въ церкви всѣ были знатные

господа и дамы, гдѣ и мнѣ быть велѣно. Заутреннее пѣніе три часа продолжалось, по окончаніи котораго Ея Величество Императрица, ставъ на высокомъ мѣстѣ, изволила жаловать всѣхъ къ рукѣ; потомъ первенствующій архіерей началъ обѣдню, которая продолжалась два часа съ пѣніемъ, всякія пріятности превосходящимъ; пѣвчихъ было до двухъ сотъ самыхъ избраннѣйшихъ и наилучшихъ. Я много въ свѣтѣ слыхалъ разныя хорошія музыки, но такого пѣнія, какъ сихъ пѣвчихъ, въ жизни моей нигдѣ еще не слыхивалъ. По окончаніи службы Божьей, въ восьмомъ часу, Императрица изволила пойти въ свои покои, а мы всѣ разъѣхались по своимъ домамъ. Въ оный день можно было насмотрѣться здѣсь великому множеству пребогатѣйшаго платья, экипажей и ливрей, такъ что здѣшній дворъ не уступитъ великолѣпіемъ ни одному изъ всѣхъ Европейскихъ дворовъ. Во Вторникъ на Святой Недѣлѣ былъ великой куртагъ при дворѣ, на которомъ всѣ чужестранные министры находились; я того-жъ дня имѣлъ счастіе быть у руки Ея Величества Императрицы и нѣсколько разъ съ Ея Величествомъ разговаривалъ. Въ Среду его сіятельство вице-канцлеръ графъ Воронцовъ, мой особливѣйшій благодѣтель, взявъ меня съ собою въ свою карету, вмѣстѣ съ шуриномъ его графомъ-же господиномъ Скавронскимъ, ѣздилъ къ Аглинскому резиденту, господину барону Вульфу въ приморскую мызу его, семнадцать верстъ отъ С-тъ Петербурга, въ которой построенъ домъ весьма богатой и преизрядной. Тамъ трактовалъ насъ онъ, господинъ баронъ, весьма богато, и подарилъ мнѣ Китайскій кушакъ цѣною во сто пятьдесятъ рублей. Въ Четвергъ была Французская комедія преизрядна. Въ Пятницу былъ день наиглавнѣйшаго моего благополучія. Онаго дня представленъ былъ знатной балъ у его сіятельства графа Петра Ивановича Шу-

валова, на которомъ присутствовать изволила Ея Величество Императрица съ штатсъ и другими знатнѣйшими дамами и кавалерами, на которой и я также призванъ былъ, гдѣ, послѣ многихъ Французскихъ танцовъ, ея сіятельство графиня Шувалова зачала со мною танцовать; потомъ и сама-жъ Ея Величество со мною-жъ танцовать изволила. Танцы продолжались до полуночи, а въ первомъ часу былъ ужинъ, гдѣ и я тамъ-же при столѣ сидѣлъ, и три раза имѣлъ счастіе получить отъ собственныхъ рукъ Ея Величества самое деликатное кушанье, и при томъ Ея Величество, позволяя мнѣ довольно съ собою разговаривать, изволила дражайшими своими словами обнадежить о своей неотмѣнной ко мнѣ милости, которую я никогда не заслужилъ. Балъ продолжался до шестаго часа за полночь, и уже съ свѣтомъ разъѣхались. Въ Субботу весь день всѣ спали. Въ Воскресенье при дворѣ на куртагѣ были. Я наономъ игралъ въ карты съ княгинею Трубецкою, и съ княгинею Юсуповою, и съ княземъ Голицынымъ адмираломъ. Въ Понедѣльникъ былъ у его сіятельства канцлера графа Бестужева-Рюмина на обѣдѣ, во Вторникъ на комедіи. Въ Среду одинъ изъ здѣшнихъ графовъ, мой особливо милостивый благодѣтель, прислалъ мнѣ презентъ въ четыреста рублей. Въ Четвергъ былъ цѣлый день у графини Румянцовой, первой штатсъ-дамы; тамъ будучи, игралъ въ карты въ ломберъ съ свѣтлѣйшею княгинею Гессенъ-гомбургскою, и съ генеральшею Нарышкиною, и господиномъ полковникомъ, роднымъ племянникомъ его сіятельства графа Разумовскаго, у котораго былъ я вчерашняго дня на визитѣ и который принялъ меня столько милостиво, что приказалъ мнѣ дать стулъ; и сидѣлъ я съ нимъ цѣлый часъ въ его компатѣ, наслаждаясь милостивыми его разговорами, которой меня при томъ обнадежилъ,

что покуда здѣсь бытность моя будетъ, онъ обѣщаетъ мнѣ во всемъ милостію своею помогать; а когда я объявилъ, что я намѣренъ по прошествіи Мая отсюда отъѣхать, то его сіятельство изволилъ сказать: „Господинъ полковникъ, не извольте отъѣздомъ вашимъ спѣшить; мы вамъ сердечно рады; поѣдете, только не такъ скоро. Извольте еще посмотрѣть хорошія здѣшнія мѣста, императорскіе домы, сады и фонтаны, и другія курьезныя вещи, а особливо въ Питергофѣ и въ Царскомъ Селѣ". Описать невозможно всѣхъ изряднѣйшихъ качествъ сего кавалера, который, будучи въ столь великой милости у Ея Величества Императрицы, не только никакой амбиціи не имѣетъ, но и напротивъ того весьма пріятенъ и ко всѣмъ милостиво склоненъ. Когда день тезоименитства его, святаго Алексѣя, здѣсь праздновали, то и я званъ былъ къ нему на банкетъ, и имѣлъ мѣсто при томъ-же столѣ, при которомъ Ея Величество Императрица присутствовать изволила, изъ собственныхъ своихъ рукъ кушанье мнѣ жаловала. Того-жъ дня играли тамо въ карты въ фаро; помянутой его сіятельство, пришедъ ко мнѣ, говорилъ: „Господинъ полковникъ! Что вы въ карты не играете? Али вы съ собою денегъ не имѣете? Я здѣсь хозяинъ, прикажу тотчасъ деньги принести, сколько изволите", и того-жъ времени, кликнувъ флигель-адъютанта господина Барсукова, велѣлъ принесть семь сотъ рублей; но я, нижайше поклонясь отвѣтствовалъ, что мнѣ пріятнѣе видѣть монаршее лицо, нежели картами забавляться, и не игралъ; но довольствовался милостію его сіятельства, что онъ, посадя меня возлѣ себя на канапѣ, велѣлъ дать вина и кушалъ здоровье маленькой моей старостяночки, фамиліи моей и всѣхъ добрыхъ пріятелей въ Польшѣ. Чужестранные министры, не умѣя говорить попольски, говорятъ со мною

полатинѣ, называя меня превосходительнѣйшій господинъ полковникъ. Его сіятельстро графъ Бестужевъ-Рюминъ, мой особливой благодѣтель—прямой канцлеръ и министръ премудрой и проницательной, который всѣхъ государствъ состояніе и дѣла всей Европы совершенно вѣдаетъ. Онъ имѣетъ великолѣнный домъ, живетъ подлинно по господски и достоинъ всякаго паивящаго почитанія. Сего дня званъ я на обѣдъ къ господину камергеру Строгонову, богатому господину, и для того время мнѣ сократить сію о преизрядныхъ вещахъ реляцію. Что касается до дѣлъ господина писаря напольнаго, то я и при семъ случаѣ паки повторяю, что теперь время, коли что надобно дѣлать. Господинъ Герцъ ожидаетъ резолюціи, да и я прошу прислать мнѣ оную съ полною мочью на примиреніе, либо что нибудь отписать ко мнѣ, чтобъ здѣсь не остаться мнѣ какимъ либо обманщикомъ; понеже не мой интересъ въ томъ состоитъ, не только желалъ-бы я тѣмъ услужить. Пусть не думаютъ, чтобъ я хотѣлъ чѣмъ либо покорыстоваться. Мнѣ Богъ послалъ счастье съ другой стороны: къ 25-му числу сего мѣсяца буду имѣть такое хорошее платье, что одна только матерія будетъ коштовать болѣе трехъ сотъ рублей, а на полукафтанье бралъ парчу, аршинъ по шестнадцати рублей. Такое чудо Богъ со мною сдѣлалъ, что я выѣхалъ ни съ чѣмъ, а нынѣ на одно платье уже девять сотъ рублей издержалъ! Кто можетъ судьбы Божіи постигнуть, Которой изъ грязи дѣлаетъ князя. Бога ради прошу отыскать отъ старостинши Дамговской табакерку мою, которую мнѣ Государыня предъ симъ пожаловала, и оную прислать въ Ригу.

7. Переводъ экстрактомъ изъ письма Станислава Піора къ Рижскому купцу Беренсу отъ 8-го Маія н. с. 1752 года *).

Ни одинъ человѣкъ въ свѣтѣ такой немилости ни отъ кого не получилъ, какъ я отъ васъ, что вы на семь писемъ моихъ къ вамъ ни одного ко мнѣ въ отвѣтъ не писали; вамъ же не безъизвѣстно, что я пріѣхалъ въ С-ктъ Петербургъ для крайней моей нужды искать здѣсь своего счастья, которое и сыскалъ. Ежели бы могъ я еще получить и того, о чемъ я пріѣхалъ сюда просить, то мнѣ весьма нужное изъ дому извѣстіе, живъ ли еще господинъ староста Вилкомирской или уже умре. Такожъ и другія о домашнихъ дѣлахъ извѣстія потребны. Того ради васъ покорно прошу, какъ возможно, съ первою почтою въ отвѣтъ ко мнѣ отписать не подъ другимъ чьимъ кувертомъ, но съ надписаніемъ ко мнѣ, прибавя на кувертѣ титулъ полковника, понеже меня здѣсь тѣмъ титулуютъ. Бога ради, не погубляй меня неисправнымъ наблюденіемъ почты, но хотя единожды ко мнѣ отпиши; иначе же, ежели далѣе будешь меня тѣмъ проводить, то о томъ двору извѣстно будетъ; понеже здѣсь нетерпѣливно ожидаемъ отъ васъ отвѣта. Но, можетъ быть, вы затѣмъ ничего ко мнѣ въ отвѣтъ не пишете, что не хотите кредитъ мнѣ вашъ учинить въ нѣсколькихъ стахъ рубляхъ, которыхъ я у васъ на вексель просилъ; но чтожъ дѣлать? Мнѣ васъ припудить трудно, когда милости вашей ко мнѣ нѣтъ; однако еще васъ и чрезъ сіе о томъ же прошу; понеже здѣсь такого пріятеля не имѣю, кто-бъ мнѣ въ томъ вспоможеніе учи-

*) Канцлеръ, за должно разсудя за письмами находящихся здѣсь Поляковъ Піора и князя Воронецкаго посмотрѣть, выписано сіе переводомъ изъ оныхъ чрезъ переводчика Ивана Даниленскаго на почтовомъ дворѣ, и при семъ для извѣстія и любопытства Ея Императорскаго Величества, а паче для забавнаго сихъ писемъ содержанія всенижайше подносится.

пилъ, а мнѣ крайняя нужда сдѣлать нѣсколько паръ хорошаго платья къ наступающимъ торжественнымъ днямъ. Пожалуй, пришли вексель безъ всякаго сумнѣнія, и когда пріѣдетъ въ Ригу служитель мой, то прошу постараться какъ скоро возможно, отправить его сюда, выпрося для него надлежащій тамо паспортъ и давъ ему сколько надобно денегъ на дорогу..

IV.

Письмо изъ Дрездена въ Москву отъ графа М. П. Бестужева-Рюмина къ вице-канцлеру графу М. Л. Воронцову.

Сіятельнѣйшій графъ, милостивой государь мой
Михайла Ларіоновичъ!

По пріѣздѣ моемъ въ Дрезденъ, засталъ я здѣсь при королѣ знатныхъ Поляковъ; потомъ, по возвращеніи его величества изъ Польши, другіе знатные Поляки, по древнему со мною знакомству, о разныхъ вещахъ со мною разговаривая, дали мнѣ при томъ знать, какъ имъ прискорбно, что отъ нашего двора къ королю и рѣчи Посполитой опредѣленъ министромъ Нѣмецъ породою, да и тотъ-де почти незнамо откуда, и недавно при покойномъ князѣ Кантемирѣ приватнымъ секретаремъ былъ. Развѣ-де какое неудовольствіе или гнѣвъ Ея Императорскаго Величества къ нимъ имѣется; ибо-де при жизни блаженной памяти Петра Великаго всегда изъ знатнѣйшихъ персонъ Россійской націи министрами при Польскомъ дворѣ содержаны были, яко князь Григорій Ѳедоровичъ Долгорукій двадцать лѣтъ посломъ въ Польшѣ былъ, въ томъ характерѣ и умеръ; послѣ его князь Василій Долгорукій, и послѣ сихъ двухъ всегда изъ знатныхъ персонъ Россійской націи министрами при Польскомъ дворѣ содержаны были. На что я имъ отвѣтствовалъ, чтобъ они нимало не сумнѣвались о дружбѣ и благоволеніи Ея Императорскаго Величества ко всей Польской націи, и что Ея Императорское Величество по

XXIV 6

обширному съ ними сосѣдству, во всемъ томъ, что̀ до яснѣйшей Рѣчи Посполитой касаться можетъ, истинное участіе пріемлетъ, а наипаче въ сохраненіи ихъ правъ и вольности, и чтобъ ни пяди земли отъ ихъ республики оторвано не было. Въ такихъ сентиментахъ государь родитель Ея Императорскаго Величества былъ, въ тѣхъ сентиментахъ и Ея Императорское Величество неотмѣнно пребывать изволитъ, въ чемъ бы они весьма удостовѣрены были. А что̀ касается да отправленія нынѣшняго Россійскаго къ Польскому двору министра, то бы они сами разсудили, что отъ ихъ короля къ нашему двору министромъ опредѣленъ во истинно не лучше нашего; ибо оной Функъ и у меня моимъ приватнымъ секретаремъ нѣсколько лѣтъ въ Швеціи былъ, и въ послѣднемъ викаріатствѣ только дворяниномъ сдѣланъ и со мною въ Россію выѣхалъ, и тамо при разныхъ Саксонскихъ министрахъ секретаремъ былъ. И тако мнѣ видится, что и его величества Польскаго не меньшій интересъ есть при Россійскомъ дворѣ знатную персо̀ну министромъ имѣть, нежели г-на Функа. На что они мнѣ отвѣтствовали, что мое разсужденіе въ семъ дѣлѣ самое справедливое есть, но что они слышали за подлинное, что король, ихъ государь, тайнымъ совѣтникомъ Функа сдѣлалъ и къ Россійскому двору министромъ опредѣлилъ во угожденіе и по требованію оного, а безъ того никогда бы оное не воспослѣдовало; на что я имъ репликовалъ, что мнѣ о такомъ происхожденіи нимало неизвѣстно.

Я о такомъ происхожденіи далѣе освѣдомлялся, и увѣдомился отъ надежныхъ пріятелей, что будто о Функѣ подлинно отъ нашего двора требовано было, и что король противу воли своей и весьма неохотно въ тайные совѣтники его пожаловалъ. Знакъ тому есть такой, что о Функѣ и по сіе время въ колегіяхъ здѣшнихъ объявленіе не учинено, какъ здѣсь обыкновенно бываетъ, что когда король

въ какой чинъ кого пожалуетъ, тотчасъ во всѣ колегіи объявленіе посылается, дабы его за такого признавали.

Я еще для лучшаго увѣдомленія съ самимъ графомъ Брилемъ о Функѣ отзывался. Сей министръ прямо мнѣ сказалъ, что по желанію двора вашего и по многому домогательству оного такъ съ Функомъ воспослѣдовало.

Я, еще будучи въ Вѣнѣ, о Функѣ слышалъ, что будто чужестранные министры, резидующіе при нашемъ дворѣ, зѣло его ласкаютъ, почти куръ ему дѣлаютъ, будучи въ такомъ мнѣніи, яко бы онъ у насъ въ такомъ кредитѣ былъ, что добрую и худую погоду дѣлать можетъ. Сей малиціозный и интригантный дѣтина все подноготное у насъ вѣдаетъ и сюда доноситъ. Весьма потребно, чтобъ онъ отъ нашего двора отозванъ былъ; да и не къ чести такому великому двору, яко нашъ, чтобъ такая малая креатура отъ Польскаго двора при Россійскомъ дворѣ министръ былъ, гдѣ наиглавнѣйше интересы съ обѣихъ сторонъ имѣются.

А что̀ надлежитъ до г-на Гроса, воистину кажется человѣкъ неглупой, и Россійскаго языка научился съ великою аплакаціею, и сіе можно за меритъ ему почесть; весьма годится при какомъ знатномъ министрѣ секретаремъ посольства быть, или за заслуги его (ежели какія есть) въ резиденты въ Гамбургъ или въ Амстердамъ. Довольно было бы и той ему фортуны, а не къ такому знатному двору, гдѣ по обширному сосѣдству наиглавнѣйшіе интересы имѣются: ибо королевство Польское надобно намъ консидеривать, яко баріеръ отъ Турокъ и Прусаковъ. И того наиглавнѣйше надлежитъ смотрѣть, чтобъ Россійская инфлюенція въ дѣлахъ Польскихъ и нашъ кредитъ въ Польшѣ превосходительнѣе былъ всѣхъ другихъ Польскихъ сосѣдей. Да и то надобно въ разсужденіе взять, сколько единовѣрныхъ нашихъ въ Польшѣ обрѣтается, и какое имъ отъ

Польскаго духовенства гоненіе происходитъ. Россійская протекція необходимо имъ потребна. Сихъ ради резоновъ надобно при Польскомъ дворѣ министра Россійской націи имѣть человѣка знатнаго, какъ то прежде всегда бывало, дабы Поляки къ нему почтеніе, консидерацію, откровенность и повѣренность имѣли, а не такого какъ Гросъ, съ которымъ Поляки, какъ я ихъ знаю, и говорить погордятся, не токмо консидерацію или повѣренность къ нему имѣть; а Поляки натурально спѣсивы и горды, Нѣмцовъ не любятъ.

Скоропостижной изъ Россіи его сюда пріѣздъ всѣмъ удивителенъ былъ. Я слышалъ за подлинно, что къ нему на дорогѣ изъ С.-Петербурга стафета прислана была, дабы онъ какъ наискорѣе въ Дрезденъ пріѣхать спѣшилъ и себя акредитовать. Королю то противно было. Королева его не жалуетъ, потому и прочіе поступаютъ. Сверхъ всего того, онъ имѣетъ при себѣ одну женщину, которая здѣсь и въ Лейпцигѣ въ..... была, и изъ сего послѣдняго мѣста за кражу и за худое ея житіе выгната метлами съ барабаннымъ боемъ. Оттуда ретировалась она въ Берлинъ, и тамъ въ...... же пребывала; изъ такого дому къ нему взята, а здѣсь она въ его экипажѣ ѣздитъ на всѣ променады, гдѣ знатныя персоны гуляютъ, чему всѣ здѣсь насмѣхаются. Я сіе вашему сіятельству доношу воистину не по какой злобѣ, ибо сего г-на Гроса впервыя здѣсь узналъ, и мнѣ онъ никакой противности не показалъ, но единственно отъ ревности моей ко отечеству, когда до чести и достоинства оного касается. Вручитель сего графъ Сергѣй Павловичъ Ягужинской о сей женщинѣ много слышалъ и самъ видѣлъ, то болѣе словесно донести можетъ, котораго въ высокую вашу милость рекомендую. Я въ семъ молодомъ кавалерѣ примѣчаю много добраго, ежели онъ въ добрыя руки достанется, а наипаче для обученія ми-

нистерскихъ дѣлъ; а что̀ надлежитъ до Функа, то когда отъ нашего двора единымъ словомъ потребовано будетъ, чтобъ онъ отозванъ былъ, тотчасъ отзывъ его воспослѣдуетъ, и потому всѣ интриги и совѣты пресѣкутся, да и дѣла лучше пойдутъ.

Еще имѣю о графѣ Кейзерлингѣ донести: чаю, вашему сіятельству неизвѣстно. Кстати ли и это было, милостивой государь мой, что помянутой графъ, будучи Польскимъ подданнымъ, многіе годы при Польскомъ дворѣ Россійскимъ министромъ былъ? C'est un exemple sans exemple, какъ Французы говорятъ; да сверхъ того два староства отъ короля Польского имѣлъ: одно въ Литвѣ, а другое въ Прусахъ, которыя болѣе осьми тысячъ талеровъ битыхъ въ годъ ему приносили; да отъ Саксонскаго двора четыре тысячи талеровъ пансіону имѣлъ. Я о семъ, какъ скоро увѣдомился, прежде отъѣзда моего въ Вѣну, до государственнаго канцлера, брата моего, писалъ, но все отъ него принято было за ложное вымышленіе и химеры. А нынѣ явно то оказалось, что не ложныя вымышленія и химеры были; понеже здѣсь публично вѣдомо, что графъ Кейзерлингъ помянутыя два староства промѣнялъ графу Брилю на одну деревню, а пансіонъ прежде отъѣзда своего въ Вѣну уступилъ сыну своему, о чемъ здѣсь явно говорятъ, и публично свѣдомо. Знатное дѣло, что̀ онъ авертированъ былъ, что со временемъ долженъ будетъ въ томъ отвѣтъ дать; для того онъ и староства на деревню промѣнялъ и пансіонъ свой сыну своему уступилъ, чтобъ о томъ далѣе не пронеслось. Потому надобно думать, что и при Вѣнскомъ дворѣ сей великой министръ болѣе о своихъ приватныхъ интересахъ, нежели о государственныхъ помышлять будетъ; да и явно то показуетъ, что въ Вѣну пріѣхавъ, тотчасъ сына своего съ добрымъ жалованьемъ пристроилъ. Ежели графъ Кейзерлингъ двумя помянутыми ста-

роствами и Саксонскимъ пансіономъ со всемилостивѣйшаго Ея Императорскаго Величества позволенія пользовался, то дѣло другое; но ежели же, паче чаянія, безъ всемилостивѣйшаго соизволенія и тайнымъ образомъ пользовался, то за такое его преступленіе и за такой весьма продерзкой поступокъ не токмо заслужилъ выкинуту быть изъ Россійской службы, но и наказанія достойнымъ себя учинилъ; да и никакой государь на свѣтѣ такой странной и продерзкой поступокъ безъ восчувствованія не оставилъ бы. Я къ вашему сіятельству все сіе пишу, яко къ честному и радѣтельному патріоту. Ей, милостивой государь мой, сердце болитъ и всѣмъ намъ не къ чести, что чужеземецъ такъ поступаетъ, и все ему съ рукъ сходитъ, яко бы у насъ людей не было и безъ него обойтися не можно. Ежели онъ полученіе въ Регенбургѣ графскаго титула отъ Нѣмецкой Имперіи за великую услугу себѣ почитаетъ: пусть онъ то твердитъ игнорантамъ, которые о ситуаціи тогдашнихъ дѣлъ въ Европѣ не свѣдомы; ибо тогда такія полезныя намъ конъюктуры были, что хотя бы всемилостивѣйшая наша Государыня нѣмаго человѣка въ Регенбургъ прислать изволила, то все бы по ея высочайшему желанію сдѣлано было, понеже тогда вся Имперія отъ Франціи и Пруского короля въ крайней опасности была, и Россійская помощь необходимо потребна была. Да и по нынѣ равновѣсіе въ Европѣ отъ Россіи зависитъ. Вѣнской и Аглинской дворы и вся Нѣмецкая Имперія довольно сіе чувствуютъ. И тако, милостивой государь мой, не по его искусству или радѣнію все то воспослѣдовало, а онъ только сидѣлъ дома въ серали своей между своими метресами, какъ паша какой; никому куска хлѣба не давалъ и не потчивалъ. Такъ въ Дрезденѣ во всю свою бытность жилъ, такъ власно нынѣ и въ Вѣнѣ живетъ. За что такая атенція ему въ Вѣнѣ оказывается, ежели не за Сербское дѣ-

ло, дабы оное утушить, совсѣмъ замять, ежели возможно, или по послѣдней мѣрѣ въ долгой ящикъ отложить! Секретарь посольства при немъ также иноземецъ, Прусакъ породою, многіе годы при немъ обрѣтается, его креатура, одно сердце и одинъ духъ; а бѣдной Черневъ ни о чемъ несвѣдомъ, все отъ него таятъ и скрываютъ, хотя онъ о Сербскихъ дѣлахъ достаточно свѣдомъ. И пока оное въ движеніи находится, и Сербская почти вся нація склонна въ Россію выходить, то не надлежитъ оное упускать, но, какъ скоро возможно къ пожеланному окончанію приводить стараться.

Еще присовокупить имѣю, что здѣсь подъ рукою заподлинно отзываются, яко бы Вѣнской дворъ, незнамо для чего, показуетъ въ себѣ многія важности и нужду, и сильное стараніе прилагаетъ привлещи Россію въ нѣкоторыя новыя обязательства единственно для своей нужды; но какъ и кромѣ того почти безпрестанно продолжающіяся пустыя негоціаціи не токмо своихъ сосѣдей, но и весь свѣтъ напрасно алармируютъ, а существительной пользы изъ того нашему отечеству истинно нѣтъ и не будетъ: то всякому изъ насъ честному человѣку и радѣтельному патріоту желать надобно, чтобъ въ томъ дѣлѣ поступлено было со зрѣлымъ разсмотрѣніемъ, и отнюдь себя во ономъ не преципировать; ибо лишніе ангажаменты ни къ чему иному какъ токмо къ нашему бо̀льшему отягченію, а со временемъ и къ предосужденію, причиною будутъ; напротивъ же того, въ случаѣ какой нужды, прямо намъ полагаться не на кого, и прежніе примѣры тому довольно свидѣтельствуютъ *). Слѣдственно уповаю, что домашнія распоряженія лучше всего удобными быть могутъ, нежели постороннія ласкательныя промесы заслуживали бъ какого дальнѣйшаго уваженія.

*) Точно будто въ наши дни писано. П. Б.

Не погнѣвайтесь, милостивой государь мой, что я ваше сіятельство такимъ пространнымъ письмомъ утруждаю, еже я безъ всякого пристрастія учинилъ. Покорно прошу все то менажировать, дабы мои непріятели о томъ не провѣдали; ибо они и болѣе меня гнать и злодѣйствовать будутъ. Что же, милостивой мой патронъ, партикулярно до меня касается, то я, бѣдной, совсѣмъ дряхлъ и старъ сталъ; всѣ докторы единогласно совѣтуютъ два лѣта подважды въ Теплицѣ въ минеральныхъ сидѣть для отнятія боли и слабости въ ногахъ и для подкрѣпленія жилъ. Недѣли три-четыре едва отъ боли и слабости по избѣ бродить могу; въ такомъ худомъ состояніи нахожусь.

Вашего сіятельства
покорнѣйшій и вѣрный слуга
Графъ М. Бестужевъ-Рюминъ.

Дрезденъ, 18 Марта 1753.

P. S. Жена моя нижайше свой поклонъ вашему сіятельству и дражайшей вашей супругѣ посылаетъ, и я мой респектъ ея сіятельству объявляю, и посылаемъ маленькой презентецъ графинѣ вашей; весьма намъ пріятно будетъ слышать, ежели та багателя ея сіятельству понравится.

V.

Переводъ съ письма короля Французскаго къ фельдмаршалу Апраксину, изъ Фонтенбло, отъ 26-го Сентября 1757 года *).

Господинъ Апраксинъ! Шевалье Менаже вручилъ мнѣ письмо ваше, отъ 31-го числа минувшаго мѣсяца, которымъ вы меня увѣдомляете о побѣдѣ, одержанной состоящею подъ командою вашею арміею моея дражайшія и любезнѣйшія сестры Императрицы Всероссійской надъ королевскимъ Прускимъ, подъ командою фельдмаршала Левальда, войскомъ. Я пріемлю крайнѣйшее участіе во всѣхъ успѣхахъ, подкрѣпляющихъ предпринятое мною намѣреніе посылкою войскъ моихъ въ Германію, для возстановленія тамъ тишины и для способствованія въ дѣйствованіи ополчившихся для праведной обороны союзниковъ моихъ. Впрочемъ я съ немалымъ порадованіемъ извѣстился о благополучіи оружія Самодержицы вашей, и благодарствую вамъ за атенцію вашу въ учиненномъ мнѣ о томъ увѣдомленіи, которая атенція заслуживаетъ немалую похвалу. Я же не забуду того, что вы упоминаете въ пользу находившихся при сей баталіи Французскихъ офицеровъ, кои увидятъ, по опредѣленнымъ мною каждому изъ нихъ достаточнымъ пенсіямъ, что поданное вами о поведеніи ихъ засвидѣтельствованіе для нихъ небезполезно было.

Лудовикъ.

---

*) Оригинальное письмо сообщено княземъ Куракинымъ, съ котораго копія снята въ колегіи и ему обратно отдано. Замѣтка графа М. Л. Воронцова. Кн. Куракинъ былъ женатъ на дочери Апраксина. П. Б.

VI.

Мать и братъ Екатерины II-й въ Семилѣтнюю войну.

1. Копія съ письма къ бывшему канцлеру Бестужеву-Рюмину отъ бригадира Салтыкова, изъ Гамбурга отъ 24-го Февраля, полученнаго въ 30 день Марта 1758 г.

Ея свѣтлость вдовствующая принцесса Ангальтъ-Цербстская, которая въ минувшее Воскресенье въ здѣшній городъ прибыла, просила меня вчера, чтобъ я приложенной при семъ отъ ея свѣтлости къ вашему сіятельству пакетъ съ моимъ всенижайшимъ письмомъ препроводилъ.

2. Переводъ съ письма ея свѣтлости вдовствующей княгини Ангальтъ-Цербстской къ бывшему канцлеру, изъ Гамбурга отъ 1-го Марта 1758-го года.

Мой господинъ!

Самое рѣдкое и до нынѣ неслыханное въ Германіи приключеніе принудило меня нынѣ имѣть честь писать къ вашему сіятельству, прилагая при семъ два письма, одно отъ сына моего, а другое отъ меня, къ государынѣ великой княгинѣ. А дабы ваше сіятельство многимъ повтореніемъ не утрудить, то ссылаюсь я въ томъ на извѣстіе, сообщенное господину Салтыкову и на отправляемую его реляцію; тако-жъ на обстоятельную мою о томъ грамату къ государынѣ великой княгинѣ. Я-жъ пріемлю смѣлость усильно просить васъ о заступленіи сего дѣла вашимъ дво-

ромъ, для насъ собственно, или же по дѣлу господина маркиза де-Френжа, которое достойно онаго заступленія. Вы понимаете, отъ чего произошло сіе показанное намъ насильство и къ чему особливо сынъ мой себя подвергнулъ своею твердостію, коей причиною особливо удостовѣренія союзныхъ державъ.

Впрочемъ ему столь чувствительно видѣть страждущимъ для него господина маркиза де-Френжа, своего друга и суще достойнаго человѣка, что онъ тѣмъ много здоровья своего потерялъ, и опасаюсь, чтобъ его вовсе не лишился, если сей молодой человѣкъ вскорѣ освобожденъ не будетъ. Я же съ моей стороны, по прибытіи моемъ сюда, весьма недомогала, однако нынѣ парочито поправилась. Я ласкаю себя, что государыня великая княгиня апробуетъ, равно какъ и ваше сіятельство, выѣздъ нашъ сюда, находившись уже дома въ опасности, и будучи намъ здѣшнее мѣсто гораздо удобнѣе какъ для совѣтованія, такъ и для всѣхъ тѣхъ приключеній, кои повидимому рѣшатъ, сколь долго мы здѣсь пребывать имѣемъ. Сіе по истиннѣ мою экономію нѣсколько въ безпорядокъ приводитъ; но одолжительныя старанія вашего сіятельства способствовали къ подачѣ мнѣ въ свое время средствъ въ прежнее прійти состояніе. За симъ прошу о продолженіи вашей ко мнѣ дружбы и напамятованія.

3. Переводъ съ письма къ ея императорскому высочеству великой княгинѣ отъ вдовствующей княгини Ангальтъ-Цербстской, изъ Гамбурга отъ 1-го Марта по нов. шт. 1758-го году.

Мадамъ!

Вашему императорскому высочеству безъ сумнѣнія удивительно будетъ видѣть сіе мое письмо, писанное изъ Гамбурга; но еще гораздо больше удивитесь той реляціи, ко-

торую господинъ Салтыковъ послалъ къ своему двору. Въ семъ моемъ письмѣ ссылаюсь я на обстоятельства, показанныя въ помянутой реляціи господина Салтыкова; не сумнѣваясь, чтобъ объ оныхъ сообщено вамъ не было; я довольствуюсь только упомянуть здѣсь о главныхъ причинахъ и о нѣкоторыхъ особливыхъ обстоятельствахъ, побудившихъ моего сына и меня выѣхать сюда, о коихъ я запотребно не разсудила внесть въ его реляцію, дабы о томъ не всѣмъ извѣстно быть могло.

Тому уже около двухъ мѣсяцевъ назадъ, какъ король Французской, свѣдавъ о жалобахъ, принесенныхъ о безпорядкахъ, кои Французская армія при приближеніи своемъ къ Гальберштату причинила въ нашей деревнѣ Милингенъ отправленнымъ туда своимъ деташаментомъ гусаровъ, прислалъ намъ господина маркиза Френжа, человѣка молодаго, знатной породы и постояннаго, крайняго друга моего сына, которой зналъ его еще во Франціи и отъ него великія одолженія себѣ видѣлъ. Ему, маркизу, дано при томъ вѣрющее письмо, и не токмо поручено обнадежить насъ объ аттенціи его двора къ намъ, въ разсужденіи вашего императорскаго высочества, но и точно повелѣно наблюдать нашъ интересъ, при приближеніи арміи къ нашимъ границамъ. Принятъ онъ со всякою отличностію, достойною его породѣ и порученной ему коммисіи. Въ то время въ Цербстѣ находилось еще великое множество Прусаковъ всякаго званія, кои бѣжали туда по причинѣ экспедиціи господина Гаддикса, и коихъ, по силѣ законовъ и уставовъ имперскихъ, не впустить въ городъ невозможно было. По родству невѣстки моей съ королевскою Пруською фамиліею *), наѣхало ко двору Цербстскому между прочими

*) Братъ Ангальтъ Цербстской княгини, Шведскій король, былъ женатъ на сестрѣ короля Прусскаго.

множество и такихъ, кои только присматривали; токмо имъ всякая тамъ показана была учтивость, какую честность и обхожденіе требовали въ толь трудномъ случаѣ, въ которомъ оные тогда находились. На лицѣ ихъ видѣла я всегда, когда маркизъ ни появлялся, перемѣну. Между ними немалое число было женщинъ, кои оказывали ему великія неучтивости, говоря съ нимъ весьма грубо; токмо онъ все принималъ такимъ образомъ, что, ни мало не уроня своей чести, заслужилъ себѣ еще почтеніе отъ всѣхъ честныхъ людей.

Я не скрываю отъ вашего императорскаго высочества, что, по поступкамъ сихъ женщинъ, я нѣчто худаго себѣ предвѣщала, не зная и сама тому причины. Я старалась было сіи предвѣщанія мои отъ себя удалить, воображая, что нынѣ натурально Прусакамъ Французовъ не любить; что мало такихъ людей, кои порядочны въ поступкахъ своихъ быть могутъ, и что между знатными есть такіе-же подлые, какіе-бы они подлинно и въ самомъ званіи томъ были; и есть-ли-бъ я мнѣніямъ моимъ послѣдовала, то-бы конечно могла предупредить слѣдствія того, но я почитала сихъ женщинъ за болтливыхъ. Я видѣла происки ихъ при небольшомъ нашемъ дворѣ, и противъ самой меня и сына моего, и теперь узнала я, что онѣ писали ко двору *), чтò и подало причину ко всему происшедшему.

Въ одну ночь, какъ всѣ въ самомъ глубокомъ снѣ были, деташаментъ Прусскихъ гусаровъ, введенной въ городъ тайно, напалъ на квартиру господина маркиза Френжа, и какъ онъ сталъ противиться, не впуская никого къ себѣ въ двери, то ранивъ его взяли было въ шлафрокѣ; но сынъ мой, увѣдомясь о томъ отъ караульныхъ и отъ дозору, прибѣжалъ самъ туда, и его у нихъ отбивъ, при-

*) Т. е. ко двору Прусскому.

слалъ ко мнѣ въ портшезѣ, и онъ остался у меня до втораго печальнаго происшествія, о коемъ я вкратцѣ упомянуть намѣрена.

Офицеръ, который командовалъ симъ деташаментомъ, коимъ учинены означенные насильственные поступки, объявилъ, что имѣетъ онъ словесное о томъ отъ короля повелѣніе, и предъявилъ письмо, запечатанное королевскою Прускою печатью, но надпись онаго никому показать не хотѣлъ. По сему случаю принесены королю жалобы въ пристойныхъ и умѣренныхъ терминахъ. Сіе письмо адресовано на имя перваго министра графа Подевильса, которому учинены наисильнѣйшія, пристойныя и умѣренныя представленія; а отвѣта на сіе отъ помянутаго министра ожидали чрезъ цѣлыя двѣ недѣли. Напослѣдокъ полученъ оной отвѣтъ, сочиненной въ такихъ терминахъ, о коихъ было и не думали. Въ семъ отвѣтѣ не отрицаются отъ вышеупомянутаго насильственнаго поступка, при чемъ еще предъявляется съ стороны королевской угроженіе противъ персоны господина марки, въ такихъ терминахъ, о которыхъ я ради благопристойности здѣсь упомянуть не могу. Въ то время думали, что надлежитъ увѣдомить короля и министра его о характерѣ означеннаго маркиза, чего ради послана была копія съ кредитива; но вмѣсто ожидаемаго на то отвѣта, присланъ отрядъ многочисленной конницы, которой окружилъ здѣшній зàмокъ. Командующій симъ деташаментомъ офицеръ объявилъ сыну моему, что взялъ онъ господина марки Френжа, и вручилъ ему королевское письмо въ отвѣтъ на учиненныя графомъ Подевильсомъ по сему случаю представленія. Сему офицеру объявлено, что намѣрены еще ожидать втораго письма, которое-бы рѣшительно было. Весьма было трудно склонить сего офицера, чтобъ онъ возвратился въ городъ, что̀ онъ однако накопецъ и учинилъ, но при томъ объявилъ, что онъ долженъ

донесть о семъ полковнику своему Тауенцину, которой конечно пришлетъ около четырехъ сотъ человѣкъ съ пушками. Въ семъ ему воспрепятствовать было не можно; и для того, ради предосторожности, писано къ полковнику и притомъ послана копія съ учиненныхъ вновь королю представленій. Къ сему же государю еще писали и требовали паспорта для господина маркиза въ такомъ случаѣ, если его величество того не отмѣнитъ, чтобъ помянутый марки выѣхалъ изъ Цербста. Вмѣсто отвѣта отъ короля, отъ министра его присланъ деташаментъ, которымъ вышеозначенной офицеръ угрожалъ. Сей деташаментъ состоялъ изъ конницы и пѣхоты, при чемъ были и пушки. Командующій симъ деташаментомъ офицеръ, по учиненіи ему сильныхъ представленій, склонился пробыть два дня въ Рославѣ. Но какъ королевскимъ отвѣтомъ было умедлено, то по востребованіи отъ полковника своего Тауенцина новаго ордера, подошедъ къ городу, овладѣлъ городскими воротами, поставилъ на площади пушки, и по возвращеніи курьера его объявилъ намъ, что въ силу полученнаго имъ ордера имѣетъ онъ поступать противъ за̀мка съ крайнею жестокостью; но мы за по̀требно не разсудили выдать акредитованнаго. Господинъ маркизъ де-Френжъ объявилъ, что онъ, наблюдая должность свою, въ разсужденіи двора своего, не дозволитъ, чтобы для него за̀мокъ разломать, и что онъ въ полночь отдается въ руки одному офицеру отъ кавалеріи; и онъ то учинилъ съ такою твердостію, что чрезъ то заслужилъ все мое почтеніе. Его повели въ Магденбургъ, гдѣ его бросили въ одну изъ basses cours.

Въ томъ состоятъ, милостивая государыня, всѣ обстоятельства сего чрезвычайнаго приключенія, кое мы претерпѣли и которымъ явно нарушены народное право, законы и конституціи, до сихъ поръ столь свято почитаемыя въ Имперіи; но что̀ наигорестнѣйшимъ есть для меня въ семъ

приключеніи, что паивяще пронзаетъ сердце мое, и о чемъ не должно и свѣту вѣдать: то воспріятые противъ меня умыслы въ самомъ Цербстѣ, и по онымъ воспослѣдовавшее сыну моему жестокое насильство. Онъ столько о томъ неизвѣстенъ, сколько я; да и для его покоя весьма нужно, чтобъ онъ о семъ тайномъ замыслѣ отнюдь прямо не вѣдалъ. Я начинщиковъ тому знаю, однако вознамѣрилась вовсе объ нихъ умалчивать. Я подлинно никогда не забуду тотъ великой страхъ, въ которой я какъ отъ сего поступка, такъ для сообщниковъ и производителей онаго приведена, ни мѣсто, гдѣ то дѣлалось, ниже тотъ ужасъ, коимъ я всегда объемлема, особливо когда вспомню о лукавствѣ нѣкоей персоны, о коварствѣ которой я подлинно подозрѣвала, однакожъ никогда не думала, чтобъ по моему къ ней черезъ четыре года показанному благодѣянію и учтивости, могла она столь неблагодарною быть. Чтó до сына моего касается, то я онымъ весьма довольна. Онъ добрые подалъ опыты о своемъ благонравіи, которые къ чести его послужатъ.

Впрочемъ побудительныя причины учиненному въ нашемъ мѣстѣ насильству и прочее не принудили бъ еще насъ оттуда выѣхать, еслибъ мы не получили подтвердительнаго и важнаго извѣстія, что сынъ мой должайшимъ пребываніемъ въ домѣ своемъ подверженъ былъ поруганію, будучи онъ Аустрійскимъ генераломъ, а я матерью вашего императорскаго высочества и сестрою такого принца, который воюетъ противъ страшнаго и сильнаго сосѣда, и потому мы за нужно разсудили на сей выѣздъ поступить. Въ тотъ день, когда мы намѣреніе приняли выѣхать, имѣла я отъ извѣстной руки толь ясныя о тѣхъ умыслахъ улики и свидѣтельства, что мы не мѣшкавъ еще той-же ночи оттуда выѣхали. Моя невѣстка осталась въ Цербстѣ, крайне любима въ тѣхъ мѣстахъ и у той фамиліи, въ коей ея сестра въ

супружествѣ находится. По великому и тѣсному ея тамъ союзу, не имѣетъ она причины съ той стороны чего либо опасаться и можетъ, если похочетъ, тамо полезною быть своему супругу. А какъ я увѣдомилась, то она съ двѣ недѣли прежде отъѣзда моего больна была; а во все то время я, и сама не домогая, ее посѣтить не могла. Нашъ отъѣздъ учинился потаеннымъ образомъ, ибо никто о томъ не вѣдалъ, и мы ѣхали трое сутки безъ остановки, а прибыла я сюда больна жабою (отъ которой я однакожъ почти выздоровѣла), чему нимало удивляться не должно, въ разсужденіи безпокойства въ пути при нынѣшней худой дорогѣ и тѣхъ объѣздовъ, кои мы чинить принуждены были для избѣжанія погони отъ Прусской арміи. Гоненіе отъ Прусаковъ продолжалось чрезъ девять дней; мы видѣли формальную осаду земли нашей, а сіе случилось два дня послѣ полученнаго извѣстія мною о кончинѣ моей дражайшей сестры принцессы Саксенготской. Если ваше императорское высочество себѣ представите ту жестокость, съ которою сіи самыя персоны, на которыхъ я столь сильно жаловаться причину имѣю, со мною поступали по случаю кончины сестры моей и во время помянутаго ужаснаго происшествія, то вы благоволите отъ бѣднаго сына моего такія мои обиды скрыть. Я оныя вамъ ввѣряю, открывая при томъ всю искренность сердца моего и прося никому о томъ никогда не объявлять; а ежели вы о тѣхъ людяхъ догадаетесь, то прошу объ отпущеніи имъ вины ихъ. Я все сіе больше причитаю въ вину несчастливому жребію своему; паче же всего прошу не смѣшать виноватыхъ съ невинными. Тѣ, которые остались послѣ меня въ Цербстѣ, въ томъ невиновны, а можетъ быть и между ими нѣкоторые малодушные или паче отважные найдутся, но могутъ иногда придти въ совѣсть и показать полезныя услуги, когда имъ

представляются въ томъ выгоды и оказывается онымъ довѣренность.

По происшествіямъ увидимъ мы, сколь долго мы здѣсь пребывать имѣемъ. Я, когда о семъ ни помышляю, всегда опасаюсь и ужасаюсь Цербста. Мнѣ онъ всегда представляться будетъ дикимъ и страшнымъ мѣстомъ. Много времени потребно, чтобъ истребить изъ меня сей страхъ. Чтожъ до сына моего касается, то принялъ уже онъ свои мѣры; однако еще видѣть надобно, можетъ ли оныя исполнить.

Я нашла здѣсь господина Салтыкова весьма ревностнымъ, учтивымъ, радѣтельнымъ, готовымъ во всемъ служить мнѣ, равно какъ и любезную его супругу. Я утѣшеніе имѣю ежедневно разговаривать съ ними о вашемъ императорскомъ высочествѣ. Сіе порадованіе мнѣ весьма нужно. Я стою въ домѣ родительницы моей, въ коемъ братъ мой уступилъ мнѣ верхній этажъ. Моя сноха, супруга моего брата Георгія, которая ежечасно сюда изъ Пруссіи ожидается, нижній этажъ получитъ. Я о сынѣ моемъ ничего не упоминаю, ибо онъ самъ къ вамъ нынѣ пишетъ, а токмо совокупно съ нимъ прошу, дабы бѣдной маркизъ де-Френжъ, какъ скоро можно, освобожденъ былъ; онъ ему другъ, онъ его любитъ и крайнѣйше сожалѣетъ видѣть его для него страждущаго, почему и столь много объ немъ печалится, что мнѣ весьма прискорбно его въ такомъ состояніи видѣть. Показуемое по сему дѣлу заступленіе ваше наипаче заставитъ насъ Бога молить за ваше высочество, пребывая съ сущимъ и искреннѣйшимъ атташементомъ, мадамъ, вашего императорскаго высочества

Покорнѣйшая и послушнѣйшая вѣрная мать и услужница I. Елисаветъ.

VII.

Прусаки въ Саксоніи.

Пребывающій здѣсь Саксонскаго посольства совѣтникъ Прассе, при промеморіи своей отъ 2 (13) Декабря 1760 года, сообщилъ канцлеру полученной имъ, Прассемъ, отъ двора своего обстоятельной меморіалъ о причиненныхъ въ Саксоніи королемъ Прускимъ убыткахъ и о прочемъ, изъ котораго меморіала, для Высочайшаго Ея Императорскаго Величества извѣстія, слѣдуетъ при семъ экстрактъ.

ЭКСТРАКТЪ ИЗЪ МЕМОРІАЛА О ПРИЧИНЕННЫХЪ КОРОЛЕМЪ ПРУСКИМЪ ВЪ САКСОНІИ УБЫТКАХЪ, И О СРЕДСТВАХЪ КЪ ДОСТАВЛЕНІЮ ОНОЙ СПРАВЕДЛИВАГО НАГРАЖДЕНІЯ ЗА ПРОШЕДШЕЕ, И НАДЛЕЖАЩЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ ДЛЯ БУДУЩАГО ВРЕМЕНИ.

Его величество король Польской предъявляетъ, что причиненные ему и землямъ его отъ короля Прускаго убытки превосходятъ сумму ста милліоновъ ефимковъ; что оные убытки не могутъ заплачены быть всѣ наличными деньгами; да такое возвращеніе убытковъ и не доставило-бы Саксоніи безопасности для будущаго времени, которая безопасность однако должна составлять наисуществительнѣйшую часть справедливаго награжденія. Но понеже лишенъ онъ болѣе четырехъ лѣтъ всѣхъ своихъ доходовъ, и Саксонія отдана ему будетъ въ истощенномъ состояніи, то требуетъ онъ:

1) Чтобъ для исправленія и избавленія оной отъ бѣдности, возвращена ему была нѣкоторая часть убытковъ и наличными деньгами; и чтобъ для поправленія же города Лейпцига и возстановленія его кредита заплачена оному была по крайней мѣрѣ нѣкоторая часть вынужденной тамъ превеликой суммы денегъ.

2) Чтобъ въ будущемъ мирномъ трактатѣ, или же, если возможно, формою прелиминарныхъ пунктовъ, именно выговорено было, дабы всѣ письма, документы и другія дѣла, принадлежащія къ кабинету и къ архивамъ курфирстскаго Саксонскаго дома, которые похищены неслыханнымъ насильствомъ, отданы были обратно всѣ въ цѣлости, такъ чтобъ ничего изъ оныхъ удержано не было.

3) Чтобъ король Пруской обязанъ былъ возвратить натурою, или заплатить точно по описямъ всю артилерію, ружье, аммуницію и другіе военные снаряды, которые увезены съ 1-го Сентября 1756 года изъ арсеналовъ Саксонскихъ, а особливо изъ Дрездена, Цейца и Вейссенфельса.

4) Чтобъ всѣ полки, конные, пѣхотные и драгунскіе, съ артилерійскимъ и инженернымъ корпусомъ, всѣ мастеровые и другіе люди, какого бы званія они ни были, принадлежащіе къ военному Саксонскому штабу и составляющіе Саксонскую армію, такъ какъ была она въ лагерѣ при Пирнѣ въ 1756 году (сколько-бъ еще оныхъ подъ властію короля Прускаго ни находилось) отданы были вѣрно и отведены въ Саксонію, не удержавъ ни одного человѣка. Тожъ требуетъ онъ и въ разсужденіи всѣхъ другихъ Саксонскихъ подданныхъ, которые отведены и переселены въ области короля Прускаго, а особливо всѣхъ тѣхъ, кои при окончаніи войны опредѣлены добровольно, или по неволѣ въ Прускія войска; такожъ возвращена была-бъ шляхетная рота кадетовъ и всѣ другіе Саксонскіе дворяне, ко-

торыхъ король Пруской, по неслыханному нарушенію правъ самодержавства и по безпримѣрному безчеловѣчію, принудилъ употреблять оружіе противъ законнаго ихъ государя. Требуетъ же онъ, чтобъ они отданы были вѣрно, такъ чтобъ ни одинъ изъ нихъ, подъ какимъ бы видомъ и въ какомъ бы достоинствѣ то ни было, въ службѣ короля Прускаго не остался.

5) Его величество надѣется, что не токмо будетъ исходатайствовано для него возвращеніе пропорціональное убыткамъ, но еще и доставлена ему впредь безопасность достаточная противу такихъ насильствъ, каковыя онъ претерпѣлъ; а для сего сугубаго намѣренія, ничего пристойнѣе не было-бъ, какъ отнять у непріятеля герцогство Магдебургское съ смежными къ оному землями и отдать ихъ королю и его дому. И такъ его величество предлагаетъ, чтобъ помянутое герцогство со всѣмъ Сальскимъ округомъ, Питсбургской амтъ, княжество Гальберштатское со всѣми онаго принадлежностями, земское верховное начальство части графства Мансфельдскаго, секвестрованной въ пользу короля Прускаго, Бранденбургская часть въ графствѣ Гогенштейнскомъ и штифтъ Кведлинбургской отдѣлены были отъ владѣній короля Прускаго, для присоединенія навсегда къ областямъ курфирстскаго Саксонскаго дома.

6) Понеже всей Европѣ извѣстны права курфирстскаго Саксонскаго дома на наслѣдство Клевское и Юлихское, то король требуетъ часть сего наслѣдства, находившуюся до нынѣшней войны во владѣніи у короля Прускаго, представляя о достальной части учинить раздѣлъ съ Фальцскимъ домомъ, такъ какъ высокіе союзники разсудятъ то за пристойно.

7) Что сія часть земель, которыя достанутся Саксонскому дому, можетъ быть обмѣнена съ его свѣтлостью курфирстомъ Майнцскимъ на городъ Эрфуртъ, на обѣ онаго

крѣпостцы, Петерсбергъ и Циріаксбургъ, и на Эйхфельдскую землю, съ двумя городами, Дудерштадомъ и Гейлигенштадомъ; и его величество уповаетъ на дружбу высокихъ своихъ союзниковъ, что они благоволятъ склонить его свѣтлость курфирста Маинцскаго къ сему распоряженію, обоимъ курфирствамъ равномѣрно удобному. Эрфуртъ и Эйхфельдская земля весьма отдалены отъ прочихъ владѣній курфирста Маинцскаго, а смежны съ ландграфствомъ Туринскимъ, а потому были-бъ оному весьма выгодны въ разсужденіи комерціи.

8) Что владѣнія короля Прускаго, включенныя въ Нижней Лаузаціи и вобще называемыя Богемскими ленами, а именно: Котбусъ, Цейцъ, Сторкау, Бескау и Зоммерфельдъ, суть источникомъ безпокойствъ для Саксоніи и могутъ причинить несогласія; почему, хотя оныя сами собою весьма маловажны, для короля однако нужны, и его величество требуетъ, чтобъ сіи владѣнія включены были въ награжденіе за его убытки.

9) А дабы можно было свободную комуникацію имѣть между его королевствомъ и наслѣдственными его областями, которая выгода безъ сумнѣнія учинитъ дружбу его полезнѣйшею, то король ласкаетъ себя, что высокіе его союзники главнѣйшимъ пунктомъ имѣть будутъ то, чтобъ доставить ему герцогство Кроссенское и Циллихавской дистриктъ въ Силезіи.

10) Что къ сему благоволитъ присовокупить ея величество императрица-королева Венгерская землю Швибускую, какъ то уже обѣщала она въ 1745 году Лейпцигскою конвенціею.

11) Еще-жъ желаетъ король, чтобъ въ будущемъ мирномъ трактатѣ поставлено было то, что̀ касается до уступленія правъ верховнаго начальства ея величества императрицы-королевы надъ князьями и владѣтелями Шварцбург-

скимъ, Рейскимъ, Шенбургскимъ, Лихтенштейнскимъ и Маркъ-Ашскимъ; такъ же чтобъ учинено было совершенное отрицаніе на право короны Богемской, на Зонневальдъ въ Лаузаціи. и нѣкоторыя мѣста въ Фогтландѣ.

12) Требуетъ онъ, чтобъ учинены были нѣкоторыя распоряженія, которыя могли-бы освободить по крайней мѣрѣ большею частію курфирство Саксонское отъ великихъ долговъ, и въ семъ намѣреніи принудить бы короля Прускаго, чтобъ онъ заплатилъ все то, чтò Саксонская рентерея должна еще своимъ подданнымъ, тѣмъ наипаче, что онъ получалъ болѣе четырехъ лѣтъ доходы, опредѣленные для сей публичной казны. А при томъ отнять бы у него то, чѣмъ онъ понынѣ владѣетъ въ Гельдріи, и отдать оное королю курфирсту Саксонскому. Еще-жъ принудить бы короля Прускаго отрещись отъ всѣхъ своихъ правъ на княжество Нефшательское и Валленгинское въ Швейцаріи, уступивъ оныя равномѣрно его величеству королю курфирсту Саксонскому.

13) А понеже король Аглинской весьма много способствовалъ къ раззоренію Саксоніи учиненіемъ королю Прускому вспоможенія, то требуетъ его величество Польское, чтобъ долгъ, состоящій въ трехъ милліонахъ и пятистахъ тысячахъ ефимковъ, которые выданы ему въ ссуду отъ короля Аглинскаго изъ особливой его Ганноверской казны, былъ уничтоженъ будущимъ мирнымъ трактатомъ со всѣми свершками, и чтобъ область Шлейзингенъ, положенная въ закладъ для безопасности помянутаго долга, объявлена была свободною отъ всякаго обязательства.

14) Что же касается до герцога Саксенготскаго, которой соединеніемъ своихъ войскъ съ Ганноверскою арміею способствовалъ къ продолженію утѣсненія, подъ которымъ стонало курфирство Саксонское съ начала войны, то его величество полагается въ томъ на высокихъ своихъ союз-

никовъ и ручателей Вестфальскаго мира, чтобъ признать несправедливость сего поступка и возвращеніе убытковъ, котораго имѣетъ онъ право отъ него ожидать для облегченія своихъ подданныхъ.

Наконецъ, требуетъ его величество Польское точныхъ и формальныхъ о доставленіи ему совершеннаго удовлетворенія обнадеживаній, либо чрезъ декларацію, или запасною конвенцію, и надѣется, что Ея Императорское Величество Всероссійская соблаговолитъ безъ утраты времени склонить всѣхъ высокихъ союзниковъ къ согласному принятію обязательства для доставленія награжденія Саксоніи, такъ какъ оное означено выше сего; а для сего, по предъявленію его, запасная конвенція, подписанная всѣми союзными державами, имѣетъ быть надежнѣйшимъ способомъ къ предупрежденію затрудненій, могущихъ произойти при будущихъ негоціаціяхъ о возстановленіи мира.

VIII.

Сношенія съ Франціею.

1. Переводъ письма къ канцлеру отъ извѣстнаго Терсіе, изъ Парижа отъ 10-го Февраля 1760 года (полученнаго съ капитаномъ Шокуровымъ 9-го Апрѣля).

Милостивой государь! Письмо, которымъ ваше сіятельство почтить меня изволили 20-го Октября по старому стилю прошлаго года, вручено мнѣ 21-го Декабря нов. ст. господиномъ капитаномъ Шокуровымъ съ наказанными ему отъ вашего сіятельства предосторожностями. Первое мое стараніе было тогда всеподданнѣйше поднесть оное королю моему государю. Разныя обстоятельства не дозволили мнѣ получить такъ скоро, какъ бы я того желалъ, повелѣніе его величества о моемъ на то письмо отвѣтѣ; а нынѣ, будучи въ состояніи къ тому, исполняю сію должность безъ упущенія времени.

Когда Ея Величество (какъ упоминаете ваше сіятельство) съ удовольствіемъ усмотрѣть изволила королевскую къ ней искренную дружбу и твердое намѣреніе оставаться при обязательствахъ своихъ о подкрѣпленіи общаго дѣла: то имѣю честь обнадежить ваше сіятельство, что король совершенно одинакихъ мнѣній съ Ея Величествомъ; да и подлинно ничто пріятнѣе быть ему не можетъ, какъ согласіе, основанное болѣе на взаимномъ другъ къ другу почтеніи, произведенномъ отличными добродѣтелями и высокими качествами обоихъ государей нашихъ, нежели на

интересѣ, для котораго обыкновенно сдружаются государи. Почему главное основаніе дружбы Ихъ Величествъ не иное что какъ праводушіе ихъ, добрая вѣра и искренность. Толь равныя съ обѣихъ сторонъ свойства и кои особливо примѣчаются во всѣхъ Ея Императорскаго Величества дѣлахъ, имѣютъ удостовѣрить Ея Величество, что король за всегда особливое стараніе прилагать будетъ доказывать дѣйствительными опытами искреннѣйшую къ ней довѣренность свою, соотвѣтствуя той, которую она на дружбу его полагать изволитъ. Сію довѣренность съ великимъ удовольствіемъ усмотрѣлъ его величество изъ письма вашего сіятельства. Вся Европа отдаетъ безспорно должную справедливость той ревности, съ которою Ея Императорское Величество защищаетъ утѣсненныхъ несправедливымъ непріятелемъ государей и ихъ земли. Не токмо данные уже Ея Величествомъ опыты твердости своей въ соблюденіи обязательствъ союза и польза, которую храбрость войскъ ея принесли общему дѣлу ослабленіемъ силъ помянутаго непріятеля, но и все, что̀ Ея Величествомъ чрезъ три года сдѣлано, предвѣщаетъ, чего еще и впредь учинить изволитъ, пока общими союзниковъ устремленіями въ земляхъ, бѣдствіями войны изнуренныхъ, возстановится прочной и постоянной миръ, къ чему единственно простираются всѣ поступки его величества. А какъ повседневно перемѣняющіяся обстоятельства могутъ произвесть такіе случаи, въ коихъ-бы небезнужно было, чтобъ король откровенно сообщилъ Ея Императорскому Величеству о намѣреніяхъ своихъ, и желалъ-бы вѣдать мнѣніе ея, почему сіе обстоятельство и подало поводъ къ секретной чрезъ ваше сіятельство перепискѣ: то его королевское величество, будучи весьма благодаренъ за ту охотную податливость, съ каковою Ея Величество оную принять изволила, за особливое почелъ бы себѣ удовольствіе пользоваться симъ способомъ для

соглашенія о тѣхъ разныхъ дѣлахъ, о которыхъ отъ вашего сіятельства ко мнѣ писано. Но сами легко разсудить можете, что сколько-бъ его величество того ни желалъ, будучи при томъ увѣренъ, что между государями, послѣдующими токмо собственной сердецъ своихъ искренности, всякая въ дѣлахъ трудность вскорѣ преодолѣвается, невозможно однакожъ отступить отъ обыкновеннаго порядка производить дѣла чрезъ министровъ и пословъ своихъ; ибо изъ сего самаго произошли-бъ безчетныя несходства, коихъ его величество со всею усердностью своею поправить не могъ бы. Но я имѣю повелѣніе объявить вашему сіятельству, что можете обнадежить Ея Величество, что въ тоже самое время, когда секретная переписка предоставлена будетъ для дѣлъ, кои собственно до государей нашихъ касаться могутъ, первой пунктъ инструкцій для постановленія договоровъ о мирѣ въ Германіи и опредѣляемыхъ министровъ въ томъ состоять будетъ, чтобъ они во всемъ способствовали желаніямъ и интересамъ Ея Императорскаго Величества и оныя бы подкрѣпляли. Король совершенно чувствуетъ все, что̀ для Ея Величества дѣлать должно за учиненное ею въ пользу общихъ интересовъ. Его величество надѣется, что происшествія, коими война кончится, союзникамъ такъ полезны будутъ, что возможетъ доказать Ея Императорскому Величеству, сколько въ существѣ самомъ упражняется тѣмъ, что̀ до нея касается. Но дѣла не достигли еще до той степени, чтобъ возможно было предвидѣть, какой конецъ война имѣть будетъ. Между тѣмъ точныя расположенія къ дѣйствительному исполненію искренняго его величества намѣренія способствовать самымъ дѣломъ въ успѣхахъ желаній Ея Императорскаго Величества не инако какъ на семъ познаніи основать можно. Сіе однакожъ подлинно, что непремѣнна пребудетъ королевская дружба къ Ея Величеству, и что успѣхи войска ея ко-

нечно-бъ еще важнѣе были, если-бъ имѣли они съ тылу такое мѣсто, которое бы съ безопасностью облегчало имъ вступленіе въ непріятельскія земли. Одинъ токмо Стетинъ къ сему способнымъ быть могъ. Сожалѣнія достойно, что не можно было его осадить; но его величество уповаетъ, что происшедшее дѣло при Максенѣ и положеніе Австрійскихъ войскъ, препятствующихъ Прусакамъ овладѣть Дрезденомъ, и кои и совсѣмъ изъ Саксоніи выгнать ихъ могутъ, въ нынѣшнюю кампанію болѣе, нежели въ прежнихъ облегчатъ взятье Стетина. Извѣстно вамъ, милостивой государь, сколь усильно представляется о нуждѣ сей осады. Отъ Гданска, напротивъ того, толь великой пользы имѣть отнюдь не можно. Сей городъ, будучи внѣ натуральнаго положенія воинскихъ дѣйствъ, можетъ, правда, сначала служить убѣжищемъ войскамъ Россійскимъ и охранить ихъ отъ нападеній толь проворнаго и отважнаго непріятеля; но думать не должно, чтобъ король Пруской, упражняясь нынѣ въ спасеніи собственныхъ своихъ земель, пошелъ на Россіянъ даже подъ самой Гданскъ. Сего ради думаетъ его величество, что, не упоминая ниже о несправедливости (какъ то смѣло сказать можно) предпріятія сего, которое, не будучи нужное, слѣдовательно и настоящею яко-бы въ томъ надобностію извинено быть не можетъ, ниже о должныхъ по собственному же вашего сіятельства признанію уваженіяхъ къ Польшѣ, чаемая отъ запятія Гданска польза не можетъ въ сравненіе поставлена быть съ тѣми бѣдственными слѣдствіями, кои-бы отъ того произошли; что завладѣніе симъ городомъ подъ нынѣшнее время возбудить можетъ новыхъ непріятелей, или воспричинствуетъ по меньшей мѣрѣ роптаніе всея Европы; потому что всякой, по различію пристрастій, разнымъ-бы образомъ и толковать сталъ о семъ предпріятіи, и сіе самое конечно вредило бы славѣ Ея Императорскаго Величества, о которой ваше сія-

тельство ревнуете столь много, что Ея Величеству ничего совѣтовать не будете, чѣмъ бы оная помрачена быть могла.

Г-нъ Шокуровъ спрашивалъ меня также именемъ вашего сіятельства, можетъ ли Ея Величество совершенно увѣриться, что о сей перепискѣ никому неизвѣстно *). Я имѣю точное повелѣніе обнадежить васъ, что сія тайна всемѣрно замыкается токмо между обоими нашими государями, и что кромѣ вашего сіятельства, господина Олсуфьева, господина Шокурова (которому поручено отъ васъ сдѣлать мнѣ сей вопросъ и которой о дѣлахъ переписки нашей не вѣдаетъ), да меня, никто другой безъ изъятія про то не знаетъ.

Исполня повелѣнія моего государя, которой черной отпускъ сего письма собственноручно апробовать изволилъ, остается мнѣ токмо обнадежить ваше сіятельство о томъ безпредѣльномъ почтеніи, съ коимъ имѣю честь быть, милостивой государь, вашего сіятельства покорнѣйшимъ и послушнѣйшимъ слугою Терсіе.

P. S. Я долженъ засвидѣтельствовать вамъ, милостивой государь, что господинъ Шокуровъ весьма желалъ безъ замедленія возвратиться къ вамъ съ отвѣтомъ на ваше ко мнѣ письмо; но невозможно было вручить ему оной прежде сегодняшняго числа, т. е. 19 Февраля, хотя и поставлено въ немъ 10-е число; а кромѣ сего ничто иное его здѣсь не задержало.

Такожъ прошу господина Олсуфьева извинить поправки въ цыфрахъ, происшедшія отъ того, что я ихъ прилежно

*) Кромѣ отдачи пакета Терсіеру никакой больше комисіи Шокурову поручено не было; и сей вопросъ имъ собственно учиненъ весьма не кстати и продерзостно, можетъ быть отъ излишняго любопытства, за что и выговоръ ему учиненъ. Примѣчаніе графа М. Л. Воронцова.

пересматривалъ, дабы, ежели возможно, никакихъ ошибокъ не было.

Переводилъ дѣйствительной статской совѣтникъ Адамъ Олсуфьевъ.

2. ИЗЪ РЕЛЯЦІЙ ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО КАМЕРГЕРА КНЯЗЯ ДМИТРІЯ ГОЛИЦЫНА ИЗЪ ПАРИЖА, ПОЛУЧЕННЫХЪ СЪ ВОЗВРАТИВШИМСЯ ОТЪ НЕГО КУРЬЕРОМЪ КАШТАЛИНСКИМЪ ВЪ 16-Й Д. НОЯБРЯ 1760 ГОДА, ПОДЪ № 35-МЪ ОТЪ 12 (23) ОКТЯБРЯ.

Въ отправленной моей реляціи на послѣдней почтѣ упомянуто было токмо вкратцѣ о полученіи мною Вашего Императорскаго Величества высочайшаго рескрипта чрезъ маіора Кашталинскаго; а нынѣ съ сею надежною оказіею доношу, что когда я включенное при томъ же рескриптѣ особое письмо отъ Вашего Императорскаго Величества канцлера дюку Шоазелю вручилъ, и при томъ Пруское подлинное письмо ему показывалъ, препроводя пространно точными изъясненіями и увѣреніями отъ стороны Вашего Императорскаго Величества (какъ оное тѣмъ указомъ предписано мнѣ было): то онъ Шоазель, прочитавши тѣ письма и выслушавъ о семъ мой разговоръ, принималъ сіе все, колико до него касается, за особливой опытъ Вашего Императорскаго Величества къ нему милостивой довѣренности и высочайшаго благоволенія, удостовѣряя меня накрѣпко, что имѣющіяся объ немъ единственно по великодушію Вашего Императорскаго Величества толь ласкательныя мнѣнія онъ съ глубокою благодарностью пріемлетъ и не преминетъ при всѣхъ удобныхъ случаяхъ существительно доказывать, коль много его сіе побуждаетъ наивяще наблюдать все то, что̀ общему дѣлу полезно и обоимъ высочайшимъ дворамъ угодно быть можетъ; по чемъ меня просилъ оное ориги-

нальное письмо у него оставить ради предъявленія королю его государю, на что я поступить дерзновеніе и принялъ въ разсужденіи обоюднаго взаимнаго откровенія респективныхъ державъ.

При читаніи помянутыхъ писемъ, по примѣчанію моему, оной Шоазель былъ спокоенъ, не оказывая ни малѣйшей въ себѣ какой либо перемѣны, которое чаятельно происходило отъ того, что содержаніе оныхъ ему было уже гораздо знакомо; разсужденія-жъ того Шоазеля при томъ были о словахъ упоминаемыхъ королемъ Прускимъ въ томъ своемъ письмѣ, что онъ въ силахъ своихъ душевныхъ и тѣлесныхъ истощеваетъ, то оное-де и прежде было уже извѣстно по состоянію его дѣлъ, не меньше-же сумнительно и опасно сіе для него одного. А о нареканіяхъ чинимыхъ ему, Шоазелю, онъ многажды разговоромъ подтверждалъ, что прямо того дознаться не можетъ и по любопытству единому стараться будетъ стороною о томъ свѣдать. Между тѣмъ же догадывается токмо, что не то ли иногда королю Прускому противно показалось, что давно уже оной проискивалъ миръ заключить съ Франціею, отдѣля ее отъ высокихъ союзниковъ, въ чемъ ему однако-жъ отказано было строго. А впрочемъ означенныя въ ономъ письмѣ коварныя и пренебрегательныя выраженія объ немъ Шоазелѣ онъ за ни что пріемлетъ, и въ затѣянномъ на него оправдается достаточно вѣрными услугами своему государю.

Его величество король Французскій, по полученіи той копіи, тогда-жъ ее читать изволилъ самъ съ Шоазелемъ, и оба совсѣмъ понять не могутъ, въ чемъ-бы такія нареканія на онаго Шоазеля состояли. Часто упоминаемое оригинальное письмо дюкъ Шоазель мнѣ паки отдалъ, купно и съ отвѣтнымъ письмомъ къ Вашего Императорскаго Величества канцлеру, которыя оба при семъ слѣдуютъ, съ

тѣмъ отъ него объявленіемъ, что король первообъявленное читалъ и сообщеніе того почитаетъ за знакъ Вашего Императорскаго Величества искренней къ нему дружбы и союзнической откровенности, за чтò его величество съ особливою чувственностью засвидѣтельствуетъ свое признаніе.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ПИСЬМА КЪ КАНЦЛЕРУ ОТЪ ДЮКА ШОАЗЕЛЯ, ИЗЪ ПАРИЖА ОТЪ 23-ГО ОКТЯБРЯ (1760).

Король повелѣлъ мнѣ засвидѣтельствовать вашему сіятельству, сколь много онъ чувствуетъ опытъ довѣренности, оказанной ему отъ Ея Императорскаго Величества Всероссійской сообщеніемъ его величеству оригинальнаго письма короля Прускаго, перехваченнаго императорскими войсками. Сія взаимная довѣренность весьма сходственна съ сентиментами дружбы и соединенія и которая, какъ нынѣ, такъ и завсегда пребудетъ твердымъ основаніемъ королевскаго союза съ Ея Императорскимъ Величествомъ.

Мы не могли понять, по какой причинѣ ругаетъ меня его Прускоe величество въ своемъ письмѣ. Я думаю, что истинное мое преступленіе противъ сего государя есть та точность, съ которою исполняю я королевскія повелѣнія сходственно съ его искренностію и союзомъ съ двумя императорскими дворами; въ такомъ случаѣ ругательство короля Прускаго служитъ похвалою праводушію и сентиментамъ моего государя, также и моей вѣрности въ моемъ званіи. Я же, нимало не печалясь о презрѣніи короля Прускаго, умножу еще ревность въ моемъ поведеніи. При семъ пріемлю смѣлость просить ваше сіятельство повергнуть сіи почтительныя обнадеживанія къ стопамъ Ея Императорскаго Величества и быть увѣреннымъ о особливомъ почтеніи и преданности, съ коими имѣю честь быть.

№ 36-й отъ того-жъ числа.

Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества рескриптомъ № 20-го, полученнымъ здѣсь такожде чрезъ присланнаго сюда курьеромъ маіора Кашталинскаго, дано мнѣ знать *), коимъ образомъ въ С-тъ Петербургъ изъ Варшавы извѣстіе дошло, что бывшій тамо Французскій министръ Дюранъ внушалъ тайно Полякамъ и ихъ склонялъ, чтобъ принцъ Ксаверій не токмо наслѣдствовалъ послѣ отца своего въ достоинствѣ короля Польскаго, но и дабы его королевское величество еще при жизни своей уступилъ корону оному принцу; такожде, что дофиня, доброжелательствуя брату своему, главною въ томъ предводительницею была, употребляя преданныхъ Франціи Поляковъ; и что король Польской, увѣдавъ о такихъ обстоятельствахъ, писалъ дочери своей помянутой дофинѣ, равно какъ и къ означенному принцу Ксаверію, оказуя въ томъ свое великое неудовольствіе, такъ что къ послѣднему и не отвѣтствуетъ на присылаемыя отъ него письма; при чемъ всемилостивѣйше мнѣ повелѣно откровенно о томъ изъясниться съ дюкомъ Шоазелемъ, что̀ я дѣйствительно всеподданѣйше и исполнилъ безъ всякаго замедленія; напротивъ чего объявленной дюкъ Шоазель мнѣ по сему поводу открылся, что показанному безосновательному дѣлу здѣсь происхожденіе было слѣдующее.

Что предъ нѣсколькимъ временемъ помянутая дофиня, такожде принцъ Ксаверій, да Саксонской министръ Фонтене и Саксонской же генералъ-маіоръ обрѣтающійся при томъ принцъ Мортанжъ, бывъ вмѣстѣ въ дофининыхъ покояхъ, въ шуткахъ сочинили о томъ мемо-

*) О семъ писано по случаю поданнаго извѣстія отъ посланника Воейкова. Примѣчаніе графа М. Л. Воронцова.

Архивъ Князя Воронцова. ~~XXI~~, 8.

XXIV 8

ріалъ *), которой послѣ и дофину показывали; съ восемь же мѣсяцевъ тому назадъ, Римско-Императорской посолъ графъ Старенбергъ, получа отъ своего двора въ ономъ увѣдомленіе, сообщилъ въ откровенности для прочтенія помянутой меморіалъ дюку Шоазелю, которой ни мало о томъ прежде не зналъ и съ удивленіемъ то видя, выпросилъ его у Старенберга на нѣсколько себѣ дней, по чемъ оной королю показавъ доносилъ, какое происшествіе означенному меморіалу было, и его величество, сіе прочетши съ пренебреженіемъ, назадъ Шоазелю отдалъ, объявя, что оное самое непристойное дѣло, и писано безъ всякаго основанія, а особливо прогнѣвался, что въ томъ меморіалѣ упомянуто было, что принцъ Ксаверій, будучи королемъ Польскимъ, женится на принцессѣ Французской, дочери королевской.

Шоазель такожде о томъ тогда-жъ говорилъ съ дофиномъ, которой отвѣтствовалъ, что тотъ меморіалъ дофиня ему вскользь показывала, но онъ, не уважая на такое пустое дѣло, и читать его не хотѣлъ; о чемъ означенной Шоазель и самоё дофиню въ тоже время спрашивалъ, представляя ей, колико сіе неосновательное дѣло причинить можетъ какъ подозрѣніе и недовѣренность у союзныхъ дворовъ, такъ и оскорбленіе королю Польскому ея отцу. Она на то изъяснилась, что оное происходило токмо келейно въ единую забаву, и съ тѣмъ, чтобы то никѣмъ знаемо быть не могло, по которымъ обстоятельствамъ Шоазель весьма меня увѣрялъ, что содержаніе того меморіала почитается здѣсь за одни несходныя и вздорныя мысли, и что сіе дѣло тогда-жъ крайне пренебрежено и совсѣмъ уничтожено.

Послѣ онаго показанный Шоазель, распространя свой разговоръ о Польскихъ поведеніяхъ, со всякою ласкою мнѣ

---

*) Сія шутка довела до непріятныхъ изъясненій. Примѣчаніе графа М. Л. Воронцова.

сказывалъ, что Французскіе министры, обрѣтающіеся въ Варшавѣ, отсюда инструированы Россійскимъ интересамъ отнюдь не препятствовать, и будто повелѣно было имъ о семъ посланнику Воейкову объявить, изображая мнѣ далѣе, что Французская партія въ Польшѣ болѣе есть мнимая, и дѣла тамошнія состоятъ въ единыхъ интригахъ и сплетняхъ, которыя здѣсь во уваженіе принимать мало достойны; о чемъ онъ болѣе отказывался изъ особливой откровенности ко двору Вашего Императорскаго Величества, прибавя къ тому еще и сіе, что графъ Бриль самъ многія лжи вымышляетъ, а потомъ ихъ сообщаетъ другимъ дворамъ за тайность, узнавъ будто оныя чрезъ постороннихъ, и увѣдомляетъ о томъ въ осторожность. Да и другіе того Бриля разные поступки признаетъ оной Шоазель за непристойные, яко человѣка нетвердаго и склоннаго токмо къ интригамъ и тщеславію, чрезъ что единственно себѣ пріобрѣсти ищетъ многихъ заслугъ.

Вышереченный Французской министръ Дюранъ, акредитованной въ Польшѣ, недавно сюда пріѣхалъ, и извѣстно мнѣ отъ надежной стороны, что онъ разговоромъ представлялъ здѣшнему министерству, что Поляки Саксонскаго курпринца никогда себѣ королемъ не выберутъ, по причинамъ, что графъ Бриль сего хочетъ, и о томъ старается, и еще-жъ они Поляки желаютъ, чтобъ король Польской никакихъ особыхъ владѣній ни въ Нѣмецкой землѣ, ни индѣ гдѣ совсѣмъ не имѣлъ и резидовалъ бы всегда въ Варшавѣ. А герцогу Курляндскому королемъ тамо быть препятствуетъ будто то, что сіе Россійскому двору не угодно, и яко-бы оной герцогъ тайно уже женатъ на нѣкоторой шляхтянкѣ Польской; по что до принца Ксаверія надлежитъ, то оному будто сход-

нѣе быть Польскимъ королемъ паче помянутыхъ двухъ его братьевъ, однако-жъ при нынѣшнихъ обращеніяхъ не уповательно, дабы Французской дворъ по сему предложенію похотѣлъ на что либо поступить, и чаятельно оное останется безъ рѣшенія малѣйшаго, до будущаго времени.

№ 37-й отъ того-жъ числа.

Отъ обоихъ ихъ Римско-императорскихъ величествъ присланъ сюда съ увѣдомленіемъ о совершившемся бракѣ его королевскаго высочества архи-дука Іосифа камеръ-геръ графъ Колоредо, которой въ Фонтенеблѣ имѣлъ уже у короля свою аудіенцію.

Пребывающій здѣсь Гишпанской посолъ сообщилъ мнѣ экстрактъ письма, присланнаго къ нему отъ Дона Вала, въ которомъ упоминается, что графъ Рикла своего государя просилъ отъ посылки онаго въ С-тъ Петербургъ, въ разсужденіи слабаго состоянія его здоровья, увольнить; на что король милостиво склонность и показалъ, но при томъ вмѣсто того Рикла назначилъ ко двору Вашего Императорскаго Величества полномочнымъ министромъ Марки Далмодовара, своего мажоръ-дома, которой природою и отличностію ничѣмъ не менѣе прежде къ тому было избраннаго, и что оной марки къ своему отъѣзду какъ наискорѣе возможно готовится.

IX.

Письмо конференцъ-секретаря Д. В. Волкова о Русской торговлѣ [1]).

(1760)

Сіятельнѣйшій графъ,

Милостивый государь мой Иванъ Григорьевичъ.

Ваше сіятельство, принимая на себя дирекцію важной Коммисіи о комерціи, сверхъ великой вашей къ великимъ дѣламъ способности, конечно, послѣдовали болѣе вашей ревности и усердію къ службѣ Ея Императорскаго Величества и къ пользѣ отечества.

Я, съ меньшими дарованіями [2]); но таковою-жъ ревностію движимъ, пріемлю смѣлость представить мои слабѣйшія мнѣнія. Когда позволено и безъименно подавать полезныя представленія, то я толь болѣе уповаю благосклоннаго выслушанія, что въ моихъ мнѣніяхъ не будетъ ничего мнѣ зазрительнаго и что по тому адресуюся я прямымъ лицомъ и къ самому шефу Коммисіи.

Неизвѣстны мнѣ всѣ основанія, на которыхъ учреждена сія Коммисія, или какіе ей положены предѣлы; но во первыхъ, довольно для моего свѣдѣнія, что ваше сіятельство избраны въ оной предсѣдать, и потому я уже смѣло могу Коммисію о коммерціи воображать себѣ во всемъ ея пространствѣ.

Покажется, можетъ быть, что мое званіе и служба долженствовали-бы меня воздержать отъ подобныхъ представленій и научали-бы не желать новостей, а еще меньше искать имя прожектіора; но я донесу на первое, что пря-

---

1) Съ современнаго списка. Неизвѣстно, къ кому писано (не къ графу ли И. Г. Чернышову?) и кому принадлежатъ примѣчанія. П. Б.

2) Награди меня Богъ такими.

мому усердію и ревности къ добру никакое званіе предѣловъ полагать не имѣетъ, а на второе, что до новостей я и самъ не охотникъ; ибо ваше сіятельство изъ нижеслѣдующаго усмотрѣть изволите, что новаго иностраннаго ничего не будетъ, а много найдется смѣшаннаго съ дѣлами политическими *).

1-е. Что продолжающаяся война весьма истощила не казну, но государство деньгами, то всѣмъ извѣстно, сколько-жъ (уповаю я) и сіе неоспоримо, что возвращенія оныхъ въ государство не учинится и при долговременномъ мирѣ, буде балансъ коммерціи не станетъ оставаться въ нашу сторону, а особливо что роскошь и страсть ко всякимъ чужимъ новостямъ несказанно возрастаетъ. Но пускай возстановленіе мира могло бъ возвращать, однакожъ хлѣбомъ торгъ производитъ Рига и великую Полякамъ прибыль дѣлаетъ: то мнѣ кажется стыдно толь изобильной Россіи въ семъ торгу ничего не соучаствовать и весь свой хлѣбъ на одномъ винѣ пропивать, а на случай, сохрани Богъ, недороду, совсѣмъ никакого запасу не имѣть. Прошедшіе годы возили мы много въ Кенигсбергъ, а больше еще накупили въ Ригу; какъ то ни есть, хлѣбу былъ расходъ, а деньгамъ обращеніе. Чтожъ будетъ, если мы, давъ поводъ прилежать къ земледѣлію, вдругъ обнажится, что сія надежда была маловремянная? Я не буду съ тѣми радоваться, кои кричать станутъ: „слава Богу, у насъ въ Пензѣ хлѣбъ по четыре алтына четверть". У нихъ, можетъ быть, великіе винные заводы, и такъ имъ прибыль. Но я воображаю, сколько бѣдному крестьянину тогда четвертей возить надобно, пока онъ свои соберетъ семь гривенъ! Сія великая матерія многими уже была трактована,

*) Будто бы не равная должность была всѣхъ о пользѣ и благополучіи общества стараться, а паче такимъ людямъ, которые такимъ большимъ дарованьемъ Божескимъ обогащены. Скрывый талантъ проклятъ отъ Бога.

и поданы уже объ ней такіе проэкты, кои достойны сей матеріи и своихъ сочинителей. Но какъ искусство *) намъ доказало, что всякій торгъ въ казенномъ содержаніи упадаетъ, да не меньше и то подлинно, что ко управленію весьма великихъ и обширныхъ дѣлъ весьма артифиціельныя машины не имѣютъ довольно силы, и почти одинъ рычагъ намъ приличествуетъ; то мое слабѣйшее мнѣніе въ томъ состоитъ: 1-е. Выпускъ хлѣба изъ всѣхъ портовъ генерально позволить безпошлинно, или съ такою пошлиною, съ какою изъ Лифляндіи отпускается; но мнѣ видится, что и передъ тою еще убавить надобно, какъ по новости торга, такъ и потому, что здѣшнія гавани не таковы способны какъ Ревельская. 2 е. Но чтобъ и выпускъ былъ умѣренной и въ тожъ время знатной въ государствѣ хлѣба запасъ былъ, то надобно сей торгъ отдать городамъ, съ тѣмъ, чтобъ въ первые годы, напримѣръ буде Тверь отпуститъ сто тысячъ четвертей,—двадцать пять тысячъ, конечно, въ городовомъ магазинѣ оставалось. Со временемъ сіе число можно умножить печувствительно до нѣсколькихъ капиталовъ; а въ Ригѣ и въ Ревелѣ тотчасъ уже можно сдѣлать, что ровное число противу отпуска оставаться будетъ. Пространнѣйшаго требуетъ сей артикулъ объясненія, однакожъ точно къ разсмотрѣнію вашего сіятельства и принадлежитъ, отчего барки, коими производится вся сюда коммерція, втрое дороже прежняго стали, и нѣтъ ли опасности, что потребнаго на оныя лѣсу недоставать будетъ; а я смѣло донесу вашему сіятельству, что въ Можайскомъ уѣздѣ и около Гжатской пристани, гдѣ непроходимые лѣса были, теперь степь стала, но не отъ того, чтобъ весь на барки изошелъ, а отъ винныхъ, стеклянныхъ и желѣзныхъ заводовъ и отъ небреженія; потому что тамъ на него цѣны нѣтъ.

*) Т. е. по нынѣшнему: опытъ. П. Б.

2-е. Знатное число отпускаемъ мы отсюда желѣза, но не смотря на то, что мы имѣемъ самое лучшее, Швеція дѣлитъ однакожъ съ нами такую прибыль, которая, кажется, намъ однимъ принадлежать имѣла-бъ. А я только вѣдаю, что предъ многими уже годами Агличане хотѣли не купить одного фунта въ Швеціи, если мы не одно полосное, но и по лекаламъ ихъ дѣлать станемъ. О всемъ томъ тогда-жъ представлено Сенату, а о томъ я распространяться предъ вашимъ сіятельствомъ нужды не имѣю, колико политически и экономически интересована о томъ польза имперіи.

3-е́. Когда уступлены обратно Персіи завоеванныя кровію отечества приморскія Каспійскаго моря провинціи, то за сіе въ награжденіе Россіи выговорено въ трактатѣ торговать тамъ безданно и безпошлинно всѣмъ Россійскимъ людямъ, исключая изъ того всѣхъ иностранцевъ, а паче Персидскихъ подданныхъ. Толь свободной торгъ и толь дорого купленный, принадлежитъ всему государству, и какіе тамо разоренія и грабежи ни были, сія часть коммерціи всегда однакожъ была велика, и многія тысячи людей питались оною. Господъ Евреиновыхъ отецъ вдругъ потерялъ тамо, помнится, сто семдесятъ тысячъ рублевъ, а однакожъ торга туда не пресѣкъ. Нынѣ, когда возставшія въ Персіи замѣшанія подавали поводъ искусно тѣмъ пользоваться, и ко обогащенію государства населить Астрахань, Кизляръ, Царицынъ и другія ближнія къ Астрахани мѣста какъ разными Персидскими художниками, такъ и самими капиталистами, по странному несчастью или потому что экономическія дѣла съ политическими соглашаемы не были, отданъ сей торгъ въ такую компанію, что директорскимъ сей компаніи именемъ можно честнаго человѣка выбранить, которая сама собою никакой коммерціи производить не можетъ, а всѣмъ другимъ препятствуетъ, и сей полезной

торгъ совсѣмъ остановила. Страннѣе всего: велѣно, чтобъ Астрахань, которая симъ торгомъ и питается, и какъ первой пограничной городъ для славы государства въ хорошемъ состояніи находиться имѣетъ, употребила въ сію компанію капиталу только пятьдесятъ тысячъ рублевъ, слѣдовательно кормилась-бы только свершками съ сей суммы, когда однакожъ болѣе какъ по 50 рубл. въ годъ тамо съѣдаемо и выпиваемо быть имѣетъ. Такимъ образомъ необходимо надобно, чтобъ Астрахань обѣдняла, а и поселившіеся тамо богатые иностранцы разъѣхались. Сего ради, думаю я не только полезно, но и необходимо надобно: 1-е, сію компанію, что̀ скорѣе, то лутче совсѣмъ уничтожить, и затѣмъ отнюдь не остановляться, что казенныхъ денегъ сто тысячъ рублей дано, ибо къ полученію оныхъ и безъ того надежды нѣтъ; 2-е, Астраханской портъ на нѣсколько лѣтъ сдѣлать совсѣмъ вольнымъ, ибо пошлинъ собирается тамо и безъ того весьма мало; 3-е, разнымъ около Астрахани лежащимъ мѣстамъ дать привилегіи лѣтъ на двадцать или на тридцать, что буде кто иностранной на нихъ поселится, тотъ отъ всякихъ налоговъ и податей свободенъ, и можетъ заводить фабрики, какія кто хочетъ, не требуя новыхъ позволеній и не будучи въ рукодѣліи своемъ ни отъ кого зависимъ.

Можетъ мнѣ на сіе сказано быть, что вольной торгъ въ Персіи многимъ былъ бѣдствіемъ, и великіе дѣлались отъ несогласія купцовъ подрывы. То неоспоримо; но какъ Персіяне и сами не хотятъ, чтобъ мы по всей Персіи ѣздя, щепетильничали, а охотно сами пріѣзжая къ портамъ, покупаютъ, а сихъ портовъ въ Персіи немного, то предоставляю другимъ на разсмотрѣніе, не можно ли намъ получить тамо маленькой Мадрасъ или Пондишери? На первой случай за довольно я почитаю такое узаконеніе сдѣлать, чтобъ всякій годъ, когда купцы туда начинаютъ

съѣзжаться, въ присутствіи консула дѣлали товарамъ своимъ сами оцѣнку съ тѣмъ, чтобъ ниже уже того не продавать, а кто ниже продастъ и изобличенъ будетъ, у того все конфискуется въ пользу торгующаго туда купечества. Да я думаю, что давно надлежало-бы по томуже поступать въ Оренбургѣ и въ Швеціи, хотя тамо торгъ и не знатенъ.

4-е. Говоря о купечествѣ, въ Персіи торгующемъ, тотчасъ представляется мнѣ, что нужнѣйшій для насъ тамошній продуктъ есть шелкъ, но теперь за раззореніями и онаго тамо мало. Я не знаю, не остановятся-ли наши фабрики, ежели онаго въ Персіи совсѣмъ не будетъ; а то подлинно вѣдаю, что Параби въ Астрахани нѣсколько пудъ такого сдѣлалъ, которой добротою никакому не уступаетъ, или больше того, что ежели-бъ мы своимъ шелкомъ пробавляться могли, оставляя времени надежду о выпускѣ, то неизреченная государству польза была-бъ; а между Кизляромъ и Астраханью такія мѣста есть, гдѣ дремучими лѣсами растутъ шелковичныя деревья. Сіи мѣста и съ немалою, я чаю, суммою въ приданыхъ, отданы оберъ-директору Василію Макарову, дабы шелкъ завелъ; но сіе въ добромъ намѣреніи учиненное опредѣленіе или не исполняется, или во зло употреблено. Макаровъ, всегда многими хлопотами и приказными дѣлами отягощенный, шелку еще ничего не дѣлалъ, а вмѣсто того селятся у него, въ крестьяне выходящіе, Грузинцы и другіе изъ горъ и, сѣя пшено, такъ воздухъ тѣмъ заражаютъ, что моровыхъ повѣтрій опасаться надобно; и понеже сія вотчина ни по чему ему не принадлежитъ, а къ шелковому разводу такъ способна, то, по моему мнѣнію, и надлежитъ оную вышеписанною привилегіею снабдить, особливо-же сію привилегію такимъ образомъ распорядить, чтобъ оная къ размноженію шелку не принужденіемъ, но ласкательнымъ пово-

домъ была. А я увѣренъ, что сколь скоро такая привилегія въ Персіи извѣстна учинится, то лутшіе люди оттуда съ радостью пріѣдутъ съ ихъ имѣніями, не дѣлая казнѣ никакого убытка.

Симъ способомъ, думаю я, можно и другіе нѣкоторые города поправить, не дѣлая великихъ казенныхъ издержекъ.

5-е. Хлѣбной здѣшнему государству торгъ натуральнѣе всѣхъ. Подлинно, бывшими и часто безъ нужды запрещеніями, заставили мы многихъ прилежать къ земледѣлію, и убавили расходъ на нашъ хлѣбъ. Но когда малая обширной имперіи провинція Лифляндія великой прибытокъ дѣлаетъ, мнѣ кажется весьма опасно ожидать спокойно сего неподлиннаго времени; ибо если-бъ паче желанія и ожиданія надлежало войну еще нѣсколько лѣтъ продолжать, то въ государствѣ серебрянаго рубля не осталось-бы. Потому короче всего казалось-бы всю роскошь пресѣчь и привозъ сюда многихъ разорительныхъ излишествъ запретить. Но понеже первое сопряжено со многими окрестностями, а запрещеніе подвержено также великому разсмотрѣнію, дабы, запрещая привозъ, не уменьшить весьма и вывозу и тѣмъ, вмѣсто распространенія, не сократить весьма коммерціи: то мое слабѣйшее мнѣніе къ тому клонится, чтобъ всѣ товары здѣшняго продукта, кои какимъ либо образомъ были донынѣ запрещены, и такъ отъ времени изъ коммерціи выбыли, что нескоро ихъ и покупать станутъ, не токмо тотчасъ позволить, но и безпошлинно отпускать или съ такою малою пошлиною, которая была-бы совсѣмъ нечувствительна*). Съ другихъ здѣшнихъ товаровъ пошлина уже убавлена, однакожъ и тамъ, по разсмотрѣнію, убавку сдѣлать

*) Дай Богъ, чтобъ на оное согласились.

можно. Если-бъ казна теряла, напримѣръ, двѣсти тысячъ рублей, а государство пріобрѣтало тѣмъ милліонъ, мнѣ кажется, сію потерю великою находкою почитать можно. Здѣсь будетъ вопросъ о лѣсахъ, кои отпускались изъ Нарвы и изъ Пернова и кои запрещены. Мнѣ нужды въ томъ нѣтъ, какъ дѣланы запрещенія и паки отмѣняемы были, или какъ во зло употреблены данныя позволенія. Но я знаю, что и сбереженіе лѣсовъ крайне нужно, и что два города опустошаются во время, когда мы людей заводить хотимъ, что вырубленные лѣса гніютъ, и государство великихъ суммъ лишается. Потому на сей артикулъ мое слабѣйшее не въ указъ мнѣніе въ томъ состоитъ, чтобъ, напримѣръ, года на два позволить отпустить по парочитому числу, потому что много есть заготовленнаго, а на прочіе годы сіе число гораздо умѣрить. Запрещеніемъ вывозу лѣсъ еще не сберегается. Въ заморской отпускъ идетъ только годный на строенія; а я знаю, что гдѣ нѣтъ лѣсамъ цѣны, тамъ мачтовыя деревья употребляются на куреніе вина. Отними Лифляндцамъ всю надежду къ полученію пользы отъ лѣсу, они, имѣя торгъ хлѣбомъ, всѣ лѣса пожгутъ, чтобъ на мѣстѣ онаго сильнѣе бъ хлѣбъ родился. Отдѣляюсь я нѣсколько отъ моего предмета, но для вашего сіятельства проницанія довольно означивать краткія идеи. Я единое токмо присовокуплю, что, понеже сіи городовые магазины имѣютъ быть на содержаніи города и на ихъ отвѣтѣ, хотя имъ же и принадлежатъ: то всемѣрно надобно, чтобъ дворянство ни прямо за море хлѣба не отпускало, ниже иностраннымъ купцамъ продавать могло. Я истинно отъ всего сердца дворянство почитаю и хочу ему всякаго добра, но я добромъ дворянскимъ не почитаю, когда-бъ мы сдѣлались купцами, а купцы наши должности исправляли.

6-е. Фабрики принадлежатъ до Манифактуръ-коллегіи. Я въ томъ весьма согласенъ, а особливо сколько касается до суда и расправы; но они долженствуютъ составлять знатную часть коммерціи и потому всемѣрно къ разсмотрѣнію вашего сіятельства подлежатъ. Обыкновенно полезны государству бываютъ тѣ, гдѣ много людей кормится, и гдѣ свои продукты въ дѣло употребляются. Не имѣемъ мы своего шелку, но надъ нимъ много людей работаютъ, а сверхъ того имѣемъ надежду и свой шелкъ получить. Напротиву того, ситцевая фабрика употребляетъ въ дѣло одну Красносельскую воду и, лишая многихъ подданныхъ промыслу печатанія холстовъ, вводитъ только въ государство безпошлинно иностранные товары. О сахарныхъ фабрикахъ тожъ ничего лучше сказать нельзя; ибо, конечно, ни сахарнаго песку, ни ситцевыхъ полотенъ у насъ въ государствѣ нѣтъ. Я потому смѣло говорю, что сіи лишнія фабрики или безъ всякихъ церемоній уничтожить, или пространныя ихъ привилегіи весьма сократить надобно.

Были еще нѣкоторые небезважные пункты у меня замѣчены, по частію вышли изъ памяти, частію же недостаетъ мнѣ и времени; почему и здѣсь о всѣхъ артикулахъ не съ такою пространностью писано, какой оныя требовали. Но я уповаю, что довольно изобразилъ, коль далеко простирается моя ревность. Много есть людей, кои больше и лучше моего вздумаютъ; но вѣрно такихъ мало, кои о представленныхъ мною пунктахъ говорить станутъ. Если я счастливъ буду, и мое усердіе найдетъ апробацію вашего сіятельства, то я всегда въ состояніи буду краткіе пункты пространнѣе объяснить.

Отпустите, ваше сіятельство, что я такъ нечеткою рукою и на такой бумагѣ писалъ: когда я начиналъ, то, при всемъ моемъ усердіи, вѣдая свои недостатки, сумнѣвался,

могу ли я такъ написать, чтобъ вашему сіятельству поднести; а написавъ теперь не хочу уже пропустить случая увѣрить ваше сіятельство о совершенномъ истинномъ высокопочитаніи, съ каковымъ имѣю честь быть

вашего сіятельства
покорнѣйшій слуга
Дмитрій Волковъ.

Декабря 19 го дня 1760 года.

X.

Къ послѣднимъ днямъ жизни Елисаветы Петровны.

1. Канцлеръ графъ Воронцовъ къ И. И. Шувалову.

Покорнѣйше вашему превосходительству благодарствую за сообщеніе письма графа З. Г. Чернышева*); оное при семъ возвращаю.

Что же касается до протчаго содержанія письма вашего превосходительства, которое мнѣ много прискорбія учинило, что вы изволили къ сожалѣнію моему столь горестно изъясниться, по случаю вчерашняго дня нашего разговора, я истинно не въ состояніи изобразить вамъ, сколь много чувствую, что ваше превосходительство такъ мало, или легко воображаете о состояніи моемъ. Я всегда ласкательною надеждою себя питалъ, что ваше превосходительство больше, нежели кто другой чрезъ искусство и довольные опыты моего чистосердечія совершенно удостовѣрены о непорочныхъ моихъ сентиментахъ, усердной и вѣрной службѣ къ Ея Величеству, отдадите мнѣ справедливость, видѣвъ, что я при нынѣшней крайней слабости потеряннаго моего здоровья и будучи безъ всякой помощи упражненъ сверхъ силы, настоящую по званію моему должность исправляю, вы пріимите прямое участіе въ моемъ печальномъ состояніи, и будете мнѣ большею помощію. Я не хочу здѣсь упоминать о собственныхъ моихъ нуждахъ и недостаткахъ, которые мнѣ довольно безпокойства приносятъ.

*) Находившагося на войнѣ въ Пруссіи.

2. И. И. Шуваловъ къ канцлеру графу Воронцову.

Милостивой государь мой Михайла Ларіоновичъ! Ваше сіятельство, по отъѣздѣ своемъ отъ меня, въ великомъ меня сомнѣніи и горести оставили, когда вы изволили сказать на мое предложеніе, чтобъ дѣла не останавливались, дабы васъ изъ онаго исключить. Ваше сіятельство, какъ я не сумнѣваюсь, по состоянію слабому вашего здоровья то учинить принуждены; но представьте печальное теперешнее состояніе, которое часъ отъ часу хуже приходитъ; представьте всѣ вредныя обстоятельства вамъ болѣе извѣстныя, которыхъ мои слезы и сжатое горестію сердце описать не допускаетъ; однимъ словомъ, когда ваше сіятельство отречетесь, то еще изъ настоящаго худа будущее ожидать зло надлежитъ. Вы, милостивой государь мой, испытанной вѣрностію, трудами и усердіемъ и персонѣ Ея Величества и отечеству слуга; соберите свои силы, сдѣлайте что̀ можете въ малыхъ часахъ вашего здоровья, дабы свѣтъ еще видѣлъ, что мы не такъ какъ о насъ описываютъ, и государство бы чувствовало власть самодержавства. Всѣ повелѣнія безъ исполненія, главное мѣсто безъ уваженія, справедливость безъ защищенія. Простите все огорченному моему духу; желалъ бы, ей божусь, чтобъ конецъ былъ моей жизни. Съ такою безполезностію, съ какою я живу въ свѣтѣ, я не могу ничѣмъ удостоиться изліянныхъ на меня щедротъ, ни заслужить въ свѣтѣ имени, сходнаго съ моимъ усердіемъ и чрезмѣрнымъ желаніемъ служить отечеству и всемилостивѣйшей Государынѣ нашей. Ваше сіятельство, котораго я перваго здѣсь въ государствѣ по должности почитаю, можетъ быть, вы сами внушеніемъ какихъ бездѣльниковъ перемѣняете обо мнѣ мысли, которыя вы нѣсколько лѣтъ имѣли. Радъ, естьли

въ томъ ошибаюсь. Мнѣ, милостивой государь, нечего въ свѣтѣ желать, какъ скораго конца своей жизни. Когда Богу неугодно меня сдѣлать полезнымъ, то по крайней мѣрѣ надѣюсь на Его щедроты, что Онъ не продолжитъ вѣкъ злосчастнѣйшаго человѣка. Вижу хитрости, коихъ не понимаю, и вредъ отъ людей преисполненныхъ моими благодѣяніями. Невозможность ихъ продолжать прекратила ихъ ко мнѣ уваженіе, чего конечно всегда ожидать былъ долженъ, и не былъ столько простъ, чтобъ думать, что меня, а не пользу свою во мнѣ любятъ. Но сіе все постороннее главному намѣренію, ни къ вашему сіятельству не надлежитъ. Но смущенныя мысли безпорядочно изъясняютъ мою горесть тому, которому всегда была моя откровенность. Простите теперь, позабудьте меня, и дѣлайте, милостивой государь мой, сколько твое усердіе сверхъ должности въ пользу Государыни позволяетъ. Богъ дастъ вамъ силу. Я бъ самъ пріѣхалъ, только столь горестенъ, что боюсь, чтобъ наконецъ домъ вашъ не заразить печалію. Простите, ваше сіятельство, нанесенную вамъ скуку.

XI.

Письма княгини Е. Р. Дашковой къ отцу ея графу Роману Ларіоновичу Воронцову *).

1.

Москва, 2-го Іюня 1761 г.

Осмѣливаюсь васъ просить, не можно-ль вамъ опредѣлить доктура Шкіада на мѣсто Тельса, которой просится въ отставку, а оному это мѣсто и по старшинству почти принадлежитъ. Мнѣ жъ ему за труды, которые онъ приложилъ въ болѣзнь князя Михаила Иваныча **), заслужить не остается другаго средства; обо всемъ же о семъ васъ обстоятельно увѣдомитъ шуринъ его Топильской.

---

*) Печатаются съ подлинниковъ. На нѣкоторыхъ письмахъ не имѣется числовыхъ отмѣтокъ.

**) Мужа княгини Дашковой, которой было 18 лѣтъ отъ роду, когда писано это письмо и которая уже тогда отличалась домовитостью и дѣловитостью.

2.

30-го Августа (1770).

Свѣдавъ, что братцу Семену Романовичу всемилостивѣйше пожалованъ орденъ святаго Георгія, я сердцемъ порадовалась и имѣю честь васъ всею моею душею поздравить, желая при томъ, чтобъ вы, какъ таковыя порадованія, такъ и всѣ по желанію вашему часто имѣли.

Объ себѣ жъ, милостивой государь, я только могу сказать, что я была на сихъ дняхъ огорчена болѣзнію сына моего, но теперь онъ выздоровѣлъ и купно съ Настющей ручки ваши цѣлуетъ. Дней черезъ двадцать я отправлюсь отсель въ Лондонъ, чтобъ его тамъ въ школѣ оставить, какъ для науки, такъ и для того, чтобъ его по дорогамъ не таскать. Я не болѣе пяти недѣль въ Англіи остановлюсь и поѣду или въ полуденныя Французскія провинціи или въ Нисъ искать умѣреннаго климата.

Прикажите, милостивой государь, письмы ваши къ Алексѣю Семеновичу Пушкину *) адресовать; онъ и по отъѣздѣ моемъ изъ Англіи способно можетъ мнѣ оныя доставлять.

P. S. Простите мнѣ, милостивой государь батюшка, если я возьму смѣлость васъ просить о присылкѣ мнѣ въ Лондонъ горностаеваго, самаго бѣлаго, мѣху, которой я обѣщала одной знатной моей пріятельницѣ: вы несказанно меня онымъ одолжить и утѣшить изволите.

---

*) Нашему посланнику въ Англіи.

3.

Акенъ *), 10 Февраля.

Я была больна жестокою въ головѣ простудою, но нынѣ, слава Богу, здорова. Дѣти также много перемѣнились противу того, какъ онѣ имѣли счастіе васъ видѣть: они крѣпки, здоровы и выросли. Мы, здѣсь не долго побывъ, поѣдемъ чрезъ Швейцарію и ту часть Нѣмецкой земли, которой еще не видали, то есть внизъ по Рейну и, пробывъ недѣли три у Акенскихъ водъ, проѣдемъ въ Спа. Вотъ, милостивой государь, все, что̀ я теперь про себя знаю, прибавя только, что если вы сдѣлаете мнѣ сію несказанную милость, увѣдомивъ меня о вашемъ дражайшемъ здоровьѣ и подтвердивъ мнѣ, что я не лишена вашей отеческой милости, я тогда только могу быть спокойна. Объ здѣшнемъ же народѣ или правленіи я лишнимъ считаю васъ увѣдомлять, бывъ увѣрена, что оно вамъ совершенно свѣдомо. Портъ Тулонской, расположеніемъ въ ихъ адмиралтействѣ магазиновъ и протчихъ потребныхъ строеній, очень достойной примѣчанія, а паче всего, что вся сбруя для вооруженія каждаго корабля въ особливомъ отгороженномъ магазинѣ подъ именемъ званія того корабля хранится, и какъ въ срединѣ сего квадратнаго строенія введена въ басейнъ вода, то каждой корабль къ своему магайзену для вооруженія подъѣхать можетъ. Я, милостивой государь, не бывала никогда въ Кронштадтѣ, но бывъ въ Тулонѣ, я желала, чтобы такая же способность у насъ сдѣлана была. Въ прочемъ здѣсь не только арсенала и адмиралтейства не

*) Это, должно быть, Тирольскій Ахенъ, гдѣ тоже минеральныя воды.

кажутъ чужестраннымъ, но и насіоналамъ рѣдкимъ. Списхожденіе, которое мнѣ сдѣлали, пустя меня всюды, здѣсь за велико считается.

4.

Страсбургъ, 15 (26) Мая.

Имѣю честь вамъ донесть, что мы всѣ, слава Богу, здоровы и сюды благополучно пріѣхали вчерась. Но сколько я ни была обрадована, увидѣвъ брата Ларіона Ивановича, я очень была оскорблена, увидѣвъ его въ такихъ дурныхъ рукахъ: гувернеръ его, котораго господинъ Мариньянъ къ нему приставилъ, не только самъ не учитъ его ничему, но и другихъ мастеровъ не нанимаетъ. Да что всего хуже, пьетъ и всякія дурныя дѣла дѣлаетъ съ свѣдома всего города. Надобно справедливость отдать, со всѣми здѣшними жителями, Ларіону Иванычу, что онъ любезной ребенокъ, и удивительно, что симъ худымъ примѣромъ ни мало не испортился; а какъ я правилы и поведеніе свыше наукъ и всего ставлю, то я и не могла до сего вечера быть спокойна, покамѣстъ я не уговорила Разумовскихъ гувернера его завтра къ себѣ взять, бывъ увѣрена, что сей мой поступокъ, какъ вамъ, милостивой государь, такъ и дядюшкѣ Ивану Ларіоновичу, не будетъ противенъ. Многіе здѣшніе професоры писали въ Парижъ къ Мариньяну о скверномъ поведеніи братцына учителя; но какъ онъ самъ не здѣсь, то онъ наконецъ писалъ въ отвѣтъ къ Разумовскихъ гувернеру, чтобъ онъ его къ

себѣ взялъ; но сей послѣдній, не знавъ, будетъ-ли оно пріятно графу Кирилѣ Григорьевичу, въ томъ отказался. Таперь, милостивой государь батюшка, я его склонила братца къ себѣ взять и держать до тѣхъ поръ, пока онъ свѣдаетъ, что то непріятно графу К. Г.; почему вамъ надобно, милостивой государь батюшка, о томъ съ графомъ переговорить, и если сіе утвержденіе не можетъ состоять, то онъ мнѣ обѣщалъ хорошаго человѣка пріискать. Я здѣсь нарочно для братца еще два дни лишнихъ проживу, чтобъ до моего отъѣзда переѣхалъ и чтобъ я могла спокойна быть; онъ же здѣсь всѣми любимъ и таковъ, что я могу увѣрить дядюшку, что онъ радоваться имъ можетъ.

5.

Спа, 16 (27) Іюля.

Послѣ жестокой болѣзни, найдя себя очень ослабѣвшую, доктура и лекаря сочли самое способное время сдѣлать операцію и вырѣзать шишку въ ногѣ, которая величиною своею уже меня безпокоила, и отъ коей ожидать должно было очень худыхъ слѣдствіевъ, почему я на оное согласилась, и теперь, слава Богу, оное все благополучно окончилось; только остается терпѣливо сносить скуку, быть въ постели, не чувствуя никакой болѣзни и бывъ уже 16 дней неподвижна. Я за долгъ сочла, милостивой государь батюшка, вамъ оное донесть и осмѣлиться васъ просить объ увѣдомленіи меня о вашемъ мнѣ дражайшемъ здоровьи, что̀ меня очень много утѣшитъ. Здѣсь очень много насъ Русскихъ съѣхалось, кои всякой день у меня, а особливо

Николай Ивановичъ Салтыковъ съ женою. Завтра или послѣ завтра будетъ сюда Стёпанъ Степановичъ Зиновьевъ и Алексѣй Васильевичъ Нарышкинъ, почему, хотя я не имѣю надежды прежде двухъ недѣль изъ комнаты выходить, надѣюсь безъ скуки время свое проводить, а въ Февралѣ мѣсяцѣ ваши ручки цѣловать, теперь же препоручаю себя въ продолженіе вашей драгоцѣнной мнѣ отеческой милости.

6.

Спа, 29-го Іюля 1771 г.

Не знаю, какимъ образомъ и кто, не сказавъ своего имени, въ концѣ прошлаго мѣсяца, отдалъ моему банкиру въ Парижѣ ваше милостивое письмо 'отъ 18-го Октября и горностаевый мѣхъ, которымъ вы меня пожаловали, почему, милостивой государь, изволите заключить, что я не могла прежде вамъ нижайшую свою благодарность принесть. Прошу нынѣ принять ее отъ искренняго моего сердца и быть увѣреннымъ, что малѣйшій знакъ вашей ко мнѣ милости мнѣ драгоцѣненъ.

Что-жъ изволите, милостивой государь батюшка, писать, чтобъ поспѣшить мнѣ своимъ возвращеніемъ, я могу васъ увѣрить, что я сама считаю тѣ часы, кои остаются до тѣхъ поръ, что я пріѣду въ свое любезное отечество и буду пользоваться вашей отеческой милостью. Но мнѣ и подумать отсель ѣхать прежде семи недѣль нельзя: рана моя прежде закрыться четырехъ недѣль не можетъ, а какъ я не только не выѣзжаю, но и мало изъ комнаты выхожу, то я окромѣ кюръ водъ, кои мнѣ здѣсь дѣлать надо, не

въ состояніи такую дальную дорогу такъ скоро предпринять, что̀ единственно меня здѣсь задержитъ.

Дѣти мои, слава Богу, здоровы, и Павлуша верхомъ разъѣзжаетъ изрядно. Больше донесть ничего не имѣю, а прошу покорнѣйше сохранить мнѣ свою отеческую милость, которая всегда будетъ главнѣйшимъ предметомъ.

P. S. Братъ Иванъ Алексѣичъ *) поѣхалъ на двѣ недѣли съ Александромъ Николаевичемъ Строгоновымъ въ Голандію.

7.

Позвольте, милостивой государь батюшка, васъ просить объ Дохтуровѣ, племянникѣ моемъ, чтобъ у Давыдова его выпросить хотя въ капралы; онъ 10 лѣтъ рейтаръ конной гвардіи, и ему девятнадцатой уже годъ, и если можно въ Московскую команду его опредѣлить. Другая просьба мнѣ до васъ собственная: въ день моего отъѣзда я отослала въ подарокъ къ Марьѣ Романовнѣ бюро, и за суетами я не успѣла осмотрѣть одного ящика и не знаю теперь, что̀ въ немъ осталось; но Марья Воиновна пишетъ ко мнѣ, что она у ней видѣла портретъ моего друга madame Morgan, и узнала отъ нея, что она въ ящикѣ въ столѣ его нашла. М. В. просила у сестры его, чтобъ отослать ко мнѣ; но Марья Романовна отказала, сказавъ, что она сама ко мнѣ отправитъ. Сдѣлайте милость, батюшка, извольте оной у ней взять и ко мнѣ прислать, а то мнѣ его не имѣть.

*) Воронцовъ.

P. S. Прошу приказать включенное не мѣшкавъ отослать къ Ивану Логиновичу; онъ, я чаю, у васъ, милостивой государь, бываетъ.

8.

14 Генваря.

Не могу, милостивой государь, не сообщить вамъ, сколь чрезвычайно меня всемилостивѣйшая Государыня утѣшить соизволила, указавъ безъ моей или чьей къ тому просьбы дѣтямъ моимъ имѣть входъ въ эрмитажи и на концерты. Показанная сія мнѣ и имъ милость тѣмъ драгоцѣннѣе, что я оной отличности никакъ не ожидала; а какъ Ея Величество во всякомъ случаѣ продолжаетъ мнѣ свое благоволеніе оказывать, и съ другой стороны дѣти мои своимъ поведеніемъ апробацію заслуживаютъ и меня утѣшаютъ, то я могу сказать, что я себя весьма счастливою почитаю и Всевышняго довольно возблагодарить не могу. Одного только не достаетъ для совершеннаго моего удовольствія: присутствіе ваше. Я не могу утѣшиться, что васъ еще, милостивой государь, не видала и что не могу поѣхать къ вамъ, что̀ бъ я конечно сдѣлала, если-бы я не полагала, что пристойность требуетъ, чтобъ послѣ почти семилѣтняго отсутствія мнѣ здѣсь остаться.

Возвратясь въ отечество свое, прискорбно было мнѣ найтить, что я еще буду лишена удовольствія на нѣсколько времени ваши дражайшія руки цѣловать. Покорнѣйше

прошу меня увѣдомить о вашемъ здоровьѣ. О своемъ я не могу похвастаться; съ прiѣзду сюды была очень опаспо больпа, и только третьяго дни, и то противу мнѣнiя дохтура, я ѣздила въ Царское Село. Отмѣнно милостивой прiемъ Ея Величества, коя дозволила мнѣ и обоихъ дѣтей привесть и утѣшенiе найтить ея такъ здоровою, веселою и милостиву къ намъ не по достоинству нашему, сдѣлало, чтò дохтура не могли сдѣлать, что я, окромѣ слабости, почти уже ничего не чувствую. Вчерашняго числа Ея Величество сына моего всемилостивѣйше пожаловать изволила въ капитанъ-порутчики въ Семеновской полкъ. Радость свою и благодарность къ всемилостивѣйшей Государынѣ нашей я словъ не нахожу, чтобъ изразить и льщусь, что вы, милостивой государь батюшка, наше благополучiе раздѣлить изволите.

9.

26-го Февраля.

За милостивое ваше письмо и увѣдомленiе о прiѣздѣ вашемъ въ будущемъ Маѣ мѣсяцѣ сюды, покорную мою приношу благодарность. Вы, конечно, милостивой государь, усумниться пе можете, что я съ нетерпѣнiемъ онаго ожидать буду. Но позвольте мнѣ васъ нижайше просить, чтобъ прiѣздъ вашъ ускорить, потому что въ пятое или шестое на десять число Мая мѣсяца, сынъ мой отправится отсюда, чтобъ императорскiя и короля Прусскаго военныя маневры видѣть, да и я въ оное-же время, чтобъ съ нимъ подолѣе быть, намѣрена, отпросясь у Государыни на два мѣсяца, въ новопожалованныя мнѣ деревни ѣхать.

При семъ прилагаю нѣсколько экземпляровъ каталогу нашихъ книгъ съ просьбою, чтобъ вы милостиво способствовать изволили въ раскупкѣ оныхъ. Ея Величество изволила апробовать, чтобъ опытъ я сдѣлала о распродажѣ по намѣстничествамъ книгъ, Академіи принадлежащихъ. Уповательно, что премѣнное (отъ мудраго вновь въ губерніяхъ установленія) состояніе, въ коемъ нынѣ состоятъ губерніи, въ сравненіе того, въ коемъ 14 лѣтъ назадъ они были, и когда безъ успѣху Володимиръ Григорьевичъ Орловъ въ нѣкоторыя изъ оныхъ книги посылалъ, уповательно говорю я, что болѣе охотниковъ къ чтенію сыщутся. Я же, милостивой государь, изъ шести сотъ рублевъ, сто рублевъ уступки положила. Посему если въ вашихъ намѣстничествахъ по симъ каталогамъ на 600 р. книгъ отберутъ, то соблаговолите только меня увѣдомить, сколько и какихъ книгъ требуется и кому мнѣ оныя здѣсь вручить, и въ заплату за оныя отъ кого деньги принять. Какъ монаршее намѣреніе очевидно клонится къ поданію во всѣхъ странахъ имперіи просвѣщенія, то участіе, кое вы въ семъ случаѣ имѣтъ будете, конечно благоугодно будетъ.

10.

Имѣю честь вамъ донесть, что всемилостивѣйшая Государыня изволила мнѣ пожаловать въ Могилевской губерніи мѣстечко Круглое, съ принадлежащими къ оному селами и деревнями, въ коихъ числилось 2557 душъ, а думаю, что по нынѣшней ревизіи будетъ болѣе. Деревни, сказываютъ, весьма хорошія и угодьи велики. Да еще изволитъ за домъ здѣсь для меня 35 тысячъ платить. Монаршія сіи благодѣянія, а паче милостивой ея ко мнѣ пріемъ, которой она и вчерась въ бытность мою въ Царскомъ Селѣ изъявлять изволила, наполняетъ сердце мое радостною благодарностью. Я не сомнѣваюсь, что вы, по милости своей ко мнѣ, симъ хорошимъ вѣстямъ порадуетесь.

11.

28 Ноября 1782 г.

За милостивое ваше письмо покорную мою приношу благодарность; также приношу мое поздравленіе съ нашимъ Володимирскимъ кавалеромъ и съ фреилиною *), которою, по просьбѣ моей черезъ князя Григорья Александровича, я несказанно утѣшена: ибо я чрезъ то оправдалась въ дружбѣ своей къ сестрицѣ, которая отчаявалась оную милость получить, въ коей никто, окромѣ князя

*) Графомъ Александромъ Романовичемъ и Анною Александровною Полянскою.

Потемкина, участія не имѣлъ. Онъ ко мнѣ и къ сыну искреннуюдружбу показываетъ, и какъ я желала въ Екатерининъ день оную радость сестрѣ принесть, такъ онъ и сдѣлалъ. Наканунѣ Екатеринина дня Ея Величество, при очень милостивомъ своеручномъ письмѣ, изволила мнѣ прислать брильянтовой перстень съ ея портретомъ подъ бриліянтомъ же вмѣсто стекла; но какъ камень ни драгоцѣнень, но портретъ въ немъ включенной и лестное ея письмо сто кратъ драгоцѣннѣе мнѣ. Дѣти мои нижайшее свое почтеніе свидѣтельствуютъ и купно со мною руки ваши цѣлуютъ.

12.

26-го Декабря (1782).

При возобновленіи года, позвольте, чтобъ, при пожеланіи вамъ всѣхъ вождѣленныхъ благъ, я возобновила также нижайшую мою преданность и просьбу о содержаніи меня въ отеческой вашей милости.

Мундиры вашихъ намѣстничествъ, милостивый государь, очень хороши, особливо Володимирской. Я очень жалѣю, что не имѣю въ ономъ намѣстничествѣ хотя маленькой деревни, чтобъ имѣть право оной носить. Если же изволили свѣдать о таковой, душъ 40 или 50 въ себѣ содержащей и не за дорогую цѣну, то прошу сдѣлать милость, приказать меня увѣдомить.

XII.

Письма графа П. В. Завадовскаго къ графу С. Р. Воронцову *).

1.

Могилевъ (на Днѣстрѣ), 25 Февраля 1775.

Послѣ твоего отъѣзда не было ничего новаго изъ Москвы, а вслѣдствіе дѣлъ мирныхъ намъ уже отданъ зàмокъ Кинбурнъ, а Туркамъ отдаютъ Бендеры и Хотинъ. Посолъ Турецкій уже въ Адріанополѣ и присылалъ своего церемоній-мейстера съ обвѣщеніемъ къ фельдмаршалу и къ князю Репнину. Надобно сему послѣднему быть уже вскорѣ.

Ты меня оставилъ въ дурномъ положеніи, продолжается оное и теперь. Я терпѣлъ сжавши сердце. Тебѣ извѣстно качество онаго, и можешь потому представить, каково мнѣ. Съ другой стороны, любезный Сенюша, я въ такомъ расположеніи: пусть падаетъ хотя бы и небо, оно задавитъ меня, однакожъ безстрашно.

Здѣсь князь Прозоровскій и проживетъ до полученія курьера. Дѣла Крымскія смутны, но должно уповать, что сдѣланное у Порты и оныя поправитъ.

Прикажи, пожалуй, открыть секретъ чищенья ружей и сумокъ для науки симъ посланнымъ въ твой полкъ вру-

*) Письма эти, вновь найденныя, служатъ дополненіемъ къ XII-й книгѣ Архива Князя Воронцова. Первыя изъ нихъ относятся къ совмѣстной службѣ обоихъ пріятелей при графѣ Румянцовѣ.

чителямъ сего. Тебя никогда не приведетъ въ зависть изящество сбруи Староскольскаго полка; ибо насъ судьба разводитъ другъ отъ друга весьма далеко.

Подумай, Сенюшенька, сколь мало доводилось быть вмѣстѣ намъ, а и того меньше видѣть другъ друга нечувствующими огорченія. Почти всегда какъ я тебя видѣлъ, ты меня находилъ въ безпокойствѣ душевномъ. И дай Богъ мнѣ обмануться, когда мнѣ кажется, что еще не конецъ нашей прискорбности. Но вѣрь твердо, что пока ты здоровъ будешь, всякое горестное чувство меня не сразитъ.

Я къ тебѣ тотчасъ напишу, какъ что получимъ изъ Москвы на депешу посланную съ Рохмановымъ, а теперь не досадуй, что я молчу какъ рыба. Пріятнаго писать не могу, а что̀ и теперь изражаю, то конечно по дружбѣ своей ты съ большимъ сожалѣніемъ воспримешь.

Игельштромъ съ недѣлю тому поѣхалъ въ Варшаву получить староство богатѣе того, что̀ уже имѣетъ. Вотъ сколь путь его спѣется!

Посылаю тебѣ посылку, присланную изъ Молдавіи. Да раздѣляю съ тобою конфекты, которыя мнѣ привезъ Селецкій, пріѣхавшій не впору.

Прости. Я тебя цѣлую и обнимаю поминутно въ моихъ мысляхъ. Ничего не знаю въ жизни тебя драгоцѣннѣе.

Кланяйся Яцунскому, котораго люблю сердечно, кромѣ прочаго и за то, что онъ, будучи Полякъ, посредственно пьетъ.

2.

(1775)

Перестаю о разлукѣ твердить, не перестаю однакожъ объ ней думать. Ахъ Сенюша! Ежели-бъ можно было такъ легко отмѣнить чувства, какъ можно перестать говорить. Правда, я былъ въ такомъ состояніи, которое никакъ нельзя поравнять съ настоящимъ. Желая тебѣ славы, я хотѣлъ, чтобъ ты былъ въ тѣхъ баталіяхъ, въ которыхъ ты и участвовалъ, но часы между нерѣшимостію о сколь мнѣ были тяжки, когда крайность, воспослѣдовавшая съ тобою, навѣрно-бъ разрушила и мое бытіе; по крайней мѣрѣ и тогда и теперь я такъ думаю, не испытавши себя въ такой потерѣ и не любя ничего на свѣтѣ подобно какъ я люблю тебя. Но все минувшее меньше насъ трогаетъ, нежели настоящее, и въ семъ послѣднемъ, я не могу почти льститься тою сладкою надеждою, которая тогда меня ободряла. Я опять позабылъ молчать, однакожъ воздержусь: пусть сіи изъясненія уподобятся послѣдней лебединой пѣснѣ.

Послѣ моего послѣдняго письма, былъ одинъ курьеръ изъ Москвы. Все что онъ привезъ состоитъ, что Игельштромъ опредѣленъ въ пристава послу Турецкому. Комисія по его сердцу: на рукахъ будетъ чистотою болѣе 300.000. Репнинъ располагаетъ свою ѣзду, чтобъ не прежде Сентября быть въ Царьградѣ, а посолъ Турецкій уже въ Галацахъ и бѣжитъ какъ скороходъ. Размѣнивать посольство съ Турецкой стороны посланъ Мелекъ-паша, бывшій каймаканъ визирскій; онъ на сихъ дняхъ прибудетъ въ Хотинъ.

Здѣшніе куртизаны всѣ исчезли, и я уже въ Могилевѣ двора не вижу. Милорадовичъ дежурнымъ; фельдмаршалъ,

какъ самъ тебѣ пишетъ, страждетъ на зубъ; тишина и безмолвіе заняли мѣсто потакательствъ и всѣхъ дворскихъ ухватокъ. Отсель, когда выѣдетъ, не знаю, а смекаю, что пока не получимъ инструментовъ письменныхъ на счетъ Кинбурна, то въ ожиданіи оныхъ тутъ продержимся. Дѣло жъ сіе уже совершено, и на всякій день уповаемъ имѣть съ тѣмъ курьера.

Съ послѣднимъ курьеромъ Г. А. Потемкинъ своею рукою написалъ ко мнѣ между пустотью сіи слова: „Графу Семену Романовичу поклонись и скажи, чтобъ онъ свой полкъ привелъ въ комплектъ". Я ему уже отвѣчалъ, что ты въ походѣ и что объ исполненіи сего твое стараніе велико.

Когда со мною послѣдуетъ то, чего я жду и что̀ навѣрно предвижу, то я съ тобою увижусь конечно въ Малороссіи; да пожалуй, когда прибудешь, увѣдомь моего старшаго брата, чтобъ онъ къ тебѣ выѣхалъ. Онъ отсюда поѣхалъ въ чувствительномъ огорченіи, видя мое состояніе не лучшимъ, и опять, что не успѣлъ въ самомалѣйшихъ просьбахъ, за людьми весьма достойными; ибо о себѣ онъ не имѣлъ да и ничего не просилъ.

Прощай, Сенюша, гряди съ Богомъ: вотъ тебѣ на цѣлые сутки разбирать шифры, ибо требуешь, чтобъ я много писалъ, то и принимай мой почеркъ нечеткой.

3.

3 Марта.

Я воображаю тебя въ новой заботѣ, по полученному чрезъ почту Военной Коллегіи указу, вслѣдствіе коего даны повелѣнія отъ фельдмаршала, чтобъ всѣхъ однодворцевъ изо всѣхъ полковъ отдать въ Украинскую дивизію, а изъ полковъ оной возвратить въ ваши даточныхъ всѣхъ же людей. Я знаю, что сей ударъ для твоего полку больше будетъ, чѣмъ минувшій наборъ въ гвардію; но когда пособить сему нельзя, то пожалуй, отправляя своихъ людей къ Энгельгарту, посовѣтуй имъ, чтобъ они просились въ мой полкъ, гдѣ за хорошее содержаніе я имъ отвѣчаю, и пожалуй отпиши, кто лучшіе люди изъ твоего полку выбудутъ. Я не знаю, не изъ даточныхъ ли сержантъ и два солдата, которыхъ я отправилъ въ твой полкъ учиться чищенью; ежели они не однодворцы, то и не вели имъ показывать больше секрету; ибо ихъ должно будетъ отдать въ другіе полки.

Я чувствительно представляю, сколь досадно тебѣ будетъ обстоятельство, котораго, можетъ быть, совсѣмъ ты не ждалъ, но опять ты можешь посредствомъ милости Ѳедора Ивановича къ себѣ прибрать всѣхъ лучшихъ людей, изъ нашихъ полковъ отдаваемыхъ.

Не потаися предо мною, Сенюша, великолѣпный балъ, о которомъ столько ты гремишь, не задѣлъ ли твое сердечко, со стороны достоинствъ хозяйки? По тѣмъ чувствамъ, съ которыми я на тебя смотрю, не могу я вѣрить, чтобъ ты долго могъ быть свободенъ отъ нападокъ любовныхъ.

4.

Фокшаны, Августа 16.

Фельдмаршалъ такъ боленъ, какъ ты былъ при Селпухѣ. Не разглашай однакожъ сего, чтобъ не крушились его домашніе. Я никакого уже въ себѣ чувства болѣ не имѣю, кромѣ скорби безмѣрной, видя его муку. Я ничего тягостнѣе въ моей жизни не переносилъ, какъ сей есть случай, что вижу моего благодѣтеля въ столь жалостномъ состояніи. Я бъ еще хотѣлъ претерпѣть мою третьягоднишнюю болѣзнь, лишь бы тѣмъ подать ему малѣйшее облегченіе.

5.

Генваря 15.

О ѣздѣ графской еще не пишутъ ни слова, кромѣ что желаютъ его видѣть, а дворъ въ Москву подпимается съ 13 Генваря. Я тебѣ прилагаю письмо ко мнѣ Григорія Александровича. Въ немъ не найдешь ни слова, о чемъ бы должно уже написать, ежели бы его намѣреніе было на мою пользу. Вѣдь и то быть можетъ, что онъ, разсердяся на кого либо, хотѣлъ перемѣнить его мною, а какъ гнѣвъ утихъ, то и нѣтъ больше намѣренія.

6.

12 Марта (1775).

Желанный ордеръ тебѣ посылаю. Я столько обрадовался, когда удовольство и тебѣ и мнѣ не отказано, и соглашенось не поморщившись, что едва помню то, чтб ты мнѣ совѣтуешь великодушно переносить. Я конечно не унываю, да и никакъ не уповаю на предложеніе Г. А. П. [1]), чтобъ съ онаго что либо быть могло. Курьера и никакихъ извѣстій еще не получалъ по сей часъ. Пріѣхалъ изъ Москвы самоизвольно къ своему мѣсту князь А. И. Прозоровскій [2]). Онъ сказываетъ, что тамъ веселятся, что графъ фельдмаршалъ опредѣленъ шефомъ Егорьевскаго полку, которому квартиры назначены въ Стародубѣ; тутъ же слышу, якобы Н. М. Рохмановъ ничѣмъ не пожалованъ, да и холодно принятъ отъ Г. А. Я къ тебѣ тотчасъ пришлю, какъ только получимъ курьера, коему быть надобно вскорѣ по словамъ Прозоровскаго, отъ коего также я слышалъ и имъ слышанное, что твой полкъ будущимъ лѣтомъ хотятъ привести въ лагерь къ Москвѣ.

Изъ моего полку 239 человѣкъ даточныхъ выходитъ. Между ними нѣтъ ни одного вершковъ 8, и мнѣ совѣстно, что твое благодѣяніе приметъ мой полкъ безъ взаимства къ тебѣ. Я почитаю за грѣхъ таиться предъ тобою и признаюсь, что до 10-ти человѣкъ есть у меня первыхъ людей во всемъ полку, въ которомъ однакожъ послѣ посѣщенія Рохманова не осталось уже въ 9-ть вершковъ ни одного человѣка. Ихъ я намѣренъ утаить, чтб бъ ни было, да и далъ

1) Т. е. Г. А. Потемкина.

2) Князь Андрей Ивановичъ, братъ жены Суворова?

нѣкоторымъ образомъ знать о томъ самому ф. [1]). Сотвори, Сенюшенька, дружбу и крайнюю для меня милость, не дѣлай на сію утайку своей претензіи. Ты довольно наберешь себѣ людей, да и всегда тебѣ будутъ случаи, а для меня сей уже послѣдній. Я же собираюсь быть конечно въ полку. Людей всѣхъ, по присланному тебѣ списку, который уже и въ мой полкъ я отправилъ, вели поскорѣе отправить прямо въ оный. Я писалъ къ маіору, чтобъ имъ тамъ было хорошо.

Дождавшись курьера, ежели съ нимъ не позовутъ фельдмаршала скоро въ Москву, онъ хочетъ переѣхать въ Тульчинъ, и къ тому уже все готово. Муромцовъ сей день или завтра отправляется въ Москву по своей Арнаутской комисіи.

Ко мнѣ пріѣхалъ братъ мой старшій. Мнѣ бы и ему весьма хотѣлось, чтобъ онъ побывалъ у тебя; но время краткое, да и страшная безпутица весьма мѣшаетъ. Однакожъ, если ты будешь на сихъ дняхъ въ Шарградѣ, то онъ туда конечно пріѣдетъ.

Пожалуй, Сенюшенька, не досадуй, что изъ моихъ всѣхъ людей по росту ни одинъ не годится въ твой полкъ, а по храбрости они могутъ занять и офицерскія мѣста.

Твои люди хотя у тебя послѣдніе, а [2]) моего полку будутъ первыми, ежели только правду ты пишешь, что даешь восьмнадцать 8-ми вершковыхъ.

---

[1]) Т. е. фельдмаршалу.

[2]) Неразобранное слово.

7.

Не жалѣй, что духъ Аполлоновъ не безпокоитъ твоей души, и что не засыпаешь на лонѣ Парнасскихъ дѣвушекъ. Имѣешь другой даръ въ себѣ не меньше стихотворческаго таланта, то есть краснорѣчіе. Читая твои письма, мнѣ кажется, что я собесѣдую съ Цицерономъ, къ котораго словамъ еще присоединены Гораціевы шутки. Потомство и отечество наше много потеряетъ, ежели не всѣ узнаютъ твои достоинства въ полной ихъ мѣрѣ.

8.

Порадуйся, мой любезный графъ, что на меня проглянуло небо и что уже со вчерашняго дня генеральсъ-адьютантомъ вашъ искренный другъ и предапнѣйшій слуга

Заводовскій.

3 Генваря (1776, Петербургъ).

Адресъ: „Его сіятельству, графу Семену Романовичу Воронцову, милостивому государю моему, въ Спятовкѣ“ *).

Съ этого времени начинается придворный случай Завадовскаго, продолжавшійся по Іюль 1777 года. Его другъ не воспользовался онымъ, вышедъ въ отставку и по болѣзни уѣхавъ въ Италію. П. Б.

---

*) Вѣроятно подъ Ладогою, гдѣ стоялъ полкъ графа Воронцова.

9.

С.-Петербургъ, 5 Марта (1777).

Петру Васильевичу [1]) вручилъ я при семъ медаль, которую по твоему письму Государыня пожаловала графу Урсини. Доставь ему оную и удостовѣрь, что трудъ и усердіе его весьма ей угодны, знàкомъ чему да послужитъ сей подарокъ. Иванъ Ивановичъ [2]), видно, позабылъ докладывать о семъ дѣлѣ. Послѣднее твое письмо еще было съ Пизы, въ которомъ ты мнѣ писалъ, что хочешь увидѣть Разумовскаго.

Г. [3]) я отъ тебя кланялся, и она велѣла благодарить и взаимно ея послать тебѣ поклонъ. О Польской лентѣ, которую ношу и не имѣвъ и имѣя оную, я также какъ ты думаю. Библіотеки купить не разсудилъ за нужно. Хочется, а не смѣю ждать твоего возвращенія вскорѣ. Не желаю отнюдь, чтобъ совершенное выздоровленіе предпочелъ ты чему нибудь. Ежели воздухъ таковъ, чтò тебя лечитъ, то живи годъ и больше; надежда, что увижу тебя здороваго, наградитъ разлуку, какъ бы она ни долговременна была.

Мнѣ совѣстно, что я не со всякою почтою пишу къ тебѣ. Я тебѣ сказалъ въ предыдущемъ письмѣ, что не отъ лѣни моей сіе происходитъ. Я живу, покоряя разсудокъ уваженію, не мѣря себя съ тѣми, кои меня выше, но сравнивая себя съ таковыми, которыхъ я счастьемъ превзошелъ несрав-

---

1) Бакунину.
2) Бецкій.
3) Т. е. Государынѣ.

ненно. Совершеннѣе удовольствія едва ли я въ мою жизнь имѣлъ, кромѣ того, что я тебя имѣю вѣрнымъ себѣ другомъ, и таковымъ же для тебя есмь.

Адресъ: въ Венецію.

---

10 *).

С.-Петербургъ, 16 Марта 1777.

Сенюшенька! Письмо твое изъ Венеціи и послѣднее изъ Пизы отъ 27 Генваря я получилъ. Первое возобновило въ моей памяти слѣды, забвеніемъ изглаженные, что̀ чтеніе и слухъ иногда впечатлѣвали въ мою голову, о состояніи и мудромъ правленіи горсти сего народа, меньше существительныя, нежели мнимыя величество и вольность внушающаго.

О, другъ милый, ты отрицаешься отъ своихъ мнѣ благодѣяній и въ ту самую пору, когда ихъ дѣлаешь. Развѣ вразумлять человѣка и пещись о просвѣщеніи его ума не есть добротвореніе и не больше всѣхъ даровъ? А ты сіе всегда для меня дѣлалъ и дѣлать не престаешь.

Не бывъ политикъ, не нося большаго парика и одежды широкаго покроя, чѣмъ обыкновенно мудрствуетъ дипломатическій корпусъ, не весь изъ Ришильевъ и Мазариновъ состоящій, осмѣливаюсь думать, что республика Венеціанская могла сохранить себя въ настоящемъ состояніи, потому наипаче, что предѣлы ея едва ли теперь простираются далѣе выстрѣла; что другой державѣ нечего отрѣзать изъ ея владѣній, а пока имѣла нѣкоторую свою обшир-

*) Помѣта графа Воронцова: Reçue à Pise, le 4 Mai n. s. 1777.

ность, тогда вѣдь и она подвергалася общему жребію силы и алчности, избыточествующихъ стяжаніями. Переставъ быть предметомъ опасности и корысти какъ въ людяхъ, такъ и въ царствахъ, получается безпечность пренадежная.

Я обращаюсь къ твоимъ нравоученіямъ, которыми наполнилъ ты Пизское свое письмо. Сенюша! Іоганъ Гофманъ цѣлыя книги написалъ о спокойствіи и удовольствіи душевномъ, рѣдко однакожъ кого нибудь успокоившія. Писать легко, а выполнять есть трудъ и тягость.

Ты чрезмѣрно превозносишь мои способности и мои добродѣтели. Я ихъ не имѣю; но ты меня любишь горячо, слѣдственно хочешь, чтобъ во мнѣ все было наилутчее. Я умѣю оцѣнить твои чувства, я съ ними сливаю мои.

Въ P. S. я тебѣ больше о семъ скажу.

Прости лишнюю чувствительность, которая водила моимъ перомъ, отвѣчая на твои попреки. Ты требуешь, чтобъ я писалъ тебѣ разъ въ недѣлю. Въ первдс являюсь преслушникъ твоего хотѣнія; ибо не могу тебѣ сего обѣщать. Весь предавшись моимъ чувствамъ къ тебѣ, часто я писывалъ по нѣскольку листовъ и, послѣдуя возвратившемуся разсужденію, сжигалъ оныя, къ тебѣ не посылая. Я буду писать сколько можно къ твоему утѣшенію, и то тогда, какъ душа совершенно установится. Новостей ты не хочешь; повѣрь, что я ихъ меньше всѣхъ знаю, и послѣдній въ городѣ свѣдаю, ежели-бъ что̀ и было. Ты знаешь, что я любилъ упражняться моимъ дѣломъ, но здѣсь я не имѣю никакого. И такъ всегда одинъ, время иногда провождаю читая книги, однакожъ не больше въ головѣ остается, какъ воды рѣшетомъ почерпнутой. Бывъ самъ съ собою, думаю я много и премного, и думаю объ тебѣ.

Не тужи обо мнѣ: я здоровъ и, говоря по разсужденію, счастливъ безмѣрно. Но ежели мысли и твое здоровье дозволяютъ, чтобъ тебѣ увидѣть того, который тебя любитъ

нелицемѣрно и которому твое присутствіе причинитъ безмѣрную радость, то возвратись, милой другъ, поскорѣе. Пріѣзжай, Сенюшенька, я тебя нивѣсь какъ прошу. Развѣ всѣмъ дружба ко удовольству кромѣ насъ! Вспомни, кого и колико ты обрадуешь. Знай, что когда къ осени не возвратишься, я съѣмъ твой портретъ, который теперь непрестанно цѣлую вмѣсто тебя. Да одушевлятся сіи строки, которыя я напояю сильнымъ желаніемъ видѣть тебя, чтобъ лишь коснется ихъ взоръ, вдругъ бы ты заразился вожделѣніемъ, подобнымъ страстной любви, увидѣть свое отечество и кинуться въ объятія твоего вѣрнаго друга. На сей пунктъ я призываю все волшебство. Страшись, Сенюша, не возвратиться, и бойся не пріѣхать вскорѣ.

И я прошу, возвратитеся скарѣя [1]).

P. S. Строка сія рукою Г. приписана. Совѣтую отвѣчать къ ней прямо, если можешь, что ты пріѣдешь, или буде здоровье требуетъ того климата на возстановленіе онаго, я тебя не обязываю жертвовать онымъ сему позыву: ибо я самъ начинаю чувствовать, каково хворать. Въ томъ и другомъ случаѣ изъясни однакожъ свою чувствительность. Можешь сказать, что ты жертвовалъ собою прежде по склонности къ службѣ, по долгу къ отечеству и къ Государю, а теперь охотно предаешься ея повелѣніямъ; что ты готовъ и силы и самую жизнь ронить, гдѣ только опредѣлить угодно. Самъ ты лучше меня можешь изобразить свою мысль и благоговѣніе. Мы любимъ хвалу и въ оной не знаемъ излишества [2]). Ты, Сенюша, порусски пишешь завидно; я бы желалъ важность и плавность твоего слога имѣть. Я тебя удостовѣряю по чести, удостовѣряю потому, что ты разумѣешь меня знающимъ

---

1) Эти слова приписаны Екатериною.

2) Подчеркнуто въ подлинникѣ. П. Б.

Русскую грамоту. Однакожъ, какъ ты самъ считаешь сильнѣе свое перо на Французскомъ, то пиши хотя наономъ.

Венеціанское аллилуия имѣло то дѣйствіе, какого я желалъ. Продолжай тоже дѣлать. Помни, что твой другъ никогда тебя на худое не наставитъ. Сенюшенька, мнѣ нечего тебѣ говорить. Суди по моей къ тебѣ любви, которая и есть столь нелицемѣрна, что надобно преодолѣть сильныя препятствія, чтобъ твое состояніе, которое мнѣ дороже моего, поправить. О семъ письмѣ я не сказалъ и твоему брату: между тремя не бываетъ секретъ. Онъ имѣетъ знакомыхъ, разнесется слишкомъ по болтливому городу, а враги всякому нашему удовольствію вопреки положатъ коварство. И отъ одной утробы рожденные не одну крѣпость духа имѣютъ.

Чтобъ я всѣмъ сердцемъ былъ доволенъ, этого сказать не могу. Но сравнивая себя съ тѣми, которые меня ниже, благодарю за все Бога. Впрочемъ, Сенюша, не клади столь много надеждъ на добродѣтели, кои мнѣ приписываешь. Они суть утѣшеніемъ любомудрцамъ, а не достоинство свѣта. Позналъ я дворъ и людей съ худой стороны, но не измѣнюсь нравомъ ни для чего; ибо ничѣмъ не прельщаюся.

Благодѣтель нашъ ф. своеобычіемъ теряетъ много. Враги его никогда бы его не превозмогли, ежели-бъ онъ самъ на себя не давалъ оружія. Я болѣю сердцемъ, а помочь нѣтъ мочи; ибо упрямствуетъ, скрывая впрочемъ истинные свои виды. Однакожъ, чтобъ онъ искалъ удалиться, этого по сю пору еще нѣтъ.

Ученому, коего ты усердіе рекомендовалъ, Г. велѣла послать медаль, которая сдѣлана на мирное торжество, а присылка и письма къ Бецкому ей доселѣ неизвѣстны были.

Пріѣзжай, Сенюшенька. Каково ни тепло въ Италіи, но въ Петербургѣ твои друзья.

11 *).

С.-Петербургъ, Іюля 8 го 1777.

Собылось со мною все, чтò ты думалъ; оправдались твои предреченія: я столько несчастливъ, сколько истинны твои заключенія. Горька моя участь, ибо сердце въ мукахъ и любить не можетъ перестать.

Сенюша, тебя стыжусь, а все прочее на свѣтѣ не дастъ мнѣ забвенія. Среди надежды, среди полныхъ чувствъ страсти, мой счастливый жребій преломился, какъ вѣтеръ, какъ сонъ, коихъ нельзя остановить: исчезла ко мнѣ любовь. Послѣдній я узналъ мою участь и не прежде какъ уже совершилась. Угождая волѣ, которой повинуюсь, доколѣ существую, я ѣду въ деревню Малороссійскую; ты меня въ ней найдешь по твоему предвѣщанію. Мой отпускъ хотя съ тѣмъ опредѣленъ, дабы чрезъ 6-ть недѣль возвратиться, но могу ли я чему нибудь уже вѣрить!

Заклинаю тебя дружбою и любовію, не огорчайся и не обвиняй ее тяжкимъ образомъ. Представь человѣчество и страсть и, забывая все прочее, люби и будь привязанъ, по крайней мѣрѣ за то, что она вѣчно мила моему сердцу Я не чувствую обиды, люблю одинаково, и буде бъ страсть облегчилася, вмѣстѣ съ оною теперь дѣйствующая останется во мнѣ благодарность. Я просилъ Алексашу, чтобъ онъ обстоятельно описалъ тебѣ мое состояніе. Рыданіемъ и возмущеніемъ духа платя горькую дань чувствительному моему сердцу, я столько ослабѣлъ, что не въ состояніи о себѣ говорить, и для тебя и ради себя убѣгаю проходить воспоминаніемъ мою долю, которая столь живо еще мои

*) Помѣта графа Воронцова: Reçue le 7 Août n. s. 1777. A Livourne.

чувства поражаетъ. Жалость и отчаяніе исторгали изъ меня жизнь; спасеніемъ оной не своему разсудку, но долженъ попеченію моихъ пріятелей, между коихъ твое мѣсто занималъ равно тебѣ и мнѣ любезный твой братъ. Еще не скажу, чтобъ я былъ въ силахъ бороться съ печалію. Ѣду въ лѣсъ и пустыню не умерщвлять, но питать оную.

Прощай, любезный другъ. Пріѣздъ твой оставляю въ твою волю, однакожъ на будущій годъ совѣтую пріѣхать; изъ деревни я буду къ тебѣ писать чрезъ твоего брата. Прости въ томъ медленіе и прежнее и будущее; не пеняй, что я былъ дуракъ. Глупость сія любезна: я на оную и теперь бы промѣнялъ всю премудрость міра и отдалъ бы всякое благополучіе на свѣтѣ, еслибъ можно возвратить удовольствіе прошедшее.

Сенюшенька, не забудь меня; спрашивай обо мнѣ у своего брата, а я теперь сажусь въ твою коляску, оставляя городъ и чертоги, гдѣ толико былъ счастливъ и злополученъ, и гдѣ сраженъ я на подобіе агнца, который закалается въ ту пору, когда ласкаясь лижетъ руку.

Прими отъ меня подобный подарокъ (который я оставилъ твоему брату), каковъ ты мнѣ сдѣлалъ въ воспоминаніе любви.

12.

29 Мая, Могилевъ 1780.

Сюда я пріѣхалъ съ моимъ старшимъ братомъ. Явившись у двора, внутренпѣ очень пожалѣлъ, что на сей разъ не пришла ко мнѣ горячка, ибо одинъ я былъ во всей публикѣ, котораго не пожаловали ни единымъ словомъ. Но въ уборной бывалъ лучше припятъ. Я предвижу, Сенюша, что много будетъ досаднаго, чѣмъ долѣе на глазахъ двора останусь; по вы меня связали домомъ; другое, что я и самъ полагаю благопристойностью нѣсколько подержаться, перенося всѣ непріятности. Ради сего чрезъ мѣсяцъ я возвращусь въ П.бургъ и сіе время только здѣсь проживу изъ нужды, что люди для дому мнѣ надобные прежде не могутъ туда пріѣхать.

Императоръ въ свитѣ Государыни поѣдетъ до Смоленска. Оттуда провождать его будетъ князь Потемкинъ чрезъ Москву въ П.-бургъ, а возвратной его путь будетъ чрезъ Ригу и Польшу, не касаяся Варшавы. Онъ весьма ласковъ. Память, острота равны его жадному любопытству, которое его побуждаетъ знать всякую вещь отъ корня. Онъ не имѣлъ никакихъ на себѣ признаковъ величія,носитъ мундиръ полковницкій своихъ войскъ, не предшествуетъ, ни посѣдаетъ нашихъ фельдмаршаловъ. За столомъ и гдѣ сидятъ, онъ беретъ лѣвую сторону, упрошенъ будучи; словомъ, въ томъ состояніи, въ которомъ его вижу, онъ отличенъ въ людяхъ, а какъ отличитъ себя въ царяхъ, о томъ нельзя судить прежде царствованія.

Говоритъ твердо и любитъ говорить, и разговоръ его доказываетъ основательное знаніе, пріобрѣтенное наукою

и обращеніемъ съ людьми, отлагая образъ царя. Все время въ публикѣ занимается безпрерывнымъ разговоромъ съ Государынею, и въ томъ есть ихъ взаимное удовольствіе.

Завтра отсюду дворъ выѣдетъ, 17-го будущаго возвратится къ вамъ. Полкъ свой училъ для Императора князь Потемкинъ, котораго вездѣ вижу херувимомъ. Показался Николай Рохмановъ, о которомъ Левашовъ говоритъ, что онъ пріѣхалъ подъ именемъ Императора. Въ проѣздъ его смотрѣлъ полкъ нашъ гость и очень хвалилъ. Конечно и достоинъ онъ сего. Однакожъ онъ и не хулилъ ничего нашего. Здѣсь Ржевской преуготовилъ было маневръ для полковыхъ собратовъ, однакожъ его не дѣлали будто ради того, что поля сдѣлались топки отъ дождей.

Фельдмаршалъ здѣсь не глядитъ и не говоритъ со мною.

13.

25 Февраля. Ляличи.

Выѣхавши изъ Новгорода, я почувствовалъ пресильный жаръ, такъ что вся одежда была мнѣ въ несносную тягость, и я принужденъ облегченія искать въ халатѣ; часъ за часъ я чувствовалъ тошноту, и наконецъ полился потъ. Я не поберегъ и застудилъ въ себѣ оный, какъ былъ морозъ съ вѣтромъ. Тутъ сперся во мнѣ духъ, наступила боль во всемъ тѣлѣ, я ревѣлъ какъ лошадь и совсѣмъ былъ въ рѣшеніи вѣрить своей кончинѣ. При такомъ зломъ приключеніи я попалъ на непроѣздимую дорогу въ деревню Александра Андреевича, и почти двое сутокъ ѣхалъ 15 верстъ. Тамъ я не нашелъ бани, древняго моего лѣкарства, и такъ бросился въ винокуренную барду вмѣсто ванны. По-

сидѣвъ съ часъ, получилъ я великое облегченіе дыханію, и всѣ мѣста болѣвшія освѣжились; за тѣмъ слѣдовалъ сонъ долгій и крѣпкій, и я всталъ на другой день такъ здоровъ, какъ бы ничего со мною прошедшаго не было. Я нашелъ старшаго моего брата въ Бѣлорусской деревнѣ, меня ожидающаго; съ нимъ я сюда пріѣхалъ въ очень хорошій и въ очень выгодный господскій и хозяйскій домъ.

Чтобъ отбыть панщину, скоро я поѣхалъ въ Курскъ къ фельдмаршалу. У него прожилъ я недѣлю; принялъ меня учтиво, но ту я видѣлъ въ немъ холодность, которую онъ всегда принимаетъ къ людямъ, которыхъ случай кончился. О тебѣ спросилъ только однова, гдѣ ты живешь и съ кѣмъ ведешь компанію. Когда я отвѣчалъ, что кромѣ прочихъ домовъ ты чаще бываешь у князя Орлова, онъ сказалъ, что новое знакомство. Пускай другіе будутъ какъ хотятъ; но мое правило быть всегда противъ всѣхъ такому, каковымъ быть должно. И такъ я цѣлый мѣсяцъ все былъ въ ѣздѣ и теперь только беру мое отдохновеніе. Былъ у меня Андрей Васильевичъ, котораго я примѣтилъ досаду, что графъ Александръ Романовичъ не за одно съ его сватомъ въ дѣлахъ. Я всю скуку и туже непріятность переношу, которую ты чувствуешь въ разлученіи со мною; но истинныя нужды требовали, чтобъ я то сдѣлалъ, что̀ сдѣлалъ. Будемъ еще жить, мой милый другъ, вмѣстѣ и очень долго. Я уже дознаю по моему теперешнему вояжу, что здоровье терпитъ отъ долгой ѣзды, которая прежде оное укрѣпляла и такъ съ тѣмъ отсюда возвращусь въ Петербургъ, чтобъ жить въономъ долго. Правда, не все тамъ по сердцу, но тебя Сенюша я другаго нигдѣ не имѣю. То уже всякое мѣсто, то наилучшее для меня, гдѣ я буду жить съ тобою. Я тебѣ никогда не хотѣлъ говорить объ особѣ, которая по слову Гудовича обо мнѣ тужитъ. Нельзя не любить человѣка, отъ котораго видишь къ себѣ любовь.

На семъ основанiи моя къ ней привязанность или лучше пазову признанiе было и есть. Обхожденiя я съ нею имѣлъ больше, чѣмъ съ другими; сама благопристойность и благодарность того требовали, да и усугубляло то хорошее поведенiе; но чтò до страсти пылкой, она во мнѣ не произвела оной, ниже я самъ ее могъ возбудить въ себѣ; и такъ какъ я по сiю минуту самъ себя слѣдую, то я имѣлъ разъ въ жизни лютую и несчастную страсть, которая, размучивши сердце, не оставила въ ономъ для другой мѣста на вѣки *). Я дѣлаю тебѣ, какъ моему искреннему другу, откровенiе полное. Нельзя никому за себя отвѣчать впредь навѣрно; можетъ быть и паки я буду безуменъ не менѣе прежняго, но я тебѣ открываюсь, такъ какъ я теперь себя чувствую. Я часто говорилъ Гудовичу, чтобъ онъ на счетъ мой не вдавался въ виды женитьбы, о коей я николи не выговорилъ ни одного слова, да и не имѣлъ обхожденiя иного, какъ при всемъ людствѣ. Я предвижу, что съ возвращенiемъ моимъ надобно быть исторiи. Добраго и столь хорошаго поведенiя дѣвицу нельзя не любить, но сiе не есть обязательство жениться. Я и сюда имѣю отъ нея отзывъ, который показываетъ, что она во мнѣ находитъ милаго для себя человѣка. Но подумай, Сенюшенька: ей только 16 лѣтъ. Сколько склонностей измѣняется и не въ сiи лѣта? Ежели ты можешь ее гдѣ увидѣть, поклонись отъ меня. Я не могу отрещись, что ее люблю больше другихъ. Сiе я ей и самъ говорилъ, когда она требовала, чтобъ я ее любилъ. Вотъ я и чувствую долгъ противъ того, какъ она ко мнѣ расположена. Но не только какiя либо обязательства, но и разговоръ мой не доходилъ до такого градуса, какъ, можетъ быть, въ ихъ домѣ или въ другомъ толкуютъ. Мнѣ очень жаль, что я ей не могу соотвѣтствовать равнымъ чувствомъ; впрочемъ основательно могу думать, что отсутствiе мое

*) 1775—1777 годы. Страсть была обоюдная.

излѣчитъ подобнымъ образомъ, какъ то уже было послѣ отказу Корсаку [1]). Не назови меня звѣремъ и жестокосердымъ. Я очень имѣю чувствительное сердце, которое меня преклонило къ такому знакомству, каково я велъ; но съ другой стороны ясно, что люблю честь и добрую славу, что никогда ничего не сдѣлалъ въ предосужденіе, а того менѣе въ обманъ особѣ, отъ которой вижу ласки [2]). Я въ первое говорю столь много о сей матеріи. Гудовичъ, коего разумѣютъ моимъ конфидентомъ, отъ меня никогда сего не слыхалъ. Я и отъ Льва Александровича [3]) получилъ теперь письмо и отвѣчаю ему на комплиментъ таковымъ же.

Ты не выводишь николи меня изъ страха, что здоровье твое всегда не лучшее. Пріучи себя, Сенюша, раза по два въ сутки полоскать во рту прехолодною водою и тереть лицо льдомъ, да и привыкай ходить сколько нибудь на воздухѣ, не взирая на дурную погоду. Ежели ты сего не начнешь дѣлать, простуда твоя будетъ вѣчна. Живши безвыходно во дворцѣ при горящихъ каминахъ, я себя было подвергнулъ сей болѣзни, которую слава Богу и сбылъ, вырвавши зубъ тѣми средствами, которыя тебѣ употреблять совѣтую.

Поцѣлуй отъ меня Лафермьера. Братъ мой тебѣ усердно кланяется. Кланяюсь Петру Васильевичу, прося его о штатѣ, который онъ прислать мнѣ обѣщалъ. Когда станешь выѣзжать, кланяйся отъ меня князю и княгинѣ [4]) и всѣмъ съ ними вмѣстѣ въ дому принадлежащимъ фрелинамъ.

---

1) Корсаковъ, извѣстный красавецъ и позднѣе любимецъ Екатерины.

2) Говорится о гр. Вѣрѣ Николаевнѣ Апраксиной, на которой впослѣдствіи женился Завадовскій. Она жила дѣвицею при матери, въ домѣ графа К. Г. Разумовскаго, зять котораго И. В. Гудовичъ былъ сослуживцемъ Завадовскаго и устроилъ его свадьбу, совершившуюся въ 1787 году.

3) Нарышкина, человѣка близкаго къ дому гетмана.

4) Орловымъ.

Подъ исходъ Марта поѣду къ Кіеву, спѣша возвратиться къ пріѣзду двора въ Москву, что̀ очень разстроиваетъ мой планъ. Здѣсь прилагаю на твой расходъ 500 р., въ ассигнаціяхъ. Ежели ты станешь мнѣ благодарить за сію малость, то это будетъ для меня пощочина. Велъ я тогда съ тобою счетъ, когда ты былъ богатѣе меня? Сколько вещей я принялъ отъ тебя въ арміи, не сказавши тебѣ и спасибо? Прощай, мой милый другъ, прощай Сенюшенька. Человѣкъ сей будетъ ко мнѣ возвращаться: пожалуй не забудь дать письма. Мнѣ только нужно знать, что ты здоровъ. Не досадуйте, буде не часто пишу; случаи здѣсь весьма рѣдки: я ни въ Глуховѣ, ни у самаго фельдмаршала не получилъ онаго.

14.

25 Марта, Ляличи.

Я былъ уже въ дорогѣ въ печальный домъ Александра Андреевича и принужденъ возвратиться, получивъ письмо отъ него, что домъ сторгованъ. Я его не знаю, а плачу, дабы ему не остаться въ словѣ данномъ, что мною купленъ будетъ. Не затрудняю тебя сею матеріею, ибо ты по моему домоводецъ; а скажу, что я здѣсь весьма покойно живу. Семья не велика, а упражненіе одна лишь охота; довольно набилъ медвѣдей и волковъ. Впрочемъ писать лишнее, когда предстанетъ самъ Александръ передъ твои очи: у него спрашивай о моей жизни.

Какъ я не чаю, чтобъ мнѣ отсрочили до зимы, а при томъ и домъ привязывать долженъ въ разсужденіи его устройства, то я надѣюсь, увижу тебя послѣ возвращенія

двора изъ Бѣлоруссіи. Я бы настоящую свою жизнь не покинулъ вскорѣ, ежелибъ Александръ Андреевичъ не сдѣлалъ сюрприза. Мило мнѣ быть съ тобою, Сенюша; но что̀ лежитъ до должности, она меня не будетъ никогда веселить.

Я слова обязательнаго никоимъ образомъ не давалъ и всячески соблюлъ осторожность, даже и не говорить о томъ. Благодарность же за чувства все имѣю, да и чтожъ буде не признаніе заставляло меня ѣздить столь часто [1])? Я съ тобою въ томъ согласенъ, что и сіе перемѣнится, какъ все другое перемѣняется. Ежели Орловы не уѣхали, поблагодари и ихъ и всѣхъ, кои мнѣ чрезъ тебя кланялись. Пожалуй, загляня на кафтаны что̀ нынѣ шьютъ для праздниковъ Бѣлорусскихъ и отврати, чтобъ молодежь буйная не нарядила меня Индѣйскимъ принцемъ.

15.

Отъ Чернышева я заѣзжалъ вчера къ тебѣ, но уже ворота были заперты и не достучался. Увѣдомь, каковъ ты; ибо мнѣ казалось, что кровь хотѣлъ пустить. На вчерашнемъ балѣ много у меня навѣдывалася о тебѣ графиня К. П. Строгонова [2]). Ежели бы не такой день, что, избѣгая обѣда праздничнаго, должно дома просидѣть, я бы къ тебѣ пришелъ; но сіе время употреблю на письма домой и къ князю.

---

1) Т. е. ѣздить въ Петербургъ, по оставленіи покоевъ въ Зимнемъ дворцѣ. Какъ извѣстно, Завадовскій съ великою пользою для государства былъ употребленъ на службу. Екатерина поручила ему Медико-хирургическую Академію и Народныя Училища, и онъ часто призываемъ былъ на совѣщанія по важнѣйшимъ дѣламъ.

2) Вторая супруга графа Александра Сергѣевича.

16.

Я имѣлъ всю добрю надежду тебя застать еще въ постелѣ; но ты прекрасной Діанѣ послѣдуешь въ лѣсахъ. Князь *), къ которому я заходилъ, тебѣ и Гаррису кланяется. Я не буду въ комедіи, ибо смотрѣть на отвращающихся непріятно. Демидовъ проситъ усильно завтрашняго обѣдать; я и за тебя и за себя обѣщалъ его женѣ. Чрезъ Александра Андреевича дай мнѣ знать, заѣзжать ли къ тебѣ завтра, ибо я ранѣе бъ для сего выѣхалъ.

Хозяину и хозяйкѣ поблагодари отъ меня за хорошій завтракъ, которымъ я былъ здѣсь употчиванъ.

17.

Августовъ, 5 Іюня.

Мнѣ не позволили больше двухъ недѣль остаться здѣсь: такъ и опровергнуто мое желаніе, чтобъ тебя тутъ увидѣть, а уже жди меня къ себѣ 29 къ ночи непремѣнно, а на случай бываемыхъ въ дорогѣ остановокъ, 30-го. Я не могу не пріѣхать въ сіи дни, потому что срокъ мой 1-го Іюля. Поклонись отъ меня графу Алексанру Романовичу да земнымъ поклономъ, предъ коимъ я проливаю молитву, чтобъ онъ наставилъ ничего не разумѣющаго моего Александру приготовить для дому первыя надобности, которыхъ я и

*) Орловъ, гостепріимно жившій съ своею молодою супругою въ Гатчинскихъ лѣсахъ, гдѣ часто навѣщали его Петербургскіе пріятели. Изъ любимцевъ Екатерины поженились: Орловъ, Завадовскій, Ермоловъ, Мамоновъ и Зубовъ.

самъ не знаю. Поблагодари отъ меня Петра Васильевича [1]) за послѣднія его письма. Штатъ имъ сдѣланный будетъ уставъ моего домоуправленія.

Вы прежде увидитесь съ дворомъ и со вся-вѣдущимъ Александромъ Андреевичемъ [2]): то и не для чего продолжать увѣдомленія къ сдѣланному отъ меня для васъ изъ Могилева.

18.

Князь, княгиня [4]) и обѣ нимфы благодарятъ тебя за твой имъ поклонъ. Очень довольны, что ты возвратишься въ Субботу. Вчера таскался съ ружьемъ, а сегодня не выходилъ и прочелъ обѣ книги, кои всучилъ мнѣ графъ Александръ Романовичъ, которому представь мое почтеніе и выпроси еще слѣдующіе томы, да и привези ихъ съ собою. Мнѣ послѣ возвращенія изъ Гатчины пора уже будетъ собираться въ свой долгой путь. Кланяйся отъ меня Гаррису, тоже и любимымъ нашимъ графамъ Румянцовымъ.

---

[1]) Бакунина.—Пріятели, чтобы Завадовскій не заживался въ своемъ Екатеринодарѣ (Ляличахъ), заставили его купить домъ въ Петербургѣ.

[2]) Безбородкою.

[4]) Орловы. Подъ нимфами можно разумѣть двоюродныхъ сестеръ княгини Орловой, Сенявиныхъ, изъ которыхъ одна Екатерина Алексѣевна скоро вышла за графа С. Р. Воронцова, а другая, Марья, была потомъ супругою Александра Львовича Нарышкина.

19.

Я былъ нездоровъ и, не охотникъ будучи къ публикѣ, разсудилъ удобный день употребить на діету. Привыкаю сносить безъ огорченія гнѣвное поведеніе противу себя ф. которой вчерась долго говорилъ, предосуждая твою чувствительность, что ты досадуешь за обходъ тебя младшими по службѣ, что онъ бы сего не сдѣлалъ. Кого никто не обошелъ, да и обойти ужъ нельзя, тому легко говорить подобныя разсужденія для другихъ.

20.

С.-Петербургъ, Августа 29-го 1804.

Милостивый государь мой графъ
Семенъ Романовичъ!

Податель сего письма, Виленскаго университета г. профессоръ Бекю отправленъ для усовершенствованія врачебныхъ его занятій въ Англію. Опредѣленное ему для сего путешествія время долженъ онъ употребить наилучшимъ образомъ въ пользу своего университета. Зная, сколь пріятно вашему сіятельству брать участіе во всемъ томъ, что̀ клонится ко благу Отечества нашего, я тѣмъ смѣлѣе препоручаю сего профессора въ его подвигѣ вашему покровительству, покорнѣйше испрашивая, дабы, подъ вліяніемъ онаго, могъ онъ получить свободный входъ во всѣ мѣста, относящіяся къ предметамъ его наукъ и удобнѣе вступить въ связь съ учеными въ незнакомой ему странѣ.

Имѣю честь быть и пр.

Инструкція господину камеръ-юнкеру Алексѣю Нарышкину *).

При настоящемъ вашемъ путешествіи къ цѣлительнымъ водамъ, а оттуда въ Италію, соизволяетъ Ея Императорское Величество, какъ въ удостовѣреніе о вашемъ къ службѣ ея и отечества похвальномъ усердіи, такъ и въ разсужденіи усматриваемыхъ въ васъ къ дѣламъ отличныхъ способностей, поручить вамъ начатіе и производство нѣкоторой при Туринскомъ дворѣ небезважной негоціаціи, коей счастливое окончаніе будетъ непремѣнно вамъ самимъ и въ заслугу, и въ пользу; ибо отнынѣ уже изволитъ всемилостивѣйшая Государыня предназначивать васъ министромъ своимъ къ сему двору, естьли скромнымъ и благоразумнымъ попеченіемъ вашимъ та негоціація къ желанному краю доведена будетъ.

Дѣло состоитъ въ томъ, что политическіе двора нашего интересы требуютъ какъ для настоящаго времени, такъ и для переду, ближайшей между имъ и королемъ Сардинскимъ связи, нежели какая донынѣ была въ одной пріязненной и ничего незначущей перепискѣ.

Къ достиженію сего конца нужно съ одной стороны дойтить до того, чтобъ оба двора начали взаимно одинъ при другомъ содержать акредитованныхъ министровъ, а съ другой избѣжать предъ публикою и самой наружности перваго отъ насъ въ томъ исканія: ибо нѣжность обще-

*) Печатается съ подлинника. Тетрадь прошнурована и скрѣплена печатями двухъ членовъ Иностранной Коллегіи, графа Панина и князя А. М. Голицына. П. Б.

принятыхъ между дворами правилъ въ равенствѣ и предсѣданіи коронъ поставляетъ униженіемъ одной передъ другою все то, что̀ въ какомъ либо общемъ дѣлѣ чинится неравными и весьма строго на обѣ стороны размѣренными шагами.

Судя по естественному положенію земель короля Сардинскаго, нельзя разсудительнымъ образомъ сумнѣваться, чтобъ сей прозорливый и во всѣхъ своихъ дѣлахъ толь слѣдственный государь самъ не радъ былъ близкому съ нами соединенію. Какъ по сю пору вся знатность и могущество дома его возрастали и перемѣнно, по перемѣннымъ обстоятельствамъ, основывались на древнемъ и естественномъ между собою соперничествѣ Австрійскаго и Бурбонскихъ домовъ, между коими оной въ ту или другую сторону, но всегда въ собственную свою выгоду, перевѣсъ дѣлать могъ: такъ, напротивъ того, теперь со времени толь тѣснаго между ими содруженія, стало состояніе его весьма инаково и подвержено всегдашней опасности совершеннаго отъ нихъ порабощенія, потому что нѣтъ въ Италіи другихъ сильныхъ статовъ, кои бы сохраненію его существительно способствовать могли. Сихъ ради причинъ его Сардинское величество, чувствуя довольно всю заботу положенія своего, старался по сю пору всячески менажировать, какъ и теперь дѣйствительно менажируетъ, по крайней мѣрѣ наружную дружбу Вѣнскаго и Бурбонскихъ домовъ, чтобъ ему отъ нихъ вдругъ сурпренировану не быть; но въ тоже время тщательно искалъ и ищетъ онъ содруженія болѣе и болѣе съ Великобританіею, какъ такою короною, которая собственнымъ своимъ бытіемъ поставлена въ естественное противуборствованіе Бурбонскому фамильному пакту. Россія, находясь относительно сего пакта въ подобныхъ Аглинскимъ обстоятельствахъ и играя теперь знаменитый въ Европѣ роль, которой діаментраль-

но противорѣчитъ политикѣ Версальскаго двора, представляетъ королю Сардинскому небезполезную для безопасности его перспективу и опору, взаимно чему онъ самъ нынѣ морскимъ нашимъ операціямъ въ Средиземномъ морѣ и въ Архипелагѣ много полезенъ быть можетъ. Основываясь на такой для обѣихъ сторонъ взаимной выгодности (коя до тѣхъ поръ существительна во всей своей силѣ настоять будетъ, доколѣ продолжится нынѣшнее между Австрійскимъ и Бурбонскими домами несвойственное, толь тѣсное согласіе, какъ выше уже сказано), предугадывать можно, что король Сардинскій самъ не не радъ будетъ близкому съ нами соединенію; слѣдовательно же и остается только достигнуть откровеннаго въ томъ на обѣ стороны въ мысляхъ изъясненія, которое требуетъ и скромности, и общаго напередъ о всѣхъ подробностяхъ соглашенія, для того одного, чтобъ въ глазахъ публики сохранить цѣлость точнаго и полнаго равенства.

Къ сему потребно, чтобы первыя представленія произошли не чрезъ характеризованныхъ министровъ, а посторроннимъ и партикулярнымъ образомъ, хотя съ употребленіемъ посредства и персоны съ публичнымъ характеромъ, но третьяго двора.

Собственное ваше благоразуміе даетъ вамъ изъ вышеписаннаго достаточное руководство въ томъ, что̀ до существа самой негоціаціи касаться можетъ; напротивъ чего, въ разсужденіи образа производства ея, можно преподать здѣсь слѣдующія примѣчанія.

1-е. По пріѣздѣ вашемъ въ Туринъ въ качествѣ партикулярнаго, по собственной охотѣ путешествующаго, дворянина, надобно будетъ вамъ прежде всего стараться о томъ, чтобъ быть при дворѣ и министерствѣ обыкновеннымъ образомъ представлену, употребляя тамъ въ посредство министра Аглинскаго, какъ намъ союзнаго и дру-

жественнѣйшаго двора, или хотя самого Вѣнскаго двора, не открываясь ему однакожъ въ истинномъ намѣреніи пріѣзда вашего.

2-е. Получа такимъ образомъ доступъ къ двору или министерству, можете вы, отзываясь передъ всѣми въ генеральныхъ терминахъ о персональной естимѣ Ея Императорскаго Величества къ королю Сардинскому, отозваться партикулярнымъ образомъ и наединѣ къ правящему иностранными дѣлами министру, что Ея Величество, въ разсужденіи взаимной и очевидной для обѣихъ сторонъ пользы, также и по хорошимъ ея о королѣ мнѣніямъ, желала бы настоящую донынѣ между ими церемоніальную переписку превратить въ ближайшее соединеніе, почему она и не удалена прислать къ двору его Сардинскаго величества министра своего въ публичномъ характерѣ, естьли и онъ съ своей стороны, соотвѣтствуя высочайшимъ ея намѣреніямъ, согласится такойже поступокъ вмѣстѣ и въ одно съ нею время сдѣлать.

3-е. Изъ отвѣта того министра на сей вашъ отзывъ будете вы въ состояніи судить, какую цѣну поставитъ оному Туринскій дворъ; а усматривая въ немъ искреннюю и взаимную готовость къ общему дѣлу, можете вы далѣе уже открыться, что все предложеніе ваше не только по точному отъ двора повелѣнію чините, на что и сами вы въ запасъ предназначены имѣть честь быть первымъ со стороны Ея Императорскаго Величества инструментомъ къ начатію съ Туринскимъ дворомъ безпосредственнаго чрезъ взаимныхъ министровъ сношенія; что дѣло зависитъ только отъ ихъ на то согласія, по которому и не сумнѣваетеся вы уже получить для себя кредитивныя грамоты на тотъ самый характеръ, въ какомъ министръ со стороны его Сардинскаго величества назначенъ будетъ; и надобно только заранѣе условиться о томъ да и въ какой именно день

при обоихъ дворахъ объявить взаимное назначеніе, дабы послѣ ни въ чемъ и никакого недоразумѣнія быть не могло.

4-е. Естьли вы на мѣстѣ къ успѣху комиссіи вашей за нужно признаете дѣлать первыя внушенія чрезъ Аглинскаго министра, дабы собою не сдѣлать излишней огласки, или же не компрометировать себя въ тщетной сверхъ чаянія попыткѣ, о томъ оставляется рѣшеніе на собственное ваше благоразумное смотрѣніе и соображеніе всѣхъ въ пользу и вопреки настоять могущихъ увѣреній, а особливо персональнаго права, поведенія и кредита при дворѣ того Аглинскаго министра; ибо намъ впрочемъ нѣтъ нужды таиться предъ дворомъ его въ намѣреніи нашемъ, потому что исполненіе онаго ему самому полезно быть можетъ умноженіемъ новыхъ препонъ Бурбонскому фамильному пакту чрезъ составленіе новыхъ и безпосредственныхъ политическихъ связей между собственными его друзьями.

Какимъ образомъ собственной ли вашъ безпосредственной или же чрезъ Аглинскаго министра чинимой отзывъ при Туринскомъ дворѣ принятъ и соотвѣтствованъ будетъ, о томъ о всемъ не оставите вы немедленно доносить сюда, употребляя для надежности корреспонденціи слѣдующіе здѣсь цифирные ключи *), дабы по тому послѣднія Ея Императорскаго Величества резолюціи обратно къ вамъ послѣдовать могли, въ желанное ли окончаніе негоціаціи или же въ совершенное ея, по непредусматриваемымъ теперь затрудненіямъ, пресѣченіе. А въ семъ послѣднемъ случаѣ вы можете уже выѣхать изъ Турина въ какое либо отъ онаго недальнее мѣсто, для обожданія отсюда дальнѣйшихъ вамъ предписаній, дабы инако долговремен-

*) Этихъ ключей при подлинной бумагѣ не имѣется. П. Б.

ное ваше тамъ безъ видимой надобности пребываніе, также и частые съ королевскимъ министромъ переговоры, кои бы по начатіи негоціаціи нечувствительнымъ образомъ сами собою раждаться могли, не произвели въ публикѣ, а особливо у Бурбонскихъ министровъ, излишняго примѣчанія и не открыли мало-по-малу собою причину пріѣзда вашего къ Сардинскому двору.

По именному Ея Императорскаго Величества указу.

Графъ Н. Панинъ.

Князь Александръ Голицынъ.

Въ Санктпетербургѣ.

Маія дня

1770 года.

Письмо перваго Русскаго Санскритолога Герасима Лебедева къ графу С. Р. Воронцову.

Калкота, 15 (26) Іюля 1797.

Сіятельнѣйшій графъ Семенъ Романовичъ

Милостивый государь!

Смѣлость мою, надѣюсь, вы изволите не токмо извинить, но извлечете, думаю, благоволеніе воспокровительствовать; ибо желаю по возможности сдѣлать услугу вѣрноподданнымъ сынамъ православной Россійской державы. По довольномъ распознаніи Гиндостанскихъ языковъ, при всѣхъ моихъ хлопотахъ, вольныхъ и невольныхъ, я не позабылъ почесть себѣ за великую честь къ вашему сіятельству изъ Востока писать прошлаго года, корабля именуемаго „Райналь-Шарлотъ" съ капитаномъ, о моемъ успѣхѣ и ободреніи отъ публики, который корабль, хотя уже опять въ Калкоту возвратился, но мнѣ неизвѣстно, получены-ль вами мои письма. Ко удовольствію моему однакожъ изъ газетовъ я узналъ, вы пребываете еще въ Лондонѣ и что королевскимъ мастеромъ Офъ-Дьи-Горсъ представлены были ея величеству Аглипской королевѣ. Сумнѣнія пѣтъ, ею вы, ваше сіятельство, приняты были гораздо почтеннѣе за блюденіе Россійской націи.

Пекущійся о умноженіи блага сіятельнѣйшій графъ, для пользы всемірной, увеличь ко удовольствію обширныхъ Россійскихъ обществъ добродѣтель твою и постарайся, императорское изображеніе, двоеличный образъ, также,

яко отецъ единоземцамъ нашимъ, сдѣлать извѣстными мои по любви къ отечеству пріобрѣтенія, написанныя съ Бенгальскими словами и переведенныя при всевозможномъ о правдѣ розысканіи: героическая поэма на бракосочетаніе Бордгманскаго (Бордванскаго) государя дочери лучшимъ писателемъ Шри-Бгаротъ-Чондро-Раи, словарь, довольно разговоровъ, двѣ комедіи, ариѳметическія дѣленія, которыя, думаю, въ Европѣ до сего всѣ неизвѣстны, часть календаря и нѣсколько разныхъ собраніевъ для Шанскритскаго, Бенгальскаго и для смѣшаннаго Гиндостанскаго языковъ.

О рачительномъ упражненіи моемъ отпиши къ нашему государю и властямъ и, такіе труды твоимъ превосходнымъ знаніямъ ободря, припомни имъ, что эти написанныя извѣстія служатъ не ради чтенія только одного, но не меньше ради сношенія съ такими народами, съ которыми Россія (вамъ лучше извѣстно), можетъ быть, не имѣла никогда переписокъ, хоша и сдѣлано Тамерланомъ-государемъ посѣщеніе въ Москву. И меньше сего мнѣ извѣстно, были ли когда нибудь какимъ Россіяниномъ переведены нѣкія Гиндостанскія книги на Русской языкъ и какихъ восточной страны государствъ? Только то чрезъ опытъ знаю, что отъ завладѣнія Мусульманцами и Европейцами, при причиненныхъ замѣшательствахъ, языки, какъ и многое другое, такъ перемѣшаны и правописаніе перепорчено (слѣдовательно и исторія невѣрна), что для исправленія и обновленія требуется нарочно-рожденныхъ людей, независимыхъ отъ ненасытной алчбы, а не рыщущихъ чекаловъ (родъ между собакъ и волковъ) промышленниковъ львовой пищи, которые какъ добытчики добычу смѣшиваютъ съ нечистотою.

Покровителямъ намъ въ Россіи, я увѣренъ ненапрасно, будетъ пріятно видѣть древнихъ нравоучительное, увеселительное писаніе, и особливо сообщаемое Россіяниномъ,

которой, истративъ на сіе свое имѣніе, желаетъ услужить и быть угоднымъ между обществъ въ своемъ отечествѣ. За такую доставляемую пользу здѣсь переводчики имѣютъ тысячу фунтовъ въ годъ жалованья и постепенно доходятся до вышнихъ чиновъ со умноженіемъ доходу. Но я-бъ почелъ себя довольнымъ имѣть пять тысячъ рублевъ въ годъ съ пристойнымъ чиномъ, какую сумму я здѣсь получалъ до открытія моего театра.

Надѣюсь, ваше сіятельство, изволишь повѣрить, я не безъ знанія и не безъ труда, кромѣ другихъ книгъ перевелъ съ Аглинскаго на Бенгальскій языкъ комедію (Desquesse) „Притворство“ и послѣ отказу компанскихъ слугъ надзирателя ссудить меня театромъ не безъ предмету былъ: смѣлъ состроить свой, который вмѣщалъ около четырехъ сотъ персонъ и въ которомъ театрѣ помянутая комедія обѣихъ родовъ Бенгальскими комедіантами была два раза представлена подъ моимъ только покровительствомъ, какъ и все другое, предъ многолюднымъ собраніемъ. И я чрезъ сіе конечно обогатился-бъ, еслибъ по зависти отъ промышленниковъ театральныхъ не былъ обманутъ, ограбленъ и разоренъ, и для чего отъ хранящихъ правосудіе не могъ сыскать для помощи расположенія, отъ коихъ я требовалъ. То чтò бы могло и Агличанамъ не токмо новостію опять нравиться, но ради вѣрнѣйшаго о языкахъ увѣдомленія, публиковать въ Калкотѣ не могу; за тѣмъ что иностранцово въ наукахъ уравненіе переводчикамъ несносно, торговцамъ непріятно, и правленіе, для ободренія своихъ, знаю, какъ надлежитъ иностранца не окуражитъ. Извѣстно свѣту, иностранцы ободряются лучше въ Россіи, и не требуется другихъ вѣковъ доказательства. Единоземцы наши, если не ошибаюсь, всякаго класса, за тоже не бываютъ позабыты, и я съ неизъяснимою благодарностью свѣту свидѣтельствую собою за милость и отеческое благопріятство

такое, какое я имѣлъ счастіе получить отъ Его Императорскаго Высочества Государя Павла Петровича, отъ его супруги и отъ странствующихъ съ ними высокопочтенныхъ господъ лицъ въ Парижѣ и въ Момбильярѣ. Славить соразмѣрно милостямъ желаю занять витійства; но кто устроитъ мой языкъ въ чужой дальной восточной сторонѣ?

Во истину счастливымъ бы себя почелъ жертвовать до смерти умноженіемъ услугъ, когда-бъ ваше сіятельство благоволили выходить жалованье и чинъ, и тѣмъ сдѣлали защищенна отъ такихъ компанейскихъ сосуновъ, изъ которыхъ нѣкіе не превосходнымъ достоинствомъ, а что въ службѣ лгутъ, чванясь предъ небольшимъ въ службѣ человѣкомъ таковымъ, который въ разныхъ націяхъ великими людьми и богами призрѣнъ, а въ не такомъ составленномъ на рыхлотѣ бытіи, какъ пѣтухи будто предъ воробьемъ съ напряженными отъ раздуванья зобами, оклеветывая вѣрныя его дѣла, желаютъ проглотить, какъ таракана и тѣмъ затмить славу его. Да и за что же? Что, знаю, они не выразумѣваютъ яснаго Саншкритскаго азбучнаго блеску, и клюючи не могутъ глотать словесныхъ Гиндостанскихъ язычныхъ жемчужинъ.

Хоша я до гола почти и разоренъ, только изъ подданныхъ Россіи, здѣсь находящихся, при желаніи и помочь исправить мое состояніе, присовѣтовали ваше сіятельство просить исходатайствовать два паспорта, ради тремастныхъ двухъ кораблей, или двумастныхъ (если чрезъ линію проходить позволяется), чтобъ оные подъ флагомъ Россійскимъ и съ должными привилегіями изъ Индіи, изъ рѣки Гонча (Gonga), изъ Восточнаго и Средиземнаго океана и другихъ морей по выходѣ чрезъ Балтическое море мною могли введены быть въ Неву и чтобъ оные, какъ можно скорѣе, вы благоволили ко мнѣ переслать.

Разсуждая, что не требуется денегъ на покупку кораблей и на товары и что не токмо внесется умноженіе въ казну пошлинами, но ободрится торгъ и мореплаваніе, кромѣ другихъ обрѣтеніевъ, надѣюсь, благоволите паспорты ко мнѣ переслать.

Вашему сіятельству, яко вѣрноусердному желателю Россійскаго блага, предавъ написанное и себя въ провидѣніе и покровительство, прошу удостоить отвѣтомъ и такимъ совѣтомъ или предписаніемъ, отъ котораго зависитъ все мое благополучіе.

Отечеству всякаго блага желающій, вашего сіятельства, милостивый государь, всенаипокорный слуга

Герасимъ Лебедевъ.

*

Герасимъ Лебедевъ издалъ въ Лондонѣ книгу объ Индѣйскихъ нарѣчіяхъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ:

A grammar of the pure and mixed east-indian dialects with dialogues affixed, spoken in all the eastern countries, methodically arranged at Calcutta, according to the Brahmenian system, of the Shamscrit language, comprehending literal explanations of the compound words and circumlocutory phrases, necessary for the attainment of the idiom of that language etc., calculated for the use of Europeans. With remarks on the errors in former grammars and dialogues of the mixed dialects called Moorish or Moors, written by different Europeans; together with a refutation of the assertions of sir William Jones, respecting the Shamskrit alphabet; and several specimens of oriental poetry, published in the Asiatic Researches. By Herasim Lebedeff. London. Printed by J. Shirven, Ratcliff Highway; for and sold by the author, № 3 Warwick-place, Berford-row, and by mr Debrett, Bookseller, Picadilly. 1801.

Книга посвящена Ость-Индской Компаніи, въ Лондонѣ 20 Мая 1801. Въ предисловіи сочинитель говоритъ, что 12 Февраля 1785 онъ отправился въ Мадрасъ и въ Августѣ 1787 прибылъ въ Калькутту, что 27 Ноября 1795 и 21 Марта 1796 его піесы игрались въ Калькуттѣ на Бенгальскомъ языкѣ.

Въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, въ бумагахъ по сношеніямъ съ Англійскимъ дворомъ, мы нашли слѣдующее шифрованное письмо графа Растопчина въ Лондонъ къ повѣренному въ дѣлахъ В. Г. Лизакевичу.

Pawlowsky, le 22 May 1800.

Par ordre de l'Empereur.

Скажите г-ну Лебедеву, что онъ писалъ нелѣпое письмо о сумасшедшемъ врачѣ, на коего онъ самъ походитъ и что если онъ думалъ служить симъ Государю, то онъ весьма ошибся.

Графъ Растопчинъ.

ДВѢ ЗАПИСКИ ОБЪ ИНДІИ *).

1.

Note sur la guerre dans l'Inde.

De tous les événements politiques qui depuis quelque tems se succèdent avec une si étonnante rapidité, ceux qui donnent le plus à penser au ministère britanique et qui occupent le plus la nation anglaise, sont amenés par la guerre que cette puissance fait dans l'Inde à Tippo-Sultan. L'on se rappelle la part considérable que le parti indien a eue, si ce n'est à l'élévation du présent ministre, au moins à sa stabilité; il semblerait aujourd'hui que ce même parti lui prépare l'écueil où sa fortune politique doit échouer, et sous ce point de vue il est peut-être de quelque intérêt de rapprocher succinctement l'origine et les principaux événements d'une messure qu'il était à l'option de m-r Pitt d'empêcher.

Le prétexte de cette guerre date de 1788. Le rajah de Tranvacore ayant acheté aux Hollandais, au commencement de la même année, deux forts, Cranganore et Aicota, ce qui causa de l'inquiétude à Tippo-Sultan, ces deux forts étant au Nord des territoires du pays de Cochin, sur les frontières du circar de Misore, fief qui relève de Tippo-Sultan, qui ne pouvait voir ces deux places fortifiées passer d'une puissance neutre entre les mains d'un voisin dont il suspectait l'ambition, Tippo,

*) Обѣ бумаги сохранились въ спискахъ.

П. Б.

offensé de cette acquisition, prétendit être en droit de s'y opposer. Il fit savoir au gouvernement anglais du Bengale, que si leur allié le rajah de Tranvacore ne s'empressait pas à s'en désister, il employerait la force pour l'y contraindre. Peu de tems après cette notification il fit effectivement avancer des troupes sur les frontières des territoires de Tranvacore, et même elles en passèrent les lignes. Le gouvernement du Bengale résolut de ne pas répondre à Tippo-Sultan et de considérer comme un attentat irrémissible les mesures qu'il avait prises contre leur allié. Cependant, par le traité de la Compagnie avec le rajah de Tranvacore de 1769, renouvelé en 1784, la Compagnie ne s'engagea à défendre le rajah que dans les cas où il ne donnerait pas lieu à des hostilités, et cette acquisition de deux forts sur les frontières de Tippo-Sultan ne pouvait difficilement être considérée que comme un dessein d'agression éventuelle contre ce prince. Dans les commencemens le gouverneur-général ne paraissait pas favoriser la part que voulait prendre à ces hostilités le gouvernement du Bengale, mais depuis il changea d'avis.

Tels furent les motifs apparents de la guerre actuelle; mais les causes réelles qui l'ont fait naître tiennent au système de vénalité et de corruption qui règne dans l'Inde. Les agents de la Compagnie ne visent qu'au monopole et à des contracts d'approvisionemens lucratifs, le militaire au pillage et à la rapine; les parens et les amis de tous ces gens là, qui résident en Angleterre, intéressés à leurs fortunes, entraînent facilement un ministre, avide de pouvoir et qui fait du patronage son principal appui: il se livre aveuglément aux succès qu'on lui promet et à son tour éblouit le public par l'appât du gain, attache à son char les esclaves des richesses. Alors la raison n'a plus d'accès; envain se fit-elle entendre contre la guerre en question, par l'organe de Charles Fox, de Francis, de Husseys, qui tous dans la dernière session s'opposèrent vivement à cette mesure et recommandèrent la paix; mais ce fut sans succès.

Le ministre actuel Dundas proposa la résolution suivante qui obtint la majorité:

„Que les attaques commises par Tippo contre les lignes de „Tranvacore le 29 Décembre 1789 et le 6 et 15 de Mars 1790, „étaient des infractions injustifiables au traité passé à Manga„lore le 10 Mars 1784 et qu'elles n'avaient pas été provo„quées".

2-de résolution:

„Que la conduite du gouverneur-général du Bengale en „poursuivant la guerre avec vigueur contre Tippo, pour avoir „attaqué les possessions du rajah de Tranvacore, était haute„ment méritoire.

3-me résolution:

„Que par les traités passés avec le Nizam du Decan et „les Marattes, pour coopérer avec vigueur dans les opérations „de la guerre qui tendaient à la tranquillité future de l'Inde, „la foi britannique se trouvait liée à l'observation de ces „traités".

Ces deux résolutions passèrent également, et les traités dont il était fait mention furent rendus publics; ils avaient été ratifiés au mois de Juin 1790 par le lord Cornwallis, gouverneur du Bengale, à Fort-William. Ces traités constituent une alliance offensive et défensive entre les Marattes, la Compagnie Anglaise et le Nizam. Les conventions de cette ligue sont une guerre qui ne doit cesser que par la conquête générale des possessions de Tippo-Sultan, que l'on qualifie du nom de tyran de Misore; l'on y établit le partage de ses provinces, l'obligation à chaque partie contractante de ne pouvoir pas faire la paix sans le consentement unanime des co-partageurs et de fermer l'oreille à toutes les propositions de l'ennemi. La Compagnie Anglaise s'engage à payer les troupes de ses alliés, et la quantité des troupes que ceux-ci doivent fournir y est stipulée.

Dans le même tems la philanthropie du ministre s'attendrissait sur les sort des Nègres et indirectement fomentait l'explosion dont les malheureuses colonies sont aujourd'hui

les victimes. Lui et ses amis lisaient avec délices une lettre du général Meadows, qui annonçait sa résolution d'aller mettre à feu et à sang le pays de Misore et détrôner le tyran Tippo, fondant la certitude de ses exploits sur l'équité de ses projets et la justice de la cause que servaient les armes britanniques. Peu de tems après, au grand étonnement du public, on a reçu la nouvelle que le colonel Floyd, qui avec un gros détachement devait joindre l'armée que commandait le général Meadows, avait été surpris par un corps de la cavalerie de Tippo-Sultan, avait perdu beaucoup de monde et tous ses bagages avec son artillerie et ne s'était échappé avec le reste de ses troupes qu'à la faveur de la nuit.

Il avait été déterminé par le gouverneur-général du Bengale et son conseil, que tout le pays de Misore devait être conquis avant la saison des pluies: elle s'approchait, et les montagnes qui séparent le royaume du Carnate n'étaient pas encore traversées. Lord Cornwallis dit qu'il prendrait le commandement de l'armée la campagne prochaine, et il annonça qu'il la terminerait par la conquête de Seringapatam, capitale du pays de Misore et où Tippo-Sultan avait tous ses trésors.

Les premières nouvelles que l'on reçut des commencemens de l'entreprise du lord Cornwallis, promettaient spéculativement de grands succès; plusieurs mois se passèrent avant d'en recevoir d'autres. Celles que l'on eut ensuite apprirent que lord Cornwallis avait passé les Ghauts ou montagnes et qu'il avait pénétré dans le pays de Tippo; que les alliés, le Nizam et les Marattes, se préparaient lentement à suivre lord Cornwallis, que les deux autres divisions de l'armée anglaise, l'une sous les ordres du général Meadows, l'autre commandée par le général Abercromby, s'avançaient aussi vers Seringapatam, rendez-vous général des forces des co-alliés. Ces forces sont formidables; les Anglais comptent *vingt-cinq* mille hommes de troupes européennes et *quarante* mille sypaïs bien disciplinés, et le Nizam et les Marattes ont fourni plus de cent mille combattans; l'armée de Tippo-Sultan est réputée de *cent cinquante* mille hommes. Les succès de lord Cornwallis ont été

d'abord la prise de quelques petits forts et de celui de Bangalore, auquel Tippo attachait une assez grande importance; ses troupes le défendirent avec une valeur et une fermeté extraordinaires aux Indiens. Cependant les nouvelles que le ministère anglais a eues vers la fin de l'été, par des lettres officielles de lord Cornwallis, devenaient moins satisfaisantes; le général en chef se plaignait de la lenteur et de la mauvaise volonté de ses alliés, il parlait beaucoup de l'habileté de l'ennemi qu'il avait à combattre, du courage inattendu de ses troupes et de leur fidélité; car on l'avait assuré qu'à l'approche des forces anglaises elles quitteraient leur chef, l'armée anglaise avait paru, et les soldats de Tippo ne désertaient pas; enfin, il prévenait qu'une autre campagne serait ruineuse, et quoiqu'il sentît que sa réputation était exposée en s'efforçant de terminer la guerre dans celle-ci, il croyait qu'il était de son devoir de le tenter.

Sur la fin de Novembre dernier, des nouvelles apportées par une frégate française annoncèrent que lord Cornwallis avait reçu un échec et qu'il avait été forcé de se replier sur Bangalore, ayant perdu dans sa retraite *quatre vingt* mille boeufs de trait, toute son artillerie de siége, et que son armée avait beaucoup souffert des pluies et de la cavalerie de Tippo, qui la harassait dans sa marche. D'abord ces rapports furent décriés. Mais un bâtiment anglais qui avait touché à Madras a apporté dernièrement la confirmation de ces désastres, dont cependant les détails sont peu connus. Ce que le ministère a jugé à propos d'en publier est évidemment tronqué et atténué relativement aux pertes que, d'un autre côté, les ennemis de la présente administration ne manquent pas d'exagérer. Cependant la majorité est d'accord que le général en chef ne s'étant pas entendu avec le Monsoon, qui est la saison des pluies, elles avaient commencé plustôt que de coutume et l'avaient forcé, comme il a été dit ci-dessus, de se retirer; que le général Abercromby, qui commandait l'armée de Bombay et qui comptait sur l'appui de la grande armée, ayant appris la retraite de lord Cornwallis dans le même tems qu'il se

trouva à l'improviste attaqué par un gros corps de cavalerie ennemie, s'était vu dans la nécessité de se retirer avec tant de précipitation, que tout son camp, sa caisse, ses papiers et les bagages de l'armée ainsi que l'artillerie, étaient tombés entre les mains de l'ennemi, et que ses troupes avaient marché en retraite pendant dix jours de pluies continuelles sans aucun abri et nulle autre nourriture que du ris cru.

Lord Cornwallis avait eu près de Seringapatam un engagement avec Tippo, que l'on dit avoir été meurtrier de part et d'autre; la cavalerie du Nizam qui avant l'action était présente, avait disparu lorsqu'elle a eu lieu. Les Marattes, que lord Cornwallis croyait éloignés de plus de deux cent milles, ont paru tout-à-coup quand il effectuait sa retraite, et lui furent très-utiles en lui procurant des subsistances dont il manquait à un tel point, que Tippo aurait pu, sans ces secours inattendus, tirer un grand avantage de la position où se trouvait l'armée anglaise. Quoique l'on sente ici tout le prix de de l'arrivée imprévue des Marattes, les gens instruits du caractère de cette nation ne sont pas sans inquiétude de savoir l'armée anglaise absolument à leur disposition, pouvant l'affamer avec la plus grande facilité; et les craintes à cet égard augmentent par l'aveu que fait lord Cornwallis, qu'il a été dans la nécessité de leur promettre une grosse somme pour des raisons qu'il ne peut pas détailler.

Ces dernières affaires qui terminent la campagne se sont passées dans les mois de Mai et de Juin de cette année. Il en résulte que les alliés seront obligés de conclure une paix qui s'écartera à quelques égards du traité de partition ou d'entreprendre une autre campagne dont on évalue les dépenses pour la Compagnie à neuf millions sterling et les revenus nets de la Compagnie ne peuvent pas suffire à beaucoup près à ces dépenses. La cavalerie des alliés, pendant les quatre mois où les pluies la tiennent dans l'inaction, coûte à la Compagnie au delà de *six cent* mille livres sterling; cependant les secours de l'Europe continuent, et au moment où le navire le Léopard quittait l'Inde, un bâtiment

y débarquait 3.000 hommes de troupes européennes et un demi million sterling en espèces, prêté par les capitalistes de Londres.

Du 13 Décembre n. st. 1791.

2.

О выгодахъ Русской торговли съ Индіею.

La Russie consume une très-grande quantité de marchandises des Indes, comme toiles de coton, mousselines et épiceries, qu'elle est obligée d'acheter des Hollandais, Anglais et autres. Si les vaisseaux russes peuvent venir directement des Indes à Constantinople et de là dans la mer Noire, ces marchandises entreront alors en Russie de la première main et à beaucoup meilleur compte.

Il en est de même avec les produits de la Russie, que les étrangers envoyent aux Indes: il ne part pas de vaisseaux anglais, hollandais ou danois qui n'ayent au moins pour la somme de 10 à 15.000 roubles de marchandises de Russie à bord. Ces articles peuvent aisément être envoyés de la Mer Noire en Egypte et de là embarqués à Suez pour les Indes. Ainsi le commerce des Indes, ou à Suez, ou à Constantinople, peut avec le tems devenir très-avantageux pour la Russie en ce qu'elle peut débiter ses marchandises directement et en recevoir de même, sans avoir besoin de vendre ni d'acheter des étrangers.

Le commerce d'Egypte avec la Mer Noire peut aussi devenir considérable. Voici une note des marchandises propres pour l'Egypte. Savoir:

Fer en barres plat et quarré, acier en petites barres quarrées, cables et cordages, toile à voiles, diverses quincailleries en fer et en cuivre, bois de construction, planches et autres. Tabac en feuilles, soufre, de la poix et du goudron, toutes sortes de pelleteries etc.

L'Egypte consomme en tout des marchandises ci-devant mentionnées pour la somme à peu-près de 200.000 roubles par an.

Voici une autre note de marchandises d'Egypte que la Russie reçoit de la Hollande et d'Angleterre.

Café de Moka, dents d'éléphant, ris, safran, dattes, sel ammoniac, fil de coton, toutes sortes de drogueries, comme gomme arabique, baume de la Mecque, aloès succatrine, myrrhe, sang-dragon, feuilles de séné, poivre long, tamarin, cassia etc.

La Russie ne peut avoir besoin des articles ci-dessus que pour la somme à peu-près de 50.000 roubles par an. Ainsi la balance est toujours en faveur de la Russie de 150.000 roubles excepté la douane d'entrée et de sortie. Les payements se font en Egypte en or et en argent comptant.

Il y a plusieurs marchands grecs et arméniens établis an Caire et Alexandrie qui souhaiteraient, de faire venir des articles de Russie par la Mer Noire. Mais comme la Russie n'a point de consul établi en Egypte, cela fait qu'ils n'osent risquer de faire ce commerce et surtout sous la protection de quelque autre puissance.

О СНОШЕНІЯХЪ СЪ ЯПОНІЕЮ.

1.

Письмо Кирилы Лаксмана къ графу А. Р. Воронцову.

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь!

Хотя я уповаю, что несчастный жребій Японскихъ мореплавателей вашему сіятельству небезъизвѣстенъ; однако осмѣливаюсь изобразить оный вамъ въ краткой подробности.

Въ 1783-мъ году Декабря 13-го дня отправились 17 человѣкъ Японцевъ на мореходномъ суднѣ для торговли изъ города Широко въ столичный ихъ городъ Эддо и, не доходя до онаго на половинѣ дороги, въ бухтѣ Семіодѣ, въ коей множество таковыхъ же судовъ пристаетъ для ночлега, при жесточайшемъ вѣтрѣ, другимъ судномъ отшибло у нихъ руль, почему безъ онаго принуждены они были срубить мачту, и такъ предаться на произволъ волнамъ, по коимъ носило ихъ слишкомъ 7 мѣсяцевъ въ разныя стороны и наконецъ въ 20 день Іюля 1784 года прибило ихъ на Алеутскій островъ Амисачка, гдѣ они, бросивши якорь, въѣхали на эльботѣ на берегъ и нашли тамъ семь человѣкъ Алеутовъ, промышляющихъ дикихъ гусей, кои, приглася изъ нихъ пять человѣкъ, повели въ свои земляныя юрты и кормили ихъ жареными гусями и рыбою. Подъ вечеръ пришли къ нимъ Русскіе промышленные люди съ разбитаго при томъ же островѣ судна, принадлежавшаго Тотемскому купцу Холодилову. Сіи, пришедъ къ Японскому судну, ночевали въ каютѣ на берегу; но въ ночь, при небольшой на морѣ погодѣ, якорный канатъ объ остріе

камня избился; судно сорвало и разбило у того-же берега; почему, лишась послѣдней надежды, принуждены были остаться на семъ островѣ чрезъ три года и одинъ мѣсяцъ, въ которое время Русскіе промышленники построили изъ своего разбитаго листвянишнаго судна и изъ остатковъ Японскаго (изъ краснаго и канфарнаго дерева состоявшаго) буса новое судно и наономъ вывезли въ Сентябрѣ мѣсяцѣ 1787 года въ Нижне-Камчатскъ оставшихся девять человѣкъ Японцевъ: ибо семеро изъ нихъ въ бытность на Алеутскомъ островѣ умерло, а осьмой лишился жизни во время обуреванія судна на морѣ.

Въ бытность ихъ въ Нижнекамчатскѣ по Іюнь мѣсяцъ 1788 года производилось казенное содержаніе, и въ семъ году 6 человѣкъ изъ оныхъ (трое-же въ Нижнекамчатскѣ умерли) привезены были въ Иркутскъ на казенномъ же иждивеніи, куда пріѣхали они 19 Генваря 1789 года, гдѣ они равнымъ образомъ содержимы были казеннымъ иждивеніемъ по 1790 годъ, въ которомъ, на представленіе объ нихъ Иркутской Казенной Палаты, воспослѣдовалъ Правительствующаго Сената указъ, чтобы имъ болѣе изъ казны на содержаніе не выдавать, а доставить способъ къ возвращенію въ ихъ отечество.

Во время ихъ пребыванія въ Иркутскѣ, старался я свести знакомство съ бывшимъ начальникомъ Японскаго судна Кообаю, яко человѣкомъ изъ первѣйшихъ въ Японіи купцовъ, отъ коего можно получить довольныя свѣдѣнія о Японской торговлѣ и вообще о его отечествѣ, къ возвращенію въ которое почитаетъ онъ надежнѣйшимъ способомъ, чтобы при помощи Голландскихъ корабельщиковъ попасть въ Нангасаки, куда они ежегодно ѣздятъ. Но какъ онъ, при отправленіи моемъ изъ Иркутска въ С.-Петербургъ, оказалъ желаніе узнать Россійское государство, то я его взялъ съ собою, дабы показать ему наши столицы и прочіе знатнѣйшіе города, и привезъ съ собою въ С.-Петербургъ.

Посему и осмѣливаюсь вашему сіятельству всепокорнѣйше представить, не можно ли настоящаго случая употребить въ пользу нашего отечества и завести съ Японцами знакомство съ выгодою нашей торговлѣ.

Первымъ и надежнѣйшимъ къ сему приступомъ почитаю я, если благоугодно будетъ, сихъ Японцовъ доставить въ ихъ отечество на нашемъ транспортномъ или купеческомъ суднѣ въ Матсмай, гдѣ ихъ земляки для мѣстнаго торга безпрерывно находятся.

Я ласкаю себя пріятною надеждою, что таковый первый опытъ къ заведенію съ Японцами дружбы и торговли будетъ не безуспѣшенъ, а наипаче если Ея Императорскому Величеству, нашей всемилостивѣйшей Государынѣ, яко великодушнѣйшей покровительницѣ несчастныхъ, благоугодно явится подкрѣпить сіе начинаніе высочайшимъ сообщеніемъ къ Японскому правительству и нѣкоторыми подарками, состоящими въ сукнахъ, камлотѣ, сафьянѣ и проч., каковые товары Голландцы, пріѣзжающіе въ Нангасаки, мѣняютъ на прутовое золото. Наши-же купцы могутъ ежегодно вымѣнивать Японскій чай, сарачинское пшено, шелковыя и бумажныя ткани, золото и проч. у южныхъ Куриловъ на сукна, кожи, на бобровыя и рысьи шкуры и проч.

Наконецъ осмѣливаюсь представить на высочайшее благоразсмотрѣніе и тотъ донынѣ намъ неизвѣстный путь, безъ открытія коего Россійскія владѣнія на Тихомъ Морѣ не могутъ столько приносить пользы, сколько-бы оныя въ самомъ дѣлѣ приносить долженствовали. Я разумѣю неотмѣнно намъ нужную рѣку Амуръ, которую, кажется, познать и описать не неудобно, если благоугодно явится подъ благопристойнымъ и непримѣтнымъ видомъ на рѣкѣ Шилкѣ построить два мореходныя судна и, снабдивъ ихъ всѣмъ нужнымъ, пустить внизъ по Амуру, до истока онаго въ море, а оттуда слѣдовать по оному до мѣстъ назначенныхъ.

Если угодно будетъ вашему сіятельству достаточнѣйшія получить о Японіи извѣстія отъ привезеннаго мною бывшаго начальника на Японскомъ суднѣ Коодая, то онаго вамъ по назначенію вашему представлю.

Въ лестномъ для меня упованіи, что ваше сіятельство о всенижайшихъ моихъ представленіяхъ Ея Императорскому Величеству нашей всемилостивѣйшей Государынѣ донесть

благоволите, съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ имѣю счастіе быть, милостивый государь, вашего сіятельства всепокорнѣйшій слуга Кирила Лаксманъ.

**Февраля 26-го
1791 года.**

2.

Выписка изъ объясненія учиненнаго г-мъ профессоромъ Лаксманомъ, касательно поданнаго предъ тѣмъ отъ него представленія о заведеніи съ Японіею торга.

Въ Японское государство привозятся для продажи иностранные товары, а именно: 1) тонкія сукна, камлоты, стамеды и прочія тонкія шерстяныя истканья; 2) сафьянъ, бѣлыя и другія кожи выдѣланныя; 3) бобровыя и рысьи кожи съ шерстью, также другія на лошадиныя покрывала годныя вещи; 4) разныя Европейскія матеріи, какъ то верверeты, плисы и проч.; 5) всякіе стеклянные товары, каковы суть бутыли, фляги, разные сосуды, зеркала, паникадила и проч., и наконецъ 6) разныя къ роскоши служащія вещи.

Изъ Японіи же вывозятся слѣдующіе товары: 1) разныя бумажныя истканья и полотны; 2) разныя шелковыя матеріи, какъ то атласы, гродетуры, штофы, тафты и проч.; 3) чай, разные плоды, сахарныя трости и симъ подобныя; 4) фарфоровая посуда, вещи лакированныя, хлопчатая бумага, шелкъ и проч.; 5) сарачинское пшено, разные стручковые плоды, пряныя зелія, и наконецъ 6) прутовое золото, продаваемое на вѣсъ.

Съ давнихъ лѣтъ Японцы не стали терпѣть у себя Европейскихъ народовъ, выключая Голландцовъ; однакожъ примѣчено, что оная нетерпимость въ нынѣшнемъ столѣтіи весьма умалилась отъ хорошаго тамъ поведенія Голландцовъ, почти чрезъ двѣсти лѣтъ продолжающагося. Тамошнее обращеніе теперь въ сравненіи со временами Кемфера (чему 140 лѣтъ уже миновало) сдѣлалось, по сказкамъ претерпѣвшаго корабле-

крушеніе и нынѣ здѣсь въ Санктпетербургѣ находящагося Японскаго купца Коодая, гораздо свободнѣе; да и самая роскошь съ того времени нарочито возрасла, чрезъ что нужды Японцовъ увеличилися, и торговля ихъ стала важнѣе. А что̀ Голландцы и Англичане (кои послѣдніе основали селеніе свое въ заливѣ Ноткѣ) распространили въ Европѣ весьма невыгодныя о поступкахъ Японцовъ извѣстія: то сіе, думать надобно, отъ того единственно произошло, дабы отвратить соревнованіе въ прочихъ торгующихъ Европейцахъ, и чтобы однимъ имъ пользоваться выгодами, проистекающими отъ торговли съ Японцами.

Къ знакомству и купечествованію съ Японіею никто столько неимѣетъ удобностей какъ Россійскіе купцы, на Тихомъ Морѣ торгующіе; да и самое наше сосѣдство даетъ намъ ближайшее къ тому право. Никто не имѣетъ легчайшаго сообщенія, никто не можетъ имѣть бо̀льшей отъ того пользы какъ наши купцы, давно уже о таковомъ знакомствѣ помышляющіе, чего для весьма желать надобно, чтобъ они могли получить случай къ первому въ семъ дѣлѣ приступу чрезъ возвращеніе остальныхъ кораблекрушеніе претерпѣвшихъ Японцовъ, доселѣ въ Россіи находящихся.

Изъ 17-ти Японцовъ въ восемь лѣтъ умерло 12, что́ чрезвычайнымъ показаться можетъ. Однако сіе наипаче приписать должно необыкновеннымъ трудностямъ и заботамъ, суровому климату, также перемѣнной и худой пищѣ на островахъ Алеутскихъ и въ Камчаткѣ. Почему необходимо нужно объ отправленіи ихъ въ отечество помышлять неукоснительно, и предохранить ихъ отъ подобныхъ затрудненій. Но надлежитъ отмѣнное употребить о томъ попеченіе, чтобъ сихъ чужестранцовъ ввѣрить благоразумному, благодѣющему и сострадательному провожатому, дабы они великодушными и безкорыстными, колико можно, поступками приведены были въ состояніе забывать прежнія ихъ злосчастія и воспоминать наше оказанное имъ дружество. Если они какъ друзья въ отечество ихъ препровождены будутъ и станутъ хвалиться тамъ нашими благодѣяніями, то таковое доброе разглашеніе иныхъ

купцовъ, ѣздящихъ для лѣснаго торга въ Эссо и на острова смежные съ нашими Курильскими островами, поощрять къ заведенію съ нами торговли и знакомства, естьли бы противу всякаго чаянія тамошнее правительство оставило сіе безъ всякаго уваженія. Сверхъ же того любопытный проводникъ возвратился бы съ полезными примѣчаніями и извѣстіями касающимися до тамошнихъ странъ, познанія весьма достойныхъ.

Судоходство по рѣкѣ Амуру есть великой важности. Наши владѣнія и торговля на Тихомъ Морѣ безъ сего сообщенія всегда пребудутъ маловажными, и токмо великія издержки и убытокъ, наипаче правительству, причинять не престанутъ. Оная же рѣка течетъ чрезъ весьма плодородныя и къ заведенію наивеличайшихъ селеній удобныя земли, также имѣетъ всѣ выгоды къ судоходству; климатъ тамъ еще умѣреннѣе нежели въ Иркутской области, поелику тамъ мѣста́ ниже, ближе къ морю и отъ сѣверныхъ вѣтровъ защищаются Становитымъ хребтомъ, да и по сказкамъ находятся удобныя пристани, какъ на устьѣ сея рѣки, такъ и на лежащемъ противъ онаго островѣ Сахалинѣ. И такъ чрезъ сіе гораздо ближайшее сообщеніе нежели какое мы имѣемъ нынѣ чрезъ Охотскъ, можно бы всѣ тяжелыя вещи для нашихъ владѣній, всѣ купеческіе товары, наипаче стеклянные, съ Иркутскихъ и Нерчинскихъ фабрикъ доставлять гораздо дешевле и съ бо́льшею удобностію.

Для пріобрѣтенія точныхъ извѣстій о сей великой рѣкѣ почитается лучшимъ и болѣе сокрытымъ предлогомъ распустить въ началѣ слухъ, что положено намѣреніе возить свинецъ съ Нерчинскихъ заводовъ въ Чишинскъ, а оттуда провіантъ, соль, желѣзо, вино и прочее по Шилкѣ и Аргуну водянымъ путемъ; и сіе можетъ почтено быть за дѣло обыкновенное и нималѣйшаго не произведетъ подозрѣнія. Подъ симъ предлогомъ можно будетъ построить повыше Горбицы два судна, а именно обыкновенный дощеникъ и плоскодонное обыкновенное мореходное судно, изъ коихъ первое будетъ сто́ить до 300, а другое до 500 рублей. Когда же сіи суда надлежащимъ образомъ изготовлены будутъ къ морской

XXIV

поѣздкѣ и снабдены годовою провизіею, то могутъ непримѣтнымъ образомъ пуститься въ низъ по Амуру и при первой пограничной заставѣ объявить, что нѣкоторое число ссылочныхъ, изъ коихъ одна часть экипажа состоять должна, на суднѣ убѣжали. Таковые случаи, что́ ссылочные бѣгаютъ за Китайскіе предѣлы, не рѣдки и никогда никакого подозрѣнія не возбуждали; поелику Китайцы почитаютъ ихъ легкомысленными бродягами, и какъ скоро таковыхъ поймаютъ, буде не обличатся въ воровствѣ, безъ дальныхъ околичностей выдаютъ первому на форпостѣ стоящему офицеру.

Сіе предпріятіе должно съ возможною тайною произведено быть въ дѣйство, и знать объ ономъ долженъ одинъ токмо господинъ намѣстникъ Иркутской, а отнюдь не иной кто, пачеже изъ нижнихъ канцелярскихъ служителей; да и наши болтливые купцы не должны ни мало о семъ вѣдать. Намѣстникъ можетъ имъ объявить токмо, чтобъ къ извѣстному сроку было у нихъ одно изъ Охотскихъ мореходныхъ судовъ готово для отвезенія Японцовъ. Срокъ долженъ равнымъ образомъ быть извѣстенъ и на судахъ, въ тайную поѣздку назначаемыхъ, дабы они къ оному поспѣшили достигнуть Удскаго острова или Сахалинскаго канала, гдѣ бы оба мореходныя судна соединиться и купно мореплаваніе продолжать могли.

Предводительство сей экспедиціи должно быть препоручено человѣку чиновному, не только для сохраненія во всемъ порядка, для наблюденія, чтобъ всякъ рачительно исполнялъ свою должность, для чиненія и собранія нужныхъ примѣчаній, касающихся до наблюденій физическихъ, экономическихъ и политическихъ, но и для приданія нѣкотораго рода важности, на что отмѣнно смотрятъ въ восточныхъ деспотическихъ земляхъ, тѣмъ наипаче, что у нихъ всѣ безчиновные люди причисляются къ черни и ни малаго уваженія не удостоиваются. Приставъ сей долженъ быть снабденъ отъ Иркутскаго намѣстничества сообщеніемъ къ Японскому правительству написаннымъ, въ коемъ изъяснено бъ было попеченіе наше о претерпѣвшихъ несчастіе вышеозначенныхъ Японцахъ и упомянуто ожиданіе таковагожъ похвальнаго вспоможенія нашимъ,

буде они претерпять подобное несчастіе на водахъ имъ принадлежащихъ. Вообще долженствуетъ сдѣлано быть увѣреніе, что всѣ наши начальствующіе каждому по торгамъ и промысламъ пріѣзжающему и странствующему Японскаго государства подданному станутъ оказывать дружество, возможное вспомоществованіе, покровительство и справедливость. Наконецъ, можно упомянуть и объ нашихъ купцахъ и купеческихъ произведеніяхъ. Таковое сообщеніе должно сопровождено быть переводомъ на языкѣ Японскомъ и Голландскомъ; не излишно будетъ приложить и переводъ на Англинскомъ языкѣ, поелику вышепомянутый Японскій купецъ объявилъ, что кромѣ Голландцовъ еще другой Европейской народъ Японскія посѣщаетъ гавани, а именно Англичане.

При первомъ приступѣ въ семъ дѣлѣ купцы наши должны показывать себя равнодушными сопровождателями и наблюдателями могущихъ быть приключеній, а торговлю почитать за побочное дѣло.

Нужные чины для назначаемыхъ въ тайную экспедицію судовъ должны быть снабдены на полтора года слѣдующимъ жалованьемъ:

15 человѣкъ ссылочныхъ	810	р.
10 Тунгузовъ, которыхъ изъ доброй воли нанять должно	750	»
15 солдатовъ или козаковъ	1000	»
4 унтеръ-офицера	300	»
2 штурмана	360	»
2 ученика	180	»
1 офицеръ	450	»
1 подлекарь	180	»
1 межевщикъ	600	»
1 рисовальщикъ	600	»
1 директоръ	1500	»
Итого	6730	р.

Для чрезвычайныхъ издержекъ на инструменты и необходимо нужныя вещи при наблюденiяхъ и подобномъ симъ.............................. 10000 р.

Для содержанiя Японцовъ въ пути........... 1000 »

Всего........ 17730 р.

О прочихъ же отъ сего предпрiятiя выгодахъ, какъ то о собранiи всякихъ натуральныхъ рѣдкостей, сѣмянъ и прочаго любопытства стоящаго, умалчивается.

Въ семъ самомъ объясненiи г-нъ профессоръ Лаксманъ между прочимъ упомянулъ: 1) что находящiеся въ Санктпетербургѣ торговые Англичане весьма старались получить къ себѣ привезеннаго имъ сюда Японца для отправленiя его отъ себя въ Японiю, и хотѣли онаго г-на профессора щедро вознаградить за всѣ убытки понесенные имъ въ привозѣ въ здѣшнюю столицу того Японца; равныя намѣренiя оказывались и со стороны Голландцовъ; 2) что несправедливъ разнесенный слухъ, будто устье Амура заросло тростникомъ и для судовъ непроходно; 3) что на самомъ устьѣ Амура или на южныхъ нашихъ Курильскихъ островахъ, или еще на лежащихъ далѣе къ Югу пустыхъ островахъ надлежитъ избрать способныя мѣстá, имѣющiя спокойныя пристани для заведенiя селенiя, дабы ближайшее сообщенiе, облегча торговлю Японцовъ, поощрило ихъ посѣщать наши гавани, и чтобы не имѣть нужды дѣлать тоже при сѣверномъ концѣ сего государства, чтò принуждены чинить Голландцы въ Дезилѣ; 4) что о размноженiи народа и заведенiи пашни въ Нерчинской области и вдоль по Китайской границѣ надлежитъ помышлять со всякимъ раченiемъ, дабы посредствомъ хлѣбопашества довольное количество хлѣба можно было имѣть въ запасѣ, къ чему можно поощрить Тунгузовъ и разныя поколѣнiя Мунгаловъ. Равнымъ образомъ можно на оное обратить по всей сѣверной Сибири разсѣянныхъ козаковъ, кото-

рые по большой части вотще провождаютъ свое время, подъ присмотромъ знающаго начальника, чрезъ что можетъ составиться и выгодное пограничное войско, и 5) что двое изъ вышепомянутыхъ остальныхъ Японцовъ приняли у насъ христіанскую вѣру, изъ коихъ одинъ лежитъ въ больницѣ безъ ноги. У сихъ молодые люди могутъ научиться Японскому языку, такъ какъ и во время самаго проектуемаго путешествія, которое болѣе года продолжаться можетъ.

3.

Письмо графа А. Р. Воронцова къ графу Безбородкѣ.

Милостивый государь мой графъ Александръ Андреевичъ!

Въ слѣдствіе высочайшей Ея Величества воли ваше сіятельство требовать изволили моего мнѣнія на поданное вамъ отъ профессора Лаксмана подлинникомъ при семъ возвращаемое письмо, касательно заведенія съ Японіею торга по случаю полагаемаго отправленія изъ Россіи паки въ Японію тѣхъ подданныхъ Японскихъ, кои на кораблѣ своемъ безъ руля и мачты семь мѣсяцовъ по морю страдали, пока прибило ихъ къ одному Алеутскому острову, откуда по прошествіи трехъ лѣтъ, а именно въ 1787 годѣ, Россійскими тамъ случившимися промышленниками привезены они числомъ девять въ Нижекамчатскъ, гдѣ равно какъ и въ Иркутскѣ оставшіеся изъ нихъ напослѣдокъ въ живыхъ только шесть содержимы были на казенномъ иждивеніи, котораго однако съ 1790 года указомъ Правительствующаго Сената, даннымъ Иркутской Казенной Палатѣ, велѣно имъ болѣе не производить, а доставить способъ къ возвращенію въ ихъ отечество; но при всемъ томъ они донынѣ безъ вѣрнаго пропитанія остаются неотправленными.

Къ пріобрѣтенію вящаго объ ономъ обстоятельствѣ свѣдѣнія отъ означеннаго профессора Лаксмана, который изъ Иркутска на время сюда пріѣхалъ и привезъ съ собою на-

чальника тѣхъ Японцовъ, небезънатнаго Японскаго купца именемъ Коодая, не преминулъ я пригласить того профессора къ себѣ и взять отъ него надлежащія по сей матеріи объясненія, изъ коихъ краткую выписку имѣю честь при семъ сообщить вашему сіятельству, равно и слѣдующее мое на то мнѣніе.

Никакому Европейскому народу нѣтъ столько удобностей имѣть торговыя съ Японіею обращенія, какъ Россійскому, въ разсужденіи ближайшаго по морю разстоянія или, такъ сказать, сосѣдства. Но поелику съ давныхъ временъ терпятся тамъ изъ Европейскихъ народовъ одни только Голландцы, а частію, какъ слышно теперь, и Англичане; то потому конечно и были Россійскіе промышленники всегда отвлекаемы отъ покушеній своихъ приближаться къ Японіи. Однакожъ какъ нынѣ случай весьма удобной къ тому открывается по поводу тѣхъ въ Иркутскѣ находящихся Японцовъ, то и можно-бъ онымъ воспользоваться слѣдующимъ образомъ, дабы изъ того установить дальныя торговыя связи между нашими купцами и Японцами.

1) Поручить Иркутскому генералу губернатору, чтобы для путешествія къ Японіи было на казенной коштѣ нанято у Охотскаго порта одно надежное мореходное судно съ искуснымъ кормщикомъ и потребнымъ числомъ работниковъ или служителей, довольно въ плаваніи испытавшихся. Но ежели къ тому времени случится, что морской капитанъ Билингсъ съ эскадрою своею обратно туда прибудетъ, то вмѣсто онаго найма гораздо лучше употребить въ сію экспедицію одно изъ его судовъ исправное, со всѣмъ нужнымъ къ оному экипажемъ.

2) На ономъ суднѣ отправить на всемъ казенномъ содержаніи помянутыхъ Японцовъ, но только четырехъ; поелику два принявшія тамъ Грекороссійскую вѣру должны оставлены быть въ Россіи для надобности, о коей ниже сего означено будетъ.

3) Для препровожденія тѣхъ Японцовъ въ ихъ отечество можно употребить одного изъ сыновей профессора Лаксмана,

кои при должности въ Иркутскомъ намѣстничествѣ находятся; они оба были хорошо воспитаны, имѣютъ познанія астрономіи и навигаціи, слѣдовательно и замѣчаніи ихъ могутъ быть не безполезны. При таковомъ отправленіи одного изъ сыновей профессора Лаксмана, при опредѣленіи ему пристойнаго содержанія, поручить должно смотрѣніе за тѣми Японцами и возвращеніе ихъ туда, а въ пути и въ бытность его въ Японскихъ мѣстахъ, чтобъ онъ дѣлалъ свои наблюденія на водахъ, островахъ и на твердой землѣ астрономическія, физическія и географическія примѣчанія, равно и о торговыхъ тамошнихъ обстоятельствахъ.

4) Для установленія порядка и управленія сей экспедиціи правящій должность Иркутскаго генералъ-губернатора могъ бы взять замѣчанія отъ упоминаемаго профессора Лаксмана, который обыкновенно живетъ въ Иркутскѣ, будучи тамъ употребляемъ отъ Кабинета.

5) При семъ обратномъ отправленіи Японцовъ Иркутскій генералъ-губернаторъ могъ бы отозваться къ Японскому правительству съ привѣтствіемъ и съ описаніемъ всего происшествія, какъ они въ Россійскія области привезены были и какимъ призрѣніемъ они пользовались, и что здѣсь тѣмъ охотнѣе на оное поступили по сосѣдству обоихъ государствъ, что всегда желали здѣсь имѣть сношенія и торговыя связи съ Японскимъ государствомъ, увѣряя, что со стороны Россіи всѣмъ подданнымъ Японскимъ, приходящимъ къ портамъ и предѣламъ оной, всевозможныя пособія и ласки изъявляемы будутъ.

6) Для бóльшаго еще обласканія Японскаго правительства можно-бъ Иркутскому генералъ-губернатору употребить изъ казны до тысячи рублей на покупку разныхъ товаровъ, кои бы онъ отъ имени своего въ Японію въ подарокъ послалъ.

7) Иркутскій генералъ-губернаторъ при сей самой экспедиціи могъ бы старанія свои употребить, дабы склонить кого либо изъ лучшихъ нашихъ Иркутскихъ купцовъ отправиться для опыта на томъ же отъ Охотска суднѣ въ Японію или изъ ихъ прикащиковъ съ нѣкоторымъ количествомъ отборныхъ

товаровъ для жителей той страны потребныхъ, по продажѣ коихъ могъ бы онъ купить Японскихъ товаровъ, а сей опытъ и далъ бы нѣкоторой свѣтъ и для будущихъ нашихъ торговыхъ предпріятій въ Японію, ибо въ торговлѣ иногда и малыя начала приносятъ за собою большіе слѣды.

8) Профессоромъ Лаксманомъ оказанное къ Японцамъ призрѣніе, а паче что онъ начальника ихъ *Коодая* на своемъ иждивеніи привезъ въ С.-Петербургъ и стараніе его развѣдать отъ означеннаго Японца обо всемъ, что́ только служить можетъ къ заведенію съ ними торга, равно и представленія его чрезъ ваше сіятельство поднесенныя Ея Величеству достойны конечно всякія похвалы, въ разсужденіи чего и неблагоугодно ли будетъ Ея Величеству повелѣть выдать ему изъ казны, сверхъ обыкновенныхъ прогонныхъ денегъ до Иркутска, на отправленіе его туда съ находящимся при немъ Японскимъ купцомъ Коодаемъ, пожаловать ему какое либо денежное награжденіе.

9) Что же касается до другаго предложенія г. Лаксмана о изысканіи новаго пути по рѣкѣ Амуру, то, по настоящимъ обстоятельствамъ нашимъ съ Китайцами, я нахожу оное крайне неудобнымъ; ибо всякое тому подобное съ нашей стороны движеніе можетъ возбудить большое съ ихъ стороны вниманіе и въ какія либо дальности завести.

10) А какъ изъ числа Японцовъ двое изъ нихъ приняли нашу вѣру, кои натурально въ ихъ землю уже и не возвратятся, можно бы ихъ употребить для обученія Японскаго языка, которой и нужнымъ будетъ, естьли установятся у насъ какія либо торговыя сношеніи съ Японцами, для чего и не угодно ль будетъ Иркутскому генералъ-губернатору предписать, чтобъ онъ при какомъ либо училищѣ въ Иркутскѣ ихъ приказалъ помѣстить, снабдя ихъ соразмѣрнымъ жалованьемъ, а на первой случай отдать имъ для обученія Японскаго языка пять или шесть мальчиковъ нарочно къ сему выбранныхъ изъ дѣтей солдатскихъ тамошняго гарнизона или лучше еще изъ тамошнихъ семинаристовъ, дабы они со временемъ могли слу-

жить переводчиками, когда произойдетъ у насъ желаемая связь съ Японскимъ государствомъ.

Изъяснивъ такимъ образомъ вашему сіятельству мнѣніе мое на всѣ статьи учиненнаго профессоромъ Лаксманомъ представленія, имѣю честь быть навсегда и пр.

Августа 23 дня 1791 года.
Въ С.-Петербургѣ.

4.

Рескриптъ И. А. Пилю.

Нашему генералу-поручику, правящему должность Иркутскаго и Колыванскаго генерала-губернатора Пилю.

Вамъ извѣстно, какимъ образомъ Японскіе купцы по разбитіи мореходнаго ихъ судна спаслись на Алеутскій островъ и сначала тамошними промышленниками призрѣны, а потомъ доставлены въ Иркутскъ, гдѣ и содержаны были нѣкоторое время на казенномъ иждивеніи. Случай возвращенія сихъ Японцовъ въ ихъ отечество открываетъ надежду завести съ онымъ торговыя связи, тѣмъ паче что никакому Европейскому народу нѣтъ столько къ тому удобностей, какъ Россійскому, въ разсужденіи ближайшаго по морю разстоянія и самаго сосѣдства. Въ семъ видѣ указали мы у надворнаго совѣтника и профессора Лаксмана, который привезъ сюда съ собою начальника тѣхъ Японцовъ именемъ Коодая, относительно заведенія съ Японіею торга, взять объясненіе, съ коего выписка здѣсь прилагается. Принявъ въ уваженіе представленія его и предусматривая могущую отъ того произойти пользу для государства нашего, возлагаемъ на попеченіе ваше планъ его произвести въ дѣйство, повелѣвая вамъ. *Первое*, для путешествія къ Японіи или нанять на казенный коштъ у Охотскаго порта одно надежное мореходное судно съ искуснымъ кормщикомъ и потребнымъ числомъ работниковъ и служителей довольно въ плаваніи искусившихся, или же буде

къ тому времени флота капитанъ Билингсъ въ извѣстной вамъ экспедиціи находящійся съ эскадрой своею обратно туда прибудетъ, вмѣсто вышесказаннаго найма употребить одно изъ его судовъ исправное со всѣмъ нужнымъ экипажемъ, наблюдая только чтобъ начальникъ онаго былъ изъ природныхъ Россійскихъ, а по неимѣнію изъ таковыхъ способнаго, хотя и изъ иностранныхъ, но не изъ Агличанъ и Голландцовъ. *Второе*, на семъ суднѣ отправить на всемъ казенномъ содержаніи помянутыхъ Японцовъ, оставляя однакожъ двухъ изъ нихъ христіанскій законъ воспріявшихъ, объ употребленіи коихъ ниже сказано будетъ. *Третіе*, для препровожденія тѣхъ Японцовъ въ ихъ отечество, употребить одного изъ сыновей означеннаго профессора Лаксмана, въ Иркутскомъ намѣстничествѣ при должностяхъ находящихся, имѣющихъ познанія астрономіи и навигаціи, поруча ему какъ въ пути, такъ и въ бытность въ Японскихъ областяхъ дѣлать на водахъ, островахъ и на твердой землѣ астрономическія, физическія и географическія наблюденія и замѣчанія, равно и о торговыхъ тамошнихъ обстоятельствахъ. *Четвертое*, для установленія порядка и управленія сей экспедиціи, составить начальнику ея ясное и подробное наставленіе, заимствуя къ тому совѣты и нужныя объясненія отъ упомянутаго профессора Лаксмана, который довольное о сей части познаніе имѣетъ. *Пятое*, при семъ обратномъ отправленіи Японцовъ вы долженствуете отозваться открытымъ листомъ къ Японскому правительству съ привѣтствіемъ и съ описаніемъ всего происшествія, какъ они въ Россійскія области привезены были и какимъ пользовалися здѣсь призрѣніемъ; что съ нашей стороны тѣмъ охотнѣе на оное поступлено, чѣмъ желательнѣе было всегда здѣсь имѣть сношенія и торговыя связи съ Японскимъ государствомъ, увѣряя, что у насъ всѣмъ подданнымъ Японскимъ, приходящимъ къ портамъ и предѣламъ нашимъ, всевозможныя пособія и ласки оказываемы будутъ. *Шестое*, для бóльшаго еще обласканія Японскаго правительства употребить изъ казны до двухъ тысячь рублей на покупку разныхъ приличныхъ товаровъ, кои вы отъ имени своего въ

Японію въ подарокъ послать можете. *Седьмое*, при сей самой экспедиціи стараться склонить кого либо изъ лучшихъ нашихъ Иркутскихъ купцовъ отправиться самимъ или изъ ихъ прикащиковъ для опыта на томъ же отъ Охотска посылаемомъ суднѣ въ Японію съ нѣкоторымъ количествомъ отборныхъ товаровъ для жителей той страны потребныхъ, по продажѣ коихъ могли бы они купить Японскихъ товаровъ, дабы изъ сего опыта удобно было получить просвѣщеніе ради будущихъ нашихъ торговыхъ предпріятій въ Японію. *Осьмое*, что́ касается до упоминаемаго въ планѣ профессора Лаксмана предложенія о изысканіи новаго пути по рѣкѣ Амуру, оное по извѣстнымъ нашимъ съ Китайцами обстоятельствамъ почитается на настоящее время неудобнымъ; а потому, дабы подобнымъ съ нашей стороны движеніемъ не возбудить большаго въ Китайскомъ правительствѣ вниманія и въ переговорахъ нашихъ объ открытіи взаимнаго торгу не подать поводу къ новымъ затрудненіямъ, означенное предложеніе оставить безъ исполненія. *Девятое*, какъ изъ числа помянутыхъ Японцовъ двое приняли христіанскій нашъ законъ и слѣдовательно въ отечество свое уже возвратиться не могутъ, то употребить ихъ у насъ для обученія Японскаго языка, который при установленіи торговыхъ съ Японіею сношеній весьма нуженъ будетъ, чего ради и возлагается на распоряженіе ваше, дабы они помѣщены были при народномъ училищѣ въ Иркутскѣ съ соразмѣрнымъ жалованьемъ, и на первой случай отдать имъ для обученія Японскаго языка пять или шесть мальчиковъ нарочно къ сему выбранныхъ изъ тамошнихъ семинаристовъ, дабы они со временемъ могли служить и переводчиками, когда произойдетъ у насъ желаемая связь съ Японскимъ государствомъ, и распространить ученіе столь нужнаго къ тому языка Японскаго. *Десятое*, о потребной суммѣ на жалованье начальнику экспедиціи и прочимъ чинамъ и служителямъ, которое долженствуетъ назначено быть достаточное, на снаряженіе сей экспедиціи всѣмъ для нея нужнымъ, на чрезвычайные притомъ расходы и на содержаніе въ пути Японцовъ, учиня исчисленіе, представить намъ, дабы

мы могли объ отпускѣ тѣхъ денегъ кому слѣдуетъ дать повелѣнія, а между тѣмъ на первоначальныя и благовременныя пріуготовленія заимствовать нужное число изъ суммъ принадлежащихъ въ высылку остаточнымъ казначействамъ нашимъ. *Первое надесять*, сверхъ назначаемаго Японцамъ содержанія въ пути, производить оное и здѣсь по размотрѣнію вашему изъ казны нашей до того времени покуда они отправлены будутъ; а при томъ отправленіи выдать еще имъ подарокъ назначенный въ росписи при семъ прилагаемой, въ которой написанные начальнику ихъ часто упоминаемому Коодаю деньги и вещи получилъ онъ уже здѣсь изъ Кабинета нашего. Мы надѣемся впрочемъ на усердіе и радѣніе ваше, что все тутъ предписанное исполните вы съ наилучшею точностію, пребывая вамъ императорскою нашею милостію благосклонны.

Подлинный подписанъ собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако:

Екатерина.

Въ С.-Петербургѣ.
Сентября 13-го 1791 года.

5.

Роспись награжденію назначенному Японцамъ при отправленіи ихъ въ отечество.

Начальнику ихъ Коодаю сто пятьдесятъ червонныхъ и золотая медаль; и сверхъ того Ея Императорское Величество пожаловать изволила золотые часы.

Тремъ купцамъ, съ нимъ возвращающимся, каждому по пятидесяти червонныхъ и по серебреной медали.

Двумъ Японцамъ, принявшимъ вѣру православнаго исповѣданія и здѣсь остающимся, по двѣсти рублей.

Подлинная подписана тако:
Графъ А. Безбородко.

6.

Письмо графа Безбородки къ С. Ѳ. Стрекалову.

Милостивый государь мой Степанъ Ѳедоровичь.

Ея императорское величество высочайше указать соизволила надворному совѣтнику и профессору Лаксману, привезшему сюда изъ Иркутска на своемъ содержаніи одного Японскаго купца и подавшему нужныя и полезныя свѣдѣнія, къ заведенію торговой съ Японіею связи относящіяся, выдать изъ Кабинета въ награжденіе тысячу рублей, на обратное до Иркутска съ тѣмъ же Японцомъ возвращеніе прогонныя деньги на десять лошадей, да и на покупку повозокъ триста рублей; а сверхъ того доставить мнѣ для врученія здѣсь помянутому Японцу 150 червонныхъ, и для препровожденія тремъ его товарищамъ въ Иркутскѣ оставшимся каждому по 50 червонныхъ Голландскихъ. О чемъ вашему превосходительству сообщая, пребываю и пр.

Графъ А. Безбородко.

Въ С.-Петербургѣ.
Сентября -го 1791 года.

7.

Письмо графа Безбородки къ И. А. Пилю.

Милостивый государь мой Иванъ Алферьевичь!

Съ отправляющимся отсюда въ Иркутскъ надворнымъ совѣтникомъ и профессоромъ Лаксманомъ препровождаются для врученія вашему превосходительству два высочайшихъ рескрипта: одинъ въ разсужденіи отправленія извѣстныхъ Японцовъ въ ихъ отечество и о сдѣланіи при семъ случаѣ опыта къ заведенію торговли съ Японіею, а другой о бѣглецахъ нашихъ. Изъ перваго рескрипта изволите усмотрѣть, что при отправленіи Японцовъ какимъ образомъ распорядить

сію экспедицію предоставлено вашему попеченію; но какъ г-нъ Лаксманъ, привезя сюда съ собою начальника Японцовъ Коодая, представилъ по волѣ Ея Величества весьма подробныя свѣдѣнія до предмета сей экспедиціи касающіяся, какъ то и въ самомъ рескриптѣ упоминается, то и совѣтовалъ бы я вамъ употребить его при учрежденіи и распоряженіяхъ означенной экспедиціи, основываясь на 4-й статьѣ высочайшаго рескрипта. Я рекомендую онаго г-на профессора въ особенную милость и благосклонность вашего превосходительства, надѣясь, что онъ совѣтами своими и нужными объясненіями можетъ много пособствовать въ семъ дѣлѣ, а особливо въ составленіи начальнику оной экспедиціи подробнаго наставленія, которое повелѣно четвертою статьею рескрипта сдѣлать. Въ третьей статьѣ рескрипта высочайше повелѣвается для препровожденія Японцовъ въ отечество ихъ употребить одного изъ сыновей г-на профессора Лаксмана: то и сына его, котораго вы къ тому назначить изволите, препоручаю я въ милость и благоволеніе ваше.

Въ слѣдствіе первой на десять статьи онаго высочайшаго рескрипта, назначаемыя по волѣ Ея Величества тремъ Японцамъ въ подарокъ полтораста червонныхъ и три серебрянныя медали отданы также г-ну Лаксману для доставленія оныхъ къ вамъ, чтобъ вы вручили тѣмъ тремъ Японцамъ, кои, не принявъ нашей вѣры, имѣютъ возвратиться въ свое отечество каждому по пятидесяти червонныхъ и по одной медали; а что̀ касается до начальника оныхъ Японцовъ именемъ Коодая, то по волѣ Государыни назначенныя вещи ему вручены мною въ присутствіи г-на Лаксмана. Объ остальныхъ двухъ Японцахъ, кои нашу христіанскую вѣру приняли, которымъ также Ея Величество повелѣла денежное награжденіе сдѣлать, въ 9-й статьѣ рескрипта предписывается, чтобы оставить ихъ въ Иркутскѣ и употребить въ тамошнемъ народномъ училищѣ для обученія нѣсколькихъ учениковъ Японскому языку, дабы со временемъ тѣ обученные могли быть переводчиками, естьли торговыя наши связи съ Японіею откроются. Но при случаѣ отправленія прочихъ Японцовъ, чтобы не послѣдовало ро-

поту, когда принявшихъ вѣру христіанскую будете оставлять въ Россіи, хотя впрочемъ и въ обычай уже введено не возвращать иновѣрцовъ въ ихъ землю, естьли они нашу вѣру примутъ; однакожъ оно много зависѣть можетъ отъ образа какимъ оставленіе ихъ у васъ будетъ сдѣлано, и для того въ семъ случаѣ надобно вашему превосходительству всемѣрное употребить для нихъ обласканіе, чтобъ они сами пожелали въ Россіи остаться, а въ томъ наиболѣе успѣть можно, сдѣлавъ имъ пристойное содержаніе при опредѣленіи ихъ къ народному училищу.

Наконецъ, по основанію седьмой статьи онаго указа о склоненіи Иркутскихъ купцовъ поѣхать съ товарами въ Японію, я надѣюсь, что вы изволите приложить свое стараніе уговорить нашихъ торгующихъ, чтобъ они симъ случаемъ воспользовались и сдѣлали бы начало столь полезной торговлѣ, употребивъ на то приличные наши товары.

С.-Петербургъ.
Сентября 21 дня 1791 года.

8.

Всеподданнѣйшій рапортъ И. А. Пиля.

Во исполненіе имяннаго Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества указа, въ 13 д. Сентября прошедшаго 1791 году, всемилостивѣйше мнѣ пожалованнаго, относительно до возвращенія Японцовъ въ ихъ отечество, какимъ образомъ приступилъ я на первой случай по сему дѣлу въ распоряженіе, объ ономъ поспѣшаю Вашему Величеству всеподданнѣйше донести.

1) Поелику для сего путешествія къ Японіи высочайше мнѣ повелѣно или нанять на казенной коштъ у Охотскаго порта надежное мореходное судно, или употребить одно изъ судовъ морской секретной экспедиціи; но, какъ Всемилостивѣйшая Государыня по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ мнѣ извѣстно, что въ Охотскѣ таковыхъ партикулярныхъ судовъ, изъ ко-

торыхъ бы можно было взять за наемъ для вояжированія ни одного не имѣется потому, что хотя и строятся тамъ суда морскими компанейщиками, но тѣ безъ остатку отправляются для промыслу звѣрей въ морской вояжъ, и не прежде возвращаются въ Охотскъ (ежели не послѣдуетъ съ ними никакого въ мореплаваніи несчастія) какъ безъ малого чрезъ десять лѣтъ, слѣдовательно бывъ столь долгое время въ вояжѣ, дѣлаются уже къ дальнѣйшимъ вояжированіямъ неспособны; такихъ же партикулярныхъ прочныхъ судовъ, кои бы оставались на нѣкоторое время въ Охотскѣ безъ употребленія, никогда не случается: а посему и нужно бы для того употребить изъ судовъ отъ экспедиціи флота капитана 1-го ранга Билингса. Но какъ и тутъ, Всемилостивѣйшая Государыня, совсѣмъ теперь мнѣ неизвѣстно, въ какихъ мѣстахъ имѣетъ онъ съ порученною ему эскадрою свое плаваніе, также и возвратится ли съ оною обратно къ тому времени, въ которое должно будетъ отправлять Японцовъ въ ихъ отечество неизвѣстножъ; ибо безпредѣльная отдаленность, трудность пути и самое мореплаваніе въ пространствѣ тамошнихъ водъ отнимаютъ всѣ способы истребовать о семъ свѣдѣніе, слѣдовательно во ожиданіи той экспедиціи и высочайшее вашего Величества повелѣніе должнобы оставаться на долго безъ исполненія. А при всемъ томъ, ежелибы и возвратилась сія экспедиція въ желаемое время къ берегамъ тамошнимъ, но и въ ней таковаго судна, коебы могло быть способнымъ для помянутаго отправленія, не имѣется, поколику выстроены они немалой конструкціи и усилены людьми соразмѣрно ихъ препорціи, слѣдовательно чрезъ взятье онаго должна употребится на отправленіе Японцовъ изъ казны Вашего Величества излишняя въ знатномъ количествѣ сумма, нежели я въ исчисленіи полагаю: ибо во первыхъ, должно опредѣлить на него для управленія излишнее число людей, каковаго на способномъ суднѣ имѣть ненужно; во вторыхъ, должно приготовить для продовольствія ихъ въ вояжѣ лишніе припасы, которые становятся до Охотска дорогими цѣнами; да и само по себѣ таковое судно, въ разсужденіи излишнихъ и тяжелыхъ на немъ

снарядовъ и устроеній, будетъ совершать путь свой не съ такою удобностію, съ какою можетъ вояжировать нарочито для сего приготовленное.

По симъ самымъ обстоятельствамъ, а особливо чтобы выполнить высокомонаршее Вашего Величества намѣреніе безъ потерянія времени, призналъ я за удобнѣе склонить находящагося здѣсь Рыльскаго именитаго гражданина и морской Американской компаніи компанейщика Шелехова къ продажѣ вновь построеннаго имъ въ Охотскѣ судна, имянуемаго «Доброе предпріятіе святыя Александры», которое, въ разсужденіи прочнаго дѣла и препорціональной для того пути конструкціи, нашлось самое удобнѣйшее; для чего по сильнѣйшимъ моимъ убѣжденіямъ и согласился онъ Шелеховъ уступить оное за пять тысячь рублей. И какъ сіе судно сторговано безъ всякой оснастки въ одномъ только корпусѣ, то и предписалъ я нынѣ же правящему въ Охотскѣ должность коменданта коллежскому ассесору Коху, чтобъ онъ по принятіи изъ завѣдыванія Шелехова объявленнаго судна въ казенное вѣдомство, поправя на немъ для вояжа нужное, приказалъ надлежащимъ порядкомъ оснастить его наилутчимъ образомъ и снабдить всѣмъ потребнымъ къ плаванію, такелажемъ и прочими матеріалами, употребя все къ нему принадлежащее изъ оставшихся безъ употребленія отъ морской секретной экспедиціи и изъ другихъ хранящихся въ Охотскѣ казенныхъ вещей; а чего доставать не будетъ, или за неспособностію нѣкоторыхъ въ казнѣ хранящихся, купить у партикулярныхъ людей заблаговременнѣе, съ крайнимъ наблюденіемъ казенной пользы. Для чего на первоначальныя издержки, во исполненіе высочайшаго Вашего Величества повелѣнія, истребовавъ изъ Иркутской Казенной Палаты сумму, отослалъ я къ нему Коху три тысячи рублей, почему и осмѣливаюсь Ваше Величество увѣрить, что сіе судно къ выходу будущаго лѣта въ предположенное путешествіе непремѣнно уже будетъ во всякой готовности, которое, Всемилостивѣйшая Государыня, не принесетъ никакого дальнаго для казны вашей убытку; ибо, совершивъ въ Японію благополучное плаваніе,

остаться можетъ навсегда въ казенномъ вѣдомствѣ въ числѣ транспортныхъ судовъ, кои также сооружаются изъ казны съ довольными по дороговизнѣ тамошней издержками.

2) Послѣдуя высочайшему Вашего Императорскаго Величества соизволенію, назначилъ я отправить сіе судно въ Японію, подъ предводительствомъ пребывающаго по службѣ въ Охотскомъ портѣ, изъ природныхъ Россіянъ штурмана, прапорщичья ранга Ловцова, человѣка, какъ извѣстно мнѣ, довольно въ мореплаваніи искуснаго и въ поведеніи своемъ порядочнаго, предположивъ ему въ помощь подъ начальство двухъ морскихъ служителей, унтеръ-офицерскихъ чиновъ съ прочими служителями, о количествѣ коихъ прозорливо усмотрѣть соизволите изъ подносимаго у сего исчисленія. Да для препровожденія Японцовъ и ознаменованныхъ въ высочайшемъ Вашего Величества указѣ наблюденій, назначилъ изъ сыновей профессора Лаксмана, находящагося по гражданской службѣ въ городѣ Гижигинскѣ, поручика Адама Лаксмана, съ придачею ему для вспомоществованія въ возложенной коммиссіи одного геодезіи сержанта, коимъ и жалованье назначилъ довольно достаточное. И какъ ему Лаксману, такъ и штурману Ловцову, нынѣже сдѣлалъ я мои предписанія, чтобъ они къ сему вояжированію были во всякой готовности и ожидали бы дальнѣйшихъ для руководства своего наставленій въ Охотскѣ, которыя, равно и открытой отъ имени моего къ Японскому правительству листъ, по содержанію высочайшаго Вашего повелѣнія, уже мною изготовлены.

3) На ассигнованныя изъ казны Вашего Величества двѣ тысячи рублей, сколько ни старался я приличныхъ для подарковъ товаровъ здѣсь отыскать, однакожъ найти не могъ; то и рѣшился я нынѣже за покупкою ихъ, также астрономическихъ и математическихъ инструментовъ, для той экспедиціи нужныхъ, послать въ Москву нарочнаго, съ тѣмъ, чтобъ по нынѣшнемуже зимнему пути возвратился онъ съ ними въ Иркутскъ, которые въ настоящее время отправлены будутъ въ Охотскъ.

4) Во исполненіе высочайшей воли Вашего Императорскаго Величества, по преподаннымъ отъ меня внушеніямъ, охотно согласились, для опыта, на томъ суднѣ отправить въ Японію прикащиковъ съ потребными товарами иногородные купцы: вышеписанной именитой гражданинъ Шелеховъ, вообще съ нимъ Курской купецъ Голиковъ, и Тотемской Василій Рохлецовъ, кои также, по неимѣнію въ Иркутскѣ товаровъ, за покупкою отправили нарочныхъ въ Москву, которые непремѣнно въ свое время въ Охотскъ доставлены будутъ.

5) Коликое число потребно на жалованье экспедиціи всѣмъ чинамъ, на снаряженіе оной для нея нужнымъ и на содержаніе въ пути Японцовъ, изъ казны Вашего Величества суммы, объ ономъ, на всевысочайшее благоусмотрѣніе монаршей особы Вашей, всеподданнѣйше подношу у сего изчисленіе, о которомъ осмѣливаюсь удостовѣрить Ваше Величество, что сдѣлано оно мною, въ разсужденіи ознаменованныхъ въ немъ приготовленій, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ и чего менѣе (по случаю во всѣхъ припасахъ въ тамошнемъ краѣ дороговизны) никакъ уже полагать было нельзя. Впрочемъ, Всемилостивѣйшая Государыня, ежелибы изъ расположенныхъ въ семъ исчисленіи суммъ, по непредвидимымъ иногда обстоятельствамъ случилось и такъ, что у нѣкоторыхъ вещей должно будетъ при покупкѣ сдѣлать передачу противу положенной цѣны, то у другихъ иногда припасовъ можно будетъ изыскать для казны вашей пользу; но смѣю обезпечить Ваше Величество, что на всѣ для сей экспедиціи приготовленія отнюдь не превзойдетъ болѣе той суммы, какая назначена въ вышеписанномъ изчисленіи; а можетъ быть и отъ оной случатся каковые либо остатки, поколику главное во всемъ, по предписанію моему, облежать будетъ заготовленіе для той экспедиціи нужнаго на правящемъ въ Охотскѣ должность коменданта Кохѣ, которой, по особенному къ службѣ Вашего Императорскаго Величества усердію и во всемъ исправной расторопности, исполнитъ повелѣнное съ самою точностію и будетъ всемѣрно пещись и стараться въ соблюденіи казенной пользы,

такъ какъ неутомимость его во всѣхъ поручаемыхъ дѣлахъ, съ самого моего въ Иркутскѣ прибытія, довольно уже мнѣ извѣстна.

При семъ осмѣливаюсь Вашему Величеству доложить. На выдачу начальнику судна, также Лаксману, Японцамъ и прочимъ, находящимся на немъ служителямъ, жалованья, равно и на не предвидимыя надобности, слѣдуетъ имѣть на томъ суднѣ сумму, по самой меньшей мѣрѣ, до двѣнатцати тысячъ рублей. Но какъ въ тѣхъ мѣстахъ, въ кои должно имѣть вояжированіе, государственныя ассигнаціи не въ употребленіи, то на сей конецъ и нужно быть серебряной монетѣ; по взятымъ же мною изъ Иркутской Казенной Палаты свѣдѣніямъ, во всѣхъ ея казначействахъ нисколько серебряной монеты на лицо нынѣ не состоитъ. Въ такомъ случаѣ неугодноли, Всемилостивѣйшая Государыня, означенное количество суммы серебряною монетою повелѣть доставить сюда, отколь указать соизволите?

Долженствующимъ отправиться въ предполагаемое путешествіе людямъ жалованье, равно и содержаніе, назначилъ я только на одинъ годъ, которое полагаю производить всѣмъ съ 1-го числа Іюня мѣсяца сего 1792 года, поелику судно къ тому времени совсѣмъ будетъ въ готовности къ путешествію. И ежели оное судно, хотя въ Іюлѣ мѣсяцѣ отправится въ назначенный путь, то конечно, въ разсужденіи не весьма дальнаго разстоянія отъ предѣловъ Россійскихъ до Японіи, естьли только не приключится никакихъ несчастныхъ съ нимъ случаевъ, возвратиться можетъ въ Охотскъ будущаго года въ Іюлѣ-жъ мѣсяцѣ. Ежели же, Всемилостивѣйшая Государыня, вояжированія оно своего не совершитъ въ одинъ годъ, въ такомъ случаѣ на идущее за тѣмъ время могутъ находящіеся на немъ люди, для покупки нужныхъ къ содержанію своему припасовъ, употребить деньги изъ суммы, назначенной на экстренности.

Повергая все сіе на благоизволеніе высокомонаршей особы Вашей, всеподданнѣйше испрашиваю, ежели оное удостоено

будетъ высочайшей Вашего Императорскаго Величества апробаціи, объ ассигнованіи по оному суммы.

А за тѣмъ, Всемилостивѣйшая Государыня, и повелѣнное мнѣ въ высочайшемъ указѣ помѣщеніе двухъ окрестившихся Японцовъ, для обученія Японскаго языка мальчиковъ, при народномъ здѣсь училищѣ и въ содержаніи прочихъ Японцовъ, до времени отправленія въ ихъ отечество, по моему разсмотрѣнію, исполнено будетъ съ самою точностію.

Но при семъ случаѣ, Всеавгустѣйшая Монархиня, по сущей справедливости не могу умолчать предъ освященною особою Вашею и о томъ, что надворной совѣтникъ Лаксманъ, бывъ въ семъ порученномъ дѣлѣ свѣдущій и прилежной помощникъ, трудился подъ руководствомъ моимъ въ сочиненіи какъ сметы, такъ и наставленій сыну своему и штурману Ловцову, равно и листа, отъ имени моего въ Японское правительство отправляемого; а потому, въ воздаяніе трудамъ его и прилежанію, осмѣливаюсь у Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйше просить пожалованія ему ордена святаго равноапостольнаго князя Владиміра. Таковая изліянная отъ монаршей особы Вашей къ нему милость побудитъ его и на дальнѣйшее время къ ревностнѣйшему исполненію возлагаемыхъ на него коммиссій, которыя онъ конечно исполнять будетъ съ желаемымъ успѣхомъ и пользою для отечества.

Въ Иркутскѣ.
Генваря дня 1792 года.

Изъ письма Иркутскаго намѣстника И. А. Пиля къ графу А. Р. Воронцову.

Иркутскъ, 18 Генваря 1792.

Александръ Николаевичъ *), выѣхавъ изъ Иркутска Декабря 19-го, пріѣхалъ въ опредѣленное ему мѣсто сего мѣсяца 3-го числа. Хотя разстояніемъ отъ Иркутска не весьма далеко, но по глубокимъ по дорогѣ снѣгамъ и проселочной дорогѣ скорѣе доѣхать не могъ; но пишетъ, что доѣхали здоровы и нашли тамъ приготовленный для нихъ домъ довольно спокойнымъ, а лѣтомъ и еще поспокойнѣе сдѣлать можно будетъ. Полученныя послѣ ихъ посылки я на сихъ дняхъ и письма къ нему отправляю съ колясочкою на ресорахъ, случившеюся у меня, въ чемъ они и могутъ тамъ ѣздить. Опредѣленные вашимъ сіятельствомъ ему на содержаніе на каждый годъ по 500 рублей, на нынѣшній годъ при отъѣздѣ ихъ въ Илимскъ, какъ они всѣмъ нужнымъ должны были здѣсь запастися, я отдалъ свои до присылки отъ вашего сіятельства. Впрочемъ смѣю увѣрить, что они тамъ, кромѣ скуки, никакой нужды не претерпятъ.

---

*) Радищевъ.

Письмо П. В. Лопухина къ графу А. Р. Воронцову *).

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь!

Въ бытность вашего сіятельства въ Москвѣ, дозволили вы мнѣ въ надобностяхъ моихъ утруждать ваше сіятельство; теперь же, воспользуясь симъ милостивымъ дозволеніемъ, а паче зная ваше великодушіе и навсегда добрую волю и готовность помогать утѣсненнымъ и бывъ увѣренъ въ вашемъ къ себѣ доброжелательствѣ и благоволеніи, дерзаю прибѣгнуть съ моею просьбою и просить вашего сіятельства покровительства.

Въ началѣ нонѣшняго мѣсяца, когда г. маіоромъ Герардомъ, опредѣленнымъ къ строенію каменнаго моста, отдѣлана была плотина чрезъ Москву-рѣку, и теченіе обращено въ нарочно для того сдѣланной каналъ, и водою съ канала нѧчало повреждать берегѧ и угрожать раззореніемъ строеніямъ по берегу онаго лежащимъ: то тогдажъ и донесено господину главнокомандующему, которой всѣ работы съ членами водяной коммиссіи и осматривалъ. И въ самое жъ сіе время запримѣчено, что вода изъ вновь сдѣланнаго канала зачала стремиться влѣво, въ ровъ почти засыпанной, въ которой древле, когда строенъ былъ каменной мостъ **), спущена была вода.

---

*) Печатается съ современнаго списка, на которомъ нѣтъ числовой помѣты. П. В. Лопухинъ, въ послѣдствіи свѣтлѣйшій князь и председатель Государственнаго Совѣта, служилъ нѣкогда гражданскимъ губернаторомъ въ Москвѣ. Письмо это писано вѣроятно, когда графъ Воронцовъ былъ президентомъ Коммерцъ-коллегіи. П. Б.

**) Т.-е. еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. П. Б.

А какъ почти въ самомъ томъ рву (коего большая часть была засыпана) построены по одну сторону лавки, а по другую домы, то тогда жъ г-ну главнокомандующему о семъ донесено съ объясненіемъ, что ежели вода усилится, то можетъ произвести строенію вредъ, почему г. главнокомандующій, сохраняя казенной интересъ (хотя бы, предупреждая всѣ бѣды и казенную плотину сдѣлать, тобъ въ тогдашнее время не болѣе 2000 рублей стала) созвалъ живущихъ тутъ обывателей и лавочныхъ владѣльцовъ и преклонялъ ихъ къ сдѣланію на устьѣ рва плотины; но какъ нѣкоторые изъ нихъ упорствовали и ничего на издержки не давали, а другіе давали очень мало, то между симъ прошло немалое время, а наконецъ всѣ согласились плотину сдѣлать и начали оную 20 дня; но между тѣмъ сдѣлались сильные дожди, и вода, вдругъ возвысясь болѣе двухъ аршинъ, изъ каналу съ превеликою быстриною устремилась въ вышеприписанной ровъ, и 23 дня вновь начатую плотину розрыла и въ нѣсколько минутъ три лавки подмыла, чему г. главнокомандующій самъ былъ очевиднымъ свидѣтелемъ. А между тѣмъ вода, прибывая часъ отъ часу болѣе, зачала подмывать берега и обваливать строенія; то я, видя сію опасность, представлялъ г. главнокомандующему, не угодно ли будетъ открыть плотину, сдѣланную чрезъ Москву-рѣку и тѣмъ самымъ обратить рѣку въ обыкновенное ея теченіе, а потомъ, укрѣпя берега, опять запрудить. Но господинъ главнокомандующій сего сдѣлать не согласился, предполагая, что плотина стоитъ болѣе 10,000 рублей; снятіемъ же части оной можно и всю повредить. Вода жъ, прибывая и возвышаясь часъ отъ часу болѣе, подмыла на Болотѣ и Балчугѣ большихъ и малыхъ лавокъ деревянныхъ 39, каменныхъ 3, домовъ 6, каменныхъ и деревянныхъ, колокольну одну и мостовъ 3, а сегодня часу въ 11, выше плотины оторвавъ берегу саженъ на 6, опрокинула каменной домъ, въ коемъ была прежде Грунтова фабрика и, прорвавъ часть плотины, вода пошла почти обыкновеннымъ теченіемъ, и надѣюсь, что симъ все окончится. Употребленныя жъ всѣ средства къ отвращенію вреда, происходящаго отъ стремле-

нія воды, всѣ были недостаточны, и попеченія г-на главнокомандующаго тщетны, что̀ и ввергло его въ совершенное замѣшательство. Я представлялъ г. главнокомандующему, чтобъ онъ, собравъ всѣхъ претерпѣвшихъ, обнадежилъ монаршею милостію, дабы оныхъ извлечь изъ унынія и нѣкоторымъ образомъ отвратить всеобщее негодованіе на сію работу, коя столь много вреда надѣлала, а подъ видомъ предохраненія отъ воровства и для подація скорой помощи претерпѣвающимъ отъ наводненія, просилъ, чтобъ въ пристойныхъ мѣстахъ поставилъ пикеты, подтвердя словесно командирамъ, чтобъ вездѣ наблюдался порядокъ и тишина, что́ г. главнокомандующій исполнить и обѣщалъ.

А какъ о семъ несчастномъ приключеніи послано уже отъ г. главнокомандущаго къ Ея Величеству донесеніе, такъ всепокорнѣйше прошу ваше сіятельство въ чемъ возможно сдѣлать мнѣ милость меня защитить, чтобъ я неповинно не понесъ монаршаго гнѣва, потому что водяная коммиссія и всѣ ея работы состоятъ единственно только подъ личнымъ начальствомъ главнокомандующаго.

Въ сихъ смутныхъ моихъ обстоятельствахъ возлагая всю мою надежду на ваше сіятельство, осмѣливаюсь прибѣгнуть подъ ваше покровительство и просить нетокмо защищенія, но и отеческаго совѣта, бывъ удостовѣренъ всесовершенно, что, удостоясь онаго, избавлюсь я отъ угрожающей мнѣ гибели. Имѣя жъ искреннее и нелестное высокопочитаніе къ особѣ вашего сіятельства, долгомъ себѣ поставляю открыть истинное мое положеніе, надѣясь, что оное останется къ единственному вашему свѣдѣнію.

Съ нѣкотораго времени служеніе мое сдѣлалось не токмо отяготительно, но признаюсь, что и совсѣмъ несносно, въ разсужденіи безуспѣшности въ дѣлахъ, и я опасаюсь, чтобъ не быть нерѣшимости и неключимости другихъ неповинною жертвою, а что̀ всего удивительнѣе, то все пишемъ денно и ночно, но ничто съ мѣста не двигается. А воображать прибытіе Ея Величества въ Москву я ужасаюсь, потому что къ сему ни малѣйшаго еще не сдѣлано начала. Николай Александровичъ

Львовъ, бывъ здѣсь, нѣкоторую часть видѣлъ нашихъ успѣховъ и по пріѣздѣ вамъ обстоятельно донесетъ. Я ласкаю себя, что вашему сіятельству образъ мыслей моихъ отчасти извѣстенъ, и что конечно удостовѣрены, что я въ формальныя объясненія входить не въ состояніи; то и дерзаю наиубѣдительнѣйше просить вашего наставленія, какимъ образомъ мнѣ изъ сихъ бѣдственныхъ обстоятельствъ выпутаться; я жъ инаго средства не предвижу къ избавленію, какъ оставить службу, хотя сіе совсѣмъ ни съ желаніемъ моимъ, ни съ состояніемъ несходственно; а сверхъ сего какъ безъ всякихъ заслугъ отъ Ея Величества въ короткое время награжденъ, то и постыдно. Впрочемъ, повергая мою просьбу о удостоеніи меня вашего покровительства, и ежели возможно чтобъ о семъ поговорить его сіятельству графу Александру Андреевичу Безбородкѣ, и предая себя въ ваше великодушіе, съ совершеннымъ высокопочитаніемъ навсегда пребыть честь имѣю, сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь, вашъ покорный слуга

Петръ Лопухинъ.

Два письма протоіерея Андрея Аѳанасьевича Самборскаго.

1.

Сіятельнѣйшій графъ Александръ Романовичъ, милостивѣйшій государь и благодѣтель.

Нѣтъ словъ соразмѣрныхъ изъявить вамъ мое сердечное чувство за то истинное участіе, которое вы пріемлете въ моей болѣзни. Я отъ оной, слава Богу, почти уже избавился, и надѣюсь буду имѣть счастіе скоро предстать предъ васъ. Основываясь на вашемъ прямо отеческомъ отзывѣ, что вы будете нынѣ писать къ его сіятельству графу Семену Романовичу, дабы мой сынъ съ его учителемъ Джуньковскимъ былъ присланъ сюда при курьерской оказіи, осмѣлился и я писать письмо къ его сіятельству о той же матеріи, изъясняя притомъ, что не слѣпая моя любовь къ сыну и къ его предо-

стойному учителю заставляетъ меня ихъ видѣть, но общее благо, къ которому я ихъ устрояю. Я также осмѣлился сослаться на ваше сіятельство, что вы меня знаете въ точности, и всѣ мои благія намѣренія. Я также не оставилъ поздравить его сіятельство первостепенною святаго Владимира наградою, хотя оная давно уже слѣдовала его сіятельству. Простите мнѣ, ваше сіятельство, что я смѣю просить васъ положить для вѣрности въ свой конвертъ приложенное здѣсь письмо.

Впрочемъ съ глубочайшимъ моимъ къ вамъ почтеніемъ и всесовершенною преданностью пребуду, пока жить буду, вашего сіятельства вѣрнопреданнѣйшій слуга и всеусерднѣйшій богомолецъ

Андрей Самборскій.

1791. Сентября 27.
Бѣлозерка.

2.

Сіятельнѣйшій графъ Семенъ Романовичъ, милостивый государь и благодѣтель.

Имѣю счастіе поздравить васъ первостепенною святаго Владимира наградою. Правда, что оная давно уже принадлежала вашимъ отличнымъ достоинствамъ и заслугамъ; но при таковомъ происшествіи, которое означаетъ весьма важную Россійскихъ дѣлъ эпоху и которое впишется въ книгу безсмертія, оная награда имѣетъ несравненно бо́льшую цѣну и всеобщее уваженіе. Всякій знаетъ, что вы здравою и честною политикою отвратили престрашный ударъ, сильными пріуготовленный державами на пораженіе Россіи. Вы превозмогли надъ всѣми и утвердили согласіе. О если бы всѣ министры государственные послѣдовали вашей человѣколюбивой и благоразумной системѣ! Всѣ бы наши непріятели обезоружились, и болѣе уже не проливалась бы человѣческая кровь. Не льщу я вамъ, изображая такъ вашъ характеръ; ибо всякъ васъ таковымъ разумѣетъ.

Принесши вамъ въ сихъ слабыхъ начертаніяхъ истинную жертву моего сердца, обращаюсь на другую матерію, которою всенижайше прошу васъ не скучать. Вашъ любезнѣйшій братъ, а мой великодушный благодѣтель, его сіятельство графъ Александръ Романовичъ, самъ безъ просьбы моей, обѣщалъ вторично просить ваше сіятельство, дабы сынъ мой, подъ руководствомъ г. Джуньковскаго, былъ присланъ сюда при оказіи курьерской. Я, не какъ отецъ ослѣпленный любовію къ своему сыну и къ его наставнику Джуньковскому, но какъ истинный гражданинъ и патріотъ, прошу всеуниженнѣйше, да соблаговолите, по вашему патріотическому духу, ваше сіятельство, сдѣлать мнѣ оную милость. А что я таковъ не на словахъ, а на дѣлѣ, въ томъ можетъ удостовѣрить васъ безпристрастный графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ. Отъ его проницанія не скрыты суть мои намѣренія, мои усилія и мои подвиги, устремляющіеся къ общему благу. Я совершенствомъ моего счастія поставляю, что сердце мое сему благомыслящему мужу есть извѣстно во всей точности. На основаніи семъ дерзаю быть и предъ вашею особою толико многорѣчивъ и откровененъ. Г. Джуньковскій пріуготовляется къ заступленію моей должности; а сколь сія должность есть важна и полезна для отечества, предоставляю вашему суду. Онъ, по состоянію своему и по упражненіямъ, будучи отъ васъ удаленъ всегда, можетъ быть и кажется недостойнымъ той должности; но я вамъ не обинуясь скажу, что онъ тысячу разъ достойнѣе и ученѣе и ревностнѣе меня. И когда вы узнаете прямо его достоинства, то конечно сочтете его достойнымъ вашего покровительства, которому я препоручивъ и себя, пребуду, пока жить буду, съ истиннымъ къ вамъ почтеніемъ и благодарностью.

Вашего сіятельства всенижайшій слуга и всеусерднѣйшій богомолецъ

Андрей Самборскій.

1791. Сентября 27.
Царское Село.

Письмо А. М. Бушуева къ графу С. Р. Воронцову.

(1786).

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь.

До сего времени надѣялся я принесть вашему сіятельству персонально наичувствительнѣйшую благодарность мою за милостивое письмо, которымъ угодно было вамъ меня удостоить. Но какъ, по причинѣ болѣзни Тимани, прожили мы въ Римѣ болѣе нежели намъ назначено, здѣсь также лишнее время пробыть принуждены: то, боясь прогнѣвать Ивана Ивановича *) медленностію, лишаюсь я удовольствія несказанно пріятнаго душѣ моей, чтобъ имѣть честь еще увидѣть ваше сіятельство на Брентѣ **). Мало бы времени надобно было на проѣздъ изъ Болоня до мѣста пребыванія вашего; но могу ли я хотя на часъ отлучиться отъ спутниковъ моихъ? Болѣе еще я прискорбія чувствую, извѣстясь отъ графа Моченига, что ваше сіятельство надолго остаться изволите въ Пизѣ, такъ что едвали можно намъ надѣяться имѣть счастіе встрѣтиться съ вами въ Англіи. Но сколь ни прискорбно мнѣ всего того лишиться, по крайней мѣрѣ желаю я столько же обрадованъ быть, если пребываніе ваше въ Пизѣ послужитъ къ умноженію здоровья милостивой государыни графини Екатерины Алексѣевны.

---

*) Бецкаго. П. Б.

**) Графъ Воронцовъ тогда уже назначенъ былъ посланникомъ въ Англію, но временно, по болѣзни супруги своей, жилъ въ Пизѣ. П. Б.

Я не могу довольно изъяснить вашему сіятельству благодарныхъ моихъ чувствованій, съ которыми принялъ увѣренія ваши о милостивомъ вашемъ ко мнѣ расположеніи: они тѣмъ болѣе силы надъ душою моею имѣютъ, что никогда не признавалъ я себя быть того достойнымъ. Желаніе ваше освобожденія моего и вѣдать обстоятельства мои также весьма мнѣ чувствительно и не менѣе даетъ мнѣ знать цѣну счастія моего, которое нахожу въ васъ, какъ и цѣну добродѣтельныхъ свойствъ души вашей. Примите, милостивый государь, сіе малое изъясненіе знакомъ отмѣннаго признанія и искреннѣйшей преданности моей.

Чтò донести я могу вашему сіятельству кромѣ дурнаго о обстоятельствахъ нашихъ? Начальный изъ спутниковъ моихъ не только не лучше, но время отъ времени хуже становится. Переносилъ бы я еще съ меньшимъ оскорбленіемъ причиняемыя имъ мнѣ безпокойства, если бы онъ только противу меня одного проступлялся и не нерадѣлъ всегда одинаково въ путешествіи видѣть и знать полезное; но какъ возможно перенесть безъ крайняго прискорбія поведеніе его, а особливо склонность къ распутнымъ женщинамъ и самымъ еще послѣднимъ, игру билліардную въ кофейныхъ домахъ съ людьми неизвѣстными и ничего незначущими, такъ какъ въ Римѣ случилось въ игрѣ участвовать и лакею кардинала Берниса, и играя не доплачивать денегъ! Каково покажется вашему сіятельству и то, чтобы въ полночь взять съ почты верховую лошадь и въ курьерскомъ платьѣ и въ ботфортахъ поскакать изъ Пизы въ Ливурну для дѣвки, съ которою тамъ ознакомился? Сколько еще другихъ случаевъ, гдѣ показалъ онъ нравъ свой и поступки не только несвойственные человѣку его происхожденія, о которомъ къ крайнему сожалѣнію вездѣ знаютъ, характеру гвардіи офицера, но и человѣку послѣдняго состоянія. Я обстоятельно о многомъ уже донесъ Ивану Ивановичу; прибавилъ къ тому, что я, не будучи способенъ предводительствовать симъ молодымъ человѣкомъ, служу, можетъ быть, причиною его неисправленія; и что я радоваться не переставъ бы, если подамъ ему способъ къ возвращенію

въ самого себя моимъ отъ него удаленіемъ. Оттоваривался я также слабымъ здоровьемъ и частыми припадками; но отвѣтъ его нимало меня не успокоиваетъ, сколь въ разсужденіи меня ни отзывается онъ благосклонно.

Впрочемъ рекомендуетъ онъ мнѣ за лучшее средство оставить его слѣдовать развращенной вольности своей, не показывать ни малаго вида безпокойства и вести себя такъ, какъ бы ни малаго примѣчанія не дѣлалъ я за его поведеніемъ. Подлинно, сіе самое лучшее средство. Жаль только, что употребляли оное въ корпусѣ во время его молодости, а тѣмъ самымъ сдѣлали нравъ его необузданнымъ, прихотливымъ и умѣренности чуждымъ. Пишетъ онъ и къ нему также письмо, которое всякаго на его мѣстѣ, сколько бы кто мало чувствительности ни имѣлъ, тронуть бы могло; но его однако оно не тронуло и сколько же ожесточило, какъ и то, которое получилъ онъ въ Венеціи въ присутствіи вашемъ. Судите, милостивый государь, послѣ сего о моемъ положеніи! Что̀ сдѣлаю я правомъ начальственнымъ, когда оскорбленія и увѣщанія лучшаго его благодѣтеля ему не страшны и нечувствительны? Что̀ сдѣлаю я дружескимъ обращеніемъ съ нимъ, которое также до сего времени мнѣ не помогало? Стѣсненъ будучи сими обстоятельствами, жду я еще успокоенія со стороны свѣтлѣйшаго князя *); но Богъ знаетъ, когда онаго дождуся. Могу ли я еще твердо и надѣяться на сильное его покровительство? Оказалъ ли я ему столько преданности и усердія, чтобъ могъ онъ, можетъ быть, съ безпокойствомъ для себя, показать мнѣ въ семъ случаѣ благодѣяніе? Я сколько ожидаю свободы моей отъ него, столько и боюсь лишиться его милости, не сдѣлавъ себя достойнымъ его выбора. Когда же сего покровителя, не имѣя другаго никого, лишусь: то кажется только ожидать мнѣ и осталось, чтобъ потерять вовсе доброе имя, которое лишь только началъ было пріобрѣтать, и въ бѣдности и жестокомъ уныніи окончить жизнь мою.

---

*) Орлова.

Простите мнѣ, что обезпокоилъ васъ пространствомъ письма моего; я осмѣлился на то, слѣдуя соизволенію вашему. Далекъ я отъ того, какъ вы писать ко мнѣ изволите, чтобъ опасаться могъ дурнаго изъ него съ стороны вашей употребленія: не имѣя счастія узнать еще васъ, зналъ я уже несравненныя свойства души вашей; счастливый же случай бытности моей въ Венеціи подалъ мнѣ способъ совершенно въ нихъ удостовѣриться и сдѣлаться преданнымъ къ особѣ вашей всею душою. Я имѣю честь быть и пр.

Алексѣй Бушуевъ *).

Изъ Флоренціи.
26 Іюля (6 Августа) 1784.

---

*) О полковникѣ Бушуевѣ см. Р. Архивъ 1876, кн. III-я.

П. Б.

Письма И. И. Голикова къ графу А. Р. Воронцову.

(1781 — 1791).

1.

Сіятельнѣйшій графъ милостивый государь!

Отъ несноснѣйшаго страданія и горестной тоски доведенные до послѣдняго почти конца жизни, оставленные ото всѣхъ, осмѣливаются упасть къ стопамъ вашего сіятельства и со слезами молить объ оказаніи отеческой милости несчастнѣйшимъ изъ смертныхъ. Ваше сіятельство могущимъ представительствомъ своимъ сильны даровать намъ жизнь, которую, яко полученную отъ благотворительной вашей руки, посвятимъ вашему сіятельству, а особливо тотъ, который издавна имѣлъ счастіе носить на себѣ ваши милости и который съ отличнымъ высокопочитаніемъ и пр.

Всенижайшій слуга Иванъ Голиковъ.

Декабря 14-го 1781 году.

Курскій купецъ И. И. Голиковъ (1734—1801), впослѣдствіи извѣстный составитель книги „Дѣянія Петра Великаго", за долги находился въ заточеніи. Графъ А. Р. Воронцовъ, будучи президентомъ Коммерцъ-коллегіи, имѣлъ возможность помочь ему. Голиковъ былъ освобожденъ по милостивому манифесту 7 Августа 1782 года, изданному въ память открытія статуи Петра Великаго. Въ нижеслѣдующихъ письмахъ мы опускаемъ обычныя начала и окончанія. П. Б.

2.

Письмо вашего сіятельства получено мною въ странствіи моемъ недалеко отъ Крыма.

Повелѣнія вашего высокографскаго сіятельства, колико для меня священны, но къ крайнему прискорбію моему исполнить оныхъ такъ скоро, какъ бы я желалъ не могу, и всепокорнѣйше, милостивѣйшій государь, прошу великодушно пожаловать мнѣ на исполненіе того время: ибо безъ меня въ Москвѣ никто бумагъ тѣхъ отыскать не можетъ.

Впрочемъ, сіятельнѣйшій графъ, позвольте мнѣ объ оныхъ предварительно объясниться. Они собраны мною изъ словъ почтеннѣйшихъ мужей, служившихъ при государѣ Петрѣ Великомъ, а именно Ивана Ивановича Неплюева, Алексѣя Ивановича Нагаева, Семена Ивановича Мордвинова и нѣкоторыхъ современныхъ же его величеству стариковъ, которые и кажутся мнѣ заслуживающими вѣроятіе. Нѣкоторые жъ анекдоты записаны мною изъ преданій, носящихся въ народѣ и изъ манускриптовъ, кои я находилъ у любителей древности и на Московскихъ площадяхъ, и по сему какъ за вѣрность ихъ отвѣчать, такъ и тисненію предать не осмѣлюсь. Уторопленный бѣдствіями духъ мой всего нынѣ страшится, и я предалъ было ихъ даже и забвенію, а потому и не переписаны они на бѣло, но оставлены черныя, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ я для прогнанія скуки моей въ заключеніи моемъ положилъ ихъ на бумагу. И для того желалъ бы я, милостивѣйшій государь, оныя прежде посылки переписать почище; ибо я боюсь, чтобъ ваше сіятельство, въ разбираніи письмà скучивъ, не прогнѣвались на меня.

Ноября 20-го 1784 году.

3.

Пріемлю смѣлость препроводить къ вашему высокографскому сіятельству первый томъ трудовъ моихъ или, лучше сказать, плодъ уединенной и отщетившейся отъ свѣта жизни моей.

21 Декабря 1787 году.
Сельцо Овашкино.

4.

Препровождая вторую часть трудовъ моихъ, священнымъ для меня долгомъ поставляю принесть вашему высокографскому сіятельству всеискреннѣйшую благодарность за награжденіе меня милостивымъ вашимъ отъ 2-го числа сего Генваря письмомъ.

Великодушное ободреніе вашего сіятельства человѣку, осмѣливавшемуся издавать Дѣянія Петра Великаго, не имѣющему нужныхъ къ тому пособій ни отъ воспитанія, ни отъ обстоятельствъ, есть неоцѣненно. Я забываю, милостивый государь, самыя даже болѣзни и слабости мои, неразлучныя со старостью, и при толикомъ ободреніи надѣюсь преодолѣть трудъ мой въ непродолжительномъ времени.

Января 24-го 1788 году.

5.

Ваше сіятельство, толико милостивымъ и ободряющимъ меня къ продолженію трудовъ моихъ начертаніемъ, даете мнѣ смѣлость изъяснить совокупно и прискорбіе мое. Книга моя по счастію толико полюбилась обществу, что ни одна еще такъ скоро не раскупалась, какъ моя и, сколько мнѣ извѣстно, то весьма еще недостало оныя къ удовольствованію всѣхъ, чего ради и приступаю я, изъ благодарности моей къ публикѣ, ко второму и полнѣйшему изданію оныя, и сіе тѣмъ паче

почитаю нужнымъ, что, по напечатаніи оныя, многія изъ почтеннѣйшихъ особъ сообщили мнѣ весьма важныя піесы, о коихъ я прежде не зналъ. Но, сіятельнѣйшій графъ, въ архивѣ Иностранной Коллегіи, здѣсь находящейся, хранится несравненно еще большее число матеріаловъ; но я не имѣю въ оную входу, да и имѣть не могу безъ особаго на то дозволенія.

Г. Туманскій таковое дозволеніе отъ его сіятельства графа Александра Андреевича *) имѣетъ, а сего ради и осмѣливаюсь ваше графское сіятельство всенижайше просить, невозможно ли, милостивый государь, если я сего достоинъ, доставить и мнѣ подобное дозволеніе. Каковою милостью наградите съ избыткомъ труды мои и, смѣю сказать, доставите удовольствіе и всей публикѣ.

Ваше сіятельство соблаговолили упомянуть о моихъ анекдотахъ. Оные, надѣюсь, не замедлятся выходомъ въ свѣтъ, но и не прежде однакожъ какъ по напечатаніи писемъ государевыхъ и другихъ его же величества бумагъ, которыхъ у меня столько собрано, что не менѣе выдетъ 8 томовъ; вся же книга состоять имѣетъ не менѣе какъ въ 18 томахъ, ежели не больше, полагая въ томъ же числѣ и исторію знаменитыхъ ироя моего помощниковъ, и о которыхъ имѣю я довольно полныя: г. Лефорта, Гордона, князя Меншикова и графа Шереметева; но другихъ особъ къ сожалѣнію моему имѣю только краткіе журналы, и хотя всѣ силы я прилагаю выполнить оные, но по сіе время однакоже не могу еще полнѣйшихъ отыскать.

Апрѣля 23-го 1789 году.

---

*) Безбородко.

6.

Недостаточны силы мои къ изъясненію чувствуемой въ сердцѣ моемъ къ вашему высокографскому сіятельству благодарности за всѣ ваши ко мнѣ милости, паче же за доставленіе мнѣ входу въ здѣшній Иностранной Коллегіи архивъ. Я обрадованъ былъ полученіемъ высокопочтеннаго вашего высокографскаго сіятельства о семъ письма̀, будучи въ деревнѣ, толико, что, забывъ прилучившуюся мнѣ болѣзнь, пріѣхалъ сейчасъ въ Москву, и по написаніи сего спѣшу вручить господину Соколовскому отверзающій мнѣ запертыя прежде двери въ помянутый архивъ ключъ. Ваше высокографское сіятельство сею милостію даровали мнѣ новыя силы къ продолженію начатаго мною труда; я употреблю всего себя на усовершенствованіе сего новаго изданія. Прошу только Бога, да подкрѣпитъ слабыя мои силы и учинитъ ихъ соразмѣрными усердію моему и любви къ отечеству и къ отцу отечества. Я представлю и нѣкія мои въ первомъ изданіи ошибки, которыя открыли мнѣ доставленныя послѣ онаго его сіятельствомъ княземъ Михайлою Михайловичемъ Щербатовымъ, и какія можетъ быть отыщу въ архивѣ достовѣрности, и если публика приняла съ удовольствіемъ первое мое изданіе, то тѣмъ съ бо́льшимъ, надѣюсь, принять можетъ второе, яко полнѣйшее, чѣмъ она много обязана будетъ вашему сіятельству, что̀ я въ предисловіи моемъ и изъяснить не оставлю.

Примѣчаніе вашего высокографскаго сіятельства, касающееся до литеръ и бумаги, весьма справедливо; я оное съ самаго начала видѣлъ, но пособить тому не могъ: ибо, милостивый государь, по нынѣшнему моему неимущему состоянію, не могши напечатать на свой счетъ, отдалъ оную г. Новикову, довольствуясь за весь трудъ мой и за издержки, употребляемые на доставленіе матеріаловъ, на переводъ нужныхъ книгъ, на бумагу и проч. тѣмъ однимъ, чтобъ услужить онымъ соотчичамъ моимъ, а напоминаніе мое о томъ ему г.

Новикову не имѣло дѣйствія, но при новомъ однако же изданіи буду о томъ пещись всевозможно.

Мая 24-го 1789 году.

7.

Осмѣливаюсь донести: 1) Мое прискорбіе, что послѣдніе два тома, такъ сказать, изуродованы типографскими ошибками; причиною сего съ одной стороны несмотрѣніе опредѣленнаго корректора, а съ другой отсутствіе мое изъ Москвы, по которому не могъ я за нимъ надсматривать. 2) Что я, по желанію публики, вмѣсто вторичнаго полнѣйшаго изданія книги моей, рѣшился издать дополненіе къ прежней, и сего дополненія не менѣе будетъ какъ томовъ пять или шесть, а вся книга составитъ 23 или 24 тома. Толикимъ-то множествомъ матеріаловъ вновь милость вашего сіятельства обогатила меня; почему я и почитаю за долгъ ожидаемую за сіе отъ публики благодарность обратить къ имени вашего сіятельства.

Сентября 20-го 1789 года.
Сельцо Онашкино.

8.

Вашему сіятельству извѣстно, что я теперь тружусь въ изданіи Петра Великаго писемъ и грамотъ, которыхъ уже собрано у меня болѣе 3.000 и которые составятъ не менѣе 7-ми томовъ. Но въ числѣ сихъ писемъ не имѣю я самыхъ важнѣйшихъ, именно писанныхъ къ князю Меншикову. Извѣстно же мнѣ учинилось, что сіи монаршіи письма хранятся въ Императорской Академіи Наукъ. Я чрезъ нѣкіихъ пріятелей моихъ пытался достать списокъ съ оныхъ, не жалѣя на переписку ихъ ничего; но отвѣтствовано было мнѣ, что безъ соизволенія директора Академіи учинить того не можно. Не имѣя же счастіе быть знаемымъ ея сіятельствомъ, осмѣливаюсь всепокорнѣйше ваше высокографское сіятельство просить о сей милости.

Октября 22-го 1789 году.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ПИСЬМУ 8-МУ.

Письмо княгини Дашковой къ графу А. Р. Воронцову.

Изволь, братецъ, господину Голикову въ отвѣтъ сказать, что княгиня Дашкава за долгъ и удовольствіе поставляетъ, когда можетъ способствовать просвѣщенію или полезнымъ свѣдѣніямъ своихъ сограждань; слѣдственно все отъ нея зависящее для успѣшенія полезнаго и похвальнаго предпринятія г. Голикова будетъ отъ нея приказано. Пусть онъ пришлетъ порядочнаго писца, который бы прямо ко мнѣ явился, то онъ и будетъ допущенъ списывать всѣ письма или другія какіе ему нужны въ Академіи имѣющіеся документы.

9.

Я собралъ уже, по милости вашей, толь много матеріаловъ, что не усумнился припечатать къ Московскимъ Вѣдомостямъ о изданіи дополнительныхъ къ Дѣяніямъ десяти томовъ, хотя оныхъ и больше того выдетъ, изъ коихъ первый уже и печатается; но, сіятельнѣйшій графъ, среди сихъ неусыпныхъ трудовъ моихъ сыскался человѣкъ, который исторгнулъ, такъ сказать, перо изъ рукъ моихъ и замѣшалъ меня такъ, что привелъ не въ состояніе продолжать сихъ трудовъ моихъ и выполнить обѣщаніе мое предъ публикою. Позвольте великодушно, милостивый государь, кратко объяснить сіе случившееся на сихъ дняхъ несчастіе мое.

Въ началѣ 1781 году, когда уже началось слѣдствіе о Выборгской нашей водкѣ Французской, имѣли мы съ товарищами Михайловымъ, Ивановымъ и Кузнецовымъ сдѣлку, до оной водки касающуюся, и дали имъ (я, братъ мой и Позняковъ) каждый по векселю, суммою по 13.000 рублей. Послѣдовавшее за онымъ бѣдствіе равно касалось до всѣхъ моихъ товарищей; одно только великодушіе мое отъ онаго спасло изъ нихъ троихъ, а сіе и заставило Михайлова и Кузнецова обнадеживать меня награжденіемъ, а между прочимъ и выда-

чею помянутаго векселя безденежно. Но я, по окончаніи слѣдствія, уѣхалъ въ Москву, а вексель сей остался у нихъ, и я, занявшись сочиненіемъ книги моей, забылъ объ ономъ тѣмъ больше, что 8 лѣтъ цѣлыя совѣстились они безпокоить меня взысканіемъ по оному. Но нынѣ Михайловъ поручилъ оный вексель Иванову, а онъ выдалъ его одному офицеру, который и объявилъ мнѣ на сихъ дняхъ, что ежели я не заплачу по оному денегъ, то онъ употребитъ со мною всю строгость, какая предписана за неплатежъ по векселямъ. Я бы, почитая спокойствіе свое дороже всего, презрѣлъ неисполненіе ихъ своего обѣщанія и заплатилъ бы конечно деньги; но, сіятельнѣйшій графъ, помянутыя несчастія мои, а потомъ послѣдовавшая смерть брата моего, съ котораго оставалось мнѣ получить еще болѣе 25.000 рублей, но которые невозвратно пропали, довели меня до такого неимущества, что лишился бы я и самаго пропитанія, ежелибъ не имѣлъ я замужней дочери *), и слѣдовательно заплатить по тому векселю отнюдь не могу. Вотъ милостивый государь, тѣ бѣдственныя обстоятельства, которыя не только не дадутъ мнѣ времени окончить книги, но можетъ быть и самыя лишатъ жизни, поелику изнуренное мое здоровье, болѣзни и лѣта, перенести темничнаго заключенія уже не могутъ.

Я повергаюсь къ стопамъ вашимъ и, съ пролитіемъ горестныхъ слезъ, молю, въ семъ крайнемъ бѣдствіи моемъ, подать могущую вашу руку помощи. Г. Ивановъ не можетъ вашему сіятельству, конечно, отказать, по крайней мѣрѣ въ томъ, чтобъ не безпокоить меня до окончанія книги моей. Къ тому жъ имѣются мои векселя въ С.-Петербургскомъ Губернскомъ Правленіи на бо́льшую сей сумму, которыя я ему всѣ охотно уступлю. Достаточное состояніе, какъ его, такъ и всѣхъ помянутыхъ товарищей, ни малѣйшей разстановки не сдѣлаютъ ему: осмилѣтнее молчаніе ихъ сему между прочимъ служитъ доказательствомъ. Но, можетъ быть, онъ представитъ

---

*) Дочь Голикова была за Бланкенагелемъ, а внука отъ нея за извѣстнымъ В. Н. Каразинымъ. П. Б.

вашему сіятельству, что дочь моя богата; но все богатство ея состоитъ въ деревнѣ въ 200 душахъ, отъ которыхъ получаетъ она доходу менѣе полуторы тысячи рублей и изъ онаго еще платитъ она въ заемный банкъ по 500 рублей въ годъ. Вотъ ея состояніе. Чтожъ все доносимое мною справедливо, то могутъ всѣ знающіе насъ засвидѣтельствовать. Впрочемъ, ежели г. Ивановъ будетъ такъ жестокосердъ, что не преклонится на милость, то онъ тѣмъ ничего больше не выиграетъ, какъ развѣ только безвременно уморитъ меня.

Января 16-го 1790 году.

10.

Первый томъ новыхъ трудовъ моихъ, содержащій въ себѣ изъ предшествующаго Петру Великому времени исторію царя Бориса Θеодоровича, Ложнаго Димитрія и царя Василья Ивановича Шуйскаго, со всѣми подробностями и точностію, надѣюсь доставить къ вашему сіятельству чрезъ мѣсяцъ. Ободреніе вашего высокографскаго сіятельства мнѣ неизрѣченно лестно и нужно. Но, сіятельнѣйшій графъ, чувствительно мнѣ до крайности, что я, не имѣя никакого средства избавиться отъ гонящаго меня г. Иванова, причинилъ вамъ, милостивый государь, испрашиваніемъ помощи огорченіе, какъ то ваше сіятельство дали мнѣ оное почувствовать. А еще болѣзненнѣе, что лишаюсь я послѣднія надежды къ укрощенію сего гонителя моего. Между тѣмъ позвольте, великодушный помощникъ несчастныхъ, сказать, что не было никогда моихъ мыслей просить ваше сіятельство о посредствѣ между мною и Ивановымъ, а и того меньше войти въ обстоятельства дѣла (ибо сіе было бы съ моей стороны дерзновеніе, ничѣмъ извиниться не могущее), но я ласкался только надеждою, что ваше сіятельство подадите мнѣ возможность къ продолженію трудовъ моихъ, и что сіе стоить только будетъ одного вашего слова Иванову, дабы онъ далъ мнѣ время совершить книгу мою и, не входя ни въ какія объясненія, дадите ему

выразумѣть, что онъ, лиша меня свободы, а публику удовольствія, ничего же не получитъ: поелику я ничего у себя не имѣю.

Февраля 7 дня, 1790 году.

11.

Я покусился было, въ изъявленіе моей благодарности, украсить достопочтеннымъ вашимъ именемъ предисловіе мое къ 1-му тому Дѣяній; но сумнѣніе мое, угодно ли то будетъ вашему сіятельству, было причиною, что оное оставилъ, какъ то, милостивый государь, изъ того предисловія моего сами соизволите усмотрѣть; поелику же то совершенная истина, что безъ позволенія его сіятельства графа Александра Андреевича почерпать все нужное къ моему предмету изъ архива, доставленнаго мнѣ по милости вашего сіятельства, не могъ бы я ниже приступить къ издаемому мною дополненію: то почелъ бы я за счастіе украсить именами вашихъ сіятельствъ сіи новые труды мои, о чемъ и буду ожидать вашего на сіе соизволенія.

Ваше высокографское сіятельство изъ помянутаго предисловія моего соизволите усмотрѣть все содержаніе издаемыхъ мною книгъ, и я надѣюсь черезъ нѣсколько дней 1-й оныхъ томъ, отъ меня получить изволите; ибо оной уже напечатанъ, и теперь осталось только припечатать оглавленіе, которое также уже отослано. Между же тѣмъ, исполняя повелѣніе ваше, предварительно доношу: послѣ 3-хъ томовъ содержащихъ предшествующія времена Петру Великому, продолжаться будутъ Дѣянія сего монарха, за оными анекдоты и многія другія важныя піесы.

Мая 9, 1790 году.
Сельцо Онашкино.

12.

Принеся достодолжную благодарность за отеческое снисхожденіе ваше на нижайшую просьбу мою относительно до г. Соколовскаго, спѣшу донести: коль скоро узналъ я въ деревнѣ о прибытіи въ Москву сестрицы вашей ея сіятельства княгини Екатерины Романовны, пріѣхалъ для поднесенія книги моея и для засвидѣтельствованія благодарнѣйшихъ чувствъ моихъ ея сіятельству, или паче въ лицѣ ея вашему сіятельству; но, не заставъ ея въ Москвѣ, того жъ дня поскакалъ я въ Троицкое село ея. Не могу я, сіятельнѣйшій графъ, изъяснить милостей ея, съ коими благоволила она принять и угостить меня: время, которое препровелъ я у ея сіятельства, было самое пріятнѣйшее въ жизни моей. Я въ особѣ ея нашелъ другаго васъ, милостивый государь. Матернія ея разсужденія и наставленія, преподанныя мнѣ, восхитили благодарное сердце мое. Я благодарилъ Бога въ печаляхъ моихъ, толикое утѣшеніе мнѣ ниспославшаго, и поелику и сіе приписываю я вашимъ же ко мнѣ милостямъ, какъ то изъ словъ ея сіятельства и заключить могъ, того ради и приношу вашему сіятельству за сіе благодарность.

Іюля 17-го 1790 году.

13.

Первыхъ 12 томовъ трудовъ моихъ, поелику я оные безъ всякаго за труды и издержки мои возмездія отдалъ г. Новикову, то и не имѣю ихъ у себя; а какъ на оныя наложилъ онъ цѣну, и вмѣсто 12 менѣе нынѣ не продаетъ 18 рублей экземпляръ: то и писалъ я къ нему въ подмосковную деревню, гдѣ онъ пребываетъ, чтобъ уступилъ мнѣ оные по прежней цѣнѣ, и хотя не получилъ еще отвѣта, но кажется, что онъ не откажетъ мнѣ въ просьбѣ сей. Съ другой стороны, за отлучкою изъ дому вашего сіятельства управителя, оставшіеся отослали къ нему нераспечатанное повелѣніе ваше и

не смѣютъ безъ новаго повелѣнія на ихъ донесеніе и книгъ отъ меня принять. Чтóжъ касается, милостивый государь, до IV тома дополненія, то оной, надѣюсь, на сихъ дняхъ отослать въ типографію; стоитъ только оной мнѣ прочесть и немного поправить.

Октября 10-го 1790 году.

14.

IV томъ дополненія едва исправился я (и то при помощи займа) отдать въ типографію, которой уже и начатъ печататься. V-й почти совсѣмъ уже заготовленъ. Анекдоты же по плану моему слѣдовать будутъ за дополненіемъ.

P. S. Въ канцеляріи садовъ и домовъ есть нѣсколько писемъ Петра Великаго; но, колико я ни старался чрезъ знакомыхъ моихъ достать оныя, однакожъ ничего успѣть не могъ. Ежели возможно, милостивый государь, и въ семъ случаѣ подать мнѣ великодушное вспомоществованіе, то всенижайше прошу.

Ноября 11-го 1790 году.

15.

Чувствительно мнѣ до крайности, что ваше сіятельство не получили еще IV тома дополненія, которой отосланъ мною къ управителю вашему, съ прошеніемъ скорѣйше доставить къ вашему сіятельству, еще 21 числа Февраля; но надѣюсь, что оной, между тѣмъ уже получить изволили. Какая причина была медленнаго выхода онаго, соизволили видѣть изъ предисловія къ оному. Человѣку, неимѣющему достатку и не подкрѣпляемому ни отъ кого ни какою помощію, весьма трудно исправиться напечатаніемъ десяти томовъ, которые не менѣе станутъ 6.000 рубл. Пренумераціею же по сіе время не собрано ни полуторы тысячи. Но и кромѣ потребной къ напе-

чатанію суммы есть и другіе расходы. Ваше сіятельство, прочитывая томы мои, безъ сомнѣнія изволили замѣтить приводимыя мною мѣста изъ иностранныхъ писателей; слѣдовательно, не зная другихъ языковъ, долженъ я платить за переводы оныхъ, и по сіе время переплачено мною переводчикамъ болѣе 1.500 рублей. На приставниковъ архивныхъ я жаловаться не могу, но долженъ однакоже на пріисканіе матеріаловъ удѣлять немало времени и тѣмъ паче, что никто въ томъ мнѣ не помогаетъ, и за переписку пріискиваемаго мнѣ платить немалыя деньги. При всѣхъ сихъ издержкахъ и трудахъ моихъ, несказанно еще тревожатъ духъ мой бывшіе мои товарищи, въ разсужденіи поданнаго ими въ судъ векселя моего. Все сіи причины, милостивый государь, могутъ останавливать выходами въ свое время и слѣдующіе томы; но я осмѣливаюсь далѣе распространиться. На два первые тома Дѣяній вышло дополненія IV, V, VI и VII томы. Изъ сего, милостивый государь заключить изволите, что въ 10 томовъ, или паче въ 7 (ибо первые три не касаются до дѣлъ Петра Великаго) помѣстить всего собраннаго мною никакъ невозможно: ихъ по меньшей мѣрѣ выдетъ 15 томовъ, и истинно не знаю чтò дѣлать. Я чувствую, что если по счастію не сыщу какого пособія, то по малой пренумераціи не могу всѣхъ оныхъ издать. Особливо же жаль мнѣ анекдотовъ, которые не могутъ помѣститься въ сіи 10 томовъ. Чтожъ уже думать мнѣ останется о дальнѣйшемъ предпріятіи моемъ, т.-е. чтобъ по окончачіи дополненія составить одну книгу, которая бы по справедливости назваться могла полнымъ собраніемъ дѣлъ безсмертнаго монарха.

Ваше высокографское сіятельство, отеческою ко мнѣ милостію, открываете сердце мое, и потому осмѣливаюсь къ огорченіямъ моимъ присовокупить еще одно. Причина, побуждающая меня отречься, такъ сказать, отъ всякія утѣхи и посвятить всего себя къ изданію всѣхъ дѣлъ великаго государя, есть любовь къ отечеству; она единственно подкрѣпляетъ ослабѣвающія отъ лѣтъ и обстоятельствъ силы мои. Но когда воображаю я, что пѣсни Русскія и сказки многія напечатаны

на счетъ казны, въ пользу издателей; когда многіе стихотворцы, за одну оду изъ нѣсколькихъ строкъ состоящую, получили и получаютъ награды, и напротивъ того на мои труды и столькаго не обращено вниманія, чтобъ соравнить ихъ съ сказками: то признаюсь, милостивый государь, что прискорбіе сіе нерѣдко исторгаетъ перо изъ рукъ моихъ, и могу сказать, что изъ знаменитыхъ соотчичей моихъ имѣю одного только въ особѣ вашей покровителя. Вы одни, отеческою милостію ко мнѣ являемою, услаждаете сіи горести мои; вамъ приписываю я и то, что я еще на свободѣ: вы безъ сомнѣнія удержали стремленіе гонителей моихъ, бывшихъ товарищей. Словомъ, вамъ, милостивый государь, единственно обязанъ я всѣмъ.

Марта 10-го 1791 году.

Письма А. В. Храповицкаго къ графу А. Р. Воронцову.

1.

Сіятельный графъ, милостивый государь!

По высочайшему Ея Императорскаго Величества соизволенію честь имѣю препроводить къ вашему сіятельству полученную при реляціи графа Броуна книгу о купеческой бухгалтеріи, съ тѣмъ что ежели вы, милостивый государь, изволите ее признать полезною, то можно будетъ перевести на Россійскій языкъ.

Съ совершеннымъ почитаніемъ и пр.

Вѣрнопокорнѣйшій слуга Александръ Храповицкій.

29 Генваря 1786.

Приложеніе къ 1-му письму.

Всеавгустѣйшая Монархиня, Всемилостивѣйшая Государыня!

Представлена мнѣ книга подъ заглавіамъ: «Подробное наставленіе въ веденіи двойной или Итальянской бухгалтеріи». И какъ я изъ опытовъ чрезъ многія лѣта, препровождаемыя въ имперіи Вашего Императорскаго Величества, усмотрѣлъ, что въ здѣшнемъ пространномъ и великомъ государствѣ обрѣтается много торговыхъ людей и мало купцовъ, то есть, которые бы ко благу государства и къ собственной пользѣ своей торговлю производили, по той причинѣ, что частію въ надлежащихъ познаніяхъ, и главнѣйше въ прилежаніи и порядкѣ, недостатокъ оказывается: то я принимаю смѣлость всеподданнѣйше препроводить вышепомянутую книгу къ Вашему Императорскому Величеству, въ упованіи, что по пере-

водѣ означенныя книги Ваше Императорское Величество соизволите усмотрѣть пользу и выгоду, съ каковою спасительное твореніе сіе въ обширной имперіи вашей употреблено быть можетъ, и особливо въ уваженіи того наказанія, которому подвергается купецъ, изобличенный, что онъ по торгамъ своимъ велъ фальшивыя, неправильныя, двойныя книги, или (какъ нерѣдко случается) что вовсе никакихъ торговыхъ книгъ не держалъ. Я предвижу напередъ, что хотя наилучшія и вождѣленнѣйшія пособія почасту не соотвѣтствуютъ предполагаемому намѣренію, однакоже способъ сей вести съ порядкомъ таковыя книги не только покажется школьнымъ и педантическимъ для тѣхъ, кои охотно совращаются на мрачныя и скользкія стези, но также представится очамъ ихъ ужаснѣйшимъ камнемъ преткновенія; напротивъ чего, честные и вѣрные подданные Вашего Императорскаго Величества въ обширной и отдаленной имперіи вашей имѣютъ вмѣнять себѣ величайшимъ благодѣяніемъ, когда ниспошлется имъ таковой образецъ для заведенія торговыхъ книгъ своихъ.

Всеподданнѣйшій рабъ графъ Броунъ.

Изъ Риги.
Генваря 24 дня 1786 года.

2.

Переводъ извѣстной вашему сіятельству книги подъ заглавіемъ «Подробное наставленіе въ двойной или Италъянской бухгалтеріи» Ея Императорское Величество высочайше указать изволила препроводить для вашего просмотрѣнія и послѣ того напечатать; въ разсужденіи чего и прошу покорно ваше сіятельство возвратить мнѣ сей переводъ съ вашими поправками.

Апрѣля 24 дня
1786 года.

3.

Имѣю честь приложить здѣсь для свѣдѣнія вашего сіятельства дневную записку *) путешествія, донося, что все идеть хорошо и всѣ здоровы кромѣ Александра Андреевича **), которой простудилъ горло, однако дни въ два пройдетъ, по отдохновеніи въ Смоленскѣ, гдѣ теперь остановились дни на четыре, чтобъ дать покой придворнымъ и нашимъ служителямъ, не очень привычнымъ къ дорогѣ. До вчерашняго дня не имѣли ни откуда писемъ, но вдругъ пріѣхалъ отъ вице-канцлера курьеръ, и пришла внутренняя почта; сказываютъ, что вездѣ благополучно. Графъ Андрей Петровичъ съ Степаномъ Ѳедоровичемъ ***) собираютъ по городамъ рапорты отъ мѣстъ присутственныхъ, и сами туда ходятъ. Левъ Александровичъ ****) осматриваетъ мѣстоположенія городовъ и мѣста другаго рода, заводя знакомство съ Жидами обоего пола въ городахъ и мѣстечкахъ Бѣлорусскихъ. Сверхъ написаннаго въ журналѣ, жалованы вещами губернскіе предводители и другіе чиновники по одобреніямъ генераловъ-губернаторовъ. Вообще можно сказать, что всѣ веселы и спокойны, никто еще не скучаетъ, и дорога была хороша съ тою только разностію, что въ губерніи Псковской мало снѣгу, и во многихъ мѣстахъ видна земля, а напротивъ того въ Смоленскомъ намѣстничествѣ излишній снѣгъ сгребали на стороны. По приказанію вашего сіятельства посылаю я сіе письмо къ г-ну Пестелю.

14 Генваря 1787.

Приписка графа Безбородки:

Увидѣвъ письмо Александра Васильевича, воспользовался я дозволеніемъ его и мнѣ засвидѣтельствовать вашему сія-

*) Здѣсь лишь доведена до Смоленска. (Примѣчаніе Храповицкаго).

**) Безбородки.

***) Шуваловъ съ Стрекаловымъ.

****) Нарышкинъ.

/ XXIV

тельству мою искреннюю преданность. Я намѣренъ изъ перваго ночлега за Смоленскомъ дней на пять къ себѣ въ домъ отлучиться, а изъ Чернигова соберуся написать къ вамъ пространнѣе, хотя и нельзя надѣяться, чтобъ что либо новое до того времени случилось.

4.

Хотя неизвѣстенъ я, доходятъ ли вѣрно письма мои къ вашему сіятельству, но, продолжая донесенія мои, имѣю честь увѣдомить, что 7-го Марта поутру, по вступленіи Ея Императорскаго Величества въ кавалерскую комнату, допущенъ былъ на приватную аудіенцію племянникъ короля Польскаго князь Станиславъ Понятовскій, великій подскарбій Литовскій, а по выходѣ въ залу представлены и жалованы къ рукѣ князь де Бельмонте де Вентимиліе, Сициліанецъ и гранъ д'Эспань, господинъ Витвортъ, министръ двора Аглинскаго, въ Варшавѣ обрѣтающійся и прочіе иностранцы, недавно въ Кіевъ пріѣхавшіе. Ея Величество кушать изволила у князя Григорія Александровича, а въ вечеръ былъ куртагъ во дворцѣ. 8-го числа, въ день тезоименитства императора Римскаго, всемилостивѣйшая Государыня въ вечеру изволила быть въ домѣ графа Кобенцеля; мѣсто хозяйки занимала графиня Александра Васильевна Браницкая, и былъ ужинъ, во время коего Ея Величество, вставъ со стула, изволила начать здоровье имянинника, которое пили всѣ тутъ предстоящіе и, по окончаніи стола, хозяинъ приносилъ признательную благодарность.— Тогоже дня было рожденіе его сіятельства графа Александра Андреевича, и отъ Ея Величества пожалована ему табакерка съ вензелемъ и осыпою бриліантовою. По слуху приближенія короля Польскаго къ границамъ Россійскимъ, поѣхали вчера, для свиданія съ его величествомъ князь Григорій Александровичъ, принцъ де Нассо, графъ Стакельбергъ и графъ Браницкій. Завтра представлены будутъ Всемилостивѣйшей Государынѣ еще новопріѣзжіе: племянники Польскаго короля графъ Тишкевичъ, польный Литовскій гетманъ, и князь

Іосифъ Понятовскій, подполковникъ Австрійскій, графъ Моравскій, писарь войсковый, и Шевалье де ла Метъ, племянникъ фельдмаршала Брогліо.

10 Марта 1787.
(Кіевъ).

5.

...Ѣздили еще въ Коневъ къ его величеству королю Польскому: Левъ Александровичъ Нарышкинъ, Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, камергеры Валуевъ и Салтыковъ, камеръ-юнкеры графъ Головкинъ и Бибиковъ, и всѣ очень довольны ласковымъ пріемомъ королевскимъ, а Левъ Александровичъ получилъ табакерку съ портретомъ и бриліантами.

10-го Апрѣля поутру, вице-адмиралъ Пущинъ, вышедъ изъ Михайловскаго залива противъ Выдубецкаго монастыря со всѣми галерами и судами, для высочайшаго шествія назначенными, и проходя мимо крѣпости съ пушечною пальбою, остановился близь Подола.

11-го представлены были Всемилостивѣйшей Государынѣ пріѣхавшіе изъ Польши князь Любомирскій кастелланъ Кіевскій и князь Любомирскій староста Романовскій; послѣ обѣдни Ея Величество, прибывъ въ домъ Магистрата, изволила удостоить высочайшимъ своимъ присутствіемъ обѣденный столъ, отъ купечества и мѣщанства изготовленный.

12-го въ вечеру, при выходѣ Ея Величества въ большую залу, жалованы къ рукѣ жены и дочери купеческія и мѣщанскія; потомъ городской голова съ прочими собратіями своими приносили всеподданнѣйшую благодарность за всемилостивѣйшее во вчерашній день посѣщеніе и были допущены къ рукѣ.

Сей часъ обрадованъ я, получа почтеннѣйшее письмо вашего сіятельства изъ Саратова отъ 22 Марта, въ которомъ изволите давать знать, что дошли письма мои подъ номерами 3-мъ, 4-мъ и 5-мъ и вы, милостивый государь, благосклонно принимаете донесенія мои, истинною привязанностію къ особѣ

вашей сопровождаемыя. Душевно благодарю ваше сіятельство за покровительство и рекомендацію къ графу Александру Андреевичу и всеискренно желаю, дабы, наслаждаяся совершеннымъ здравіемъ, кончили благополучно осмотръ отдаленныхъ губерній. По хлопотамъ Саратовскимъ вы, думаю, изволили получить указъ, а на самомъ мѣстѣ должно ожидать много просьбъ. Теперь имѣю честь въ послѣдній разъ писать къ вашему сіятельству изъ Кіева; ибо 22 Апрѣля поутру сядемъ на суда и отправимся въ путь.

18 Апрѣля 1787.
(Кіевъ).

6.

Начавъ писать къ вашему сіятельству, получилъ я пріятнѣйшее письмо ваше отъ 29 Апрѣля, изъ Казани отправленное и, принеся благодарность въ полной мѣрѣ признательности моей къ одолженіямъ вашимъ, имѣю честь донести, что до 30 числа Апрѣля продолжалось плаваніе по Днѣпру до города Кременчуга, куда въ тотъ день прибыли по утру. По улицамъ стояло въ парадѣ 8 полковъ конныхъ, баталіонъ Екатеринославской гранодерской и четыре баталіона Бугскаго Егерскаго корпуса. 1-го Мая представлены были генералитетъ воинскій, чиновники намѣстничества, губернскій предводитель съ дворянствомъ, полковники и штабъ-офицеры всѣхъ полковъ въ лагерѣ находящихся, и во время обѣда игралъ оркестръ составленный изъ 186 пѣвцовъ и разныхъ музыкантовъ. 2-го Мая въ соборной церкви, въ присутствіи Ея Величества, посвященъ Нѣжинскій архимандритъ Дороѳей во епископы Ѳеодосійскіе и Маріупольскіе, а въ вечеру представлялись дамы и былъ балъ. Съ 3-го до 7-го Мая, ѣхали на галерахъ къ Кайдакамъ; но въ оный день по утру возвратился изъ Херсона графъ Михайла Петровичъ Румянцовъ съ извѣстіемъ, что графъ Фалькенштейнъ, по краткомъ отдохновеніи въ городѣ Херсонѣ, принялъ намѣреніе ѣхать на встрѣчу къ Ея Величеству и 6-го Мая въ Новые Кайдаки

прибылъ. Вслѣдствіе сего Всемилостивѣйшая Государыня изволила переѣхать на берегъ и, въ экипажахъ съ малою свитою отправясь въ путь, въ трехъ верстахъ была встрѣчена графомъ Фалькенштейномъ и съ нимъ въ одной каретѣ благоволила пріѣхать въ Кайдаки. 8 числа Мая туда же пришли всѣ галеры съ оставшею свитою. 9-го Мая Ея Величество съ графомъ Фалькенштейномъ и нѣкоторыми особами изъ свиты изволила быть въ осьми верстахъ отъ Кайдакъ на мѣстѣ назначенномъ для губернскаго города Екатеринослава; тутъ слушали литургію въ полковой церкви, и для основанія града заложена соборная церковь Спаса Преображенія. Потомъ продолжалось путешествіе, и 12-го Мая прибыли послѣ обѣда въ Херсонъ, гдѣ восемь пѣхотныхъ полковъ стояло въ парадѣ. 13-го числа допущенъ на приватную аудіенцію присланный отъ Неаполитанскаго короля маркизъ де-Галло для поздравленія съ благополучнымъ прибытіемъ къ полуденнымъ границамъ, и были представлены баронъ Губертъ, императорскій интернунцій при Портѣ Оттоманской, графъ Мошинскій секретарь великаго княжества Литовскаго и графъ Людольфъ, сынъ Неаполитанскаго министра въ Цареградѣ. 14-го Мая Всемилостивѣйшая Государыня и графъ Фалькенштейнъ изволили обѣдать въ 15 верстахъ отъ Херсона, въ слободѣ Бѣлозеркѣ, принадлежащей графу Александру Андреевичу. Мая 15-го спущены два военные корабля названные «Іосифъ Второй», «Владимиръ» и фрегатъ «Александръ». Во взаимство присылки въ Херсонъ маркиза де-Галло назначенъ въ Неаполь Василій Ивановичъ Левашовъ.

О извѣстной работѣ долженъ сказать вашему сіятельству, что оная непрестанно просматривается и по прибытии въ Петербургъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ можетъ быть кончена.

16-го Маія 1787.
Изъ Херсона.

7.

Прилагаю здѣсь для свѣдѣнія вашего сіятельства записку о пожалованныхъ въ Херсонѣ, предувѣдомляя, что высочайшее путешествіе продолжается благополучно: 17-го Маія выѣхали изъ Херсона, и въ тотъ же день отпущенъ графъ Иванъ Григорьевичь*) въ чужіе краи безсрочно съ полнымъ жалованьемъ; онъ ѣдетъ прямо въ Вѣну съ большою дочерью своею и, кромѣ продолжающейся болѣзни огорченъ несказанно смертью меньшей дочери, которая была любимою. 19-го числа переѣхали чрезъ Перекопъ и 20-го ночевали въ Бакчи-Сараѣ: 22-е и 23-е пробыли въ Севастополѣ, гдѣ Ея Величество и графъ Фалькенштейнъ изволили осматривать флотъ и пространную гавань; 24-го были въ прекрасной долинѣ Байдарской и обѣдали въ урочищѣ Скели, принадлежащей его свѣтлости князю Потемкину; ночевали и сегодняшній день препроводили въ Бакчи-Сараѣ, а завтра будетъ ночлегъ въ Карасу-Базарѣ.

Изъ Бакчи-Сарая.
25 Маія 1787.

8.

Ея Величество, совершивъ въ вождѣленномъ здравіи путешествіе по всей Тавридѣ, 1-го Іюня изволила проститься съ графомъ Фалькенштейномъ, въ свой путь отправившимся. Вчера прибыли въ Кременчугъ и завтра будетъ продолжать путь чрезъ Полтаву въ Москву по прежде сдѣланному и напечатанному росписанію станцій, надѣяся поспѣть въ Москву 23-го или 24-го Іюня. Тутъ не премину я самолично препоручить себя покровительству вашего сіятельства.

5-го Іюня 1787.
Кременчугъ.

---

*) Чернышовъ.

9.

Обрадованный почтеннѣйшимъ письмомъ вашего сіятельства изъ Саратова отъ 20 Маія и жаждущій увидѣть скорѣе васъ въ Москвѣ для обстоятельствъ ко мнѣ относящихся, имѣю честь донести, что 16 Іюня пріѣхали ночевать въ Орелъ, а 23 ночуемъ въ Москвѣ. Ихъ высочества великіе князья уже тамъ.

Губернія Саратовская и разборъ разныхъ жалобъ препоручены Василію Алексѣевичу Черткову, а Харьковская вошла въ управленіе князя Григорія Александровича, и велѣно Сенату, дабы заготовилъ къ высочайшему подписанію грамоту съ изъясненіемъ его трудовъ въ пріобрѣтеніи Тавриды, разныхъ заведеній по губерніямъ ему ввѣреннымъ, устроеніи войскъ и флота черноморскаго, съ прибавленіемъ ему именованія *Таврическаго*. Архіепископу Екатеринославскому и Херсониса Таврическаго повелѣно носить крестъ на черномъ клобукѣ.

Всемилостивѣйше пожалованы: въ Преображенскій полкъ въ подполковники князь Юрій Владимировичъ Долгоруковъ, а въ преміеръ-маіоры Александръ Матвѣевичъ Дмитріевъ-Мамоновъ; кавалерами Св. Владимира второй степени генералы-поручики Чорба и Норовъ, Харьковскій губернаторъ.

Вотъ важнѣйшія происшествія, а о прочихъ осмѣливаюсь сослаться на журналъ въ газетахъ напечатанный, ибо скорое отправленіе курьера не дозволяетъ больше писать.

16 Іюня 1787.
Орелъ.

10.

Изъ Саратовскаго письма вашего сіятельства отъ 2 Іюня видя продолженіе покровительствующаго мнѣ благопріятства вашего, поспѣшаю принять наипризнательнѣйшее изъявленіе благодарности мною чувствуемой, и надѣюсь, что по случаю препорученія Саратовской губерніи съ разборомъ тамош-

нихъ замѣшательствъ Василію Алексѣевичу Черткову, вы изволите скоро пріѣхать въ Москву, гдѣ дворъ пробудетъ не далѣе 4 или 5 числа Іюля. О семъ самомъ думаю я, что пишетъ къ вамъ сегодня его сіятельство графъ Александръ Андреевичъ.

Завтра выѣзжаемъ изъ Тулы, чтобы съ 23-го на 24-е Іюня ночевать въ Коломенскомъ; малое время проводили въ Курскѣ и въ Орлѣ и кромѣ тамошнихъ губернаторовъ, коимъ пожалованъ орденъ Святаго Князя Владимира второй степени, даны кресты нижнихъ степеней прочимъ рекомендованнымъ, и ихъ имена напечатаны уже въ Московскихъ газетахъ.

Изъ Тулы.
21 Іюня 1787.

11.

Пріѣхавъ 24 Іюня на вечеръ въ Коломенское, пробыли тутъ до 27 числа; съ того же дня по 1 Іюля жили въ Москвѣ въ бывшемъ домѣ графа Захара Григорьевича на Тверской и, переѣхавъ въ Петровское, завтра поутру отправимся въ путь. Во время извѣстныхъ праздниковъ Ея Императорское Величество благоволила издать манифестъ съ разными облегченіями и милостями къ подданнымъ. Производженія по статской службѣ не было, но пожалованъ въ митрополиты архіепископъ Платонъ, и сыну графа Алексѣя Григорьевича Орлова-Чесменскаго данъ чинъ гвардіи капитана съ повелѣніемъ счислять его въ Преображенскомъ полку сверхъ комплекта до совершеннаго возраста.

12.

Ея Императорское Величество, разсмотрѣвъ обстоятельства, по коимъ взыскана въ Архангелогородской таможнѣ не та пошлина съ Гишпанскихъ винъ купца Баллестера, какую положено брать съ тѣхъ винъ привозимыхъ на корабляхъ Гишпанскихъ или Россійскихъ, всемилостивѣйше повелѣть из-

волила, чтобъ, согласно съ мнѣніемъ вашего сіятельства, уступочныя деньги, двѣ тысячи шестьсотъ семьдесятъ восемь рублей шестьдесятъ двѣ копѣйки съ половиною да ефимочнаго серебра три пуда тридцать три фунта шесть золотниковъ съ четвертью, не выдавая обратно изъ казны, зачесть въ пошлину при Архангелогородской таможнѣ во время будущей навигаціи, когда отъ Баллестера вышлются вновь его товары или Россійскіе продукты тамъ куплены будутъ.

Марта 6 дня.
1792 года.

Письмо графа П. А. Зубова къ графу С. Р. Воронцову

(о С. И. Великомъ).

Милостивый государь мой графъ Семенъ Романовичъ!

По особливому Ея Императорскаго Величества соизволенію, отправляющійся вмѣстѣ съ прочими морскими офицерами, флота капитанъ-лейтенантъ Семенъ Великой вручитъ вамъ сіе письмо мое, коимъ, во исполненіе воли Всемилостивѣйшей Государыни, препоручить его честь имѣю въ особливое ваше благопризрѣніе и попеченіе. Онъ отъ семи лѣтъ, бывъ сиротою и въ бѣдности, взятъ и воспитанъ былъ въ комнатѣ у Государыни, обучаясь сперва въ училищѣ Измайловскаго полку, потомъ и въ Кадетскомъ Морскомъ Корпусѣ, откуда и поступилъ во флотъ; всю Шведскую войну служилъ съ похвалою, былъ рекомендованъ и повышенъ не въ очередь. Начальникъ и наставникъ его, покойникъ Тревененъ, любилъ его безмѣрно и считалъ, что изъ него сдѣлаетъ отличнаго офицера. Онъ былъ при немъ всю войну; наконецъ имѣлъ несчастіе потерять его при отшествіи Шведскаго флота изъ Выборгскаго залива, гдѣ на одномъ съ нимъ кораблѣ Тревененъ убитъ былъ, а капитанъ Гейкинъ потерялъ ногу. Сей молодой человѣкъ, преисполненный ревности и наилучшей воли, спѣшитъ воспользоваться симъ случаемъ, дабы пріобрѣсти болѣе и опытности, и знанія и дабы тѣмъ содѣлаться еще полезнѣе для своего Отечества. Я надѣюсь, что вы будетѣ къ нему благосклонны и постараетесь доставить ему скорый случай быть употреблену по желанію его и тѣмъ

еще болѣе заслужить и содѣлаться достойнымъ монаршихъ милостей.

Во все время его пребыванія въ Англіи, по примѣру и прочихъ, на содержаніе его Государыня всемилостивѣйше жалуетъ ему по сту восьмидесяти фунтовъ стерлинговъ, съ тѣмъ чтобы присылались векселя на имя Степана Ѳедоровича Стрекалова, кои немедленно и выплачивать будутъ. Чинъ его, надѣюсь, не сдѣлаетъ никакого затрудненія, поелику намѣренія его суть служить наравнѣ съ лейтенантами и старшинствомъ никакъ не считаться *).

Съ почтеніемъ навсегда пребывать честь имѣю вашего сіятельства покорный слуга графъ Платонъ Зубовъ.

17-го Октября.
(безъ года)

---

*) О Семенѣ Ивановичѣ Великомъ см. въ Запискахъ Греча въ Р. Архивѣ 1871 и 1873 гг.

Письмо П. И. Измайлова къ графу С. Р. Воронцову *).

(1797).

Милостивый государь мой графъ Семенъ Романовичъ!

Съ отмѣннымъ сочувствіемъ сердца моего я читалъ ваше письмо къ Ѳедору Васильевичу Растопчину, въ которомъ изволите упоминать обо мнѣ и прежнюю нашу службу при его величествѣ, родителѣ нынѣ царствующаго Государя. Я никогда, ваше сіятельство, не сомнѣвался въ вашемъ ко мнѣ дружескомъ расположеніи и до нынѣ столь въ ономъ увѣренъ, что оное, какъ съ вашей, такъ и съ моей стороны нарушено не будетъ. Вы уже меня считали въ мертвыхъ, по такому долгому нашему разлученію. Нѣтъ, мой истинный пріятель, я воскресъ, и хочу вамъ всѣ обстоятельства моей жизни описать, зная, что оное примете съ пріятностію.

По разлученіи вашемъ послѣдняго разу изъ Москвы, гдѣ вамъ было угодно, чтобъ я въ лагерѣ видѣлъ вашъ гренадерскій полкъ, который вами былъ приведенъ въ Москву въ совершенномъ обрядѣ военнаго искуснаго полковника, потомъ я и проживалъ въ Москвѣ 35 лѣтъ спокоенъ въ своемъ хозяйствѣ съ дѣтьми; но какъ нынѣ Богу угодно было вступить на прародительскій престолъ Его Величеству Императору Павлу Петровичу и, сверхъ чаянія моего неожиданнаго, я получилъ прошедшаго году Ноября отъ 19-го числа отъ Его Величества письмо со вложеніемъ ордена Святыя Анны, въ которомъ изволилъ упомянуть о моей прежней службѣ и

---

*) Петръ Ивановичъ Измайловъ, женатый на сестрѣ извѣстнаго С. В. Салтыкова, былъ капитаномъ Преображенскаго полка во время воцаренія Екатерины II-й. *П. Б.*

привязанности къ его родителю: то я, нимало мѣшкавъ, отправился въ Петербургъ, куда благополучно въ старости лѣтъ моихъ и пріѣхалъ, и на другой день на вахтъ-парадѣ былъ Его Величеству представленъ и столь милостиво былъ принятъ, что нѣтъ словъ вамъ оное описать. Изволилъ сказать мнѣ: «Здѣсь тебѣ, Петръ Ивановичъ, холодно; поди вверхъ и у меня всегда будь и кушай». Когда Государь пришелъ вверхъ, милостиво и много со мною изволилъ говорить, и послѣ обѣда, подошедъ ко мнѣ, изволилъ сказать: «Наклонись!» и надѣлъ на меня Александровскую ленту, сказавъ: «эта у тебя была дорожная, а эта городская». И послѣ изволилъ брать меня къ себѣ одинъ на одинъ и о многомъ бывшемъ времени меня распрашивалъ, гдѣ я всеконечно, по дружбѣ вашей ко мнѣ, не упустилъ случая вамъ всю справедливость достойную Его Величеству доложить, въ чемъ вы всеконечно усумниться не можете. И такъ я до днесь ношу милость Его Величества.

Я въ началѣ доложилъ Его Величеству: «Государь, вы меня воскресили; но я уже не въ состояніи всѣ оныя милости вамъ заслужить!»

— Ты, Петръ Ивановичъ, тому заслужилъ, кто мнѣ всего дороже.»

И какъ коронація назначена 5-го Апрѣля, то я возвращусь въ Москву. Къ сожалѣнію моему сердечному, что уже старикъ 72 лѣтъ, службы никакой принять не могу и достойному Государю услугу мою доказать.

Тапереча достальное положеніе дому моего хочу вашему сіятельству сообщить. Я имѣю двухъ дочерей: одна за княземъ Мещерскимъ, котораго надѣюсь вы въ Лондонѣ знали; другой графъ Головкинъ, которой былъ посломъ въ Неаполѣ*). У обѣихъ только одна дочь. Вотъ все вашему сіятельству сообщилъ, а въ прочемъ пребуду вамъ съ истиннымъ и дружественнымъ моимъ почтеніемъ, какъ и есмь, на всегда вашего сіятельства, милостиваго моего государя покорный слуга

Петръ Измайловъ.

---

*) Графъ Ѳедоръ Гавриловичъ.

Письмо Андрея Васильевича Гудовича.

Moscou, le 8 Mai 1797.

La lettre dont vous m'avez honoré du 10-me de Février m'a causé tant de joie et de plaisir, que je ne trouve pas les paroles pour vous en exprimer ma reconnaissance et les remercîments. Vous ne saurez croire, mon cher et adorable ami, quelle impression a faite sur un coeur sensible comme le mien, votre souvenir de votre ancien ami, par la raison qu'il y a un siècle que je ne sais rien de votre état et de votre santé. J'ai eu bien la raison de douter de votre chère amitié pour moi. Je vous félicite, mon cher ami, de toutes les grâces et justices que Sa Majesté notre Empereur vous a rendues; j'étais présent quand on les a prononcées du trône. Vous pouvez vous imaginer ce que j'ai senti dans ce moment.

A la fin, il faut que je vous parle, mon cher ami, de mon sort, et je vous prie d'y ajouter foi. On m'a honoré d'une lettre qui fera à jamais honneur à ma postérité, et on m'a envoyé le cordon de St. Alexandre avec la charge de général en chef en m'ordonnant de venir à Pétersbourg recevoir les dettes de son auguste père, notre cher et adorable de glorieuse mémoire le feu empereur, notre père et bienfaiteur Pierre Trois. A mon arrivée à Pétersbourg on m'a reçu on ne peut pas mieux. Mais tout de suite on m'a battu le froid comme a un homme exécrable, et je le dois aux gens envieux, qu'ils ont trouvé les moyens de me noircir dans les pensées du Maître, et comme je suis tout-à-fait innocent, je pars à

présent chez moi avec parfaite tranquillité d'âme, d'autant plus que j'ai beaucoup souffert pour le père et à présent je souffre innocemment de son fils. Je n'attribue cela qu'à la fatalité, à laquelle je crois, comme les anciens philosophes stoïciens ont cru.

Je vous souhaite, mon cher ami, avec vos chers enfants toute la prospérité imaginable et je vous prie de les embrasser de ma part, et de croire que je suis et serai toute ma vie votre très-humble et dévoué ami A. Houdowicz.

Письма графа Ѳ. В. Ростопчина къ графу С. Р. Воронцову *).

1.

Du 27 Juillet (1793).

A mon retour de Sarsko-Sélo, ayant trouvé que le courrier de m-r Witworth n'était pas parti encore, je vous écris encore. Nos affaires en Pologne sont terminées aussitôt que m-r de Sievers a adopté la méthode de Saldern et du prince Repnine. Cette nouvelle est arrivée le 23, et l'après-dîner l'Impératrice a décoré le comte Zoubow du cordon bleu et de son portrait. M-r de Marcow a eu l'ordre de St. Alexandre, et Sievers celui de St. André. Vous pensez bien comme cela a mis la cour en mouvement. Cependant m-r de Zoubow s'est comporté avec la plus grande modestie, et a reçu les compliments en homme qui avait mérité la récompense. On dit et on assure que c'est la tête la mieux organisée pour les affaires. Cela me paraît d'autant plus surprenant que le jeune homme avant sa faveur passait sa vie à lire des ouvrages dramatiques, et à moins que Molière ou Marivaux ne l'ait formé pour le gouvernement, je n'y conçois rien. Le comte de Bezborodko est attendu pour le **) d'Août. Je viens d'apprendre une circonstance assez particulière, et qui est ignorée, c'est qu'avant son départ pour Moscou, il

---

*) Вновь найденныя письма эти служатъ дополненіемъ къ VIII-й книгѣ Архива Князя Воронцова. П. Б.

**) Число въ подлинникѣ не выставлено. *П. Б.*

s'est plaint à l'Impératrice du traitement qu'elle lui faisait éprouver et de son éloignement des affaires, en disant que lui et le vice-chancelier n'étaient instruits que par la gazette de ce qui se passait en Europe, et qu'il la priait, si ses services ne lui étaient plus agréables et qu'elle pouvait en trouver un autre, de lui permettre de se retirer. Il y avait dans cette lettre des choses très-fortes et vraies. Elle s'enferma dans son cabinet et lui écrivit une réponse avec des reproches à sa manière: comment il pouvait croire qu'elle se passerait de lui, qu'elle le garderait tant qu'elle viverait, qu'il l'accusait à tort etc. etc. etc. Zoubow n'a aucune connaissance de cette lettre jusqu'à présent. Il faudra voir au retour du comte Bezborodko, si elle fera un effet conforme à ses désirs; mais je crois que, sans lui nuire ouvertement, ses antagonistes l'éloigneront le plus qu'il sera possible. D'ailleurs, les affaires les plus importantes sont entre leurs mains: le partage de la Pologne, la guerre de France. Le comte Bezborodko n'avait en dernier lieu que l'expédition de l'ambassade de Constantinople.

La cour doit partir aujourd'hui pour Péterhof, où elle restera deux ou trois jours. Ce voyage se fait uniquement pour faire voir l'endroit à la grande-duchesse Elisabeth. Sa soeur la princesse Frédérique va partir incessamment, accompagnée de m-r Strékalow. Je suis même fâché qu'on l'ait gardée si longtems; c'est un songe dont le souvenir pourra influer sur le reste de ses jours. La jeune grande-duchesse a une conduite étonnante pour une personne de son âge; elle annonce du caractère. Elle est cependant un peu timide avec l'Impératrice. Le jeune grand-duc en est amoureux fou et joue le rôle d'un amant craintif. Le père fait des choses extraordinaires: il se perd et invente des moyens pour se faire détester. Il a fait dire au prince Bariatinsky, maréchal de la cour, qu'il devait se rappeller ce qu'il était, et comment il osait parler mal de ses enfants; il fit dire la même chose aux femmes de chambre de l'Impératrice, il menaça de coups de bâton le jardinier Bouch de Sàrsko-Sélo pour avoir envoyé

des fruits à la grande-duchesse. La comtesse Shouvalow, étant venue un peu tard aux baisemains, il lui fit dire qu'elle pouvait bien se gêner pour lui, puisque elle faisait tout ce que le prince Potemkine voulait qu'elle fît. Il m'en veut absolument, m'accable de caresses, d'attentions, me dit que je puis être avec lui comme je veux, et cela me gêne infiniment: car il n'y a rien que je craigne autant dans le monde, après le déshonneur, que sa faveur. Malgré tout ce que je fais pour m'éloigner de lui, il m'a fait venir l'autre jour dans son petit jardin et là, après m'avoir parlé de l'opinion qu'il a de moi, et de l'envie de m'honorer de son intimité, il me demanda: comment je voulais qu'il me traitât? Je lui répondis que j'ai toujours ambitionné à donner par ma conduite une bonne idée de moi à son altesse impériale et puisque j'y étais parvenu, que je tâcherais de la conserver et que je n'avais plus rien à désirer.—Ce Narichkine est un homme comme il n'en trouvera jamais: outre les peines qu'il se donne, il fait tout cela pour complaire au grand-duc. Dernièrement il lui a arrangé une fête superbe pour la fête de la grande-duchesse. Cette femme mériterait des autels; c'est la vertu même.

Je n'ai aucune réponse au sujet de moi, mais depuis il m'est arrivé une chose surprenante et qui me fâche beaucoup; j'y trouve même quelque chose de très-humiliant. J'ai joué entre amis cet hiver des proverbes, et on dit que j'avais réussi. On a voulu un soir à Sarsko-Sélo improviser quelque chose pour amuser l'Impératrice. Cela n'allait pas; je me mis de côté, et je refusai de jouer à m-r de Zoubow, mais l'Impératrice m'ayant appelé, me pria avec bonté de lui faire voir quelques personnages. Il n'y avait plus moyen de se dédire; je jouai, cela lui plut, elle me pria de rejouer. Après je composai un proverbe, qui eut un grand succès. Elle parla beaucoup de moi, me parle toujours, et voilà une espèce de considération, à laquelle je suis parvenu par le métier de comédien. Je jette moi-même du blâme sur cela, et je crains que vous ne désapprouviez ce que je fais. Je vous

supplie de me dire ce que vous en pensez. Кочубей est encore à Vienne; il a encore sa goutte; il m'a écrit dernièrement. Adieu, monsieur le comte! Je crains que vous ne trouviez dans ma conduite quelque chose qui vous déplaise; je m'occupe continuellement à me rendre digne de votre confiance. Je vous dis tout, et vous êtes tout pour moi.

2.

Du 2 (13) Septembre (1793) St.-Pétersbourg.

J'arrive dans ce moment de la cour, et je n'ai que le tems de vous écrire ces mots, étant obligé de partir pour Pawlovsk où le grand-duc retourne. On a donné une branche d'olivier en diamants et des terres au comte Bezborodko. Samoïlow a eu une épée et le grade de conseiller privé actuel; il sera aussi comte, de même que m-r Zavadovsky, très-affligé de la mort de son fils unique. Passek, le comte Osterman de Moscou, Izmaïlow, le grand-veneur Galitzine, Goudovitch—des cordons bleus; le prince Bariatinsky, Nesvitsky, Tschertkow, Oboukhow—des cordons de St.-Alexandre, de même que le comte Valérien Zoubow. L'aîné a eu 15.000 paysans; Marcow l'aîné 3.000, le cadet 1.200; le prince Repnine—un crochet en diamans et 60.000 roubles. Le maréchal Roumianzow une épée, Souvorow un remercîment de Sénat et une croix de St. George de la 3-me et une de Vladimir à sa disposition. En tout 111 croix de Vladimir des 4 classes, dont 37 de la seconde. Je devais avoir de la 3-me, mais quelques gueux ont empêché, et je m'en console, fâché seulement que le comte Bezborodko n'a pas été assez ménagé dans les récompenses données d'après ses recommandations. Les Saltikow, Дарья Петровна, et Наталья Владимировна — dames à portraits. La petite Branitska, la fille de la Pototska, et celle du prince George Dolgorouky—demoiselles d'honneur. Le père a eu le grand cordon de St.-Volodimir.

Voilà tout ce que j'ai le tems de vous dire, et de vous assurer que votre estime vaut mieux que tous les cordons.

3.

Du 13 (24) Octobre, St.-Pétersbourg (1793).

Je vous écris à la hâte avec Montmart dont j'apprends le départ dans le moment. Rien de nouveau, sinon que l'ambassadeur turc a eu son audience aujourd'hui. Les présents de la Porte sont mesquins. Veuille Dieu que la paix dure. Au lieu des recrues on va prendre 400 r. par 500 âmes qui paient la capitation, ce qui fera à 80 cop. par tête: c'est un impôt de 7.680.000 r. M-r Zinoview part la semaine prochaine pour l'Espagne; il a eu 2.000 écus d'augmentation et de l'argent pour le voyage. C'est un excellent homme, qui a conservé la vivacité de la jeunesse, et est particulièrement attaché à m-r votre frère. Prenez part à mon bonheur: m-lle Protassow consent à me donner sa nièce; j'ai le consentement de l'Impératrice. Cette personne mérite que vous lui accordiez une partie des bontés que vous avez pour moi. Elle vous regarde comme bienfaiteur de l'homme qu'elle a tourmenté pendant 18 mois, sans lui faire voir qu'elle l'aimait. Adieu, m-r le comte; que tous vos jours soient aussi heureux que celui d'hier a été pour moi: c'est le voeu que je fais.

4.

Du 9 (20) Mars (1794). S.-Pétersbourg.

...Il me semble que la guerre est inévitable pour la Russie, puisque l'Impératrice la veut, malgré les réponses modérées et pacifiques de la Porte. Elle persiste dans l'intention de parvenir à son but et de remplir les gazettes du bombardement de Constantinople. Elle dit, à sa table, qu'elle perdra un jour patience et fera voir aux Turcs qu'il est aussi aisé d'aller à leur capitale que de faire le voyage de la Crimée. Elle accuse même quelquefois le prince Potemkine de n'avoir pas exécuté son projet et d'avoir manqué de bonne volonté,

car il ne fallait que cela. Voilà ses expressions. D'un autre côté, elle désire encore assurer la Valachie et la Moldavie au grand-duc Constantin et le faire régner là. Mais ce qui rend la guerre encore plus probable, c'est le désir qu'a le comte Zoubow de commander l'armée et d'avoir un prétexte de devenir maréchal, grand' homme de guerre, etc. Il compte probablement sur m-r Marcow pour oser entreprendre une tâche qui lui fera faire une absence, véritable casse-cou pour les gens en faveur... Il paraît qu'il a en vue de suivre la méthode du prince Potemkine.

Il n'y a plus de numéraire: le rouble en argent blanc vaut 150 cop. en papier. M-r de Samoïlow, soufflé je ne sais par qui, avait proposé de faire battre une nouvelle monnaie réduite à sa valeur d'à présent. Ce projet a été sur le point d'être adopté, par les avantages qu'on y trouvait en empêchant l'exportation hors du pays; mais ils ne faisaient pas attention que le papier ne diminuerait pas de prix, et qu'on ne le pourrait jamais faire aller de pair avec la nouvelle monnaie dont la prétendue valeur ne serait qu'une attrape.

On fait de grands rassemblemens du côté des frontières. Les généraux et les officiers ont reçu les ordres les plus sévères pour aller rejoindre leurs corps; malgré cela tout le monde reste: tant l'habitude de désobéir est devenue naturelle. La flotte de la Mer Noire est très-formidable. Elle est commandée par un brave et galant homme, m-r Mordvinow; la flotille par m-r Ribas, aussi gueux que l'autre est honnête. Ils sont tous les deux parfaitement bien avec m-r de Zoubow. Le c-te Solticow va remplacer en Pologne le p-ce George Dolgorouky, qui, après avoir eu le cordon de St. Volodimir, le chiffre pour sa fille, qui par ce moyen a été reconnue, et avoir vu qu'il n'y a plus moyen, pour quelqu'un qui aime l'ordre, de rester au service, se retire à Moscou pour cause de maladie.

D'après tout ce que j'ai entendu dire à des gens dignes de foi, la partie de la Pologne qui nous est échue en partage est devenue un repaire de voleurs. Les soldats, n'ayant pas

touché les appointemens depuis 8 mois et manquant de tout, n'obéissent à personne et volent sans craindre la punition.

Vous avez désiré de savoir qui sera à la place du c-te Scavronsky; je crois que vous êtes déjà instruit de la nomination des nouveaux ministres. Le c-te Panine, jeune homme d'un grand mérite et d'une conduite extraordinaire pour son âge (car il n'a que 24 ans) devait aller à Naples; l'oukase était déjà signé, mais Nesselrode ayant demandé son congé, on fit une nouvelle répartition. Kolytchew, de la Haye, est allé à Berlin; Panine a été nommé à sa place; le c-te Stackelberg a été nommé pour aller à Turin, et le pauvre Béloselsky perdit sa place sans s'en douter le moins et au moment où il voulait y retourner. Ce c-te Stackelberg est fait pour la carrière qu'il a choisie; il a beaucoup d'esprit, de pénétration, insinuant, poli avec tout le monde, un peu même jésuite; il paraît relever par sa conduite les ridicules de monsieur son père, qui se croit être un séducteur à 25 ans, aimable, assommant, ambitieux et rampant, justifiant ses démarches par le désir de contribuer et d'assurer le sort de ses enfans; amoureux de la cour, où il est à charge, surtout depuis un accès d'épilepsie qu'il a eue et qu'il qualifie de faiblesse. Golovkine va à Naples. On aurait pu être content de se débarrasser d'un gueux, s'il n'en restait des douzaines pour lui succéder. Cet homme a toutes les qualités nécessaires pour figurer à la cour et tromper le public. Je suis sûr qu'il aurait également brillé à la cour de Louis XV et parmi les jacobins. Je suis bien fâché de la mort de m-r de Zinoview. C'etait un si bon vieillard! Son départ retardé et tout ce qu'il voyait ont précipité sa fin. On en avait fait une espèce de plastron pendant le séjour de Sarsko-Sélo; son enthousiasme pour l'Espagne et sa vivacité donnaient lieu à des plaisanteries, qui n'ont pas de bornes à la cour. On lui avait accordé une pension de 2000 r. en augmentation de ses appointemens, et il était très-content. Je ne sais pourquoi, mais il avait beaucoup d'amitié pour moi, et quand il me parlait de son départ, il ne manquait jamais d'ajouter que son coeur

saignait en songeant à tout ce qu'il avait vu ici. Sa place n'est encore donnée à personne; on croit que m-r Krudener l'aura et qu'il sera remplacé à Copenhague par m-r le baron Stackelberg, que l'on vient de faire gentilhomme de la chambre, qu'on dit avoir beaucoup de mérite, et qui a été longtems employé dans les missions étrangères.

Le crédit de m-r Marcow va toujours en augmentant. Il est l'âme des affaires; c'est lui qui projette et fait tout. Le favori passe pour un grand travailleur dans le monde, car en refusant sa porte, on dit qu'il écrit et doit être ces jours prince du S-t Empire, et m-r Marcow—comte. Je trouve que ce dernier fait très-bien de rappeler de tems en tems qu'il lui faut encore quelque chose, et c'est toujours avec le c-te Zoubow qu'ils récompensent et qu'ils partagent les faveurs de la cour. Le c-te Bezborodko est allé encore à Moscou; la maison qu'il y fait bâtir est le prétexte de ses courses. Il n'a absolument rien à faire et en parle lui-même, les affaires étrangères étant entre les mains de m-r Marcow, et celles de l'intérieur entre les mains de m-r Трощинской, secrétaire de l'Impératrice et grand travailleur.

Il paraît que les affaires de France ont déjà ennuyé l'Impératrice; car on ne parle plus des événemens de ce pays et on ne s'en occupe que par bienséance. Il nous arrive cependant beaucoup de Français: hommes, femmes, enfans, tout passe à la douane. Je trouve que la révolution a fait un grand tort aux souverains et aux mille et une nuits, contes arabes: car c'est incroyable à quel point les esprits sont dépravés et montés partout. Les histoires des émigrés surpassent les contes de fées. M-r d'Esterhazy paraît être un peu hors de mode; Marcow le connaît trop bien pour ne pas faire revenir sur son compte m-r Zoubow. Il ne vous âime pas; il trouve que vous avez montré trop peu d'intérêt au sort malheureux des princes et nobles, errant en Juifs. Mais sa haine pour vous n'a donné lieu qu'à des exclamations de sa part; et, accoutumé de voir les choses justes, vous vous êtes trop accoutumé à dire la vérité pour la taire dans une circon-

stance où une fausse compassion et l'envie de faire violence aux opinions a entraîné généralement tout le monde, et a fait employer des moyens qui ont réuni toute une nation pour la défense commune. On croit que tout cela finira plus tôt qu'on ne le croit, et le roi de Prusse paraît être le premier à donner l'exemple pour ramener la paix. On est très-content du c-te Serge en Suède, et le régent a déjà écrit plusieurs fois pour remercier du choix que l'on avait fait. Cela me fait un grand plaisir, car je craignais qu'il ne recommençât ses farces de Berlin.

La cour n'ira que tard à Sarsko-Sélo: l'Impératrice se trouve si bien au nouveau palais de la Tauride qu'elle y restera tout le mois de Mai. Le principal agrément est d'être de plein-pied dans le jardin et de ne voir que peu de monde. Le grand-duc est à Гачина depuis une semaine. Dans ma première lettre je vous donnerai des détails sur sa cour et sur celle de ses enfans. Le grand-duc Alexandre est rempli d'admiration pour vous et me charge de vous remercier pour l'opinion que vous avez de lui.

Je suis heureux et trop amoureux de ma femme pour vous en parler. Elle est assez grande, bien faite, se tient assez bien; elle a de beaux yeux. Voilà ce que je peux vous dire; le reste paraîtrait venir d'un amant, et j'attendrai encore quelques mois pour vous en parler. Je vis avec quelques personnes que j'ai eu l'occasion de connaître avant, et comme ma femme pense comme moi et qu'elle a été trop longtems à la cour pour ne pas être dégoûtée de la grande société, nous n'y sommes qu'autant qu'il faut pour ne pas passer pour singuliers.

5.

Du 11 Février 1797. St.-Pétersbourg.

J'ai reçu trois lettres de vous; la dernière a été remise par Rogerson, qui m'a dit l'avoir eue par un négociant anglais. Je ne vous ai pas écrit jusqu'à présent, non pas faute de tems

(car je ne crois pas qu'il soit impossible d'en trouver pour remplir un devoir sacré), mais je vous ai dit et je vous répète encore que je n'aime pas à vous écrire par la poste. Voici une assez bonne occasion, et je vous recommande le porteur qui est frère d'une très-bonne personne. Elle m'a prié de le recommander à vos bontés; son âge, l'envie qu'il témoigne de s'instruire, et surtout sa bonne conduite vous intéresseront en sa faveur. Vous m'avez parlé d'échantillons de drap pour l'uniforme que vous devez porter; j'ai préféré de vous envoyer un vieux des miens, pour que vous n'ayez d'autre peine que celle de le faire voir au tailleur. La seule différence à observer, c'est que le collet doit être de drap rouge au lieu d'être de velours; c'est ce qui distingue l'uniforme général de l'armée d'avec celui des gardes Préobragensky que l'Empereur porte et que nous portons aussi: la veste et la culotte blanche avec des boutons dorés, comme ceux de l'uniforme; le chapeau de général avec le galon dont je vous envoie l'échantillon; une cocarde comme celle qui est jointe, et un plumet blanc; la boutonnière en or, la dragonnade est aussi dans le paquet.

Je vais répondre à présent à quelques questions de votre lettre. M-r Волковъ, dont le sort vous intéresse si fort, est mort depuis nombre d'années; m-r Izmaïlow est très-distingué par l'Empereur. Il m'a dit vous avoir écrit, et je lui ai fait voir votre lettre. M-r Goudovitch part pour être à la tête d'une députation ukraïnienne au couronnement. C'est un homme de tête, mais il ne va pas trop droit, et c'est un moyen que Sa Majesté l'Empereur a en horreur; d'après cela vous jugerez que sa conduite ne lui a guère plu. Le comte Nicolas Roumianzow est fait grand-maître de la cour; il est revenu de Kiow, où il a été assister à la cérémonie de l'enterrement de son père. L'Empereur, pour honorer la mémoire de ce grand homme, avait ordonné un deuil militaire de 3 jours. Le comte Souvorow a eu son congé, et on ne saurait assez admirer l'indulgence de l'Empereur pour toutes les

sottises, bravades et indignités que cet homme a faites après l'avénement au trône.

Vous entendrez parler de quelques troubles dans l'intérieur. Voici ce que c'est. On a fait prêter serment à nos paysans, ce qui ne s'est pas fait auparavant, et cette bêtise de quelques gouverneurs a donné lieu à des conclusions qui ont porté les paysans dans plusieurs endroits à croire qu'ils allaient devenir des paysans de la couronne. Ils ont envoyé des députés d'entre eux, des lettres à l'Empereur, et se sont refusés dans quelques endroits de l'empire à obéir à leurs seigneurs. On a envoyé quelques troupes et un manifeste, par lequel Sa Majesté Impériale déclare qu'il veut que chacun reste dans les devoirs de son état, et que ceux qui en sortiront, seront punis comme perturbateurs. Dieu veuille que l'Empereur soit toujours content et tranquille. Cinq années de paix mettront un frein à toutes les puissances de nous faire la guerre, et l'empire de Russie, gouverné par Paul, donnerait, du sein de l'abondance, la loi à tout l'univers.

Le prince Zoubow a eu la permission d'aller pour deux ans dans les pays étrangers, et son frère Valérien a demandé de revenir de la Perse, vu le mauvais état de sa santé, ce que Sa Majesté Impériale a accordé tout de suite. Il s'est marié avec une certaine c-tesse Protopotoska, femme vraiment polonaise, et qui l'a suivi partout. Korsakow revient ici par l'ordre de l'Empereur, pour servir dans les gardes. On part d'ici le 1 de Mars. On restera jusqu'au 10 et on ira à Moscou. L'Empereur attendra à un palais nommé Pétrovskoy que toute la famille soit réunie, et il fera à la tête des gardes son entrée le 25 de Mars. Il logera dans la maison du comte Bezborodko. Le couronnement sera le jour de Pâques, et le 2 de Mai Sa Majesté Impériale partira avec les deux grands-ducs à Cazan, puis par Morsha, Résan, Toula, Kalouga et Smolensk. Il compte être de retour ici vers le 15 de Juin. L'Empereur a eu la bonté de me nommer de tous les voyages. Je ne fais plus le service d'aide-de-camp général, mais je suis chargé de toute la partie militaire. J'expédie les ordres

de l'Empereur, ses lettres et je reçois tous les rapports. J'ai beaucoup à faire, mais je prie Dieu qu'il me donne seulement de la santé, pour remplir ma place au contentement de mon Maître. Je me couche à 10 heures et me lève à 6; la journée est prise; je dîne avec ma femme et je recommence l'après-dîner mon travail. Ma femme reste ici pour beaucoup de raisons: elle aurait fait le voyage pour aller et pour revenir seule; à Moscou je l'aurais vue encore moins qu'ici, et au bout d'un mois j'en serais parti. Elle inoculera le petit au printems et s'occupera à arranger la maison. Je suis fou de ma femme, je ne sais quel sentiment m'attache davantage à elle, du respect ou de l'amour. Mon petit a 2 ans et 3 mois; il est grand, fort et fort drôle. Il bavarde un peu du russe et de l'anglais. Je finis, car on vient me dire que l'Empereur revient. Adieu, permettez que je me persuade encore plus qu'auparavant que je vous dois tout, et qu'après le bonheur d'être marié avec ma femme, le plus grand est celui de vous avoir pour mon bienfaiteur.

6.

Du 20 Mai, Moscou (1797).

J'ai reçu votre lettre par le courrier de Witworth; plusieurs fois depuis j'ai eu la plume en main pour vous écrire, mais je n'ai pu rien dire. Je suis accablé de chagrin. Je pars demain, je m'éloigne encore plus de ma femme et de mon fils, à qui on a inoculé la petite vérole. J'ai été malade quatre fois ici dans le court espace de tems que l'on y est resté, et puis je souffre tant à voir des horreurs, à ne voir que des gueux qui s'apprêtent à piller, des associations, des conventions, enfin, hommes, femmes, tout est guidé par l'intérêt, et nous sommes deux dans le monde qui servons l'Empereur uniquement dans l'intention de lui prouver notre reconnaissance. Vous pouvez juger comment nous sommes vus, et je ne conçois pas d'où vient que l'on ne nous chasse pas

jusqu'à présent. Ils peuvent indisposer l'Empereur contre moi, mais jamais je ne serai méprisable à ses yeux, et la campagne est peut-être le bonheur qui m'y attend, et que l'on trouve si difficilement sans qu'il soit empoisonné. On part demain. On va à Smolensk, à Minsk, à Wilno, Grodno, et on revient par Riga à Pétersbourg, où on sera le 29 de ce mois. Les deux grands-ducs, le prince Bezborodko et quelques autres personnes, dont je suis du nombre, seront du voyage. Adieu, monsieur. J'espère que vous êtes persuadé de ces deux vérités, que les souverains sont bien malheureux, et le peu d'honnêtes gens qui les servent trouvent leur tombeau à la cour, s'ils sont obligés d'y rester.

7.

Du 2 Mai, St.-Pétersbourg (1798).

Rogerson vous dira peut-être plus qu'il ne faudra. J'ai reçu votre lettre. Vous me prescrivez un devoir qui m'honore, et qui m'est sacré. Puissé-je avoir le bonheur de vivre et de m'acquitter envers votre fils de tout ce que je vous dois; mais je vous conjure, par l'honneur et par votre fils même, retirez-le du militaire. Vous le garderiez auprès de vous. Je pars vers la mi-Juin; je ne peux faire aucun projet pour l'avenir: tout est si incertain. Je voudrais aller vous voir, mais dans ce moment on me refuserait. Je dois être heureux; pénétré de la justice divine, je ne peux m'attendre à aucune punition; mon bonheur est chez moi et dans votre estime. Les hommes me jugeront comme ils voudront. Adieu, adieu. Dites-moi une ou deux fois par an que vous et vos enfants vous portez bien. Envoyez vos lettres à Кочубей. Je lui remettrai la vôtre.

8.

Du 28 Juin 1798, St.-Pétersbourg.

Demain je pars pour ma terre, qui m'a vu croître, la quitter pour chercher des aventures, et qui me verra retour-

ner dans son sein. J'éprouve déjà d'avance un sentiment délicieux d'y être, et de dire dans quelques années aux vieux chênes:

> Beaux arbres qui m'avez vu naître,
> Bientôt vous me verrez mourir.

Je serais déjà parti depuis un mois, mais la santé de ma femme et la dentition de la petite m'ont obligé de rester jusqu'à présent. Je suis muni de tout ce qui peut faire oublier l'existence de l'ennui. Je vous prierai la grâce, une couple de fois par an, de me dire s'il ne vous est rien arrivé de désagréable, et comment va votre santé et celle de vos enfants. Kotchoubey me fera parvenir vos lettres. Adieu!

9.

Du 20 Septembre 1798 (St.-Pétersbourg).

Vous serez bien surpris de me savoir ici. A peine arrivé à mes terres, le 4-me jour j'ai reçu une lettre de l'Empereur par laquelle il me témoignait le désir de m'avoir auprès de lui. Je revins seul; ma femme est venue me joindre avec les enfants, et heureusement en bonne santé. Je suis fait lieutenant-général et chef du département militaire, ou plutôt ministre militaire de l'Empereur. J'ai adopté l'ancien régime de vie; je ne me porte cependant aucunement bien, je prends les choses moins à coeur, partie parce qu'il n'y a pas de remède, et en partie pour ne pas crever de chagrin.

Je suis presque sûr que vous n'accepterez pas ce que l'on vous offre. Le prince Bezborodko est très-décidé à quitter; il commencera par demander la permission d'aller aux eaux. Vous savez si quelqu'un est en état de le remplacer. Comme j'ai été heureux de l'avancement de monsieur votre fils! Je lui envoie la clef de chambellan. On va rentrer bientôt à Pétersbourg: le tems est horrible, il pleut depuis un mois. Le prince Kourakine, l'ex-procureur-général, a eu aujourd'hui son congé. La fameuse banque proposée par Wout, soutenue

par Kourakine et protégée par l'Impératrice, a subi une grande réforme, très-utile. Par la première occasion je vous détaillerai plus au long ce qui se passe. Le comte Serge Roumianzow a été avancé et mis hors du Collége des affaires étrangéres, ce qui lui fait de la peine, mais le prince Bezborodko l'a voulu. Il protége extrêmement les Kourakine, dont l'un est une bête à manger du foin, et l'autre un gueux à pendre. Adieu, monsieur le comte, je n'ose pas me flatter de vous voir bientôt ici. Il faudrait vous résoudre a beaucoup de sacrifices, et vous savez apprécier le bonheur.

10.

Du 26 Octobre 1798. S.-Pétersbourg.

Je n'ai jamais pu jusqu'à présent vous le dire comme j'aurais voulu vous parler tous les jours à coeur ouvert. On m'a pris au dépourvu avec une estaffette expédiée de Gatchina, et je n'ai eu que le tems de vous faire part de ma joie causée par l'avancement de monsieur votre fils. J'ai reçu depuis deux de vos lettres: l'une adressée à l'habitant paisible des champs, l'autre au citadin-courtisan. C'est monsieur Nazarewsky qui m'a remis cette dernière. Il m'a paru être mieux, et je prendrai sur moi d'arranger tout ce qui le regarde personnellement. Ne vous inquiétez par de lui. Il ne manquera de rien, car il vous appartient. Il m'est arrivé une chose qui, une semaine auparavant, ne serait jamais entrée dans ma tête: l'Empereur, ayant trouvé que le Peter Obreskow était un gueux, comme tant d'autres, l'a éloigné de sa personne avec une bonté sans exemple; car on l'a fait sénateur avec 20.000 roubles de gratification. Je fus chargé du porte-feuille des affaires étrangères. Votre lettre arriva, prouve à l'Empereur que votre retour ici n'aurait pas lieu, et m'ôta l'espoir de vous revoir plus tôt que je ne le pourrai. Deux jours après (cela fut avant-hier) m-r Kotchoubey a été fait vice-chancelier et moi troisième ministre, président au Collége

des affaires étrangères, comme était Bakounine et après Markow, tous les deux avec le grade de conseillers privés actuels. Je reste auprès de Sa Majesté l'Empereur à remplir les mêmes fonctions. Voici des grâces dont je ne puis me sentir d'être digne. Mais ce qui me flatte le plus, c'est que je ne les dois qu'à l'intérêt que ma conduite a inspiré à notre Maître, conduite fondée sur la droiture et l'aversion pour la bassesse et l'intrigue, que je crains et déteste dans ce monde plus que les méchants craignent l'enfer dans l'autre. J'espère que les ministres seront dans quelques tems contents de ces nominations, car l'ordre et la diligence présideront avec nous. Je n'ai pas besoin de vous dire combien le prince Bezborodko est enchanté de cette distinction accordée à son neveu. Je vais me tenir plus que jamais à la manière de vivre que je suis obligé d'adopter par mes occupations, c'est de se coucher à 9 heures, de se lever à 5. Ma place auprès de l'Empereur me mettra dans le cas de ne voir personne des étrangers, de quoi je suis charmé. Moins de paroles, moins de sottises, et puis faut-il encore que je reste avec ma femme et mes petits, et que je puisse sentir du moins quelques heures dans la journée que je suis l'homme le plus heureux du monde. Ma femme depuis 15 jours jouit de la meilleure santé du monde, et mes enfants aussi. Les 2.400 verstes qu'il ont faites n'ont rien dérangé de leur santé. Vous rirez quand vous saurez que ma petite Natacha, qui n'a pas un an, sourit toutes les fois à votre portrait, ce qu'elle ne fait pas ni au mien, ni à celui de sa mère. Elle est son portrait; Dieu veuille qu'elle ait aussi sa tête et son coeur. J'ai pensé faire une grande maladie; heureusement une diarrhée survenue avec le refroidissement l'a coupé dans sa racine. Mais je fus au lit dix jours. Voici une incluse de la part de m-r Kouchelew, qui vient de me l'envoyer. Ce brave homme vient d'être fait vice-président du Collége de l'amirauté, et Koutouzow en fonction de président. Dites bien des choses au respectable Rogerson, renvoyez les lui au défaut de Rhûl. J'aime à voir des étrangers gard'honneur. Il se pavane de ses victoires

navales, et nous nous réjouissons avec Golovine de le savoir absent pour le tems de l'arrivée de ces nouvelles ici: cela nous aurait valu quelques coups de poing, et les victoires du lord du Nil se seraient fait sentir à nos côtes. Vous savez que la comtesse Scavronsky fait la folie d'épouser le bailli comte de Litta. Elle est amoureuse de lui, et se croit très-heureuse de devenir sa femme. Adieu! Félicitez-moi, conseillez-moi, grondez-moi, faites-moi battre par commission,— mais aimez votre dévoué pour la vie Rostoptchine.

J'embrasse m-r Smirnow, et si l'on pouvait vous charger de féliciter m-r Lizakéwitsh sur le service qu'il vous a rendu et dont vous parlez dans votre lettre, je vous en aurais prié.

11.

Du 2 Novembre 1798. St.-Pétersbourg.

Il y a une semaine que je vous ai annoncé par la poste un changement arrivé dans ma situation. Je suis fait conseiller privé actuel, troisième ministre au département des affaires étrangères, et chargé du portefeuille diplomatique auprès de l'Empereur. Kotchoubey a été fait aussi conseiller privé actuel et vice-chancelier. Il n'y a qu'une semaine que tout ceci est arrivé, et j'aurais donné bien cher pour que cela n'eût pas lieu. Malheur, et mille fois malheur, à l'homme d'honneur qui se trouve en possession de la confiance et de la faveur de son Maître: outre la masse des envieux, il se trouve méconnu par les gens les plus intimes, et responsable de toutes les actions du Souverain. Je vous dis ceci, car j'ai déjà trouvé que ni le prince Bezborodko, ni Kotchoubey, ne me connaissent pas. L'Empereur a renvoyé ce gueux d'Obreskow, l'ennemi juré de Kotchoubey, parce qu'il voyait en lui un rival pour la place, à laquelle l'autre n'avait jamais pensé. Il a fait des chicanes, des avanies même, au prince Bezborodko, qui, ayant pour principe de ménager tout ce qui jouit de la faveur de la cour, finit par devenir son secrétaire. L'Empe-

reur, après avoir éloigné Obreskow, à la sollicitation du prince Bezborodko le fit sénateur, et lui donna 20.000 roubles de gratification. Je succédai à sa place et fus avancé une semaine après. La première chose que je changeai (toujours du consentiment du prince Bezborodko, et conformément à sa propre intention), fut le maître de poste d'ici, un certain Hann, vieux imbécille, dont le fils, créature d'Obreskow, était à ses ordres. L'Empereur voulut absolument avoir ici m-r Pestel, directeur de la poste à Moscou, et à sa place le prince proposa m-r Bekléchow, commandant de Cronstadt, ce qui fut accordé tout de suite. Le prince garda l'oukaze pour sa nomination pendant quatre jours. Pestel arriva ici et demanda d'avoir pour successeur à Moscou son frère cadet, à quoi l'Empereur consentit, ordonnant que m-r Bekléchow fût placé ici dans la direction des postes, el il m'ordonna de lui apporter l'oukaze. Voilà donc mon tort. Il consiste dans l'obéissance. Le prince se fâcha, et dans les discours de Kotchoubey je démêlai facilement que je suis regardé comme un homme qui veut s'emparer des affaires. Le prince a dit même que du tems d'Obreskow jamais une pareille chose ne lui serait arrivée. Me voilà donc bien avancé pour avoir travaillé pendant deux ans, avant l'avénement au trône de l'Empereur, de le rapprocher de lui. Je saisis depuis tous les moments où on pouvait lui procurer quelque agrément, et en dernier lieu je refusai la place de vice-chancelier, pour ne pas lui faire de la peine et prier pour Kotchoubey. Je le dis à vous, car son ingratitude m'a arraché des larmes, et il est juste que vous le sachiez. Dieu m'est témoin, et je vous le dis à vous, que je n'attache aucun prix à toutes ces distinctions: car tout ce que j'ai c'est par la faveur de mon Maître, et j'aurais désiré pouvoir dire hautement par quoi j'ai mérité chacune des grâces que l'on m'a accordées. L'Empereur n'aime pas trop Kotchoubey. Il lui trouve une roideur dans sa manière de penser et une morgue. Il faut du tems pour qu'il revienne. Il faut tâcher de le faire revenir. Kotchoubey ne fait rien de cela. Que puis-je faire dant tout ceci? Mais

pour quoi mettre des façons, des lieux communs, où il ne faut que de la sincérité et de la loyauté? Enfin, monsieur le comte, depuis bien longtems je n'ai été affligé comme cela, ni traité plus cruellement. Je n'ai rien dit au prince. J'ai parlé à Kotchoubey, et j'ai cru avoir trouvé de la fierté à la place de sentiment. Mais je souffrirai, car je crois être encore en reste vis-à-vis de l'oncle, et le neveu vous appartient. Vous savez toute ma conduite. Je déteste l'intrigue. Mon caractère et ma physionomie sont des obstacles insurmontables en cas même que j'eusse envie de m'y employer. Je n'ai rien demandé à personne, et je ne demanderai jamais rien. Je me suis attaché à l'Empereur, quand il était grand-duc, parce que tout le monde le fuyait et que sa faveur était une tache, tandis que le mépris qu'il témoignait à quelques personnes, leur servait de recommandation. Monté sur le trône, il me combla de bienfaits. Voilà le grand lien; je lui suis fidèle, parce que j'ai juré de l'être. J'ai été droit, j'ai été honnête. Cela m'a valu des persécutions; j'ai pensé haut, on me fit chasser. Me voilà revenu, je n'ai apporté ni nourri dans moi un sentiment de vengeance; mais je ne puis qu'être indigné de voir qu'après avoir répandu des millions de bienfaits l'Empereur n'a pas de serviteurs fidèles. On le déteste, jusqu'à ses propres enfants; car le grand-duc Alexandre déteste son père, le grand-duc Constantin le craint. Les filles, conduites comme le reste par la mère, voient le père avec répugnance, et tout cela lui sourit, et voudrait le voir réduit en poussière. Quel caractère atroce que celui de..... Son idole passée, c'est l'opinion du public; son idole présente, c'est le despotisme et la fureur de régner. Elle ne dédaigna pas s'accocier une vile coquine, son ennemie jurée, pour gouverner son mari, et lasser enfin, au bout de 18 mois, une résignation exemplaire à ses volontés *).

---

*) Сличи выше, на стр. 258, въ 1-мъ письмѣ, противоположный отзывъ графа Растопчина, о значеніи показаній котораго говорено въ предисловіи къ VIII-й книгѣ настоящаго изданія. П. Б.

Vous serez très-surpris, quand je vous dirai que le nouveau procureur-général est l'homme du monde le plus modeste, et le plus adroit dans les affaires. Dieu veuille qu'il continue. Sa femme est une femme galante de mauvais ton, mais sans aucune influence sur lui. La fille dont l'Empereur est amoureux, est d'un caractère le plus doux du monde. C'est une passion du tems de la chevalerie, et jamais l'Empereur ne l'a voit autrement qu'en public ou en présence de son père et de sa bellemère.

Après vous avoir beaucoup parlé de l'intérieur de la cour et de mon chagrin, je vous dirai que ma femme se porte parfaitement bien et que mon fils devient un joli garçon. Il n'est pas bien avancé pour son âge, mais je n'aime pas les enfants précoces. Ma fille a mal à la joue à cause des dents qu'elle fait; je vous ai donné quelques détails sur elle dans ma précédente.—Il s'est fait des changements à la cour par le congé du comte Strogonow, qui l'avait demandé. Il a été remplacé par le comte Shérémetew. Votre beau-frère, monsieur de Narichkine, a été fait à sa place grand-maréchal de la cour. Le chambellan Dournow—maréchal. Après notre promotion avec Kotchoubey, le procureur-général présenta quelques anciens conseillers privés, qui furent promus au grade de conseillers privés actuels, parmi lesquels se trouve votre cousin, le comte Woronzow. La banque monstrueuse et usuraine qui a pensé faire mourir de chagrin Rogerson, vient, après un mûr examen, d'être améliorée. La somme d'emprunt est fixée à 50.000.000 de roubles, les obligations seront changées par le moyen de l'argent qui rentre à la banque de vingt ans, et dont on suspendra pour un an l'anéantissement. On destine quelques millions également pour faire face au commencement. On diminue les intérêts, et la peine contre ceux qui manqueront le paiement, se borne à une tutelle jusqu'à la liquidation de la dette. La comtesse Scavronsky vient de se marier avec le bailli comte de Litta: une sottise de plus dans sa vie. L'inspection de Lithuanie vient d'être donnée au général de Lascy, et malgré cela le prince Repnine ne quit-

tera pas le service. Adieu, monsieur le comte! Soyez bien heureux d'être en Angleterre. Vous êtes loin de votre patrie, il est vrai, mais aussi comme vous êtes loin des infamies, des bassesses et des abominations qui s'y font. Plaignez-moi de voir tout cela, et encore plus de ne trouver aucun remède à y apporter. Mille choses à Rogerson. Adieu, adieu.

12.

Du 3 Décembre (1798).

Je vous écris cette lettre par le courrier que l'on vous expédie. J'ai reçu la vôtre, et je vous ferai observer encore que malgré mes occupations actuelles et celles que l'on pourrait me donner, je trouverai toujours un moment pour vous écrire, et vous dire ce que je fais et ce que je pense. Je commencerai par vous notifier que votre refus à venir ici n'a étonné personne, car on savait d'avance que vous n'accepteriez pas l'offre que l'on vous faisait. Une mauvaise santé, une charge la plus difficile à remplir, et une cour orageuse, voilà au lieu d'une raison trois bien valables, pour ne pas changer un bien réel contre un mieux incertain. Croyez-moi, mon respectable bienfaiteur, que quelques semaines de séjour ici, peut-être même quelques jours, vous auraient fait des ennemis, des désagréments, des repentirs et tout ce qui s'en suit. Oh, comme je regrette cette campagne que je convoite sans pouvoir y aller vivre, et jouir d'un bonheur non interrompu, loin d'ici, où il est continuellement troublé.

On ne sait plus, je vous assure, quelle conduite tenir dans ce monde. On se persuade facilement qu'en professant un attachement illimité à son souverain, le servant fidèlement et loyalement, parlant et pensant haut, honorant la vertu, méprisant le vice, et se mêlant peu de percer dans l'avenir, on parvient plus facilement encore à se rendre un être intéressant,—pas le moins du monde. La canaille vous déchire, les grands vous envient et vous mordent, et le reste vous veut

du mal sans savoir pourquoi. Quoique bien en apparence, mais je vois que le prince Bezborodko ne goûte pas beaucoup ma manière impartiale et mon éloignement pour tout ce qui est intrigue et association. D'ailleurs, je ne présente pas le côté le plus faible des humains, celui de l'intérêt; je n'ai rien demandé pour moi, ni ne demanderai rien, on le sait et cela ne plaît pas. Kotchoubey est très en mesure. Il continue de fréquenter le grand-duc Alexandre, qui a de grands torts vis-à-vis de son père. Je lui ai dit ce que je pensais à ce sujet. Je risquai même des confidences et très-mal à propos; car cela n'a rien changé à l'état des choses. Le prince Bezborodko m'a parlé d'un voyage de 6 semaines qu'il veut faire à Moscou. Je ne sais s'il n'est pas même question d'envoyer de là une lettre pour demander son congé; au reste c'est une conjecture à moi, fondée sur les plaintes qu'il fait très-souvent du désagrément du service actuel. Je ne sais si vous parviendrez à rapprocher les deux cours de Vienne et de Londres. Il me paraît que sans la guerre elles se brouilleront encore davantage; car l'une a trop de mauvaise foie, et l'autre trop de griefs contre elle. Si les Français font l'invasion du royaume de Naples, il faudra bien que les Autrichiens commencent leur campagne; mais s'ils s'y refusent, l'Empereur leur ôtera le secours qu'il leur a donné, et on pourrait l'employer avec succès contre les Français en Hollande, en agissant de concert avec les Prussiens. Il faut pour cela quelques semaines, et vous verrez que le danger et la nécessité obtiendront plus que les plus forts arguments. Comme je déteste la politique! Elle est bien une science digne des hommes, fondée sur la mauvaise foi, et accordant le privilége de se faire un mérite aux dépens de l'honneur et de la probité. Vous saurez déjà que Buonaparte, après avoir été totalement défait par les beys du pays, a été d'abord fait prisonnier lui-même, ensuite massacré. Cette nouvelle a été apportée à Constantinople par 7 courriers que les principaux beys y ont dépêchés, et de là elle a été apportée par un Tartare au hospodar de Moldavie, qui en donna connaissance au comte

Goudovitch résident à Kameniez-Podolsk, qui envoya ici un exprès. Cela ne changera en rien le système du directoire, et il aurait donné je crois bien cher pour s'assurer une paix un peu avantageuse. Leurs folies donnent beau jeu à leurs ennemis, malheureusement ils ne sont pas amis entre eux. La tête du roi à Mitau et de ses grands se transporte déjà à Versailles, et quelques-uns espèrent de se soustraire à l'hiver de cette année. Quelle nation! Les scélérats et les imbéciles sont restés dans leur patrie et les fous l'ont quittée, pour grossir le nombre des charlatans de ce monde. Je vous dirai que m. Lopoukhine se conduit parfaitement bien jusqu'à présent, et quoiqu'il ait pour amis deux hommes capables de tout, mais il paraît qu'ils influent peu dans le maniement des affaires, c'est le prince Gagarine Gabriel et Karadykine; demandez à Rogerson, il vous dira ce que c'est. Je jouis d'une assez mauvaise santé, et pour la soigner un peu j'ai renoncé à tous les plaisirs de ce monde. Je me couche à 9 heures, étant obligé de me lever à 5 et demie, pour être à 6 et demie au palais. Je dîne chez moi et le matin je tâche de prendre pendant une heure de l'exercice à pied ou à cheval. Adieu, portez-vous bien, je le désire pour vos enfants et pour vous et pour moi. Peut-être je viendrai un jour passer quelques mois dans votre terre, et je vous dis d'avance que je suis un très-bon agriculteur. Ma femme vous dit mille choses. Mon fils demande où vous êtes, et veut savoir ce que c'est que Londres. Ma fille est petite, mais gentille. Il sonne dix heures. J'ai veillé une heure de plus, — c'est autant de pris sur la durée de ma vie. Adieu. Bonne nuit.

J'embrasse Rogerson, qui doit bien retourner au plus vite ici. La grande-duchesse Elisabeth doit accoucher vers la fin de mai. Je sais combien elle l'aime, et nous gagnerions tous à ce retour.

13.

Du 6 Octobre, Gatshino (1799).

Le porteur est un m-r de Novossiltzow, qui fut lieutenant-colonel au service et qui en est exclu pour avoir demandé une permission de se traiter. J'ai servi avec lui et je vous réponds de ses sentiments. Il est plein d'honneur, et dans plus d'une occasion sa conduite a été celle d'un homme droit, attaché à ses devoirs et à son pays. Il est plein de délicatesse, et les égards d'un homme comme vous lui mettront du baume dans l'âme, qui a eu de fortes secousses. Adieu, monsieur le comte. J'aurais bien voulu l'accompagner, et j'espère dans quelque temps la chose possible.

14 *).

26 Juin 1800.

En chiffre.

Revenu de Pétersbourg hier, j'ai appris que l'on avait ordonné au comte de Pahlen de demander à Witworth quand il part avec sa mission, et on m'a ordonné de lui faire donner une note pour dire que Hailes ayant quitté Stockholm sans prendre congé de personne, avait manqué par là à l'Empereur, et que Sa Majesté Impériale ne voulait pas avoir de chargé d'affaires d'Angleterre à sa cour. En parlant avec mylord Grenville, au nom de Dieu, si vous pouvez, faites que l'on ne renvoye pas Lizakéwitch. Dieu sait où cela mènera; on ne peut ni rien prévoir, ni rien dire; encore moins faire changer de résolution.

Vivez tranquille là où vous êtes, et si vous pleurez, soyez persuadé que vous n'êtes pas le seul. Déchirez cette lettre.

---

*) Это письмо сохранилось не въ подлинникѣ, а въ современномъ спискѣ. П. Б.

15.

Du 24 Juin 1819. Paris.

J'ai sçu avec bien du plaisir votre réunion avec toute votre famille. Puissiez-vous à plusieurs reprises avoir le déplaisir de vous séparer pour goûter le bonheur de vous réunir. Les succès de la comtesse Michel *) ne m'étonnent nullement: elle plaira partout, à tous ceux qui ont le sentiment du vrai. Il est difficile de voir une personne meilleure et plus naturelle, avec cela un esprit juste, un caractère égal et la bonne humeur qui provient du bonheur. Remerciez Dieu, mon respectable, d'abord de vous avoir fait comme vous êtes, après de vous avoir donné un fils comme le vôtre, et enfin de lui avoir donné une compagne digne de lui. Voici des actions de grâce pour le présent, le passé et l'avenir.

J'attends avec impatience cette permission de Pétersbourg pour le mariage de Sophie **), et une semaine après la noce, je me dirigerai sur Calais. Il me tarde bien de me retrouver avec vous et avec les vôtres. Je suis heureux au milieu de ceux qui le sont. Quant à moi, avec une mauvaise santé, de mauvais souvenirs et un mauvais avenir,—il n'y a pas de quoi se donner une once de félicité. Les miens se portent bien, excepté le comte Serge.

A l'endroit où je finissais la page, m-r Narychkine est venu m'apporter votre lettre, et j'y réponds. Votre recommandation ne fait que confirmer davantage l'opinion que je m'étais faite de ce jeune homme. J'ai été frappé de la solidité de son jugement, de sa conduite et surtout de son attachement pour le comte Michel. Depuis que j'existe en homme, je mettais toujours au nombre des premières belles qualités humai-

---

*) Графъ Михаилъ Семеновичъ женился въ Парижѣ, въ Апрѣлѣ 1819 года, на Елисаветѣ Ксаверьевнѣ, урожденной графинѣ Браницкой (род. въ Петербургѣ, 8 Сентября 1792 года, скончалась въ Одессѣ, 15 Апрѣля 1880).

**) Дочь графа Ростопчина, вышедшая замужъ за графа Сегюра.

nes la reconnaissance; malheureusement ce sentiment, dans ce siècle d'égoïsme, est devenu d'un devoir une vertu. J'avais bien remarqué que m-r Narychkine ne voyait pas Natalie d'un oeil indifférent, mais je supposais que ce goût céderait au tems et au mouvement d'une chaise de poste, lorsqu'il entreprit son voyage d'Italie. Il a toujours été en mesure, je me suis tenu sur la réserve avec lui, tenant plus à l'honneur de ma fille qu'au mien propre. Natalie, pure comme une enfant, n'a rien remarqué; et je vous avoue que, lorsque m-r Narychkine me communiqua ses intentions, j'ai été presque surpris. Je lui répondis, après l'avoir remercié et de la manière dont il s'était conduit, et de celle qu'il avait choisie de me parler lui-même, que ma fille était libre, que moi et ma femme, bien loin d'avoir quelques objections à faire, que nous étions presque sûrs qu'il possédait tout ce qui peut rendre une femme heureuse, et que ce mariage dépendait uniquement du consentement de ma fille, qui a été instruite après de sa demande par sa mère, et que, laissant le libre choix à mes enfants, un oui de sa bouche fixera sa propre destinée. M-r Narychkine vient dîner et passer la soirée chez nous. Mais je vous dirai que dans la conversation que j'ai eue avec ma fille ce matin, j'ai bien vu que m-r Narychkine l'a frappée par sa manière de se conduire, et alors je lui ai donné à lire votre lettre, qui est la véritable patente et le diplôme honorable pour le jeune homme. Vous voyez, mon respectable, où nous en sommes; peut-être dans une semaine pourrai-je vous recommander ma fille comme votre nièce, persuadé que l'enfant de celui qui vous est dévoué depuis 32 ans, vous inspirera l'intérêt de l'amitié et de la parenté *). Me voici à présent sur le point de voir ma famille diminuer de trois. Les deux filles mariées, et Serge, du train dont il va, ne pourra pas traîner longtems. Il lui est survenu une toux presque continuelle qui, jointe à l'asthme, le fatigue beaucoup. Il re-

---

*) Бракъ этотъ состоялся; графиня Наталья Өедоровна вышла замужъ за Дмитрія Васильевича Нарышкина.

garde son état avec indifférence et vit du jour au lendemain, faisant des sottises. La jeunesse d'à présent ne ressemble à rien, et lorsqu'un jeune homme s'est bien montré dans une affaire, il croit avoir tout fait et rempli toutes les obligations vis-à vis son pays, son souverain et ses parents.

Voici ce que j'ai de bon, de mauvais et de vrai à vous dire. Dans ce pays on ne change point. Les opinions sont comme des costumes qui distinguent les classes. Le désir de chacun est d'être plus qu'on ne l'est, et comme dans ce siècle des sales quinquets on n'est pas difficile sur les moyens, alors tout tombe dans la confusion et un mouvement perpétuel. Le roi seul est impassible, heureux de voir Decaze, de savoir que son enfant tette bien, et que les Français sont heureux par la charte, sortie de sa tête comme Minerve de celle de Jupiter. Ma femme se rappelle à votre souvenir. André prétend que j'ai tort d'acheter tant de livres; parce qu'il me faudra beaucoup de maîtres de langues pour apprendre à lire.—Adieu, mon respectable, d'ici à quelques jours je vous écrirai pour vous envoyer le bulletin de ma famille. Adieu. Portez-vous bien, pour passer des jours de bonheur, qui vous est assuré en plein.

Письма великаго Суворова къ князю Потемкину. *)

1.

17-го Мая 1773 году. Негосшти.

Милостивый государь Григорій Александровичъ!

Нѣкоторые изъ вышедшихъ Туртукайскихъ жителей, переправившіеся на сію сторону Болгары, будучи спрашиваны о положеніи и количествѣ войскъ непріятельскихъ объявили: въ мѣстечкѣ Плевнѣ, назадъ тому мѣсяца три, было жительствующихъ тамо войскъ 1000, въ Свистовѣ при сераскиръ-пашѣ Ахметѣ войскъ изъ жителей и пришедшихъ до 8000, въ Черноводахъ войскъ не состоитъ; визиръ, съ коимъ войска отъ 30-ти до 40 тысячъ, стоитъ въ мѣстечкѣ Шуминѣ, съ нимъ артилеріи до 30-ти орудіевъ; Аби-паша находился въ сторонѣ Бабады въ мѣстечкѣ Базарчукѣ, при немъ войска до 2000 конныхъ, пушекъ до 10-ти, да отдѣленной корпусъ при пашѣ трехъ-бунчужномъ въ Варнѣ, состоящій въ 400 конныхъ и пѣшихъ съ жителями; въ Рущукѣ изъ жителей же войскъ до 12000, въ шанцахъ пушекъ 40; Татарской ханъ съ тысячью Татарами (при пятнадцати орудіяхъ) стоитъ вблизи Свистова, гдѣ пушекъ до пяти; въ Никополѣ Арнаутъ-паша три тысячи войска, при немъ прихожаго 2000, да и жителей тамошнихъ 4000, пушекъ 24; въ Видинѣ жителей 15000, пушекъ 65; въ Акравѣ одинъ паша и при немъ войска прихожаго 1000, да и жителей 2000, пушекъ 8-мь.

---

*) Съ подлинниковъ.

Сверхъ того ожидаютъ-де еще прибытія Арнаутовъ и Бошняковъ изъ Моравы. Я вашему превосходительству къ свѣдѣнію о семъ донося, съ моимъ почтеніемъ пребуду вашего превосходительства, милостиваго государя моего, покорнѣйшій слуга.

Александръ Суворовъ.

2 *).

19-го Мая 1773 года. Негоешти.

Сегодня я получилъ чрезъ присланнаго ко мнѣ отъ господина полковника Журжевскаго коменданта Бекельмана, словесное извѣстіе, что изъ Рущука и изъ лагеря, которой ниже Рущука, спустилось въ низъ по Дунаю суденъ очень много, а числомъ, сколько именно, не означиваетъ. Я въ семъ случаѣ за необходимое нахожу вашему превосходительству напомянуть вторично о постѣ Обилешскомъ (для Бокуреста), которой при такихъ обстоятельствахъ долженъ быть предварительно охраненъ пристойною частію войска. На сіе ожидая увѣдомленія, съ почтеніемъ остаюсь и пр.

3.

19-го Мая 1773 года. Негоешти.

Вчерашняго числа съ форпостовъ получилъ я рапорты, что прибыли къ урочищу Туртукайскому четыре большія судна и двѣ лодки, изъ коихъ вчерашній же день спустились въ низъ Дуная три судна; одно большое да двѣ малыя лодки. Оныя, спустясь отъ Туртукая въ низъ верстъ десять и остановились противу дистанціи здѣшней лѣвой стороны казацкаго форпосту, гдѣ примѣчено онымъ, что непріятель по видимому дѣлалъ примѣчанія на нашъ берегъ. Да снизу Дуная

*) Въ дальнѣйшихъ письмахъ обычныя начала и окончанія опускаются, кромѣ исключительныхъ случаевъ П. Б.

прибыло къ Туртукайскому урочищу большихъ два судна, которыя остановились выше онаго, противу нижняго ихъ лагеря, и изъ сего въ вечеру выстрѣлено изъ пушки три раза.

4.

От 20-го Мая 1773 г. изъ Негоешти.

О Репнинѣ, что я слышалъ, такъ только то, что онъ взятъ въ полонъ и съ нимъ три маіора: Полторацкой и два Дивовыхъ; изъ послѣднихъ одинъ убитъ. Семужъ жертвовалъ и подполковникъ Дурковъ; да убито и безъизвѣстно пропало двѣсти тридцать шесть человѣкъ всѣхъ чиновъ, два судна и двѣ пушки отбиты, что дѣйствительно и вѣрно я слышалъ. А здѣсь слуховъ много носится и такихъ, которымъ я не вѣрю, и они несправедливы. Принадлежащія до вашего превосходительства извѣстія я стараюсь, какъ скоро что отъ форпостовъ получу, то почти того-жъ часу къ вамъ посылаю и впредь нужнаго къ доставленію вашимъ свѣдѣніямъ ничего не упущу.

5.

Негоешти, 4-го Іюня 1773 года.

Севодни получилъ я ордеръ отъ его сіятельства господина генералъ-аншефа и разныхъ орденовъ кавалера графа Ивана Петровича Салтыкова, въ которомъ предписываетъ, что въ случаѣ каковаго либо непріятельскаго покушенія, ежели не могу въ скорости быть подкрѣпленъ отдѣленіемъ войскъ отъ его сіятельства, то ожидать помощи, давъ знать, отъ вашего превосходительства; равно и вчерашнимъ ордеромъ далъ знать, что по нѣкоторымъ самонужнѣйшимъ обстоятельствамъ его сіятельство заблагоразсудилъ потянуться въ верхнюю часть Дуная, куда вчерашняго числа съ прежняго своего лагеря съ дивизіею и выступилъ. Вчерашнее вашего прево-

сходительства увѣдомленіе о забраніи изъ Ченанештъ и Обилештъ состоящихъ тамо войскъ я также получилъ.

6.

Москва, Октября 13-го дня 1774 г. *)

Въ пріѣздъ мой въ Москву на кратчайшее время, удостоенъ былъ получить письмо Ея Императорскаго Величества, отъ 3-го Сентября писанное, коимъ угодно было меня почтить къ найчувствительнѣйшему моему удовольствію. Пріемля сіе съ особымъ благоговѣніемъ, ощутилъ и отъ вашего высокопревосходительства почтительной меня адресъ. Посѣщеніе сколь благопріятно, столь велико, что не собираю силы на доказательство истинной моей благодарности. Однимъ наивящимъ обсылаюсь только признаніемъ, какъ предстателю, подкрѣпляющему военныя дѣла и моему благотворителю толь превосходныхъ милостей, коихъ цѣна обитать въ благодарнѣйшемъ сердцѣ никогда непрестанетъ. Удостоивайте, милостивый государь, способіемъ вашимъ могущественнаго ходатайства такого человѣка, котораго надежда ввѣряетъ въ достохвальныя ваши добродѣтели. Великость оныхъ ознаменится тѣмъ болѣ и обяжетъ меня къ прославленію имени вашего, что я на всегда съ должнымъ высокопочитаніемъ и нелицемѣрною преданостію пребуду.

7.

Симбирскъ, 18-го Августа 1775 г.

Вашего сіятельства нижайше прошу объ увольненіи меня въ Москву, по причинѣ кончины моего родителя.... **) Предъ симъ я томъ просилъ по командѣ графа Петра Ивановича Панина. Уповаю на вашу милость. Препоручаю себя въ покровительство вашего сіятельства.

---

*) Передъ отправленіемъ на поимку Пугачова. *П. Б.*

**) Точки въ подлинникѣ.

8.

Москва, 24-го Іюня 1776 г.

Я, воспользовавшись высочайшею милостію Ея Величества всемилостивѣйшей Государыни, полученіемъ нынѣшней день брилліантами украшенной шпаги, имѣвъ руководствомъ сего монаршаго ко мнѣ благоволенія вашу свѣтлость, какъ моего истиннаго благодѣтеля, осмѣливаюсь испросить принесть мнѣ наичувствительную вашему сіятельству благодарность и препоручить себя въ ту самую милость, которою пользуюсь.—Пребываю до конца дней моихъ и пр.

9.

Москва, 26-го Ноября 1776 года.

Бывши при части вѣдѣнія моего полковъ въ Коломнѣ, получа повелѣніе, того жъ часу я отправился и слѣдую почтою въ опредѣленное мнѣ мѣсто. Препоручаю себя въ высокое покровительство вашей свѣтлости.

10.

д. Тузла въ Крыму, 19-го Декабря 1776 году.

Съ наступающимъ новымъ годомъ принимаю смѣлость вашу свѣтлость нижайше поздравить. Пребуду съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр.

11.

д. Тузла, въ Крыму, близь форпостовъ, 21-го Декабря 1776 году.

Вашу свѣтлость за удостоеніе меня милостивымъ письмомъ вашимъ отъ 28-го Ноября, нижайше благодарю. Оно въ службѣ Ея Императорскаго Величества тѣмъ болѣ меня ободряетъ, что по вашей, милостивый государь, отечественности

и добродѣтели всеподданническая моя къ ней ревность паче впредь случаи найдеть себя оказать поданіемъ къ тому способовъ и довѣренностей отъ вашей свѣтлости. На всегда подвергаю себя вашему высокому покровительству.

12.

1-го Іюня 1777 году, подъ Акмечетью.

Нынѣ, по окончаніи здѣшней экспедиціи, исключая неожидаемой Стамбульской высадки, вашей свѣтлости всевозможная милость, сколь бы велика ко мнѣ была, еслибъ меня удостоить соизволили препорученія какого корпуса, каковыми до сего я начальствовалъ безъ порицанія. Единственно къ высокой особѣ вашей прибѣжище пріемлю!

Покровительствуйте, милостивый государь, того, которой съ непреоборимою преданностію и глубочайшимъ почитаніемъ до конца жизни вашей свѣтлости всенижайшій слуга.

13.

19-го Іюля 1777 году. Полтава.

Слава великихъ дѣлъ вашей свѣтлости въ умноженіи благодѣяній ищущимъ милости и покровительства, коихъ опытъ есть довольнымъ доказательствомъ, ободряетъ и меня, чтобъ сего подателя, племянника моего, поручить въ милость вашу и всепокорнѣйше просить ему благоволенія, сколько во удовольство его просьбы, такъ и ради того, что я пользуюсь случаемъ изъявить мое упованіе и принесть удостовѣреніе о истинной преданности и высокопочитаніи моемъ, съ коими на всегда я имѣю честь пребыть.

14.

Полтава, 24-го Августа 1777 году.

Увѣдомясь отъ возвратившагося изъ С.-Петербурга безпомощнаго моего племянника, с. маіора *) Суворова, о оказаніи ему высокихъ милостей вашей свѣтлости, сколько о полномъ покровительствѣ моего состоянія, томящееся мое безъ исправленія должности въ исходящей лихорадкѣ усердіе получаетъ новыя силы, но и возрастаетъ къ высокой особѣ вашей свѣтлости неотмѣнную преданность изъявлять существомъ самаго дѣла, да поможетъ мнѣ Всемогущій Богъ. До конца моей жизни пребуду и пр.

15.

Опошна, близь Полтавы, 20-го Ноября 1777 году.

По теченію службы благополучіе мое зависитъ отъ одной власти высокой особы вашей свѣтлости. Г. Петръ Александровичъ посылаетъ меня въ Крымъ...**) Не оставьте покровительствовать того, которой съ благодарнѣйшимъ сердцемъ, полною преданностію и глубочайшимъ почитаніемъ и пр.

16.

Опошна, близь Полтавы, 2-го Декабря 1777 году.

Полная точность въ исполненіи повелѣніевъ вашей свѣтлости, невозвратная преданность къ высокой вашей особѣ и правость души моей по безпредѣльной ревности къ службѣ Великой Императрицы, будутъ твердыми правилами моихъ дѣлъ, поступокъ и жизни. Всемогущій Богъ да поможетъ мнѣ, милостивый государь, за покровительство ваше воздать вящще того!

---

*) Секундъ-майора.

**) Такъ въ подлинникѣ. П. Б.

XXIV

17.

Л. *) при Ковыльскомъ ретраншаментѣ, 18-го Генваря 1778 году.

Поелику слабость здоровья моего мнѣ дозволяла, я недавно на Кубань прибылъ. Подкрѣпляетъ оное высокое покровительство вашей свѣтлости, въ которое себя искреннѣйше препоруча, остаюсь съ глубочайшимъ почтеніемъ.

18.

18-го Іюля 1778 году.

Вашей свѣтлости вновь оказанная милость обязываетъ къ чувствительнѣйшей благодарности истинно вамъ преданнѣйшаго и съ глубочайшимъ почтеніемъ пребывающаго.

19.

29-го Іюля 1779 году.

Его свѣтлости высокопревосходительному господину генералъ-аншефу, государственной Военной Коллегіи вице-президенту, Новороссійскому, Азовскому и Астраханскому государеву намѣстнику, войскъ тамо поселенныхъ и Днѣпровской линіи главному командиру, командующему легкою конницею, Донскимъ полкомъ, всѣми нерегулярными войсками и Санктъ-Петербургскою дивизіею, сенатору, Ея Императорскаго Величества генералъ-адъютанту, дѣйствительному камеръ-геру, кавалергардскаго корпуса порутчику, лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку подполковнику, Новотроицкаго кирасирскаго полку шефу, и орденовъ Россійскихъ святыхъ: апостола Андрея, Александра Невскаго, великомученника и побѣдоносца Георгія втораго класса, Прусскаго Чернаго Орла, Датскаго

---

*) Т.-е. лагерь. П. Б.

Слона, Шведскаго Серафимовъ, обоихъ Польскихъ и Голстинскаго Святыя Анны кавалеру, князю Григорію Александровичу Потемкину.

Рапортъ.

По израженію господина резидента, упоенные Татарскимъ квасомъ, изъ разныхъ мѣстъ Армянскіе депутаты отъ него были у меня. По сугубомъ истолкованіи данныхъ отъ преосвященнаго митрополита Игнатія о выводѣ христіанъ пунктовъ, съ которыми Армянской архимандритъ Петръ Маргосъ и католицкой Армянской патеръ Якобъ согласны, какъ отъ анаѳемы вышерѣченнаго усерднаго и твердаго архимандрита, съ видимымъ удовольствіемъ разъѣхались. Высшее желаніе всѣхъ христіанъ, чтобъ поселяемы были вмѣстѣ и на выгодныхъ мѣстахъ; плодъ сего усмотрѣнъ будетъ въ потомствѣ. Печально имъ оставленіе ихъ недвижимаго родоваго. За все то обѣщано имъ всюду на мѣстѣ здѣсь удовлетвореніе изъ казны; иначе неможно. Почтенныхъ сихъ духовныхъ отцовъ время уже вашей свѣтлости воздать по достоянію блистательными нужными украшеніями. Здѣсь ихъ манифестъ *).

Рѣченной интриги неудачею, купно и начавшемся дѣйствительнымъ выводомъ, раздраженный ханъ перемѣнилъ его лагерь отъ Бахчисарая двадцать верстъ въ низъ по Алмѣ. Паки господинъ резидентъ много разъ пытался къ достиженію свиданія съ его свѣтлостію безъ успѣху, но съ грубыми отказами; особливо, какъ, при выѣздѣ его въ новой лагерь, прибылъ къ нему для всевозможнѣйшихъ еще увѣщеваніевъ, сѣлъ онъ на конь и, не взирая на господина резидента, не дождался его нимало. Сей поступокъ, оскорбляющій его характеръ, понуждаетъ его къ нетребованію болѣе свиданіевъ до лучшего часу. Временно потребенъ быть господинъ резидентъ въ Бахчисараѣ для утвержденія согласіевъ христіанъ и благоспоспѣшествованія вывода ихъ, яко главная особа въ

---

*) Его не имѣется при подлинномъ рапортѣ, который, какъ и нижеслѣдующіе, только подписанъ Суворовымъ. П. Б.

знаніи языка и нравовъ сея земли. Слухъ всюду разсѣянъ о точномъ выѣздѣ свѣтлѣйшаго хана даже до Санктъ-Петербурха; курьеръ его съ письмами къ высокоповелительному фельдмаршалу отправленъ, не безъ неудовольствіевъ на обоихъ (меня и господина резидента). Быть такъ! Дѣло начато; надлежитъ совершить, какъ вѣрнымъ рабамъ Ея Императорскаго Величества, не уважая препятствъ, хотябы соединенно и отъ всѣхъ Отоманцовъ.

Можно тутъ проникнуть и въ земскія неспокойствы. Биплей стрѣлялъ въ Грека; Греки съ нимъ и его товарищами дралися. Другой окровавленной Татариномъ христіанинъ прибѣгнулъ къ господину резиденту; сей отнесся къ каймакаму, которой грозилъ сложить съ себя чины. Господинъ резидентъ къ везирю, объявилъ ему паки о полномъ высочайшемъ покровительствѣ всѣхъ христіанъ. Видя оныхъ отправляемыхъ, отзываются Татара, что они теряютъ душу изъ тѣла. Съ Божіею помощію отъ Россійской стороны на всякой случай по человѣческимъ возможностямъ все готово.

Господинъ Азовской губернаторъ вступилъ уже въ благопоспѣшныя мѣры къ выводу христіанъ въ ввѣренную ему губернію. Какъ успѣхъ въ томъ очевиденъ, то паки его превосходительство я просилъ о наипоспѣшнѣйшемъ отправленіи всѣхъ губернскихъ (въ числѣ шести тысячномъ) подводъ партіями одни за другими, такъ чтобъ ни одного дня не было безъ таковыхъ въ Крымъ прибывающихъ. Видъ того полезенъ; отлагательствы опасны въ охлажденіяхъ духовъ и препинаніяхъ по внутреннымъ и наружнымъ безпокойствамъ. Число же христіанъ является нынѣ превосходнѣе, особливо въ купцахъ Армянахъ.

Къ Александровской крѣпости чрезъ Перекопъ отправлено въ началѣ обоего пола Грузинъ девять душъ. Сего жъ теченія 28-го числа купцовъ и ремесленныхъ Грековъ мужеска полу тридцать три, женска тридцать семь душъ съ приличнымъ эскортомъ на подводахъ всякаго рода. Транспортецъ-другой дни черезъ три поспѣетъ; но какъ отъ стороны Перекопа запаснаго магазейна фуры разномѣстно прибудутъ,

то недѣли черезъ полторы можетъ ихъ выѣхать на первой разъ и около тысячи; потомъ будутъ прибывать, ежели благоволитъ Богъ, наемныя провіантскія фуры. А чтобъ было безъ опаснаго интервалу, поспѣшили бы губернскія повозки. Утверждаюсь надеждою на природное благотворство высокой особы вашей свѣтлости!

«Генералъ-поручикъ Александръ Суворовъ».

20.

Подъ Бакчисараемъ, 23-го Августа 1778 году.

Рапортъ *).

Неудовольствіе на меня графа Петра Александровича **) о духовныхъ здѣшнихъ манифестахъ, подкрѣпившихъ выходъ здѣшнихъ христіанъ въ Россію, (что) обнародованы были безъ присутствія въ ихъ церквахъ магометанъ.

20-го числа сего мѣсяца былъ тревожный день. Преосвященный митрополитъ Игнатій и преподобный архимандритъ Петръ Маргосъ въ слезахъ съ отказу выходу всѣхъ христіанъ чрезъ ихъ депутатовъ, по притчинѣ здѣшнихъ таможенныхъ откупщиковъ и перещупываній даже до иконъ для взятія пошлинъ. Дѣло усмирено, кромѣ протчаго, подареніемъ откупщиковъ пятью тысячами рублями, съ тѣмъ чтобъ они болѣе въ баштахъ Перекопской и Арабатской христіанамъ повозки не щупали.

Двадцать тысячь рублевъ однихъ явно понынѣ долговыхъ свѣтлѣйшій ханъ съ Татарами христіанамъ не платитъ по интригѣ ихъ тѣмъ здѣсь задержанія. Удовлетворить христіанъ въ томъ здѣсь надлежитъ. Нижайше о томъ вашей свѣтлости донося, по надлежащему такожъ и высокоповелительному фельдмаршалу представлено сего Августа отъ 21-го числа.

---

*) Начало рапорта то же, что и въ предъидущемъ. П. Б.

**) Фельдмаршала Румянцова. Суворову и другимъ тогдашнимъ военнымъ дѣятелямъ приходилось ублажать обоихъ полководцевъ. П. Б.

Ясыри, мучимые нынѣ отъ ихъ прежнихъ владыкъ несказанно, прибѣгаютъ паче подъ покровъ высочайшаго скиптра, чѣмъ вяще предосудительно оныхъ оставлять въ варварской неволѣ, которые освобожденіе ихъ называютъ Россійскимъ разбойничествомъ и толь дерзко, что многіе за нихъ и денегъ брать не хотятъ по наказу свѣтлѣйшаго хана. Иныя суть непрестанныя господину резиденту и мнѣ приносимыя явно Татарскія угрозы на подобіе лая пса, иной силы не имѣющаго, или противъ тихости поступокъ, исходящихъ видовъ надменности отъ истока малодушія.

Счастіемъ вашей свѣтлости по сіе число отсюда отправилось въ Россію христіанъ обоего пола съ прежними 10.239 душъ.

«Генералъ-порутчикъ Александръ Суворовъ».

21.

Получено Сентября 30-го числа 1778 г.
25-го Сентября 1778 году.

Пріемлю смѣлость Армянской націи отставныхъ компанейскихъ сотниковъ Ананія и Андреаса, яко отлично трудившихся въ выводѣ христіанъ въ Россію, высокому вашей свѣтлости покровительству поручить, и за услугу сію нижайше прошу вашей свѣтлости сравнять ихъ честію съ армейскими капитанами въ отставку.

22.

Бахчисарай, 10-го Октября 1778 году.

Подноситель сего Македонскаго гусарскаго полку подпорутчикъ Петръ Ивановъ, находясь при корпусѣ, употребляемъ былъ къ разнымъ, по знанію его Турецкаго языка, нужнымъ препорученіямъ, кои исправлялъ съ особливою ревностію и усердіемъ, и нынѣ по бывшему выводу Крымскихъ христіанъ въ Россію, разныя на него возлагаемыя должности

исполнялъ съ отмѣнною прилежностію и тщаніемъ, споспѣшествуя весьма въ соглашеніи упомянутыхъ христіанъ къ преселенію въ Россію. Въ упованіе оказаннаго имъ при семъ случаѣ трудолюбія и претерпѣннаго отъ Татаръ въ прошломъ году увѣчья, не позволяющаго ему продолжать далѣе службу Ея Императорскаго Величества, а равно и по недостаточному въ пропитаніи себя состоянію, нижайше вашей свѣтлости прошу усчастливить его вашимъ щедролюбивымъ призрѣніемъ.

23.

Благополучный Бахчисарай, 30-го Октября 1778 году.

Рапортъ *).

Вашей свѣтлости за долгъ почитаю представить, что господинъ секундъ-маіоръ Синельниковъ, при похвальномъ исправленіи своей должности, въ продолженіи бывшаго вывода Крымскихъ христіанъ въ Россію, къ приписанію подъ свозъ оныхъ подводъ, тожъ къ продовольствію ихъ въ пути, а равно и по всѣмъ протчимъ ему отъ меня нужнымъ препорученіямъ, прилагалъ отличные труды и попеченіе; а тѣмъ самымъ весьма споспѣшествовалъ къ скорому и безостановочному упомянутыхъ христіанъ отсюда выпровожденію, въ чемъ я ему по справедливости свидѣтельствуя, вашей свѣтлости нижайше прошу его высокой протекціи вашей удостоить.

24.

Л. Бахчисарай, 20-го Октября 1778.

Племянникъ мой секундъ-маіоръ Суворовъ, коего я имѣлъ честь еще прежде сего въ покровительство вашей свѣтлости предать, есть вручитель сего, былъ приставомъ при его свѣтлости ханѣ и употребленъ отъ меня къ важнѣйшимъ ему по-

*) Съ обычнымъ впереди прописаніемъ титуловъ.

рученіямъ въ выводѣ христіанъ. Сіе говоритъ объ немъ не родственникъ его, но говорящій истину его начальникъ. Воззрите, свѣтлѣйшій князь, на него, какъ на несчастнаго по службѣ, но усерднаго къ оной, и природнымъ вашимъ великодушіемъ удовлетворите его службу и нижайшую просьбу пребывающаго съ истиннымъ высокопочитаніемъ.

25.

30-го Ноября 1778 году.

Свѣтлѣйшій ханъ присланнымъ ко мнѣ письмомъ, представляя о понесенныхъ откупщикомъ здѣшняго полуострова Калужскимъ купцомъ Хохловымъ и товарищемъ его Павшинскимъ жителемъ Петромъ Автомановымъ разнообразныхъ убыткахъ, относящихся до собственныхъ доходовъ его свѣтлости, проситъ о удовлетвореніи оныхъ. Я, о справедливости сего будучи извѣстенъ, осмѣливаюсь поручить ихъ милостивому вашей свѣтлости призрѣнію.

26.

Г. Козловъ, 1-го Марта 1779 году.

Вашей свѣтлости вновь являемыя мнѣ милости превосходятъ всячески мои силы и чувствованія достодолжной благодарности. Позвольте, свѣтлѣйшій князь, посвятить остатки моей жизни къ прославленію толь безпредѣльныхъ благодѣяній вашихъ и пребыть съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр.

27.

Г. Козловъ, 3-го Марта 1779 году.

Подносителя сего, Таганрогскаго драгунскаго полку капитана Сахновскаго, находящагося у исправленія дѣлъ при секретной здѣшняго корпуса экспедиціи, въ разсужденіи отмѣннаго его въ томъ раченія и прилежности, въ уваженіе добро-

порядочнаго его поведенія и девятилѣтняго въ семъ чинѣ пребыванія, тожъ трудовъ понесенныхъ по разнымъ возлагаемымъ на него должностямъ, какъ и по бывшему выводу христіанъ Крымскихъ на поселеніе въ Россію, осмѣливаюсь поручить въ высокое вашей свѣтлости покровительство.

28.

Г. Козловъ, 16-го Апрѣля 1779 году.

Безпредѣльно распространяемыя Ея Императорскаго Величества ко мнѣ всеподданнѣйшему ея рабу милости превосходятъ всякую возможность и ревнія моего къ должному себя оныхъ удостоенію и изъявленія преисполненныхъ въ душѣ моей того ощутительностей. Позвольте, свѣтлѣйшій князь, поднесть вашей свѣтлости, яко единому сего моего благополучія руководителю, упокоренную мою благодарность и пребыть съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр.

29.

Г. Козловъ, 19-го Апрѣля 1779 году.

Выполняя повелѣніе вашей свѣтлости, сего году Февраля отъ 20-го числа, относительно пріисканія трехъ Татарокъ, надлежащія мѣры предприняты, и оныя, по увѣренію господина-резидента Константинова, чрезъ недѣлю отсюда отправлены будутъ.

30.

Г. Козловъ, 29-го Апрѣля 1779 году.

Изъ подносимаго приложенія ваша свѣтлость соизволите усмотрѣть недостатки претерпѣваемыя преселенцами Крымскими въ нынѣшнемъ ихъ положеніи. Воззрите, свѣтлѣйшій князь, милосердымъ окомъ на сихъ бѣдныхъ иностранцовъ, жертвовавшихъ всѣми временнаго ихъ благоденствія выгода-

ми усердію къ престолу Всероссійскому и христіанскому единовѣрію! Усладите ихъ горькое воспоминаніе прежняго ихъ, хотя подъ игомъ варварскимъ, но не менѣе сноснаго состоянія, и въ случаѣ какой либо въ семъ ихъ донесеніи излишественности, даруйте имъ великодушное прощеніе. Въ слѣдствіе чего, повергая ихъ подъ высокое вашей свѣтлости покровительство, пребываю съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр.

31.

Г. Козловъ, 7-го Маія 1779 году.

И при настоящихъ мирныхъ обстоятельствахъ за наилучшій удѣлъ поставляю себѣ состоять подъ точными вашей свѣтлости высокими повелѣніями. Удостойте, свѣтлѣйшій князь, пользоваться симъ преимуществомъ того, которой за особливую вмѣняетъ себѣ честь съ глубочайшимъ почтеніемъ именоваться и пр.

32.

14-го Маія 1779 году.

По повелѣнію вашей свѣтлости Татарскихъ дѣвочекъ три, изъ коихъ одна съ братомъ, мальчикомъ равнаго возраста, Суздальскаго пѣхотнаго полку съ поручикомъ Корицкимъ отправилъ. Особливо счастливымъ поставляю для себя случай, чрезъ которой могъ выполнить волю вашей свѣтлости.

33.

Полтава, 25-го Іюля 1779 году.

Вашей свѣтлости почтеннѣйшее отъ 7-го сего Іюля письмо я удостоился получить и видя изъ онаго ко мнѣ оказанную высокую милость, что соизволите удостоивать быть въ ввѣренной вашей свѣтлости дивизіи, чѣмъ будучи довольно счастливымъ себя почитаю, осмѣливаюсь принесть мою наичув-

ствительнѣйшую благодарность, всенижайше прошу и впредь содержать въ вашемъ покровительствѣ того, которой съ совершеннымъ высокопочитаніемъ и истинною преданностію на всегда пребудетъ.

34.

Полтава, 27-го Августа 1779 г.

Подносителя сего Сумскаго гусарскаго полку подполковника Лизакевича, находившагося при мнѣ во время командованія моего въ Крыму и на Кубани войсками въ управленіи секретною экспедиціею, и какъ по оной, такъ и по другимъ должностямъ, а особливо по бывшему выводу Крымскихъ христіанъ на поселеніе въ Россію, отличные труды понесшаго, осмѣливаюсь поручить въ высокое вашей свѣтлости покровительство.

35.

Полтава, 25-го Октября 1779 г.

Утверждающая десница вашей свѣтлости, величіе дѣлъ достопамятныхъ открываетъ Божіе предопредѣленіе, устроившее особу вашу на благотвореніе человѣчеству. Вашей свѣтлости дѣло сооружать людямъ благодѣйствіе, возводить и возставлять нища и убога, и содѣловать благополучіе ищущему вашей милости, въ чемъ опыты великихъ щедротъ, сіяющихъ повсемѣстно къ неувядаемой славѣ, истину сію доказываютъ. Я взысканъ и облагодѣтельствованъ вами, свѣтлѣйшій князь; осмѣливаюсь представить господина маіора Максимовича, заслуживающаго вашей свѣтлости благоволеніе по похвальному его поведенію, ревностной службѣ и достойнымъ качествамъ, но неимущаго протекціи и погребшаго себя въ уединеніи. И ежели не оскудѣваетъ милость ваша ко мнѣ, то всенижайше прошу показать ему высокое благодѣяніе, осчастливить его достойнымъ мѣстомъ по премудрому изобрѣтенію. Воззрите, милостивый князь, милосердымъ окомъ на ходатайство мое и

не оставьте омилостивить сего благодарнаго человѣка. Симъ увеличите одолженіе тому, которой возвергъ упованіе, яко на единаго своего патрона до послѣднихъ дней, съ непоколебимою преданостію и высокопочитаніемъ имѣетъ честь называться и пр.

36.

Полтава, Ноября 1779 году *).

По благополучномъ окончаніи военныхъ дѣйствій, когда всѣ въ томъ подвиги воспріявшіе наслаждаются покоемъ, надѣялся и я вкусить отъ плодовъ онаго; но среди того постигли меня толь горестныя обстоятельства, коихъ воспоминовеніе желалъ-бы я скрыть на всегда отъ свѣта, если-бъ честь и достояніе званія моего не исторгали отъ меня поминутно ихъ признанія. Обезчестенъ будучи беззаконнымъ и поноснымъ поведеніемъ второй половины, молчаніе было-бы знакомъ моего въ томъ соучастія. Нѣтъ тутъ, свѣтлѣйшій князь, недоказательнаго; иначе совѣсть моя, никогда не поврежденная, была-бы мнѣ въ несправедливости изобличителемъ. Пользуясь же всегда высокимъ вашей свѣтлости покровительствомъ, пріемлю смѣлость къ оному прибѣгнуть и всенижайше просить: удостойте, свѣтлѣйшій князь, высокаго вниманія вашего, будьте предстателемъ у высочайшаго престола къ изъявленію моей невинности, въ справедливое же возмездіе виновницѣ и къ освобожденію меня въ вѣчность отъ узъ бывшаго съ нею союза, коего и память имѣетъ уже быть во мнѣ истреблена. Не нахожу иного способа къ моему успокоенію, и нѣтъ посредства къ прежнему присоединенію, ибо сему преимущественно смерть, яко единый конецъ моего злоключенія, предпочесть я долженствую. Жребій мой въ благоизволеніе вашей свѣтлости поручая, прибѣгаю съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр.

---

*) Числа не поставлено. П. Б.

37.

Москва, 21 Генваря 1780 году.

Къ повелѣнному вашею свѣтлостью мнѣ предмету спѣша не въ возвращеніе, но въ продолженіе сихъ извѣстныхъ вамъ ко мнѣ вашихъ высокихъ милостей и покровительства, на остающее теченіе службы и жизни моей себя поручаю съ глубочайшимъ почитаніемъ.

38.

Астрахань, 27-го Февраля 1780 году.

Астраханской портовой таможни правящій предъ симъ цолнерскую должность, директоръ Богданъ Хастатовъ пожелалъ быть съ переименованіемъ по табели о директорахъ, съ награжденіемъ чина, въ военной службѣ, о чемъ по командѣ на разсмотрѣніе вашей свѣтлости представлено. А какъ онъ Азіятскія обстоятельствы и ихъ нравы, языки свѣдущъ, коваго мнѣ нынѣ имѣть въ командѣ нужно, по требованію жъ моему нынѣ отъ него для свѣдѣнія на сей разъ нужностей усмотрѣнъ мною онъ довольно надеженъ: всепокорно прошу вашу свѣтлость съ награжденіемъ чина приказать явиться ему въ мою команду. Симъ обяжете чувствительнѣйшею благодарностію того, которой съ особливымъ почтеніемъ и истинною преданностію честь имѣетъ быть всегда и пр.

39.

Астрахань, 24-го Іюня 1781 году.

По нынѣшнимъ обстоятельствамъ, ежели мнѣ сіе лѣто высочайшая императорская служба не предлежитъ, не повелите ли, ваша свѣтлость, дать мнѣ позволеніе пріѣхать на краткое время въ С.-Петербургъ для объясненія съ вашею свѣтлостію? Буду всегда съ глубочайшимъ почитаніемъ и пр.

40.

Астрахань, 8-го Августа 1781 году.

Высокое повелѣніе вашей свѣтлости о пріѣздѣ моемъ въ Санктъ-Петербургъ я имѣлъ счастіе получить. Большая часть моихъ объясненіевъ состояла въ томъ, что я здѣсь другой уже годъ безъ всякаго дѣла, а особливо при случаѣ отправленія г. Войновича въ море, я не только не участвовалъ въ распоряженіяхъ, касающихся до сей экспедиціи, ниже свѣдѣнія о немъ самомъ какого имѣлъ. Почитаю, не гнѣвъ ли какой вашей свѣтлости ко мнѣ есть, или нѣтъ-ли съ моей стороны какого неизвѣстнаго мнѣ преступленія. Нынѣ-же изъ полученнаго вашей свѣтлости повелѣнія вижу, что мое здѣсь пребываніе еще нужно; то, дабы чѣмъ скорѣе, тѣмъ для меня лестнѣе исполнить ваши дальнія повелѣнія, я поѣздку оставляю, а ожидаю здѣсь на мѣстѣ возложенія дѣлъ мнѣ отъ вашей свѣтлости ввѣряемыхъ.

41.

Астрахань, 15-го Декабря 1781 году.

Вашу свѣтлость обыкновеннымъ моимъ чистосердечіемъ утруждаю; ибо, сколько ни старался докладывать васъ чрезъ другихъ, тѣ мнѣ отвѣтствовали молчаніемъ или двоесловіемъ.

Послѣ проѣхавшаго отъ Воиновича Грека Варваціа слухъ здѣсь разнесся, что я болѣе въ здѣшней сторонѣ быть не потребенъ. Свѣтъ работаетъ случаю!

Ежели такъ, и оборотъ мой долженъ быть къ Казанской дивизіи: свѣтлѣйшій князь,—въ ней два полка.... *) то не повелите-ли, чтобъ по послѣднему росписанію Государственной Военной Коллегіи я командовалъ и Оренбургскимъ корпусомъ? Я буду жить въ Симбирскѣ, подручно обѣимъ мѣстамъ.

---

*) Такъ въ подлинникѣ. П. Б.

Коли сего не можно, прикажите, ваша свѣтлость, мнѣ возвратиться въ Полтаву къ прежней моей командѣ, отъ которой 2 года назадъ былъ я отозванъ въ С.-Петербургъ и избавьте меня паки сей ѣзды.

Сверстники мои входятъ въ правленіе г. губернаторскихъ должностей; велика-бъ была милость вашей свѣтлости, естли-бъ и мнѣ таковую поручить изволили, и естли она меня отъ государевой военной службы не отвлечетъ. Сей послѣдней я себя посвятя, буду тѣмъ ревностнѣе ободреннымъ къ ежечасному употребленію въ оной, поелику мое состояніе будетъ противъ прочихъ безобидно.

42.

Астрахань, Декабря дня 1781 году.

Позвольте, свѣтлѣйшій князь, принесть вашей свѣтлости усерднѣйшее мое съ новымъ годомъ поздравленіе. Всевышній да продлитъ вѣкъ вашъ при ненарушимомъ здравіи въ множайшія лѣта. Сего искреннѣйше желаетъ всегда пребывающій съ глубочайшимъ почтеніемъ и преданностію.

43.

Кр. Св. Димитрія Ростовскаго, 10-го Декабря 1782 г.

Позвольте мнѣ принесть всенижайшее поздравленіе съ новымъ годомъ. Благодать Всевышняго да пребудетъ надъ вашею свѣтлостію несчетныя лѣта! Поручаю себя въ высокую милость вашей свѣтлости и буду по мой гробъ съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр.

44.

На Дону, Устьаксайской станъ, 15 Декабря 1783 г.

Удостойте, свѣтлѣйшій князь, благопринять приношеніе сіе усерднѣйшаго моего съ наступающимъ новымъ годомъ поздравленія. Всевышній да даруетъ вашей свѣтлости, какъ оной, такъ и множайшіе другіе въ вождѣленномъ здравіи и

благоденствіи препроводить. Сего душевно желаетъ пребывающій вѣчно съ глубочайшимъ почтеніемъ и всесовершенною преданностію и пр.

45.

Кр. Св. Димитрія Рост., 14-го Февраля 1784 г.

Великой Императрицею увѣнчаніе высокихъ талантовъ вашей свѣтлости новою степенью меня, вамъ наипреданнѣйшаго, въ восторгѣ моемъ ободряетъ паки принесть вашей свѣтлости мое всенижайшее поздравленіе. Благоволи, Боже, чтобъ многолѣтіе вашей славы процвѣтало во вселенной! Я же усердіемъ малыхъ моихъ трудовъ, стремяся быть угоднымъ вашей свѣтлости, препоручаю себя въ высокое ваше покровительство и пребуду съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр.

46.

10-го Апрѣля 1784 году.

Вашей свѣтлости нижайше благодарю за всѣ ваши мнѣ оказанныя высокія милости. Простите мнѣ, свѣтлѣйшій князь, что я самолично сего не учинилъ; безъ того увѣрены ваша свѣтлость о моей къ вамъ преданности. Но спѣшу я въ Москву къ моей новой командѣ. Поручаю себя въ высокое покровительство вашей свѣтлости и буду вѣчно съ глубочайшимъ почитаніемъ и пр.

47.

Москва, 6-го Іюня 1784 года.

Я былъ въ Санктъ-Петербургѣ—пасть къ высочайшимъ стопамъ и былъ принятъ милосердо. Нынѣ ѣду въ мои деревни, прикосновенныя расположенію шестой дивизіи. Пріятность сей праздности недолго меня утѣшить можетъ: высокая

милость вашей свѣтлости исторгнетъ меня изъ оной поданіемъ случая по высочайшей службѣ, гдѣ я могу окончить съ честью мой животъ.

48.

Село Ундолъ, подъ Володимеромъ, 22-го Ноября 1784 году.

При высокомъ повелѣніи вашей свѣтлости отъ 5-го Ноября мѣсяца всемилостивѣйше пожалованную мнѣ отъ Ея Императорскаго Величества, изъ числа сдѣланныхъ на присоединеніе къ Россійской Имперіи полуострова Крымскаго, золотую медаль я сего жъ теченія 22-го числа имѣлъ честь съ наичувствительнѣйшимъ удовольствіемъ получить. За сію являемую мнѣ милость поставляю долгомъ вашей свѣтлости принести мою всенижайшую благодарность.

49.

С. Ундолъ, 10-го Декабря 1784 году *).

Съ наступающимъ новымъ годомъ вашу свѣтлость всенижайше поздравляю. Истекающій годъ я прожилъ въ деревнѣ при нѣкоторыхъ войскахъ, въ ожиданіи отъ вашей свѣтлости особой мнѣ команды, какъ я обыкновенно командовалъ дивизіею или корпусомъ; особливо, милостивый государь, ваканція мнѣ по дивизіямъ Брюсовой и Репнина. Въ сторонѣ первой я имѣю деревни; но все равно, свѣтлѣйшій князь, гдѣ бы я отъ высокой милости вашей свѣтлости особую команду ни получилъ, хотя въ Камчаткѣ.

Въ праздности купилъ я 92 души подъ вексель, которой въ два года выплачу. Оставилъ на Кубанѣ экономіи больше

*) Это письмо было напечатано въ Р. Архивѣ 1879 (III, 0403), съ подлинника хранящагося у г-на Лясковскаго. Въ Архивѣ Князя Воронцова оно тоже имѣетъ всѣ признаки подлинника; но который настоящій подлинникъ, намъ неизвѣстно. Есть однако основаніе думать, что оба экземпляра суть литографическіе снимки. П. Б.

XXI

100.000 и по краткому времени на 4-ре мѣсяца мѣсячныхъ. Вотъ мое корыстолюбіе.

Подъ Копыломъ командовалъ не Эклисовъ, а Ник. Рахмановъ, которой въ поле съ полкомъ, съ поля съ баталіономъ; противъ его однаго года, я во всю мою службу столько людей не потратилъ, и сочинялъ на меня пасквильи.

Служу я, милостивый государь, больше 40 лѣтъ, и почти 60-ти лѣтній. Одно мое желаніе, чтобъ кончить высочайшую службу съ оружіемъ въ рукахъ. Долговременное мое бытіе въ нижнихъ чинахъ пріобрѣло мнѣ грубость въ поступкахъ при чистѣйшемъ сердцѣ и удалило отъ познанія свѣтскихъ наружностей. Препроводя мою жизнь въ полѣ, поздно мнѣ къ нимъ привыкать. Наука просвѣтила меня въ добродѣтели; я лгу, какъ Эпаминондъ, бѣгаю какъ Цесарь, постояненъ какъ Тюрень и праводушенъ какъ Аристидъ. Не разумѣя изгибовъ лести и ласкательствъ къ моимъ сверстникамъ, часто неугоденъ. Не измѣнилъ я моего слова ни одному изъ непріятелей, былъ счастливъ, потому, что я повелѣвалъ счастіемъ.

Успокойте духъ невиннаго предъ вами, въ чемъ я на страшномъ Божіемъ судѣ отвѣчаю и пожалуйте мнѣ особую команду... Исторгните меня изъ праздности, но не мните при томъ, чтобъ я чѣмъ хотя малымъ гр. Иваномъ Петровичемъ *) недоволенъ былъ; токмо что въ роскоши жить не могу. Въ чужіе краи... **) тоже праздность. Уповаю на высокую милость вашей свѣтлости и буду по гробъ мой и пр.

50.

9-го Марта 1788 г.

Батюшка князь Григорій Александровичъ! Боюсь прогнѣвить вашу свѣтлость въ видѣ неблагодарнаго... Казюки на меня наступили, и моя совѣсть. Кутейниковъ по службѣ и

---

*) Салтыковымъ. П. Б.

**) Въ обоихъ мѣстахъ точки, какъ и ниже въ письмѣ 50-мъ, находятся въ подлинникѣ. П. Б.

качествами достоинъ, и ежели есть заслуга къ собственности имѣющей вліяніе въ успѣхи, то я истекалъ, начинался обморокъ, лекаря нѣтъ, самъ собою онъ рѣшился перевязать....

Вашей свѣтлости, милостиваго государя, нижайшій слуга

Александръ Суворовъ.

51.

Фокшаны, 21-го Іюля 1789 году.

Мы здѣсь одержали побѣду! Легко ранены бригадиры: Левашевъ, Вестфаленъ, подполковникъ артилеріи Воейковъ, Хастатовъ, и протчій уронъ малъ. Отъ Австрійцовъ убитъ полковникъ графъ Ауерсбергъ. Взяли нѣсколько пушекъ и знаменъ, о чемъ впредь подробнѣе объясню.

Г. Александръ Суворовъ.

52.

Берладъ, 18-го Февраля 1790 году.

Великій гетманъ! Господь Богъ, великая Императрица, да увѣнчаютъ и далѣе великую душу, высокіе таланты вашей свѣтлости. Нижайше благодарю за милостивое письмо ваше сего отъ 16-го числа и пребуду и пр.

Графъ Александръ Суворовъ-Рымникскій.

53.

Берладъ, 23-го Февраля 1790 году.

Проливаю слезы, паче о незаплатимомъ союзникѣ! Леопольдъ былъ скупой гражданинъ по прежнему престолу; нынѣ Бѣлградъ съ протчимъ его задержать долженъ: Шлезія тажъ для Австрійскаго дому. Нижайше благодарю за списокъ и письмо вашей свѣтлости сего отъ 21-го числа. Поручаю себя въ вашу милость.

54.

Берладъ, 14-го Марта 1790 г.

Вашу свѣтлость нижайше благодарю за милостивое письмо ваше сего отъ 9-го ч. Боже даруй вашей свѣтлости крѣпкое здоровье для одолѣнія тяжелыхъ дѣлъ; тожъ у меня грудь чистится къ веснѣ близъ мѣсяца. Господина Мустафу-эфендія я угостилъ. Въ высокославной Пруской арміи быстрая Польская конница умкнетъ, у себя оставитъ Прускую пѣхоту на жертву, ежели ея по обстоятельствамъ протекціи прежде не отберутъ; у насъ же нынѣ легкія войски не тѣ, что̀ были при Петрѣ Великомъ. Помоча̀ Селимова далека; жаль, что послѣ Данцига въ угодность неудобно промѣнять Каменеца на молошной рожокъ.

55.

Гирлешти, 30-го Іюня 1790 году.

Боже вамъ даруй здравіе, какъ и да увѣнчаетъ Россію побѣдою на Сѣверѣ....*) и въ свое время надъ Прускимъ королемъ. Милостивое письмо вашей свѣтлости сего отъ 27-го ч. съ нижайшею моею благодарностію получилъ и пребуду съ глубочайшимъ почтеніемъ.

56.

Д. Молдавени на Яломицѣ, 23-го Іюля 1790 году.

Боже благослови на Бендеръ путь вашей свѣтлости и кампанію. Нижайше поздравляю васъ, милостиваго государя, съ побѣдою г-на Ушакова. Удостоенъ письмомъ вашей свѣтлости, поручаю себя въ ваши повелѣнія и пребуду съ глубочайшимъ почтеніемъ.

---

*) Такъ въ подлинникѣ, равно и ниже въ письмахъ 58—60. П. Б.

57.

Д. Молдавени на Яломицѣ, 27-го Іюля 1790 году.

Нижайше благодарю вашу свѣтлость за милостивое письмо сего отъ 23-го ч. Здѣсь мы сыты, здоровы, и всего у насъ довольно. Диванъ прислалъ 300 скотинъ; пр. Кобургъ 200 ведръ горячаго вина. Лѣнивая Турецкая перенрава за бурями на Дунаѣ и небольшей охотой визиря. Милостивый государь! Боже, благослови предпріятія ваши!

58.

Киліяни, 3-го Сентября 1790 году.

Ахъ, батюшка князь Григорій Александровичъ, оживляете меня! Боже вамъ даруй, чтобъ сонъ бирбрауеровъ (у Вас. Степ.) сбылся, и право есть надежда. Поляки двояки и перемѣнчивы, Герцбергъ суперфинъ и рвется, Густавъ нашъ.... Коли угодно Геркулесовой дубинѣ, и центръ не далекъ. Виватъ, Ушаковъ! Нижайше благодарю за увѣдомленіе вашей свѣтлости. Я готовъ, милостивый государь, къ повелѣніямъ вашимъ. Борюсь сильно съ горячкою и по гробъ мой съ глубочайшимъ почтеніемъ.

59.

Д. Киліяни, 29-го Сентября 1790 году.

Вашей свѣтлости милостивое письмо сего отъ 25-го числа получилъ. О Рост. и Новог. прежде донесено. Въ присутствіи или помощи сухопутныхъ войскъ гребной флотъ возьметъ Килію, Измаилъ и Браиловъ... Для услугъ сего послѣдняго подвезть можетъ нѣчто осадныхъ артилерій и припасовъ, или эти доставитъ благовременно резервной корпусъ водою, отъ стороны Никорештскаго лѣсу, готовыя кромѣ фашинъ, кои тожъ исправить въ здѣшнихъ мѣстахъ. Раи, милостивый го-

сударь, оговорены отъ нейтралитета; въ свое время сухопутное войско перейдетъ здѣсь при Сербанешти, спуститъ мостъ за устье Бузео и въ Браиловскомъ раю. Какъ декретъ на Булгарію не публикованъ, мечтается въ перспективѣ, что по времени ваша Силистрія и ближе къ трибунѣ префекта... ежели черта пера не предваритъ остріе меча. Вашей свѣтлости новый годъ! Новыя мнѣ милости. Я выстрѣлю ваше здравіе.

60.

5 Октября 1790 году.

За милостивое письмо вашей свѣтлости сего отъ 1-го числа нижайше благодарю.

Десница Господня да сотворитъ силу и вознесетъ подвиги ваши!

61.

Максимени, 22-го Октября 1790 году.

Слава Вышнему! Поздравляю съ Киліею: ключъ къ дальнѣйшимъ завоеваніямъ вашей свѣтлости. За милостивое письмо сего отъ 19-го числа нижайше благодарю. Всемогущій Богъ умножи вамъ во всѣхъ странахъ побѣды! Браиловцы благовидны.

62.

Галацъ, 24-го Ноября 1790 году.

Вашей свѣтлости милостивое письмо съ Лошаковымъ получилъ, повелѣнія исполняю и съ Рибасомъ пока издали знаюсь. О Боже, дай вамъ погоду и Браиловъ!

63.

Галацъ, 30-го Ноября 1790 году.

Получа повелѣнія вашей свѣтлости, отправился я къ сторонѣ Измаила. Боже, даруй вамъ Свою помощь!

64.

Измаилъ, 18-го Декабря 1790 г.

Виватъ, князь Григорій Александровичъ, на 7000 лѣтъ! За письмо вашей свѣтлости всѣ здѣшнія храбрыя войски вамъ нижайше руки цалуютъ. Подъ самымъ Мачиномъ не было, подъ Браиловымъ было 8-мь судовъ да 5-ть пушекъ и 6 судовъ, отъ 2-хъ до 3-хъ пушекъ при нѣсколькихъ десяткахъ купецкихъ. Нынѣ показываютъ 4 первыхъ и иныхъ 2, 3-хъ пушечныхъ до 30-ти. Гарнизонъ и 8 и 12000, но съ нижнимъ вооруженіемъ можно больше счислять. Противъ моего пароля дѣлали наши тамъ чуть малые заѣзды, и нехорошо. Я запретилъ, т. е. пора мнѣ домой.

65.

Измаилъ, 20-го Декабря 1790 года.

Сколько бы я желалъ коснуться здѣсь вашей мышцы, но ваша свѣтлость вѣрить можетъ, что я въ душѣ моей обнимаю колѣни ваши. Здѣсь я кончилъ, подозрѣніе мое на Новосеретскую политику принуждаетъ меня туда спѣшить.

Письма безъ означенія годовъ.

66.

Воззрите милосердо, свѣтлѣйшій князь, на мое двулѣтнее состояніе безъ малѣйшей здѣсь команды: безгласенъ, отъ всѣхъ презрѣнъ. Въ Казанской дивизіи два полка.

Настояще угнетаемъ возрастающею гордостію; писалъ, чтобъ доложить вашей свѣтлости о позволеніи мнѣ временно отлучиться въ Пензенскія мои деревни, кои ближними отсюда и всюду подручными.

Ежели ваша свѣтлость меня предопредѣлять изволитъ къ дѣйствію будущею вееною, то до оной близко; буде же про-

длиться можетъ до осени, то, милостивый государь, повелите мнѣ выѣхать въ мои деревни, или лучше перемѣститься въ Кизляръ, откуда по надобности государева дѣла я могу обращаться въ Астрахань.

67 *).

Тотъ я Г. что̀ идетъ завоевать П..... Я только хвастаю, что близко 40 лѣтъ служу непорочно. Я повѣщалъ Хм. о контрибуціяхъ, просилъ у вашей свѣтлости денегъ, счелся съ моими доходами; нынѣ они мнѣ ненадобны, ни дѣтямъ моимъ. Я требовалъ у Х., стыдно сказать, красавицъ; кромѣ брачнаго я не разумѣю, чего ради по сему столько много вступаюсь за мою честь. Пер..аргамаковъ. Я ѣзжу на подъемныхъ лучшихъ уборовъ. Ящика для нихъ нѣтъ, драгоцѣнностей у меня множество, брильянтовъ изъ высочайшихъ въ свѣтѣ ручекъ и Индѣйскихъ парчей. Я право не зналъ, есть ли тамъ они? и проч. Сложники скрежетали. Х. пасквильи здѣшней тріумвиратъ: Сибирякъ, якобы Армянинъ Минай Степановъ и Татаринъ Имангуловъ. Съ презрѣніемъ взираю на толь глупыя подлости, по преданности къ вашей свѣтлости непоколебимой моей души вѣрю, что и вы, свѣтлѣйшій князь, съ неменьшимъ омерзеніемъ гнусность сію принять изволили и ради моего удовольствія въ высокой власти вашей свѣтлости нынѣ и впредь тому подобныхъ достойныхъ наказанія происшествіяхъ ободряете добродѣтель, покровительствуете сихъ испытанныхъ рабовъ великія Императрицы, и меня приближащагося смертной старости утѣшаете толико прославляемымъ правосудіемъ вашимъ, дабы я и въ преображеніи моемъ съ сего свѣта могъ достойную жертву за васъ приносить Всемогущему Богу.

Сему письму близъ 1½ мѣсяца.

---

*) Письмо это относится до ссоръ Суворова съ его супругою. П. Б.

68.

Вашею свѣтлостію омилостивленной мой племянникъ маіоръ Ник. Сер. Суворовъ явился у меня при окончаніи сего. Узналъ я отъ него о высочайшихъ ко мнѣ щедротахъ. Позвольте только теперь мнѣ молить Бога о здравіи вашей свѣтлости; ибо письмы празднуютъ еще въ Полтавѣ по химерному меня туда ожиданію назадъ. Разсудилось мнѣ поспѣшить нижайшимъ по службѣ донесеніемъ.

Письма къ В. С. Попову.

69.

Кинбурнъ, 13 Апрѣля 1788 году.

Вашему высокородію при семъ послѣдній инструментъ на хамут.... Кончите милость.

А. С.

70.

Доложите его свѣтлости. Планъ на косѣ батареямъ, еще побольше маштаба поспѣетъ къ завтрему.

71.

14-го Іюня 1788 году.

Милостивый государь мой Василій Степановичъ!

Вашего высокородія почтенное письмо отъ 12-го числа сего мѣсяца имѣлъ честь получить. О Турецкомъ суднѣ, что взорвало, я доносилъ. Севастопольской флотъ спѣсивъ, недѣлю сряду былъ ему наиспособнѣйшій вѣтеръ безъ перемѣны. Судите, коли бъ Богъ далъ! Послѣ... здѣшнимъ почти хуже Чесмы. Кромѣ насъ, Воиновичъ ихъ не выпуститъ. Пожалуйте жгите тотчасъ эти письмы: у васъ всегда караводъ трутней.

72.

Петровъ день.

Ваше высокородіе съ праздниками поздравляю. За поздравленіе съ славными побѣдами жучекъ надъ слонами и участіе Блокфорта благодарю, но паче благодарю Бога за счастье свѣтлѣйшаго князя. Отъ чего жъ? Правило двуличіевъ по велѣніяхъ начальника есть крайное невѣжество... Теперь не безпокою, буду благодарить его свѣтлость за моего мальчишку. Протектуйте протчихъ. Обнимая васъ, буду всегда съ истиннымъ почтеніемъ.

73.

13-го Іюля 1788 года.

Вашего высокородія дружеское письмо отъ 11-го получилъ чрезъ племянника и за обѣихъ покорнѣйше благодарю. Теперь опять у меня новое комплектованье, новыя ваши благотворствы.

74.

27 Іюля 1788 года.

Къ вашему высокородію посылаю при семъ моего мальчика. Сдѣлайте милость, представьте его свѣтлѣйшему князю; повелите ему, чтобъ онъ его свѣтлости поклонился пониже, и ежели можетъ быть удостоенъ поцаловалъ бы его руку. Доколѣ Жакъ Жакомъ мы опрокинуты не были, цаловали мы у стариковъ только полу... Прикажите моему мальчику исполнить какъ приличнѣе.

75.

18-го Августа 1788 года Кинбурнъ.

Прежнее мое не стоило отвѣта вашего высокородія отъ 16-го числа, какъ и это еще меньше; въ ономъ ни посредства, ниже о имени.. упомянуто не было. Воображенія наши подвержены ежевременной перемѣнѣ вида, почему за пролетающія наши мысли мы и сами себѣ не отвѣчаемъ; иногда мы ихъ описываемъ пріятелю безъ обоюднаго уваженія. Такъ я переписывался съ вами, такъ часто съ моимъ другомъ Осипомъ Михайловичемъ *): басни и дѣло. Вы имѣете ваши департаменты, безъ обремененія выше.. Благополучно текло; кратко, вы сами знаете, подозрѣнія быть не могли; природа не одарила меня безчестностью, перемѣниться мнѣ поздно: буду всегда тотъ же. Въ прежнемъ два героя, подъ протекціею Академіи, хвалились, что они будутъ. Не предосудительно-ли то мнѣ? Честь моя мнѣ всего дороже, покровитель ей Богъ. Развѣ послѣ... я не спичка. Такъ и имѣлъ я долгъ вамъ дружески напомянуть, напомянуть. Рана, милостивый государь мой, это шутка; 2 докт. медиц. и 3-й кричали вмѣстѣ, безъ толку брызнули они отъ меня, какъ съ ристанья; но она была смертельна и нынѣ еще съ остаткомъ того, будто до будущей недѣли; знаете, что лѣкари льстятъ. Помните, сколько моя прежняя продолжалась.... Чувствую нынѣ и прежнія мои раны; но доколѣ живъ служить, хотя иногда и отдыхать: такъ долгъ христіанина. Чистой разсудокъ безъ узловъ. Мой стиль не фигуральной, но натуральной при твердости моего духа! Ежели кап. п. живъ и хотя буйно, но по лучшей ловкости быть здѣсь дракѣ: то желалъ-бы, чтобъ басурмане дали мнѣ покой по малой мѣрѣ на недѣлю. Обнимая васъ какъ другъ, остаюсь и пр.

---

*) Рибасомъ. Письма Суворова къ Рибасу см. въ Р. Архивѣ 1866.

76 *).

Кинбурнъ, 22-го Августа 1788 году.

За писаніе вашего высокородія отъ 21-го мною сего числа чрезъ архитектора полученное, приношу мою покорнѣйшую благодарность, равно и за участіе пріемлемое въ случаѣ несчастнаго здѣсь трясенія, отъ коего я благодарю Всевышняго большаго вреда, кромѣ что нѣсколькихъ малыхъ на лицѣ знаковъ и удара въ грудь, не получилъ.

«Охъ, братецъ! А колѣно, а локоть! Простите, самъ не пишу, хворъ».

Двѣ записки Суворова о своей службѣ **).

1.

Графъ Алек. Сувор. Рымн. 2. 3. году. Что было бы въ степени г-на Потемк-а ***). Отъ меня больше пользы! Послѣ не было-бы странности при Варнѣ, Шумлѣ. 7 бат. 3. 4.000 конн. были при Козлуджи. Прч. вспячены Каменскимъ 18 верстъ. Отвѣсъ списочнаго старшинства. Каменскій помѣшалъ гр. Алек. Сувор. Рымн-у, перенесть театръ чрезъ Шумлу за Балканы.

Въ частности графъ Сув. Рымн. удрученъ милосердіями. Земля корпоралъ! Въ общественности на томъ же рубежѣ. Принцъ Кобургъ овластченъ къ плодоносіямъ. Такъ Евгеній, Лаудонъ прч. Они обошли графа Суворова Рым-а. Во всей арміи никого.

Элмитъ изъ чужестранныхъ въ капитаны, графъ Сув. Рымн-кій сержантъ гвардіи. Князь Юрій Долгорукій съ нимъ

*) Собственноручна въ этомъ письмѣ только приписка, означенная здѣсь вносными знаками.

**) Обѣ записки сохранились въ современныхъ спискахъ. Въ первой многаго нельзя понять. П. Б.

***) Т.е. Павла Сергѣевича Потемкина, а не князя. П. Б.

одного года въ службѣ по списку въ колыбели. Надъ прочими графъ Сув. Рымн-кій старѣе лѣтами и службою, кромѣ Петра Дмитріевича Еропкина, что особо изъ увольненныхъ. Графъ Брюсъ по адъютанству въ гвардіи; графъ Иванъ Салтыковъ по камеръ-юнкерству и Франкфортскому извѣстію. Николай Салтыковъ по оберъ-квартирмейстерству и Франкфортскимъ знаменамъ. Князь Репнинъ по адъютанству въ гвардіи; графъ Валентинъ Платоновичъ Пушкинъ. ..Каменскій по артиллеріи и квартимейстерству; князь Юрій Долгорукій, полковникъ Кросетъ, коихъ не было. Всѣ они были оберъ-офицерами, графъ Сув. Рым. преміеръ-маіоръ.

Si je serais J. César, je me nommerai le premier capitaine du monde. Настоять на это было бы подобно тому Московскому архимандриту, что себя пожаловалъ въ преосвященнаго Платона....физикально и морально. Время кратко; сближается конецъ, израненъ, 60 лѣтъ, и сокъ весь высохнетъ въ лимонѣ.

2.

Здѣсь поутру мнѣ тошно, въ вечеру голова болитъ! Перемѣна климата и жизни. Здѣсь языкъ и обращенія мнѣ незнакомы. Могу въ нихъ ошибаться. Потому расположеніе мое неодинаково: скука или удовольствіе. По кратковременности мнѣ некогда, поздно, охоты нѣтъ учиться, чему до сего не научился. Это все къ поступкамъ, не къ службѣ! Глупость или ядъ не хочетъ то различать. Подозрѣнія на меня быть не можетъ: я честный человѣкъ, Богъ за меня платитъ. Безчестность клохчетъ, и о частомъ утоленіи моей жажды извѣстно, что сія умѣреннѣе какъ у прочихъ. Зависть по службѣ! Заплатитъ Богъ. Выѣзды мои кратки. Естьли противны, и тѣхъ не будетъ.

Сіе писано въ С. Петербургѣ, послѣ взятія Измаила штурмомъ, когда императрица Екатерина хотѣла за сей необыкновенный штурмъ возвесть Суворова въ фельдмаршалы, но противною партіею сіе разстроено, и сдѣланы ему другія пожалованія, какъ то: похвальная грамота на память будущихъ временъ, производство въ подполковники гвардіи въ Преображенскій полкъ и еще что-то.

ПИСЬМА СУВОРОВА ИЗЪ ИТАЛЬЯНСКАГО ПОХОДА КЪ РАЗНЫМЪ ЛИЦАМЪ *).

1.

Къ графу С. Р. Воронцову.

Со особливою благодарностію получилъ я писаніе вашего сіятельства отъ $^{8}/_{19}$ Марта, преисполненное искренними выраженіями, изъясняющими патріотическое ваше участіе въ учиненной мнѣ Его Императорскимъ Величествомъ всемилостивѣйшимъ нашимъ Государемъ новой довѣренности командованіемъ здѣсь соединенною арміею противу неистовыхъ и буйныхъ Французовъ съ ихъ послѣдователями. Не могу я описать ощущительную признательность къ оказываемому благоволенію его Великобританскаго величества въ избраніи моемъ на принадлежащій мнѣ трудный подвигъ, которой обращаетъ на себя вниманіе цѣлаго свѣта; однакожъ съ призываніемъ всегда всемогущаго Бога въ помощь, уповаю, что храбрые Россіяне укротятъ проклятую кичливость Французскую, и пріобрѣтутъ чрезъ сіе новую славу. Я надѣюсь, что ваше сіятельство скоро получите о семъ свѣдѣніе, а между тѣмъ пребуду

---

*) Печатаются съ современныхъ списковъ. П. Б.

2.

Къ нему же.

Письмо отъ 8/19 Марта имѣлъ честь получить. Дни два назадъ прибылъ я къ Австрійскимъ войскамъ и нашелъ ихъ въ полныхъ успѣхахъ. Россійскіе прежде шли тихо, но потомъ сдѣлали маршъ въ 88 миль въ 19-ть сутокъ, въ непогоду, въ горахъ, по послѣднему зимнему пути и разлитію рѣкъ и, обождавши соединенія части съ ихъ первыми, выступаемъ мы сего числа за Адышъ. За памятованіе меня въ толикой отдаленности другъ отъ друга приношу вашему сіятельству мою чистосердечную благодарность и съ совершеннымъ почтеніемъ пребуду по конецъ дней моихъ.

3.

Къ графу А. К. Разумовскому.

Милостивый государь мой графъ Андрей Кириловичъ!

По почтеннѣйшему вашему письму 10/21 Апрѣля о графѣ Бергетѣ исполнено будетъ, и Краю я внушилъ. Ваше сіятельство чистосердечнѣйше поздравляю съ здѣшними отъ Бога намъ дарованными неожидаемыми успѣхами. Быстрота столь велика, что заднія Россійскія войска еще къ намъ не поспѣли; но еще и тутъ мѣшаетъ провіантъ по томнымъ прежнимъ обычаямъ. Меласъ дѣйствуетъ похвально; баталія при Ваприо; малочисленные Цесарцы бились хватско холоднымъ ружьемъ, но начально тожъ въ иныхъ мѣстахъ. Вѣрьте, почтеннѣйшій другъ, что я усталъ, собираю силы. Да благословитъ Господь Богъ! Его превосходительству Степану Алексѣевичу *) усердное мое почтеніе. Ахъ я забылъ графиню: поздравьте съ Миланомъ. Съ совершенною преданностію пребуду вѣкъ мой.

---

*) Колычеву.

4.

Къ неизвѣстному лицу.

Ваше превосходительство Яковъ Ивановичъ. Приложенное хотя въ главныхъ правилахъ я уничтожаю, но не въ подробностяхъ, то есть по завладѣніи Александріи оставьте тамо для гарнизона прибывшіе къ вамъ три батальона съ половиною изъ Валенсіи. Возвратите ихъ туда назадъ, развѣ оставите изъ нихъ въ Александріи одинъ въ прибавокъ по усмотрѣнію вашему, а казакъ останется какъ есть для учрежденія разныхъ порядковъ. Генералъ Сентъ-Андре можетъ такожъ у васъ пробыть сколько надобно и возвратится въ главную квартиру. Прибавьте генералу Милорадовичу потребныхъ казаковъ. Но уже вашею стороною никакимъ войскамъ къ Турину не идти, а только полуторѣ сотнѣ лучшихъ казаковъ съ ихъ начальникомъ для западей противъ 15 числа. Притчины сему... что непріятель, отступившій отъ Александріи, хотя немногочисленный, не удалился еще вѣрно изъ Астіи, хотя на него подозрѣній нѣтъ. Не взирая на то, приведите крѣпость тотчасъ въ оборонительное состояніе.

5.

Къ графу П. А. Толстому.

Милостивый государь мой графъ Петръ Александровичъ.

На первое ваше письмо $^{16}/_{27}$ числа (другихъ я не получалъ) отвѣчалъ я кратко чрезъ Вѣну 29 Апрѣля. На послѣднее отъ 2 Маія отвѣчаю приложеніемъ. Предразсудкамъ кабинета безъ отвѣта Богу послѣдовать не должно. Онъ въ четырехъ углахъ. Эрцъ-герцогъ Карлъ въ четырехъ частяхъ круга солнечнаго. Французы въ офензивѣ проворнѣе многихъ народовъ. Чрезъ дефензиву эрцъ-герцога Карла они центрально *) чуть было мою печенку не проглотили. Нынѣ лучше.

*) Четыре слова не разобрано. П. Б.

Дефензивъ терялъ Италію до преддверіевъ Вѣны; офензивомъ эрцъ-герцогъ выгналъ изъ Германіи двѣ арміи Жордана и Моро. Эрцъ-герцогъ Карлъ сообразно здѣшнимъ дѣйствіямъ не только долженъ былъ занимать вниманіемъ Французовъ, но надлежало ему давно завоевать Швейцарію и съ помощію тамошнихъ храбрыхъ народовъ даровать имъ вольность, учинить себя господиномъ Рейна; тако сею вѣрнѣйшею иныхъ чертою оградить Цесарскія владѣнія, и тамъ, для цѣли сжели изволитъ глядѣть въ трубу, до вратъ Парижа.

6.

Къ А. Г. Розенбергу.

Іюня 2-го (1799) Александрія.

Ваше высокопревосходительство Андрей Григорьевичъ!

Новѣйшія извѣстія: Французы какъ пчелы, и почти изъ всѣхъ мѣстъ роятся къ Мантуѣ.... Намъ надлежитъ на нихъ напасть. Гдѣ это васъ застанетъ? Отдохнувши сколько надлежитъ, поспѣшайте къ намъ въ соединеніе. Мы скоро подымемся. Они сильны. Съ нами Богъ. Простите мнѣ, что вы были затруднены по обстоятельствамъ.

При семъ для свѣдѣнія вашего превосходительства препровождаю переписку мою съ эрцъ-герцогомъ. Неудовольствіе его, что я не соглашаюсь на его требованія, обнаруживается довольно изъ сихъ бумагъ. Но слава и честь высочайше ввѣреннаго мнѣ войска для меня священнѣе, и всѣ замыслы Тугута не вовлекутъ меня въ разставленныя имъ сѣти. Я твердое принялъ намѣреніе дать войскамъ нашимъ нужный отдыхъ и снабдить ихъ всѣми потребностями и потомъ уже расположить свои дѣйствія.

Управитъ Берлинъ Вѣною, Берлиномъ Вѣна, поелику дозволятъ. Обои перевѣсны на Днѣпръ и Двину.

Еще въ Италіи отъ безбожныхъ неопасно; ихъ не оста-

XXIV

валось 20000 солдать; прочіе крестьяне, кои къ веснѣ будуть солдаты.

Я внушалъ послу. Онъ жертвовалъ Тугуту. Контръ-революція чрезъ Дофине... Прибылыхъ 100000 Русскихъ, хоть 3000 пушекъ осадныхъ и иныхъ. Въ Туринѣ военной аммуниціи на нѣсколько кампаніевъ. Баронъ ихъ къ себѣ увезъ на Франш-конте. Тѣхъ способовъ... теперь лишилъ насъ патроновъ; но сего до освобожденія Швейцаріи и мыслить не можно. Эрцъ-герцогъ всѣми силами начнетъ; мы будемъ готовы къ первой зимѣ, и дѣла на мѣсяцъ. Безъ того, по силѣ нашей, мы одни ни шагу. Сего даже не пригрезится....

Но что за громъ! Сказывали въ Гларисѣ, что изъ Парижа перевезено въ Вѣну 11 миліоновъ ливровъ для изгнанія Россіянъ за Альпы. Не жаль будетъ. Тожъ въ Константинополь 2-хъ, 3-хъ миліоновъ. Кромѣ крѣпостей дефензифъ въ полѣ жретъ вдвое. Вилларъ не вездѣ. Кончимъ сію скучную мечту. Господь силъ съ нами!

Принцъ Кобургъ. Гофъ-кригсратъ имъ не властвовалъ. Тугутъ не народился. Онъ старѣе меня, былъ у меня въ полномъ послушаніи, отъ того Фокшаны, Рымникъ, завоеваніе Валахіи... Кольми паче нынѣ я призванъ командовать арміями Австрійскими, такъ мнѣ тотчасъ принадлежитъ эрцъ-герцогъ Карлъ. Отнюдь не изъ амбиціи, которой я 70 лѣтъ чуждъ, но по поводу общаго блага и моей зрѣлой практики; иначе, по силѣ моей, долго или навсегда я мертвой капиталъ, до исхода изъ Египта.

7.

Къ графу А. К. Разумовскому.

Милостивый государь мой графъ Андрей Кириловичъ!

Вашего сіятельства почтеннѣйшія письма отъ $^{7}/_{18}$ $^{8}/_{19}$ и $^{10}/_{21}$ Маія имѣлъ честь получить и покорнѣйше благодарю за рѣшеніе о Шембекѣ...Это была пропозиція безъ рефлекціи; унтеркунфтъ уже не здѣсь, но въ Вѣнѣ отношеніями мнѣ вреденъ; сокращаю ласковостію, мнѣ наизлѣйшій непріятель. Очень скученъ дипломатическій штиль обманчивою двуличностью. Спать недосугъ... Русскіе не таковы: генералы ихъ больше рекрутъ. Боже пособи кончить кампанію. Всеросійскій Императоръ повелѣваетъ мнѣ относиться къ королю Обѣихъ Сицилій; мнѣ тамъ еще темно. Г-на Толстова вы усмотрѣли. Моя система иначе: или 30-ти лѣтняя война или Кампоформіо, хуже ея съ юнымъ Бонапартіемъ. Могъ бы намъ открыться въ будущую кампанію Парижъ. Адда—Рубиконъ. Мы ее перешли на грудяхъ непріятеля; при Кассано, какъ здѣсь называютъ, слабѣйшею колонною разбили его армію что̀ отворило намъ путь въ Миланъ. Выучить мнѣ своихъ неколи было. Препоны что̀ я выше описалъ. Почти бы никто изъ нихъ не спасся. Лишь я здѣсь свѣдалъ, что они сюда какъ овцы бѣжали, и генералы впереди. Тако и другія въ свѣтѣ рѣки всѣ переходимы. Дефензивъ. Офензивъ. По первому славенъ Лассіевъ кордонъ отъ Тріеста до Хотина. Сей прорывали варвары по ихъ волѣ. Въ немъ много хранительныхъ пунктовъ. Слабѣйшій больше къ пользѣ непріятелей, чего ради меньшія его силы, ударяя въ одинъ, препобѣждаютъ. Такъ дѣлалъ здѣсь Бонапарте; такъ погибли Болье, Альвинци, Ворумзеръ. Мнѣ повороту нѣтъ, или также погибнуть.

На шеѣ моей Тортонской и Александрійской за̀мки; въ первомъ больше провіанта. Мантуя сначала главная моя цѣль, но драгоцѣнность ея не стоила потерянія лучшаго времени кампаніи. Субсистенція ея уменьшилась теперь отъ

нордовой черты. Приступимъ тверже къ ней, наполнивъ героями край. Пора помышлять о зюйдовой чертѣ: недорубленный лѣсъ опять выростаетъ. Выгрузившійся при Сестіи непріятель пошелъ на воздухъ; вмѣсто того тамъ нагружалъ багажи для отправленія въ Генуя. Худы, видно, Макдональдъ и Монтремаръ; испуганные издали Отто и Клейнъ намѣрены прогуляться. Откроетъ время. Спѣшимъ мы здѣсь къ осадѣ Туринскаго зáмка. Сооружаемъ на то здѣшнія пушки... О Боже, колико бы намъ Піемонтская армія полезною была; ее послѣ можно было распустить, ежели ненужна. Въ моихъ трудахъ утѣшаютъ меня всемилостивѣйшіе рескрипты Римско-императоро-королевскаго величества. Спасителя ради, не мѣшайте мнѣ!

8.

Къ нему же.

Милостивый государь мой графъ Андрей Кириловичъ!

Вашего сіятельства пріятнѣйшее письмо отъ 28 Маія (8 Іюня).

Сентъ-Андре намѣренъ формировать сверхъ сего по примѣру прежнему провинціальные полки. Я на то согласенъ. За 6-ть баталіоновъ Піемонтской арміи благодаренъ я много вашему сіятельству.

Правда, что боязливость неотдѣлима отъ натуральнаго кабинета. Нынѣ я получилъ рескриптъ. Онъ весь сооруженъ изъ страховъ отъ Макдональда, котораго войскъ у меня плѣнныхъ 12268 человѣкъ при 4-хъ генералахъ и 8 полковникахъ, какъ увидите изъ приложеннаго.

Здѣсь взято 6 знаменъ одними Русскими. Я желалъ бы ихъ отослать къ Россійскому Императору, только прошу чрезъ Тугута спросить на то императорскаго соизволенія. Касательно же Басиньянскаго дѣла, то оно послѣ поправилось, и я нынѣ доволенъ, какъ ни въ чемъ мнѣ не мѣшаютъ. Ея сіятельству графинѣ Елисаветѣ Осиповнѣ за доставленный подарокъ моя нижайшая благодарность и поздравляю съ Тури-

номъ. Ея сіятельству графинѣ Елисаветѣ Кириловнѣ *) здѣсь мой отвѣтъ. Я приму сына ея въ объятія и зависящую отъ меня помощь оказать не премину. Вѣрно, почтеннѣйшій мой другъ: я часто безъ гласу, языка и памяти. Извольте внять изъ цыдулы Дмитрію Иван. Хвостову. Предуготовьте мнѣ разбремененіе съ мірскими суетами и спокойствіе моимъ малочисленнымъ днямъ.

9.

Къ нему же.

Александрія, 20 Іюня.

Милостивый государь мой графъ Андрей Кириловичь!

Высочайшій **), вашего сіятельства при письмѣ отъ 4 Іюня, мною полученъ исправно. Здѣсь включаю по оному всеподданнѣйшее донесеніе.

Ежели Дидрихштейнъ и терпимъ, правя Тугутомъ, то правитъ и нами. . . . . Министру пути не будетъ... Проекторы, элоквенты, пустобаи, питаютъ гофкригерат. Сей, не касаясь до меня, повелѣваетъ частно, мнѣ недовѣдомо, генералъ-квартермейстеру, отъ котораго я слѣдственно завишу. Послѣ сдачи Туринской цитадели, получилъ генералъ-квартермейстеръ отъ гофкригсрата, сколько я вѣдаю, что имъ овладѣть не можно прежде завладѣнія Генуи и Куніо (чего глупѣе!); что мы на голову побиты будемъ и погибнемъ на мерзкомъ ихъ бѣгу, при защищеніи каждой изъ множества рѣкъ. Таковыя подлыя невѣрства, сопряженныя съ многомѣстными скрибентскими интригами противъ моего чужестранства, принуждаютъ меня не терпѣть ни часу и сложить съ себя мою должность, естьлибъ вдругъ возмочь. Вы одни дайте мнѣ къ тому способъ. Я доволенъ буду препроводить остатокъ моихъ малыхъ дней, хотя съ малымъ пропитаніемъ, какъ сель-

*) Апраксиной, сестрѣ графа Разумовскаго. П. Б.

**) Т. е. рескриптъ. П. Б.

ской дворянинъ. Я опредѣлилъ Розенберга командовать корпусомъ Ребиндера, а вмѣсто его здѣшнимъ Дерфельдена. Отто малосильнѣе при Пармѣ.... Я остаюсь при прежнемъ распоряженіи. Я едва и сіе начертаніе осилить могъ: столько и вѣрно слабъ. Александрійскій замокъ первой степени стоитъ много труда. Чуть осадная артиллерія изъ Турина прибудетъ и попрежде недѣли, такъ ужъ будетъ скоро.

У Цесарцовъ артилеристовъ недостаточно. Эрцъ-герцогу даны лишніе. Край также жалуется недостаткомъ его ими. Отъ Ребиндера довольно я подкрѣпилъ; дополню Піемонтцами. Меласъ считаетъ. Я то паки подтвердилъ: полно писать. Бога ради выводите вы меня изъ пургаторіи: ничто немило. Армія Піемонтская значитъ только 6 баталіоновъ. С. Андре хотѣлъ формировать ландмилицію въ прежнемъ числѣ. Андерсонъ изъ Вѣны къ Меласу: ему все дѣйствіе запрещено. Ко мнѣ ничего. Такъ я и входить не хочу или не могу. Вотъ благодарность Тугута.

Стыдно мнѣ бы было, чтобъ остатки Италіи въ сію кампанію не опорожнить отъ Французовъ. Потомъ и театръ во Франціи не былъ бы тяжелъ; мы бы тамъ нашли великую часть къ намъ благосклонныхъ.

1) Опорожнить Италію отъ Французовъ, дать мнѣ полную волю; 2) чтобъ мнѣ отнюдь не мѣшали гофъ-кригсратъ и гадкіе проекторы; 3) готовъ я изъ Швейцаріи ли къ Германіи, или къ Франціи ли; иначе мнѣ здѣсь дѣла нѣтъ. Домой, домой, домой: вотъ для Вѣны весь мой планъ.

10.

Къ А. Г. Розенбергу.

24 Іюня.

Ваше высокопревосходительство, Андрей Григорьевичъ!

Отъ обвѣщательнаго посту и патрулевъ, какъ скоро увѣдомлены вы будете, что непріятель сближается къ Бобіо, то извольте съ содѣйствующимъ вамъ генераломъ-фельдмаршаломъ-лейтенантомъ Оттомъ, поелику онъ потребенъ будетъ, принимать мѣры къ низверженію непріятеля. 1) Когда Бобіо займетъ какимъ своимъ отрядомъ, то его схватите и поразите нечаяннымъ нападеніемъ, особливо ночью; 2) ежели Макдональдъ очутился бы тутъ съ остатками его арміи, вы столько сильнѣе, чтобъ до корня разбить; 3) естьли бъ случилось, что и Моро съ нимъ соединится, то хотя вы совокупно и одни достаточны ихъ низложить, но для крѣпчайшаго удара мы отсюда готовы къ вашимъ услугамъ.

11.

Къ неизвѣстному лицу.

Іюня 25 дня 1799. Александрія. № 7.

Вейсмана не стало, я изъ Польши: одинъ бью всѣхъ вездѣ. Бьютъ подъ Гирсовымъ, я побилъ. Сказалъ: послѣдній мнѣ ударъ. То сбылось; я погибалъ. Счастье, говоритъ Римской императоръ. Ослиная въ арміи голова говорила мнѣ: слѣпое счастіе. Вы требуйте войскъ. Чтò бъ вы сдѣлали, естьли бъ побиты были. Глупой министръ не зналъ, что для пользы отъ побѣды надобно больше войска. У меня невиннаго отнимаютъ послѣдняго агнца Ребиндера. Эрцъ-герцогъ Карлъ, высшая особа, не даетъ мнѣ и повелѣннаго. Кабинетъ желаетъ утвердить потеряніе Ломбардіи и мечтаніе меня сбыть яко бременнаго ему чужестранца, паче чтобъ сумасходныхъ своихъ

правилъ не опорочить предъ Европою и доказать, что я только долженъ быть стражемъ предъ Вѣнскими вратами. Я буду Цинцинатъ, но до того вашъ пространный разсудокъ да побѣдитъ тлетворныя препоны. Завоюйте горныя части Италіи къ зюйду, острастите симъ Французовъ, а не штурмомъ одпаго Туринскаго зàмка.

Послѣднія мои побѣды исторгли у меня изъ рукъ до 5000. Бештимтъ-загеры сгубили у меня изъ оружія больше 10000. Общее благо совѣститъ васъ ихъ наполненіемъ, не только чтобъ у меня неблагоразумно отторгать Ребиндера. Онъ подъ Розенбергомъ будетъ послѣ завтра при Піаченцѣ для закрытія къ Моденѣ осады Мантуи и всѣхъ завоеванныхъ неоцѣненныхъ странъ въ Ломбардіи. Какъ скоро онъ отъ меня прочь, и я отовсюду прочь, по крайней слабости духа и тѣла. Гдѣ нибудь до всевысочайшаго увольненія. Спѣшу къ сохѣ. Знаетъ ли глупой, робкій кабинетъ, что осада безъ прикрытія обсерваціонныхъ корпусовъ не производится, развѣ по привычкѣ битымъ быть, какъ Лафейллядъ? Таковъ теперь Ребиндеръ. Я его и послѣ никуда отпустить не могу; а требую повелѣнныхъ мнѣ войскъ отъ эрцъ-герцога Карла, на смѣну моего Гадека въ Граубинденѣ. Кроя эрцъ-герцогову кровлю, мою раскрывать не надлежитъ или предаться по прежнему непріятельскимъ законамъ. Честнѣе и прибыльнѣе воевать противъ Французовъ, нежели противъ меня и общаго блага.

Совѣтую вамъ, почтенный другъ, ежели случится вашему сіятельству въ чемъ ни есть къ войскамъ отнестись, чтобъ мнѣ о томъ для соображенія какъ къ ихъ начальнику сообщить изволили; Вѣна въ воинскихъ операціяхъ не можетъ никогда какъ я свѣдуща быть. Не заводите другой гофъ-кригсратъ. И одинъ всю мою голову, вѣру и вѣрность крушитъ. Простите мое чистосердечіе.

12.

Графу П. А. Толстому.

От 27 Іюня. Александрія.

Эрцъ-герцогъ Карлъ на 3-хъ, 4-хъ генеральныхъ баталіяхъ и побѣдахъ нанесъ непріятелю урону тысячь пять и шесть. Можно бы удвоить, утроить, и штыками здѣсь при мнѣ Нѣмцы хорошо колютъ. Индѣ и во всемъ глупо я цѣлю, чтобъ съ ними растаться. Вездѣ невѣжественный гофъ-кригсратъ, робкой кабинетъ, неискореняемая привычка битымъ быть, унтеръ-кунфтъ, бештимтъ-загеры. Послѣдніе убавили у меня изъ подъ ружья въ три раза въ отрядахъ почти больше, нежели мнѣ на трехъ баталіяхъ стоили Тидонъ, Требія и Нура, а всего 10000. Отъ эрцъ-герцога повелѣнная смѣна моего Гадека до нынѣ безъ исполненія. На бештимтъ-загенъ здѣсь пронесся слухъ, якобы одна колонна Корсакова сюда будетъ; напротивъ того, Нѣмцы отваливаютъ отъ меня и горсть Ребиндера. И вѣдомо, здѣшнія завоеванія не по ихъ правиламъ, какъ они обыкли все терять до Вѣнскихъ вратъ, которые перенесены быть могутъ въ Пресбургъ. Для чего эрцъ-герцогъ Карлъ послѣ побѣдъ нашедъ Массену больше не атаковалъ?

Онъ боится и Цурихъ потерять и въ тишинѣ обороны наслѣдственныхъ земель пользуется унтеръ-кунфтомъ. Французы реквизицируютъ, собираютъ новую армію въ названіе *ванжансъ*; на 29 Іюня отворятся траншеи подъ цитаделью Александріи, почитаемою перваго ордена, и Мантуею осаду послѣдней закрываетъ Розенбергъ съ Ребиндеровымъ корпусомъ. Господь Богъ съ вами.

13.

Къ неизвѣстному лицу.

1-го Іюля 1799-го года. Александрія.

Французы брешутъ, что мнѣ здѣсь не быть. Они подкупятъ въ Вѣнѣ; правда, даже и у меня много Якобинцовъ въ бештимтъ-загерахъ.

Доклады я въ Миланѣ изъ Вѣны получаю; отвѣтъ о пріѣздѣ моемъ въ Верону. Я только что въ Туринъ перешелъ. Пишутъ мнѣ о Миланѣ; но всего лучше Туринъ опорожнить послѣ какъ цитадель взята будетъ. Нынѣ до взятья Мантуи на досугѣ то можно зрѣть изъ проекта на зюйдовы горныя части.

Я имѣю истинной припадокъ горячки, хотя на ногахъ. Благодарю Степана Алексѣевича *) за его твердые для него отзывы. Не часто пишу, и что̀ жъ я могъ послѣдній разъ писать? Я бью, Белегарда бьютъ; не докончa почти желаемаго, тороплюсь назадъ, полагая, что по ихъ бештимтъ-загерству Белегардъ уже заперся въ Валенціи, а до конца писать было невѣрно. Суточные труды, сцептическая огромная переписка съ бештимтъ-загерами, непрестанные отъ интригъ неудовольствія по гофъ-кригсрату, наконецъ, ваше письмо изъ Валенціи. Какъ Вурмзеръ въ Мантуѣ, спѣшной оборотъ туда. Моро прогнатъ въ горы. Поздравляю съ Александрійскимъ за̀мкомъ перваго ордена и вѣкъ мой съ совершеннымъ почтеніемъ.

*) Колычова. П. Б.

14.

Къ графу С. Р. Воронцову.

Милостивый государь мой графъ Семенъ Романовичъ!

Лорды, дѣти патріотизмомъ славящагося дюка Портланда и господа Клинтонъ и Свинбургъ вручили мнѣ письмо вашего сіятельства. Я весьма порадованъ пріобрѣтеніемъ сихъ толико знаменитаго рода и похвальнымъ ревніемъ къ воинскимъ подвигамъ отличающихся Великобританцевъ. Препорученіе вашего сіятельства пріемлю я въ истинной его цѣнѣ и потщусь доставить имъ случай къ удовлетворенію ихъ желаній. Они уже были на полѣ сраженія у рѣки Требіи, гдѣ непріятельская армія подъ Макдональдомъ въ 28.000, баталіями чрезъ три дня продолжавшимися, низложена, оставя на мѣстѣ убитыми болѣе 6000, и въ плѣнъ намъ доставшихся 4-хъ генераловъ, Руске и Оливье, дивизіонные Сальмъ и Камбре; полковниковъ 8, штабъ и оберъ-офицеровъ 502, унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ 11766; пушекъ 6, знаменъ 7, и часть обозу съ провизіями и снарядами. Съ остальными спасся стремглавъ въ Генуэзскія горы. Въ Туринѣ по отвореніи траншеи 31 Мая и открытіи батареи 7-го Іюня, началось сильное бомбардированіе на цитадель. Сіе принудило гарнизонъ поспѣшить къ сдачѣ на капитуляцію; на разсвѣтѣ, 9-го Іюня, генералы Фіорелли и Ландъ вышли съ плѣнными на размѣнъ 2790 человѣками. Тамъ найдено мѣдныхъ мортиръ 148, пушекъ 384, гаубицъ 30, ружей 40000, пороха 50000 пудъ, снарядовъ неисчетное множество.

15.

Къ графу Ѳ. В. Ростопчину.

Милостивый государь мой графъ Ѳедоръ Васильевичъ!

Вашего сіятельства почтеннѣйшее письмо отъ 7 Іюня имѣлъ честь получить и за оное покорнѣйше благодарю. Не человѣческія силы, но Божіе Провидѣніе вѣнчаетъ мужественныя войска нашего Великаго Государя Императора. Успѣхи и побѣды имъ принадлежатъ, въ чемъ Цесарцы и признаются. Послѣ Тидоны и Требіи Макдональдъ съ компаніею на пятой день побоищъ, увы! былъ бы съ остаткомъ въ нашихъ рукахъ. Уже мы въ погонѣ, какъ извѣщаютъ, что Лаконтъ съ 3000 легіономъ сзади близъ нашихъ обозовъ. Мнятъ, Моро слѣдуетъ за нимъ. Вдругъ колонны остановились. Я въ здоровьѣ слабъ и безгласенъ. Скоро на то подтвержденіе: Моро опрокинулъ Бельгарда подъ Александріею. Онъ понѣмецки заперся... Ежели операціями повелѣваетъ гофъ-кригсратъ, то во мнѣ здѣсь нужды нѣтъ, и я нынѣ желаю домой. Сей кабинетный декретъ разрушилъ порядокъ всѣхъ моихъ операціевъ; мнѣ должно было для исправленія довольно здѣсь пріостановиться. Макдональдъ не побитъ; онъ соединится съ Моро. Мнѣ надлежало Бельгарда поспѣшать къ себѣ, Гадекъ задремалъ; но наитомнѣйшій эрцъ-герцогъ Карлъ тотъ ударъ ему нанесъ и на насъ всѣхъ опасную бурю наклоняетъ. Бельгардъ на походѣ долженъ былъ подкрѣпить Гадека почти половиною своихъ силъ; къ намъ придетъ слабъ, тако и мы будемъ слабы.

Всякой частной генералъ не по однимъ внутренностямъ, но во всемъ относится въ гофъ-кригсратъ; тако имѣетъ право и интриговать по его пристрастіямъ и предразсудкамъ.... По симъ гофъ-кригсратъ изъ четырехъ угловъ имѣетъ право имъ повелѣвать и меня вязать.... Томность его кабинета налагаетъ томность эрцъ-герцогу Карлу. Сей принцъ, хотя бы и усерденъ былъ для общаго блага, такожъ связанъ, какъ я для

кооперацiи съ нами, какъ неуповательно, что онъ самъ вредную медленность любитъ. Иначе надѣяться можно было въ сiю кампанiю отвѣчать мнѣ за Италiю, ему за Германiю и за Швейцарiю. Его высокопревосходительство Тугутъ да вникнетъ въ сiи правилы; его мудрость да преодолѣетъ единожды гибельныя онымъ препоны, и твердость его духа да удалитъ безконечности для спасенiя Европы.

Много бы у меня здѣсь набралось добровольныхъ Пiемонтскихъ войскъ и было бы чѣмъ ихъ вооружить какъ и содержать безъ малѣйшаго Римскому императору убытка; нынѣжъ они мнѣ паче по многимъ причинамъ нужны. Лучшiе люди для гарнизоновъ съ нашими, ради ихъ замѣны, могутъ дѣйствовать иногда и въ полѣ при нашихъ, иногда для внутренней службы. Не первое ли это правило было у Французовъ въ быстрыхъ ихъ завоеванiяхъ? Важныя liberté, égalité не могли долго стоять противъ важныхъ religion, souveraineté. Еще что, графъ Андрей Кириловичъ? Которые съ вѣрою и вѣрностiю приступили для насъ къ службѣ, какъ въ нихъ много праздныхъ людей, вспомогаемы черепашьимъ шагомъ гофъ-кригсрата, направятъ паки ихъ фланги къ Французамъ. Многiе кадеты и офицеры, по недостатку довольнаго пропитанiя, пойдутъ его у нихъ искать, а артели свои легко соберутъ. По всѣмъ симъ уваженiямъ я здѣсь; иначе я бы лучше изъ Вѣны ѣхалъ домой между Алекто и Терсита, какъ гофъ-кригсратъ мнѣ не мѣшалъ; его одна и двѣ кампанiи мнѣ стоили мѣсяца; какъ его владычество загенералисимствовало, можетъ мнѣ стать одинъ мѣсяцъ его кампанiи на цѣлую кампанiю.

16.

Къ неизвѣстному лицу.

Іюля 4 дня 1799. Александрія.

Я боленъ на ногахъ. Какъ у готдема сплинъ, такъ у меня отзывъ домой, ежели не перемѣнится. За почтенное письмо вашего сіятельства отъ числа Іюня покорнѣйше благодарю. Оно принесло бы мнѣ полную утѣху, естьлибъ я тѣмъ зараженъ не былъ. Клянусь вамъ Астрою, боговъ посредницею. Между нами пребуду съ совершеннымъ почтеніемъ.

17.

Къ графу А. К. Разумовскому.

Ваше сіятельство всепокорнѣйшее и всенижайше благодарю за любезное дружеское ваше письмо отъ Іюня. Матушка графиня! Высѣки графа: онъ предъ этимъ немного дурилъ. Виватъ Александрійской зáмокъ перваго ордена! Обнимаю васъ почтеннѣйшаго друга и по гробъ мой пребуду съ совершеннымъ почтеніемъ.

18.

Къ графу С. Р. Воронцову.

24 Іюля 1799.

Ваше сіятельство, графъ Семенъ Романовичъ!

Его Сардинское величество пожаловалъ мнѣ дипломъ своего грандъ-маршала князя и кузена. Слѣдующая ваша тактика достойна быть хранима въ кабинетахъ мудрыхъ государей для ихъ генераловъ арміи, жертвующихъ собою пользѣ отечества и общему благу.

19.

Къ графу А. К. Разумовскому.

Іюля 27-го дня 1799.

Скорыми маршами армія изнурена: непріятель нападаетъ, всю побьетъ и плѣнитъ. Такъ направлялъ Торель, адъютантъ Меласовъ Телена изъ Тюрина; но самъ честной доброй старикъ тѣмъ же отзывался. Я это только что свѣдалъ, и отъ того разстройка въ Вѣнѣ.

Подъяческой стиль, которымъ безъ моего вѣдома пишутъ въ гофъ-кригсратѣ, я, сколько ни взыскиваю, доселѣ вывести не могу. Тѣмъ я никогда бештимтъ-загерской потери не знаю, а паче примѣрное исчисленіе непріятеля, и въ описаніяхъ теменъ. Лучшій Вукасовичь; только что отклоняться какъ не разумѣетъ. О политическомъ по связи съ операціоннымъ должно ему сообщаться со мною, какъ хозяиномъ обстоятельствъ. Вотъ я, бродя отъ экватора, къ полюсу добираюсь. Стыдно вамъ будетъ, ежели вы не обрящете вашимъ духомъ лучшія правила вещественнѣе моихъ для всаженія на престолъ порядка у мудраго Тугута, естественно честнаго патріота, но отводимаго проекторами для военныхъ дѣлъ по недостатку истинныхъ вождей, на однихъ мерсенеровъ или хлѣбоѣдовъ. Служба ихъ въ титлѣ амбиціи, то есть эгоизма вреднаго обществу! Я скажу: они храбры, я ихъ испыталъ, и оставлю армію. Простите, ежели случится побѣдительнѣе Евгенія, но безъ меня. Тѣхъ же бьютъ унтеръ-кунфтъ и бештимтъ-загенъ; для короны размѣнъ есть; для нихъ не ихъ люди. Чегожъ жалѣть! Я воленъ, служу, когда хочу изъ амбиціи. Вы скажете: такъ Германія была, такъ и будетъ; но не было до сего страшныхъ ей безбожниковъ. Впрочемъ до нравовъ, ни до почестей дѣла нѣтъ, и ежели демократичества не сломить, то оно все потопитъ, а конца онаго по междоусобіямъ долго ждать и безчеловѣчно. Парижъ съ Туриномъ различнаго званія.

20.

Къ А. М. Римскому-Корсакову.

От 18 Августа 1799. Асти.

Милостивый государь мой Александръ Михаиловичъ!

Теченіе обстоятельствъ непрестанно перемѣняется. Я хотѣлъ отъ васъ сюда 10000; вмѣсто того самъ къ вамъ иду и развѣ нечто прежде двухъ мѣсяцевъ. Мы были на Аддѣ 20000, на Тидонѣ и Требіи 30000, при Нови 40000, а нынѣ въ горахъ или изъ горъ имѣемъ противъ себя 50000. Падшія главы гидры сугубо возраждаются. К. Алексѣй Г. *) хорошо сказалъ, а оберъ-лейтенантъ лучше. Бештимтъ-загеръ разумѣетъ, что нельзя перейти Аара въ мокрыхъ шинеляхъ и чрезъ 3 мѣсяца расторопнѣйшему начальнику. Далѣе унтеръ-кунфтъ потребенъ. Вы хорошо дѣлаете, что при очищеніи прочихъ малыхъ кантоновъ будете имѣть Люцернъ какъ нужной пунктъ для связи съ здѣшними и моего впредь похода, но отнюдь по какому неистовому и неуповательному желанію, Гадека не смѣня и тѣ завися отъ меня. Лучше начните Берномъ, разбудите унтеръ-кунфтщиковъ и кончите Швейцаріею. Проложить путь къ слѣдующимъ отъ того важнѣйшимъ операціямъ. Я обнимаю васъ и моихъ любезныхъ земляковъ. Внѣдрите въ нихъ холодное ружье, чѣмъ мы здѣсь одним побѣды одержали. Вліяйте то и союзнымъ. Господь Богъ да благословитъ васъ въ богоугодное согласіе, котораго здѣсь цвѣтущее состояніе толико безбожныхъ поразило.

---

*) Горчаковъ. П. Б.

21.

Къ графу П. А. Толстому.

От 20 Августа 1799. Асти.

Милостивый государь мой графъ Петръ Александровичъ!

Мудрый Вѣнскій кабинетъ подарилъ Нидерланды, какъ подарилъ ему Бонапартъ чужую Венецію за Ломбардію; но колико превосходно его великодушіе! Туринъ на Калабрію, Неаполь на Палерму. Славнѣе того будетъ Вѣна на Пресбургъ.

Съ Бентламомъ будьте откровеннымъ другомъ. Я съ недѣлю въ горячкѣ, хотя еще и на ногахъ. Давно всеподданнѣйше прошу о отзывѣ. Развалинъ храма Темиры зрѣть не могу. Предпособите. Сообщайтесь съ Александромъ Михаиловичемъ и кн. Алекс. Горчаковымъ, когда онъ дѣйствующій. Господь Богъ вамъ пособи. Я всегда съ истиннымъ почтеніемъ о весьма пріятныхъ для меня отзывахъ Англинской толико знаменитой націи извѣщенъ уже былъ отъ его сія—ва графа Семена Романовича Воронцова, котораго просилъ я письмомъ моимъ о изъявленіи ей чувствительнѣйшей моей признательности и объ особенномъ моемъ къ ней уваженіи. Не менѣе сего пріятно для меня участіе, которое ваше сія—во изволите принимать во всемъ чтò до меня касается.

Въ продолженіи нынѣшней кампаніи никогда не цвѣло лучшаго согласія, какъ посреди нашихъ и союзныхъ войскъ. Сіе не въ порядкѣ вещей и правилъ; но я какъ сіи, такъ и многія другія сдѣлалъ фальшивыми. Соревнованіе подало взаимно рука рукѣ помощь и пополняло недостающее. Нѣмцы въ здѣшнихъ мѣстахъ навыкли. Они знаютъ мѣстоположеніе, марши, продовольствіе. Пріятель нашъ Разумовскій въ сужденіяхъ своихъ ошибается или имѣетъ свои виды. По настоящей близости съ Франціею надлежитъ намъ усилить, колико возможно, войски для достиженія мѣръ къ успѣхамъ, какъ въ Италіи, чтò не такъ легко, какъ бы казалось. По

симъ причинамъ необходимо нужно мое здѣсь руководство и начальство надъ арміею эрцъ-герцога Карла, также какъ до сей черты было надъ арміею эрцъ-герцога палатина. До особы не касается, онъ тутъ или нѣтъ; но Тугутъ бы не деспотствовалъ. Отъ него я ничего не хочу. Оплеушинъ не пренебрегаю. Вотъ мои мысли въ разсужденіи мундира.

Намѣреніе мое было, взимая къ себѣ отъ Корсакова 10000 по окончаніи, утвердить границу и изготовить вступленіе всѣми силами во Францію чрезъ Дофине, гдѣ вѣрно до Ліона намъ уже яко преданы были; а нынѣ нѣчто остыли поступками Вѣнскаго кабинета съ королемъ Сардинскимъ....

Императоръ Римскій безъ разсчета мнѣ пишетъ смѣнить Гадека. Сюда на что? Почти не достанетъ всего Дерфельдена, а мнѣ одному съ свитою прибыть къ Корсакову на моемъ буцефалѣ; но между тѣмъ предъ всѣмъ свѣтомъ торжественно скажу, что никогда въ соединенной арміи между союзными такого согласія не цвѣло, отъ чего общая эмулація продолжалась. Я уже съ недѣлю въ горячкѣ больше отъ яду Вѣнской политики. На ногахъ и служу.

Эрцъ-герцогъ прибылъ въ Александрію, гдѣ уповательно по превратнымъ обстоятельствамъ останется до милости о немъ великаго Всеросссійскаго великодушнаго Монарха, какъ и самъ его величество король Сардинскій можетъ быть уже изъ Кальеры исправился.

Боже! Колико бдительно ежемгновенно должно быть осторожнымъ.... Какъ всеподданнаго моего донесенія великому Государю здѣсь нѣтъ, то приличнѣе съ симъ въ С. Петербургъ вашъ курьеръ; а разъ его бы не случилось, то и мой тотъ же. Но отъ васъ его наипоспѣшнѣе изволите отправить, чтобъ не упредилъ Вѣнскими отъ графа А—я Ки—ча хоть на сутки. Поручаю вамъ себя къ совѣстному содѣйствію общаго блага и буду съ совершеннымъ почтеніемъ.

22.

Къ графу С. Р. Воронцову.

Августа 20 (1799). Асти.

Зрите адъ, надъ которымъ царствуетъ Момусъ и сильнѣе въ исходѣ вѣка распростря челюсти свои до Альповъ, воздвизаетъ Новый Римъ, основанія котораго были близъ бездны. Омладѣвшій Плутонъ покоренъ правнуку Асторота, отрекшагося дѣлать мостъ чрезъ Стиксъ и летитъ сушить плащъ въ унтеръ-кунфтѣ подъ кровлею. Всеподданнѣйше давно я отозвался о отзывѣ... Нынѣ недѣлю въ горячкѣ, хотя еще на ногахъ. Сей адъ гидру сюда изблевалъ. Касано 20000, Тидонъ, Требія 30000, Нови 40000; на сихъ дняхъ будетъ 50000, хотя плѣнныхъ однихъ при мнѣ 6000.

Обнимаю васъ, почтеннаго моего друга, и по гробъ мой съ совершеннымъ почтеніемъ.

23.

Къ С. А. Колычову.

Августа 20 (1799). Асти.

Милостивый государь мой Степанъ Алексѣевичъ! Сіе только для васъ единаго: во всей Вѣнѣ испытую вашу доблесть. Къ пользѣ общаго блага исправьте его колебленность наипоспѣшнѣе, исторгните его изъ опасности; великій нашъ Монархъ къ вамъ милостивъ. Но при томъ достойный графъ Семенъ Романовичъ васъ мнѣ называетъ своимъ большимъ другомъ. Лучше дѣло трактовать постороннимъ образомъ, нежели отъ моего имени, терзаемаго и въ горячкѣ отъ сателитовъ Тугута. Опоясанная мечемъ Скандерберга сія сова не съ ума ли сошла, или того никогда не имѣла? Приложенія храните въ тайности.

24.

Къ графу Ѳ. В. Ростопчину.

21-го Августа.

Францію во Франціи исправить: такъ высочайшее намѣреніе.

Судьбою я еще не въ гробѣ, ни дома, и пока такъ, я долженъ служить равно Россіи и союзнику ея Австрійскому дому. Но когда опоясанный Скандерберговымъ мечемъ сова-Тугутъ править *), то въ немощи моей сказать долженъ: 1-е, докончить съ Италіею на чисто, закрыть ея границу диверсіею, но и цѣлою операціею на Ліонъ, куда духи приготовленные были испорчены поступкою съ королемъ Сардинскимъ; иначе здѣшняя Австрійская армія съ бештимтъ-загеномъ пойдетъ подъ унтеръ-кунфтъ, откуда будутъ ее гнать до Кампоформіо, да и найдетъ ли кто ихъ генераловъ, чтобъ не былъ мерсенеръ и бродфрессеръ? Всякой зависитъ отъ сателлитовъ гофкригсрата и держится одинъ противъ другаго ихъ кабалами. Они безвластны; Край лучше.

Филипсбургъ, Мангеймъ, Майнцъ, ими овладѣть прежде должно. О, ежели бъ король Прусскій въ то вступился... Эрцъ-герцогъ Карлъ хотя по его здоровью въ портшезѣ, но главной командиръ. Но по рангу недвижимъ. Уже тысячи двѣ предтечъ Массеновыхъ показались чрезъ Сузу къ Турину; въ числѣ всѣхъ сихъ странствующихъ отъ Брабансона, Гренобля и Савои почти къ 15000 сверхъ 54000 Жордановой арміи съ реквизиціонерами. Мы отсюда заняты важностію Тортоны, кою они хотятъ освободить. Это по 31 Августа. Ушелъ бы эрцъ-герцогъ изъ Швейцаріи, Корсаковъ остается съ 33000, и хотя въ свѣтѣ ничего не боюсь, скажу: въ опасности отъ перевѣса Массены мало пособятъ мои 12000 отсюда, и поздно. Конде не силенъ; Англинскіе Швейцарцы

*) Четыре слова не разобраны. П. Б.

новы и чужестранны. Хорошо бы имѣть Россійскихъ отъ 60 до 70000 вѣрныхъ героевъ и всего хоть съ Баварцами до 100,000 для толь мудрой и Европѣ полезной экспедиціи на Франшконте; равно *) полагается на контръ-революцію. О снабженіи Россійскихъ военными потребностями я къ Римскому императору писалъ. Все это прежде ранней весны исправно поспѣть не можетъ.

Операція въ Голандіи и къ Нидерландамъ предуготовитъ намъ розы и лилеи, какъ Франція изнуряется. Да и Провидѣніе намъ благопоспѣшно должно быть. Тамо меньше препонъ.

25.

Къ графу А. К. Разумовскому.

23 Августа. Асти.

Я радъ, что генералъ-квартермейстеръ маркизъ Шатлеръ обращенъ въ Вѣну. Онъ же немало здѣсь служилъ, но не меньше былъ шпіонъ Дидрихштейна. Цагъ его честнѣе, мнѣ необходимъ; послѣ въ Швейцарію, а Шатлеръ противъ того времени можетъ сюда поворотиться.

Когда вы конферируите по неистовствамъ съ начала, не надлежало вамъ моего имени употреблять, а постороннe. Оно было орудіемъ къ гоненію меня сателлитами Тугута. Сей подъячій-сова изъ своего темнаго гнѣзда, хотя опоясанъ мечемъ Скандерберга, можетъ ли водить армію, править въ полѣ мгновенно перемѣняющимися обстоятельствами? Завоеватель не можетъ быть и командующимъ безъ своихъ политическихъ правилъ, а Тугуту принадлежитъ послѣ деталь; гиганту Тугуту, своею оборонительностію потерявшему Нидерланды, Швейцарію съ крѣпостями на Рейнѣ и Италію. Остался отрадою одинъ Кампоформіо, гдѣ уклонилъ колѣно юному Бо-

*) Два слова не разобраны. П. Б.

напартѣ. Одною помощію Божіею, чуть я началъ дѣла исправлять, какъ онъ своею глупою военною системою давитъ меня Франціею чрезъ каналъ эрцъ-герцога Карла. Дальнее теперь описаніе горесть моя сокращаетъ.

26.

Къ графу Ѳ. В. Ростопчину.

Изъ Сести, 27 Августа 1799 года.

Съ высочайшимъ Его Императорскаго величества отъ 4 Августа рескриптомъ, которой я имѣлъ счастіе получить, доставлено мнѣ письмо посла графа Разумовскаго. Признаюсь, что содержаніе онаго меня весьма удивило. Г. посолъ почелъ за нужное не представлять прошенія моего объ увольненіи отъ службы императору Римскому, предусматривая отъ того непріятныя послѣдствія. Не входя въ изслѣдованіе причинъ его къ тому побудившихъ, скажу токмо здѣсь вашему сіятельству въ откровенности, что деликатность его не очень кстати, и что усильнѣйшія его настоянія и большая твердость въ Вѣнѣ были бы для дѣлъ службы въ теченіи нынѣшней кампаніи гораздо полезнѣе. Я за нужное почитаю на будущее время относиться во всемъ къ г. тайному совѣтнику Колычову. Пребываю и пр.

27.

Къ графу А. К. Разумовскому.

27 Августа (1799). Асти.

Въ отвѣть на послѣднее письмо вашего сіятельства не могу я сокрыть моего удивленія, что вы высочайшее Его Императорскаго Величества къ вамъ послѣдовавшее повелѣніе о представленіи моихъ основательныхъ на многія мнѣ чинимыя ухищренія жалобъ по просьбѣ моей объ увѣдомленіи оставили безъ всякаго исполненія. Я долженъ здѣсь вашему сіятельству примѣтить, что въ высочайшемъ Его Величества ко мнѣ рескриптѣ именно сказано, что вамъ сильнѣйшимъ образомъ предписано исполнить сію монаршую волю. Таковоеже подобное порученіе сдѣлано и пребывающему въ Петербургѣ Римско-императорскому послу графу Кобенцлю; слѣдственно соблюденная сія вами къ Австрійскому министерству деликатность должна неминуема дойти до высочайшаго нашего всемилостивѣйшаго Государя свѣдѣнія. Вообще гдѣ нѣкоторымъ образомъ оскорбляется слава орудія Его Величества, тамъ потребны твердость духа и большая настоятельность. Пребываю впротчемъ съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію.

28.

Къ С. А. Колычову.

31 Августа 1799. Изъ Ривальты.

Планъ Тугутовыхъ операціевъ, примѣтьте, отвѣсъ на эрцъ-герцога, его невольника. Подкрѣпленіе мое для наслѣдственныхъ земель, какъ будто земель только и есть. Уже и тутъ оборонительное, а великій Государь повелѣваетъ наступательное внутрь. Эрцъ-герцогъ Карлъ мнѣ безъ стыда относился, что ему только велѣно пещися о закрытіи наслѣдныхъ земель. Два раза, хоть слегка, побитъ; уже все отъ него бѣжитъ;

стоитъ слишкомъ три мѣсяца праздно, уходитъ мѣсто того чтобъ свободить Швейцарію и коснуться Мангейма, Филипсбурга и Маіянса, чтобъ не было за спиною крѣпостей. Все мое вліяніе чрезъ Толстова не пособляетъ. Гнѣздо совѣподъячему равно въ Вѣнѣ и въ Пресбургѣ. Мгновеннно перемѣняющіяся обстоятельства правятъ дѣлами, а сіи правилы начальникамъ. Я буду въ центрѣ. Отъ сего естественно зависятъ интермедіеры и крылья, а сателлиты Тугутовы, съ гофъ-кригсгъ-ратомъ чрезъ его шпіоновъ, въ коихъ командующіе генералы вяще отвѣсъ власти имѣть будутъ. Я останусь одинокъ. Тугутъ гонитъ, эрцъ-герцогъ бѣжитъ, не бьетъ Массену, будучи съ Россійскими чуть не вполтора сильнѣе его. Новый перунъ зрите!.. Се уже мнѣ препона кромѣ могущихъ быть между тѣмъ чрезъ С. Готардъ снѣговъ къ соединенію съ Корсаковымъ. Какъ бы ни случилось, уповаю на Бога, на предположеніе для блага Европы мудраго Государя. 31-го Августа выступаю отъ Тортоны къ Швейцаріи.

29.

Къ графу С. Р. Воронцову.

12 Сентября (1799), изъ селенія Фапта.

Письмо вашего сіятельства, въ которомъ вы извѣщаете меня о благорасположеніяхъ его Велико-британскаго величества и всего Англинскаго народа ко мнѣ, я имѣлъ честь получить. Весьма пріятно для меня истинное изліяніе чувствъ столь знаменитой націи, которая великостію духа всегда во вселенной отличалась и любитъ цѣнить достоинства. Я васъ, милостивый государь мой, покорнѣйше прошу принесть мою глубочайшую благодарность его величеству за милостивѣйшее его обо мнѣ воспоминаніе и засвидѣтельствовать искреннѣйшія мои желанія о благополучномъ и вождѣленномъ царствованіи сего государя. Съ величайшимъ удовольствіемъ удовлетворю я желанію вашего сіятельства доставленіемъ къ вамъ портрета моего въ профиль, назначаемымъ вами путемъ, какъ я отыщу живописца. Примите, милостивый государь мой, при семъ случаѣ и мою чувствительнѣйшую признательность за ваши дружескія выраженія, изъявляющія участіе, которое вы пріемлете во всѣхъ благопріятствахъ до меня касающихся и вѣрьте совершенному почтенію и преданности, съ коими я всегда честь имѣю быть и пр.

30.

Къ графу Ѳ. В. Ростопчину.

2 Октября (1799). Фельдкирхенъ.

Дружескія вашего сіятельства ко мнѣ расположенія, изъясненныя въ письмѣ вашемъ обязываютъ меня принесть вамъ чувствительнѣйшую, искреннѣйшую признательность. Не взирая на всѣ почти непреодолимые трудности и опасности, пошелъ я съ храбрымъ нашимъ войскомъ изъ Италіи въ Швейцарію. Все положеніе наше обнаруживаю я всемилостивѣйшему нашему Государю, ободряемъ и оживотворяемъ будучи монаршими неисчетными благотвореніями, которыхъ содѣлаться достойнымъ я никогда не буду въ состояніи. Возлагаю я въ дальнѣйшихъ моихъ военныхъ дѣйствіяхъ все мое упованіе на милость Божію. Вы не можете мнѣ, милостивый государь мой, оказать большей дружбы, бо́льшаго благодѣянія, какъ увѣрять всегда Его Императорское Величество, что всякое мое пожертвованіе и жертва самой жизни моей есть слабая дань за благотворенія, которыхъ когда либо подданный удостоился. Главная теперь цѣль при всѣхъ тѣсныхъ нашихъ обстоятельствахъ есть та, чтобы соединиться съ Корсаковымъ и поправить испорченное.

Сколько обстоятельства ни дозволяли бы, но уже дѣйствовать надежды нѣтъ: побѣдительная армія низошла на 10000, пѣхота боса, нага, дневный провіантъ, въ которомъ терпѣла недостатокъ какъ и въ патронахъ, чего послѣдняго ради наконецъ избѣгалъ отъ сраженія. Корсаковъ безъ палатокъ, плащей, артельныхъ и прочихъ денегъ, въ одной рубашкѣ и съ нужнымъ провіантомъ; едва у него 10000 пѣхоты. Здѣшніе цесарцы до 18000 для гарнизоновъ. Какъ я выгнанъ былъ изъ Италіи, такъ эрцъ-герцогъ Карлъ изъ Швейцаріи въ угодность Французовъ для выгоднаго мира, и теперь слышу, что ихъ два тайныхъ коммисара въ Вѣнѣ. Бога ради Тугутова сателита Дидрихштейна стерегитесь. Не

имѣю на цесарцевъ надежды къ соединенію съ Корсаковымъ: отъ 40 до 60000 Массеновыхъ препоною. Что жъ послѣ и гдѣ спокойныя квартиры въ зиму? Не на Дунаѣ ли? *) Тамъ мы укомплектуемся, снабдимся, оживѣемъ, на будущую кампанію будемъ новые герои для прославленія великаго Монарха. Злые замыслы барона Тугута, поелику они противны общему благу, меня оскорбляютъ, но я ихъ презираю; священная же воля моего великаго Государя есть для меня законъ. Послѣднее правда и святость. Но презрѣніе это было бы презрѣніемъ общаго блага. Прощайте милостивый государь мой; я прошу васъ вѣрить, что на вѣки преданность пребудетъ къ вамъ такъ и почтеніе мое душевно.

31.

Къ С. А. Колычову.

Октября 3 дня 1799 года. Фельдкирхенъ.

Милостивый государь мой Степанъ Алексѣевичъ!

Письмо ваше получилъ я чрезъ полковника Кушникова и приношу вамъ за доставленіе мнѣ объ интригахъ Вѣнскаго гофкригсрата свѣдѣнія истинную мою признательность. Коварные замыслы барона Тугута вездѣ болѣе и болѣе обнаруживаются, какъ к стремленіе его къ новымъ завоеваніямъ, ко вреду общей пользы видны въ Піемонтѣ.

Приложенныя здѣсь бумаги, которыя я спѣшу доставить къ вашему превосходительству, доказываютъ то достаточно. Содержаніе письма вашего почитая слишкомъ важнымъ, чтобы не извѣстить объ ономъ графа Ѳ. В. Растопчина и о двухъ коммисарахъ Французскихъ въ Вѣнѣ, пребываю съ совершеннымъ почтеніемъ.

---

*) Нѣсколько словъ не разобрано П. Б.

32.

Къ графу П. А. Толстому.

Октября 9-го 1799 года. Линдау.

Юный генералъ эрцъ-герцогъ Карлъ хочетъ меня оволшебить его демостенствомъ; вы съ нимъ на три шага. Рѣшите съ нимъ, меня развяжите и увѣдомьте: у меня жъ на его бештимтъ-загенъ отвѣтъ готовъ.... Герой въ оборонительномъ, сію кампанію далъ онъ себя изстари знать защищеніемъ наслѣдныхъ земель.... Я жъ лѣтъ близъ 50-ти въ этомъ ни малаго раза испытанія не имѣлъ. Какъ завоевателю, не стыдится онъ мнѣ сіе предлагать возблистать свою помраченную славу. Съ его сильною арміею да войдетъ онъ тотъ часъ въ Швейцарію и долженъ ее чрезъ мѣсяцъ свободить. Коли не такъ, я, исправясь въ квартирахъ, и ежели будетъ вѣренъ, къ содѣйствію ему готовъ буду хоть на зимнюю кампанію.

33.

Къ графу А. К. Разумовскому.

Октября 9-го (1799). Линдау.

Будьте послушны мудрости вашего Монарха: онъ хочетъ возвратить каждому свое. Чего благочестивѣе, справедливѣе и тверже! Изгибами вашими Тугуту вы ввергаете и себя въ опасность. Положимъ, Потсдамъ съ иными кабинетами стерпятъ его похищеніе чужаго, но надолго ли? Чрезъ краткое лѣточисліе поглотитъ то съ нимъ и Вѣною Новый Римъ.

Изъ его меланхолическаго гнѣзда выгналъ онъ меня изъ Италіи, гдѣ сердца мои были до Ліона и къ Парижу. Онъ ихъ остудилъ хищничествомъ Піемонта, гдѣ у меня была бы хранительная армія въ спинѣ для моихъ спокойныхъ винтеръ-квартиръ, ежели не лучше во Франціи... Но уже здѣсь явив-

шимся злодѣямъ, эрцъ-герцогъ изъ Швейцаріи жертва Корсаковымъ; въ угодность злодѣямъ жертва мною и великодушнымъ великимъ союзникомъ, жертва частьми общаго блага... различіемъ вѣры, нравовъ и обычаевъ союзныхъ армій. Правило со многими я сдѣлалъ ложнымъ, доказавши и то всею кампаніею. Всѣ начальники, мерсенеры и для хлѣба Тугутовы шпіоны, были долгомъ службы и дружбою мнѣ толь нелицемѣрно привержены, что отъ того родились сіи и мнѣ невѣроятныя побѣды и завоеванія.

Неистовствы сіи легко поправить можно, спросясь съ Богомъ и совѣстію. На вышесказанномъ основаніи вѣрно будетъ войти во Францію чрезъ Дофине. Эрцъ-герцогъ Карлъ съ Швейцарцами, освободя Швейцарію отъ ига безбожныхъ сумасбродовъ, войдетъ во Францію чрезъ Франшконте. Можно одною кампаніею отвѣчать... иначе мнѣ быть здѣсь главнымъ командиромъ обоихъ императорскихъ союзныхъ войскъ, какъ былъ въ Италіи. Но Итальянская настоящая армія, по мѣрѣ тлетворныхъ Тугутовыхъ замысловъ, останется мертвымъ капиталомъ, какъ я самъ здѣсь нынѣ и цѣлой эрцъ-герцогъ Карлъ... для новыхъ Кампоформіо или Рейхенбаховъ. Вспомните вашу присягу великому вашему Монарху.

34.

Къ графу С. Р. Воронцову.

Линдау, Октября 28-го 1799 г.

Милостивый государь мой графъ Семенъ Романовичъ!

По перепискѣ былъ я уже знакомъ съ г. Викгамомъ и долженъ достоинствамъ его отдать должную справедливость; а теперь имѣю я случай свести съ нимъ личное знакомство, и весьма пріятно мнѣ изъ отзывовъ письма вашего сіятельства видѣть доброе и отличное ваше къ нему расположеніе. Откровенность и увѣренность моя къ нему будутъ всегда соотвѣтственны доброму согласію и честнымъ поступкамъ Лондонскаго кабинета.

Что̀ принадлежитъ до поведенія Вѣнскаго кабинета, или лучше сказать Тугутова, то я усматриваю, что вы, милостивый государь мой, имѣете объ ономъ полныя свѣдѣнія. Мнѣ остается однакоже открыться вамъ здѣсь съ дружескою откровенностію, что на Австрійскія войска не имѣю я причины жаловаться; потому что, бывъ побуждаемы соревнованіемъ, способствовали они многимъ успѣхамъ и, не взирая на порабощеніе всѣхъ и каждаго генерала къ начальствующему ими министру, съ должнымъ согласіемъ исполнялъ каждый свою обязанность, и всѣ они имѣли ко мнѣ привязанность. Буде же эрцъ-герцогъ Карлъ, по малочисленности нашего корпуса, дастъ мнѣ достаточное пособіе, то и здѣсь, съ помощію Божіею, надѣюсь я поправить всѣ послѣдовавшія нынѣ при Цюрихѣ несчастія *).

---

*) Только это письмо своеручно, остальныя же вышепомѣщенныя письма изъ Итальянскаго похода сохранились въ плохихъ спискахъ. П. Б.

БУМАГИ ПАССЕКА.

Этими бумагами значительно пополняются и разъясняются Записки Пассека, помѣщенныя въ Русскомъ Архивѣ 1863 года. В. В. Пассекъ—отецъ извѣстнаго Кавказскаго героя и племянникъ одного изъ первыхъ пособниковъ Екатерины, впослѣдствіи Бѣлорусскаго намѣстника, П. Б. Пассека. Преслѣдуемый дядею онъ обратился въ бѣдѣ своей къ канцлеру графу А. Р. Воронцову, но получилъ удовлетвореніе уже только въ слѣдующее царствованіе.

П. Б.

1.

Письмо В. В. Пассека къ графу А. Р. Воронцову.

Сіятельнѣйшій графъ!

Приверженностію своею къ отечеству и бдѣніемъ о его благѣ вы всегда себя отличали и пользуетесь нынѣ довѣренностью добраго Александра. Угнетенный смѣло можетъ къ вашему сіятельству относиться. Я прошу васъ даровать мнѣ 2 или 3 часа; а что я ненедостоенъ и вашего покровительства и вашей защиты, откроете вы, сіятельнѣйшій графъ, изъ копіи съ десяти актовъ, мною представляемыхъ на ваше разсмотрѣніе, по списку на оборотѣ за моею подписью находящемуся.

Съ совершеннымъ высокопочитаніемъ и преданностію есмь

Вашего сіятельства покорный слуга

Василій Пассекъ.

Октября 1802 года,
изъ городовой С-тъ Петербургской тюрьмы.

Его сіятельству г-ну министру иностранныхъ дѣлъ, графу Александру Романовичу Воронцову.

P. S.

Списокъ принадлежащихъ къ сему бумагъ:

1) Моя просьба 20 Сентября сего года Правительствующаго Сената четвертому департаменту.

2) Свидѣтельство Рижскаго купца Гримма о дурномъ поведеніи Софьи Бурмейстеръ.

3) Планъ бывшей моей квартиры въ домѣ рекетмейстера Какурина.

XXIV

4) Мое письмо 29 Маія сего года бывшему генералъ-прокурору.

5) Объясненіе мое 30 Маія сего года Уголовной Палатѣ.

6) Свидѣтельство о предлагаемомъ мнѣ въ городовой тюрьмѣ Софьею Бурмейстеръ чрезъ повѣреннаго ея капитана Блюма.

7) Экстрактъ моей тяжбы съ дядею моимъ по наслѣдству.

8) Моего отца завѣщаніе.

9) Два свидѣтельства, данныя мнѣ коллежскимъ совѣтникомъ Морошевичемъ и иностранцемъ Іосифомъ Веберомъ о предложеніяхъ, дѣланныхъ мнѣ въ 1793 году дядею моимъ по наслѣдству моего отца.

10) Сдѣлка дядею моимъ подписанная и мнѣ предлагаемая*).

Василій Пассекъ.

2.

Экстрактъ.

По дѣлу надворнаго совѣтника Василья Пассека съ дядею его генераломъ и кавалеромъ Петромъ Богдановичемъ Пассекомъ, по наслѣдству покойнаго подполковника Василья Богдановича Пассека, съ 1799-го года, сыну его упомянутому надворному совѣтнику Пассеку утвержденному высочайшимъ повелѣніемъ.

Изъ объясненія генерала Петра Богдановича Пассека отъ Марта 1799-го года, поданнаго въ Смоленское Губернское Правленіе.

Прошу покорно сообщить его превосходительству Лифляндскому гражданскому губернатору, чтобы воспретить бывшему маіору Паскову называться фамиліею ему непринадлежащею; ибо онъ Пасковъ, а не Пассекъ, что̀ видѣть можно изъ печатныхъ списковъ, какъ по гвардіи, такъ и по арміи; да онъ и подъ симъ имянемъ и въ службу записанъ и происходилъ

*) Эти приложенія сохранились не всѣ и печатаются важнѣйшія. П. Б.

чинами, то и почитаю, что въ прозваніи его Паскова сдѣлана письменная ошибка. Даже и сіе наименованіе далъ покойный братъ мой съ согласія моего и дозволенія, на что я письменное доказательство руки брата моего имѣю.

Опровержения и доказательства на сіе надворнаго совѣтника Пассека.

Родился я въ Слободской Украинской губерніи, въ слободѣ Спасской, отъ отставнаго подполковника Василья Богдановича Пассека. Не распространяясь о точности сего и о великомъ числѣ особъ, вѣроятіе по законамъ заслуживающихъ, которымъ сіе извѣстно, скажу теперь то, что̀ я не смѣлъ сказать, когда мой дядя былъ генералъ-адъютантомъ, хотя̀ имѣлъ и всѣ права на моей сторонѣ. Нельзя уже ему отпереться, что самъ онъ призналъ меня сыномъ роднаго своего брата и объявилъ себя готовымъ исполнить волю моего отца предъ судомъ и верховною властію. Какъ Пассеку мнѣ пожалована и утверждена Императрицею въ 1793-мъ году земля въ Новороссійской губерніи; Пассекомъ и племянникомъ въ 1792-мъ году, когда я съ нимъ объяснился объ этомъ недоумѣніи, признавалъ онъ меня собственною своею рукою; а въ объясненіи своемъ проситъ, чтобы воспретить мнѣ называться Пассекомъ, ссылаясь, что въ спискахъ послужныхъ состою я подъ симъ имянемъ. Но кѣмъ же какъ не имъ помѣщенъ я въ оные подъ симъ имянемъ? Онъ самъ признается въ объясненіи записавшимъ меня подъ названіемъ Слободской Украинской губерніи дворянина Паскова въ службу; ему можно было и подъ инымъ еще имянемъ меня записать: тогда я былъ 6-ти или 7-ми лѣтъ. Имя Паскова далъ онъ мнѣ, дабы завладѣть или по крайней мѣрѣ удержать мое имѣніе на нѣсколько лѣтъ для доходовъ въ своихъ рукахъ и имѣя вѣрное упованіе, что я послѣ нѣсколькихъ лѣтъ терпѣнія, дабы избѣгнуть тяжбы и будучи доведенъ до невозможности, за недостаткомъ по дѣламъ ходатайствовать (кои такъ продолжительны бываютъ и сопряжены съ большими издержками), съ нимъ принужденъ буду мириться. И при мировой

сдѣлкѣ надѣялся онъ, что уступлю ему, какъ обыкновенно къ несчастію въ сихъ случаяхъ водится, всѣ доходы, полагая себя благополучнымъ, что получаю отнятое имѣніе обратно. Онъ также сочинилъ отъ имени моего отца письмо, въ которомъ будто бы просилъ тотъ его о позволеніи дать мнѣ фамилію Паскова: таковою просьбою помрачилъ бы отецъ мой права мои на наслѣдство свое. Не во власти ли моего отца было дать мнѣ имя Паскова, обѣимъ имъ посторонняго, безъ согласія его? А естьли бы и просилъ мой родитель, то о фамиліи Пассека, а не Паскова; да и не у него одного, а у всѣхъ членовъ сей фамиліи. Слѣдовательно сіе его письменное доказательство есть подложное, да и потому еще, что не было бы дядѣ моему нужды болѣе 20-ти лѣтъ утаевать завѣщаніе моего отца, которое онъ въ прошедшее царствованіе, наконецъ, обнаружилъ по требованію Смоленскаго Губернскаго Правленія, опасаясь, что я могу его въ томъ уличить. Когда бы подлинно имѣлъ онъ такое письмо, то вѣрно послѣ моего отца кончины, судя по теперешнимъ его затрудненіямъ, не упустилъ бы случая тотъ часъ опровергать онымъ мое рожденіе и сіе завѣщаніе.

Изъ того же объясненія генерала Пассека.

Я получилъ отъ покойнаго генерала аншефа графа Ивана Симоновича Генрикова писанное къ нему моимъ покойнымъ братомъ письмо, которое за духовную бывшій маіоръ Пасковъ (думаю я) почитаетъ; да и покойной братъ мой, зная всевысочайшія узаконенія, не могъ распоряжать недвижимаго своего имѣнія, развѣ бы продажею или закладомъ онаго, окончa дни свои 18-го Марта 1778-го года, слѣдовательно до всемилостивѣйшаго изданія грамоты о дворянствѣ: а по сему хотя бы вмѣсто сего письма и настоящая была духовная, то и она бы не имѣла никакой силы. Такъ ясно изъ сего усмотрѣть изволитъ Губернское Правленіе, что сіе письмо не есть духовная, а относится только къ распоряженію нѣкоторой движимости и домашняго распорядка, а ни мало не

касается до укрѣпленія кому либо недвижимаго имѣнія. По поводу чего прошу покорно Смоленское Губернское Правленіе, чрезъ кого надлежитъ, истребовать учиненное имъ Пасковымъ завѣщаніе въ 1796-мъ году; ибо должно думать, по сдѣланнымъ отъ него Паскова притязаніямъ, что оное относится на мое имѣніе лежащее въ Харьковской губерніи, которое мнѣ съ прочимъ послѣ смерти брата моего Василья Богдановича, частію по наслѣдству, а частію же по купчей отъ покойнаго брата Ѳедора Богдановича Пассека, досталось (ибо изъ того имѣнія доставшуюся половинную часть брату Ѳедору Богдановичу купилъ я у него въ 1778-мъ году 14-го Маія). А какъ онъ Пасковъ по вышеозначеннымъ причинамъ никакого на вышеизъясненное имѣніе не имѣетъ права, то буде вышепомянутое сдѣланное имъ завѣщаніе относится на то имѣніе: то прошу оное чрезъ кого надлежитъ уничтожить, яко сдѣланное въ противность законовъ на имѣніе ему непринадлежащее.

Опровърженія и доказательства надворнаго совътника Пассека.

Въ завѣщаніи родитель мой поручилъ меня въ опеку графу Ивану Симоновичу Генрикову и родному своему брату генералу Петру Богдановичу Пассеку. Первый изъ нихъ нѣсколько недѣль послѣ отца моего, къ несчастію моему, умеръ; а послѣдній тотъ часъ сдѣлалъ планъ завладѣть моимъ наслѣдствомъ. Какую же онъ хочетъ форму завѣщанія? И словесное изъявленіе послѣдней воли при имовѣрныхъ свидѣтеляхъ законы признаютъ за завѣщаніе, да и можетъ ли сіе быть инаково? Иной завѣщатель писать не умѣетъ, а иногда остается не болѣе времяни и силъ сказать, или написать: «это тому, а сіе той я отдаю» Въ письмѣ къ графу Генрикову, духовникомъ засвидѣтельствованномъ, мой отецъ подробно описалъ, какому быть у него гробу и какъ его похоронить, что̀ кому изъ движимости оставляетъ, и старается о сохраненіи моей матери и мнѣ собственности. Да и дядя мой въ объясненіи своемъ Смоленскому Губернскому Правленію

призналь, что въ немъ послѣдняя воля родителя моего изображена. На 8-мь пунктовъ раздѣлено моего отца завѣщаніе, а не письмо. Въ 3 пунктѣ назначена родная его сестра княгиня Кантемирова, жившая въ 40 верстахъ отъ мѣста, гдѣ онъ скончался, свидѣтельницею послѣдней его воли; въ 7-мъ пунктѣ поручилъ онъ графу Генрикову послать повѣреннаго по тяжбамъ, до имѣнія касательнымъ, къ родной своей сестрѣ Марьѣ Богдановнѣ Полтевой въ Москву. Въ 8-мъ пунктѣ, о дворецкомъ отпущенномъ на волю, просившемъ остаться при мнѣ сказано: «Жить ему въ домѣ моемъ до возраста моего сына». И въ 7-мъ же пунктѣ изображено: «Григорью стряпчему до тѣхъ поръ не отдавать отпускной, пока онъ гнусное пьяное свое состояніе не исправитъ; и доколѣ не окончитъ Хотомлянскаго уѣзда дачамъ формальнаго межеванія, чтобы онъ при межеваніи не упустилъ нигдѣ соблюсти въ пользу моего *наслѣдника*».

А для того, что подробностями приличнѣе отяготить связаннаго кровію, дружбою и благодарностію, нежели обремѣненнаго лѣтами графа Генрикова, въ завѣщаніи своемъ, родитель мой дядѣ и опекуну моему поручилъ мое воспитаніе, ходатайствованіе по тяжбамъ до наслѣдства моего касательнымъ, домашнія устройства и прочее, а графа Генрикова назначилъ онъ въ 1-мъ пунктѣ и въ заключеніи своего завѣщанія блюстителемъ покоя и собственности моея матери и моей. Въ объясненіи своемъ, какъ ниже означается, дядя и опекунъ мой вездѣ себѣ противорѣчитъ, сказавъ: «Я полагалъ выполнить желанія брата, дать ему въ Украйнѣ (въ Харьковской или Слободской губерніи) недвижимое имѣніе, Слободу и Крѣпостную, означенныя въ письмѣ братнемъ къ графу Генрикову» (въ 1-мъ пунктѣ завѣщанія).

Но тамъ же проситъ о уничтоженіи моего завѣщанія, когда я завѣщаю Украинское имѣніе сіе. Само по себѣ уничтожилося бы оно, буде мною завѣтствованное мнѣ не принадлежало бы; а не доказавъ сіе предъ судомъ, никакая власть изъ надзирающихъ за правосудіемъ не уполномочена закономъ уничтожать то, что̀ каждый право имѣетъ дѣлать. Сіе

имѣніе объявилъ онъ себя частію купившимъ отъ моего дяди Өедора Пассека. Когда полную власть (какъ опекунъ силится доказать въ своемъ объясненіи) далъ мой отецъ ему распоряжать своимъ имѣніемъ, такъ какую же надобность имѣлъ онъ покупать половину сего наслѣдства отъ дяди моего Өедора Богдановича, которой и платы за оную не получалъ и не требовалъ? Не уличаетъ ли же сіе моего соперника, что отца моего наслѣдство все мнѣ принадлежитъ? Сія купчая, какъ я узналъ недавно, была сдѣлана во время сумасшествія, или полоумія моего роднаго дяди Өедора Богдановича Пассека, котораго онъ увѣрилъ, что далъ ему сію продажу подписать отъ боязни, дабы въ случаѣ его смерти, дочь его Александра, что̀ нынѣ генералъ-маіорша Рахманова, находящаяся также теперь въ сумашествіи, не могла опровергать моихъ правъ на наслѣдство родствомъ моихъ родителей; а для того и отецъ мой сдѣлалъ завѣщаніе, чтобы родные братья и сестры его не могли также дѣлать мнѣ какихъ либо безпокойствъ, тѣмъ же самымъ. Никто изъ нихъ, семь лѣтъ при жизни и болѣе двадцати лѣтъ послѣ кончины моего отца, не опровергалъ на наслѣдство моихъ правъ по рожденію и завѣщанію, сдѣланному согласно съ 250-ю статьею X-й главы Уложенія и съ указомъ отъ 4-го Маія 1746-го года; слѣдовательно и не могли оспоривать, да пропустили почти три срока десятилѣтней давности, въ личныхъ дворянъ преимуществахъ изображенной 14-ю статьею, утвержденною и распространенною потомъ указомъ 1787-го года 28-го Іюня. И такъ начатыя въ 1798-мъ году дядею и опекуномъ моимъ опроверженія моихъ правъ на упомянутое наслѣдство хотя бы и были справедливы, но пропущеніемъ срока суть недѣльныя и не могутъ потому быть въ судѣ приняты. Не опровергавъ же предъ судомъ моихъ правъ на наслѣдство, нельзя моимъ роднымъ было наслѣдствомъ моимъ распоряжать, какъ гласятъ законы; я же не пропустилъ срока ко отысканію сего наслѣдства, отъ дня моего въ Динаминдскую крѣпость заключенія, ни отъ награжденія меня офицерскимъ чиномъ, ни отъ вступленія въ узаконенный возрастъ. А подъ законъ о сиротахъ,

въ 1797-мъ году изданной, для того я не подхожу, что мнѣ запрещено было мои права судебнымъ порядкомъ доказывать во все время моего заключенія, то есть съ Декабря 25-го 1796-го года по 25-е Марта 1801-го года, выключая 3-го 4-го и 5-го числъ Іюля 1799-го года, что̀ можно видѣть въ имянномъ повелѣніи, находящемся въ архивѣ бывшей Тайной Экспедиціи подъ № 405-мъ. Изъ Динаминдской крѣпости я и подалъ 5-го Іюля 1799-го года, въ слѣдствіе онаго, мое объясненіе по наслѣдству, въ коемъ объявилъ, что дополненіе по оному сдѣлаю, когда буду освобожденъ, а теперь сіе исполняю.

Естьли бъ я не имѣлъ и права законнаго требовать отъ моего дяди и опекуна оставшагося послѣ отца моего наслѣдства, то отъ совѣсти его могъ я ожидать, что онъ мнѣ возвратитъ, не полагая его забывшимъ благодѣяній моего родителя и хотящимъ притѣснять оставленныхъ его покровительству и призрѣнію. Совѣстной возвращаетъ и той особѣ залогъ, о коемъ она и не знала, что онъ ей упроченъ. Неужели онъ скажетъ, что родитель мой обманулся въ его честноoти?

Изъ того же объясненія генерала Пассека.

Во 2-мъ пунктѣ сего письма проситъ братъ мой послать ко мнѣ нарочнаго съ письмомъ, которое онъ заготовилъ передъ смертію и отъ меня-то ожидать полнаго распоряженія и неоставленія, какъ его Паскова, такъ и Надежды Петровны, и далъ полную власть мнѣ распоряжать и наградить его питомца Паскова и что я сдѣлаю симъ несчастнымъ сверхъ его положенія. Какое же было тогда его положеніе, мнѣ неизвѣстно; думать однакоже должно, что оно изображено было въ письмѣ, которое онъ ко мнѣ передъ смертію заготовилъ, но я его не получалъ, по причинѣ, что всѣ бумаги оставлены были графу Ивану Симоновичу Генрикову, котораго я по пріѣздѣ въ деревню въ живыхъ уже не засталъ, а получилъ только одно сіе покойнаго брата письмо, писанное къ вышесказанному графу, также и письмо писанное ко мнѣ

отъ его сіятельства, и при ономъ записку отъ имени покойнаго брата (но безъ подписи его), въ коей сказано, что якобы письмо за слабостію покойнаго брата ко мнѣ не подписано, о коемъ однакоже какъ графъ Иванъ Симоновичъ ко мнѣ, такъ и покойной братъ къ графу въ своихъ письмахъ, подписанныхъ ихъ руками, упоминаютъ. По причинѣ же кончины графской, не могъ уже я изыскать настоящей причины, для чего, вмѣсто братняго ко мнѣ письма, вложена была одна записка, писанная рукою того самаго писца, которой писалъ ко мнѣ вышеписанное письмо отъ покойнаго графа: то и не сомнѣваюсь я, что братнее письмо какъ нибудь похищено, а вмѣсто онаго вложена уже записка, графскою рукою неподписанная.

Опроверженія и доказательства надворнаго совѣтника Пассека.

Отецъ мой, за многія лѣта до своей кончины, большую часть своихъ доходовъ удѣлялъ своему брату Петру Богдановичу и, снисшедъ на его просьбу, укрѣпилъ купчею (не получа и не желая за сіе платы) другу его тогда (что̀ нынѣ его жена Марья Сергѣевна) изрядную часть своего имѣнія въ Слободской губерніи, а потому и могъ, относясь къ дядѣ и опекуну моему Петру Богдановичу, во 2-мъ пунктѣ своего завѣщанія, сказать: «И отъ него-то ожидать полнаго неоставленія и распоряженія, какъ для Надежды Петровны, такъ и для моего сына; ибо столь я увѣренъ о любви ко мнѣ сего дражайшаго и любезнѣйшаго брата и о великости его души, что онъ еще сверхъ моего положенія наградитъ сихъ безсчастныхъ»

На сіе изъявленіе моего отца ссылается мой дядя и опекунъ, утверждая, что въ немъ изображены его права на мое наслѣдство. Можетъ, выводитъ онъ ихъ изъ сихъ словъ: «наградитъ сихъ безсчастныхъ.» Насъ видѣлъ несчастными мой отецъ, будучи убѣжденнымъ, что никто не замѣнитъ у насъ родительское его попеченіе. Моему отцу, дѣлавшему много добра дядѣ моему Петру Богдановичу, можно было надѣяться,

что мать моя и я, сверхъ слѣдуемаго намъ, будемъ имъ награждены, когда пріобрѣтетъ онъ себѣ имѣніе или получитъ ожиданное отъ покойной Императрицы награжденіе, которое въ 1796-мъ году онъ и получилъ; но я и своего отъ него не получаю. Моимъ отцомъ не сказано: «Я отдаю Украинское имѣніе сыну, а Смоленское роднымъ моимъ братьямъ и сестрамъ.» Когда бы отецъ мой наслѣдство свое не считалъ мнѣ принадлежащимъ и сомнѣвался бы, что я его сынъ: онъ бы, какъ любимца своего, поручилъ меня всѣмъ своимъ роднымъ братьямъ и сестрамъ, племянницамъ и племянникамъ, будучи съ ними столько же, какъ и съ дядею моимъ Петромъ Богдановичемъ въ согласіи; и не упоминалъ бы о посылкѣ въ Москву повѣреннаго и о стряпчемъ Григоріи, зная, что братья его родные выбрали бы инаго, а не сего пьяницу, которой ради полученія своей отпускной могъ только оставить на время свою страсть къ вину; ибо отпускную не прежде въ завѣщаніи ему опредѣлено отдать, пока онъ въ пользу мою не окончитъ межеванія. Естьлибъ отецъ мой не былъ увѣренъ о святости моихъ правъ на его наслѣдство, то, укрѣпивъ купчую другу моего дяди Марьѣ Сергѣевнѣ Салтыковой, что съ 1796-го года сдѣлалась его женою, неоспоримо укрѣпилъ бы мнѣ купчею или закладною все свое имѣніе. *Послѣдняя воля моего родителя изобразила меня его единственнымъ наслѣдникомъ.* Слово *наслѣдникъ* опровергаетъ дяди моего всѣ доказательства, какія они ни суть. Я ссылаюсь на статью въ манифестѣ 1725-го года Маія 28-го дня, сдѣланную на первой докладъ по 3-му пункту 1714-го года 23-го Марта указа. Какое же другое можетъ быть распоряженіе въ письмѣ моего отца къ нему, когда родитель мой о немъ, яко о заготовленномъ, говоритъ въ завѣщаніи, которое оглашаетъ дядя мой похищеннымъ, дабы сдѣлать завязку? Кому же похитить оное? Оно вручено моимъ отцомъ (какъ дядя мой говоритъ) съ другими бумагами графу Генрикову; дѣти графа были пріятели моего отца; слѣдовательно, послѣ кончины ихъ родителя, или бы всѣ бумаги моего отца пропали, или не могла ни одна пропасть изъ нихъ, а кольми

паче сіе письмо, гдѣ наичувствительнѣйшимъ образомъ мой родитель поручаетъ своихъ дядѣ и опекуну моему; невозможно, чтобы отецъ мой, до самой кончины своей, послѣдовавшей на тридцатомъ днѣ отъ дня совершенія его завѣщанія, будучи въ полномъ умѣ и имѣя мысли всѣ свои устремленными къ исполненію долга родительскаго, написавъ и подписавъ 16-го Февраля 1778-го г. своею рукою свое завѣщаніе, могъ позабыть подписать то письмо, которое прежде завѣщанія еще онъ заготовилъ. Но естьлибъ и не подписалъ, то всетаки оно писано его рукою, судя по завѣщанію писанному и подписанному имъ.

Завѣщаніе отца моего доказуетъ, что родитель мой не былъ суевѣренъ и ожидалъ смерти съ равнодушіемъ; неужели же мать моя, опекунъ мой графъ Генриковъ и его пріятели, знающіе его коротко, знающіе и его бумаги, непрестанно его окружая, не напоминали бъ ему подписать сіе письмо, естьлибъ было справедливо моимъ дядею представляемое, что оно осталось неподписаннымъ? А когда бы было оно потеряно, то графъ Генриковъ, будучи другомъ моего отца и моимъ опекуномъ и въ полномъ умѣ, отъ 30-ти до 40 дней послѣ кончины моего родителя до своей смерти живучи, или бы послѣ кончины его дѣти, конечно бы дядю моего о содержаніи онаго увѣдомили, что̀ не сдѣлано и не могло сдѣлаться: поелику письмо объявленное похищеннымъ дядѣ и опекуну моему вручено посланнымъ нарочно по почтѣ бывшимъ служителемъ моего отца, что̀ я и доказать могу.

Изъ того же объясненія генерала Пассека.

Видно, что бывшій маіоръ Пасковъ, первый пунктъ сего письма обращая несправедливымъ толкованіемъ, думаетъ вывесть изъ онаго права себѣ на имѣніе. Въ немъ относительно до дворовыхъ людей сказано: «быть имъ въ томъ же послушаніи у любезной моей Надежды Петровны и у моего сына, какъ точно въ моемъ.» А что симъ назвалъ его братъ мой наименованіемъ, то сіе произошло отъ чувствъ, которыя

онъ къ нему въ его младости питалъ. Я полагалъ выполнить желаніе братнее, дать ему въ Украйнѣ имѣніе Слободу и Крѣпостную, означенныя въ письмѣ братнемъ (въ первомъ пунктѣ завѣщанія).

Опроверженія и доказательства надворнаго совѣтника Пассека.

Любить можно чужое дитя какъ свое; но робенка, могущаго остротою и ласками ея снискивать. Можетъ ли же младенецъ при рожденіи имѣть сіи качества? Я при крещеніи моемъ изображенъ сыномъ моего отца, самимъ родителемъ моимъ, письменно. Дядя мой, говоря, что несправедливымъ толкованіемъ вывожу я права себѣ изъ перваго пункта завѣщанія, въ томъ же объясненіи признаетъ сей пунктъ упрочившимъ мнѣ имѣніе въ Украйнѣ; послѣ опять говоритъ, что онъ полагалъ мнѣ оное дать; слѣдовательно дать какъ свое! Упоминовеніе объ одномъ Украинскомъ имѣніи въ завѣщаніи есть ничто иное, какъ распоряженіе мимоходомъ сказанное, потому что мнѣ опредѣлено 6-мъ пунктомъ того завѣщанія воономъ жить до помѣщенія меня графинею Анною Родіоновною Чернышевою, или дядею моимъ Петромъ Богдановичемъ, къ наукѣ, въ Санктпетербургѣ; а для того, что родитель мой и на мгновеніе не хотѣлъ меня и мать мою безъ призрѣнія оставить, и что дядя и опекунъ мой, занятъ будучи государственною должностію и управленіемъ моего въ Смоленской губерніи наслѣдства, не могъ бы исполненія сдѣлать по первому пункту его завѣщанія, проситъ во ономъ графа Генрикова моего опекуна, жительствовавшаго въ 4-хъ верстахъ отъ Украинскаго имѣнія, гдѣ опредѣлено мнѣ жить до помѣщенія меня къ наукѣ, дабы взять сіе Украинское имѣніе въ свое покровительство и приказать онаго людямъ быть послушными намъ, точно какъ ему были. И такъ, когда мой отецъ объ Украинскомъ имѣніи относился, какъ къ ближайшему сосѣду, къ графу Генрикову, то безъ сомнѣнія относился онъ и о Смоленскомъ имѣніи въ письмѣ своемъ къ брату своему Петру Богдановичу, отъ котораго онъ отрицается.

Изъ того же объясненія генерала Пассека.

Я съ моей стороны къ покойному брату по любви взялъ сего малолѣтняго Паскова послѣ братней смерти, воспиталъ его, училъ, записавъ въ службу, довелъ до штабъ-офицерскаго чина и доставлялъ ему пристойное содержаніе. Братъ мой, надѣясь на дружбу мою къ нему, отдалъ его на мою волю и распоряженіе. Я, и нынѣ еще сохраняя нѣжнѣйшія чувства къ покойному брату, не откажусь сдѣлать для бывшаго маіора Паскова то, что прежде былъ намѣренъ, но съ тѣмъ однакоже буде онъ исправитъ свое поведеніе, загладитъ свои проступки, заслужитъ обратно потерянный имъ чинъ и тѣмъ пріобрѣтетъ право пользоваться недвижимымъ имѣніемъ. Не желая вяще отяготить судьбу часто упоминаемаго бывшаго маіора Паскова, изъ единственной любви и дружбы къ покойному моему брату, прилагаю у сего тысячу рублей на заплату его долга и прошу оное правленіе вышесказанныя деньги принять для доставленія съ прочими бумагами къ его превосходительству Лифляндскому гражданскому губернатору, также списавъ копію съ приложеннаго при семъ подлиннаго письма покойнаго брата моего къ графу Ивану Симоновичу Генрикову, возвратить мнѣ. По отдаленности времяни не могъ я упомнить, гдѣ его отыскать.

Опроверженія и доказательства надворнаго совѣтника Пассека.

Доходы съ наслѣдства, которое дядя мой прежде оспоривалъ, могли бы доставить мнѣ лучшее воспитаніе и содержаніе. Будучи съ половины 1781-го года по 1785-й у господина Масона, что нынѣ надворный совѣтникъ, въ училищѣ Санктпетербургскомъ *), въ коемъ за нѣсколько мѣсяцовъ предъ взятіемъ изъ онаго начали учить (и то по просьбѣ моей у дяди

*) Это извѣстный своими Записками Масонъ, которой давалъ уроки и молодымъ великимъ князьямъ. П. Б.

и опекуна) ариѳметикѣ, хотябъ и могъ я почерпнуть познанія, но не былъ въ состояніи, въ такъ короткое время, успѣть. Да когда бы и успѣлъ, такъ не имѣлъ бы возможности или заниматься, будучи дядею моимъ отданъ на службу по 13-му году въ полкъ, гдѣ находился я безъ книгъ и денегъ, въ кругу занимающихся одною тактикою. И такъ онъ хотѣлъ, для удобнѣйшаго завладѣнія моего имѣнія, сдѣлать изъ меня отвратительнаго невѣжду. Для того только былъ я имъ записанъ въ службу и отданъ въ училище, дабы родные мои и приверженные къ моему отцу не проникнули его замысловъ, почему и записалъ меня подъ чужимъ имянемъ въ службу и старался отдалять меня отъ могущихъ представить истинну Императрицѣ, или поставить меня на дорогу къ достиженію похищаемой у меня собственности. Я былъ взятъ въ дежурство князя Потемкина Таврическаго безъ его предстательства, а другіе по просьбѣ его въ тоже время находились въ должностяхъ при этомъ военномъ начальникѣ. За бытность мою при осадѣ и на приступѣ Измаила охотникомъ, а не по предстательству моего дяди, награжденъ я Императрицею одобрительнымъ листомъ, знакомъ отличія и маіорскимъ чиномъ. Любостяжаніе имъ управляетъ, а оно ничего святаго не имѣетъ. Почему и притворялся я неимѣвшимъ свѣдѣній о принадлежности мнѣ оставшагося послѣ отца моего наслѣдства. Мое напоминовеніе объ ономъ разбудило моего дядю и опекуна, и онъ опредѣлилъ тоже мгновеніе мою гибель. Въ Маіѣ 1793-го года началъ я возвращеніи мнѣ отца моего наслѣдства у него въ Дубосарахъ снискивать; послѣ чего дѣлалъ онъ мнѣ преуничижительныя и предосудительныя для меня предложенія, которыя изображены въ свидѣтельствахъ данныхъ мнѣ коллежскимъ совѣтникомъ Морошевичемъ и Баварскимъ уроженцемъ Іосифомъ Веберомъ. Сихъ свидѣтельствъ копію у сего прилагаю. Дядя мой, страшась, дабы я не обнаружилъ его предъ престоломъ мудрой Екатерины, ухищреніями скопилъ надъ моею головою тучу, которая производитъ вихрь, и здоровыя деревья съ корнемъ вырывавшій. Чистота моей совѣсти не отвращаетъ его отъ меня; третій разъ я въ тюрь-

мѣ, и у третьяго монарха успѣлъ онъ мою честь помрачить. Екатеринославской губерніи, что̀ нынѣ Новороссійская правитель покойной Каховской, доставившій мнѣ 1793-го года, какъ Пассеку, на Очаковской степи земли и утвержденіе оныхъ, незапно перемѣнилъ обо мнѣ свое мнѣніе, называя меня неблагодарнымъ моему дядѣ и, не внимая моей просьбѣ изслѣдовать, чѣмъ обнаружится моя невинность, изобразилъ въ началѣ 1794-го года меня и другихъ въ донесеніи своемъ Государынѣ опасными отечеству людьми. Знавъ могущество моего дяди и видя безопасность свою въ большой опасности, послѣ того какъ нѣкоторые изъ мнимыхъ опасными были задержаны, рѣшился я, для огласки насильствія, ѣхать за предѣлы Россіи и снискать у генералъ-консула Северина законной защиты, чтобы побудить тѣмъ меня судить и посредствомъ того избавиться отъ заключенія или ссылки, безъ судейскаго приговора и вѣдѣнія Императрицы иногда дѣлаемыхъ, какъ я слышалъ. 42 часа былъ я въ дорогѣ изъ Яссъ закованъ; меня возвратили, и графъ Александръ Николаевичь Самойловъ своимъ отеческимъ пріемомъ и обѣщаніемъ извлекъ изъ меня болѣе нежели я могъ сказать. Одинъ изъ моихъ знакомыхъ далъ мнѣ въ 1794-мъ году прочесть своего сочиненія порицающіе Императрицу акростихи. Зная сей мудрой Императрицы въ Кіевѣ изданный манифестъ 1787-го года 21-го Марта и 480-ю, 481-ю, 482-ю, 483-ю, 484-ю и 517-й статьи Наказа, я ни во что не вмѣнялъ сіи акростихи, вспыльчивостію его произведенные и забылъ ему ихъ возвратить; а при задержаніи моемъ въ Яссахъ они у меня найдены. Дабы во зло не употребить имѣвшаго ко мнѣ довѣренность, сіе порицаніе написавшаго безъ умысла на безопасность Государыни (ибо онъ хотѣлъ ихъ сжечь), объявилъ я себя ихъ сочинившимъ. Покойной Симоновичь ихъ сочинилъ, и изъ его отвѣтовъ и моего письма къ нему, находящихся въ архивѣ бывшей Тайной Экспедиціи, можно проникнуть, что не я, а Симоновичь ихъ сочинилъ. Великая Екатерина (которую дядя мой просилъ обо мнѣ, когда увидѣлъ, что я буду освобожденъ) вотъ какъ сіе дѣло рѣшила: «Я предоставляю

времени уничтожить сіи стихи; отъ него зависитъ остаться въ военной службѣ, или перейти въ иную».

Однакожѐ, по представленію моего дяди, что я шалунъ и прочее, и меня нужно ускромить, Императрица, коей за могуществомъ моего дяди и о правахъ моихъ на наслѣдство я не смѣлъ открыто чрезъ третьяго писать, не дозволила мнѣ безъ согласія генералъ-прокурора въѣзжать въ обѣ столицы. Въ удаленіи меня отъ оныхъ дядя мой находилъ утвержденіе моего наслѣдства за собою. Графъ Александръ Николаевичъ Самойловъ не только меня спасъ, но и ссудилъ деньгами на дорогу въ армію. Онъ знаетъ, сколько Государыня потомъ участвовала во мнѣ: по ея повелѣнію графъ совѣтовалъ моему дядѣ быть со мною снисходительнымъ и снабдить меня нужнымъ, и получилъ въ отвѣтъ, что отдастъ мнѣ недвижимое имѣніе. А дабы не имѣть надобности сдержать свое слово (и мнѣ также данное) возвратить наслѣдство, съ Ноября 1794-го года, началъ онъ посредствомъ какой-то изъ своихъ тварей или обманутой наружностію особы, опять чернить меня у начальствующаго арміею князя Николая Васильевича Репнина, который къ счастію моему отнесся къ одному изъ моихъ давнихъ пріятелей, сдѣлавшемуся моимъ благодѣтелемъ потомъ снятіемъ маски съ моего дяди и возвращеніемъ мнѣ князя Репнина благорасположенія. Нѣсколько мѣсяцовъ послѣ князь Сергѣй Ѳедоровичъ Голицинъ, у коего былъ я дежурнымъ, изливавшій на меня свои ласки, возвратившись въ корпусъ, гдѣ я оставался, изъ Санктпербурга, сдѣлался ко мнѣ чрезвычайно холоденъ. Я изъяснился; а онъ, прочевъ съ дядею моимъ мою переписку, обѣщалъ все то сдѣлать, что̀ можетъ облегчить мою судьбу. На мѣстѣ князя остался въ корпусѣ начальствующимъ генералъ-маіоръ, что̀ нынѣ генералъ отъ кавалеріи, Александръ Васильевичъ Обрѣсковъ, моего дяди свойкъ. Опасаясь быть имъ преслѣдуемъ, выпросилъ я у него дозволеніе съѣздить въ полкъ, куда послалъ онъ два повелѣнія, чтобы я къ нему пріѣхалъ; на первое отозвался я болѣзнію, а на второе расположеніемъ служить во фрунтѣ. Полку сказано въ походъ; мы прибыли въ Вильну, гдѣ опять

встрѣтила меня дяди моего интрига: сидя всегда за кулисами и дѣйствуя противу меня пружинами Махіавеля изъ за оныхъ, пронесъ онъ слухи, будто я якобинецъ, дѣлавшій фальшивыя ассигнаціи и чеканившій рубли, прощенный якобы по его просьбѣ Государынею. Въ Вильнѣ такъ хорошо устроилъ онъ свои дѣла, что одинъ изъ чиновниковъ, сынъ почитаемаго всѣми Россіянами полководца, донесъ блаженной памяти Государю, что я раздаю читать офицерамъ якобы запрещенныя книги, и меня безъ изслѣдованія и судейскаго приговора по высочайшему повелѣнію въ Декабрѣ 1796-го года ввергнули въ одну изъ Дюнаминдскихъ тюремъ, гдѣ, не будучи по высочайшему приказу выключенъ и отставленъ, четыре года и три мѣсяца боролся я съ неизвѣстностію о моей, а потомъ и сына моего участи. Тамъ часто не имѣлъ я первыхъ человѣку надобностей, потерялъ почти мое зрѣніе, всѣ почти зубы, и въ 25-ть лѣтъ сдѣлался дряхлъ и бѣлъ какъ лунь; тамъ получилъ я дяди моего Смоленскому Губернскому Правленію въ 1798-мъ году отзывъ, въ которомъ говоритъ онъ обо мнѣ, какъ о пріемышѣ, не участвующемъ ни въ фамиліи, ни въ имѣніи Пассековъ. Сей отзывъ усугубилъ мое бѣдствіе. Къ заключеннымъ мало кто имѣетъ довѣренность: всѣ сочли, что я говорилъ для того о притязаніяхъ моихъ на наслѣдство отцовское, дабы склонить на свою сторону умы для снисканія займа; но 1799-го года получилъ я дяди моего тому же Губернскому Правленію объясненіе, въ коемъ, называя меня неблагодарнымъ и дурнаго поведенія, признаетъ послѣднюю волю моего родителя, изображенную *въ представленномъ имъ при объясненіи завѣщаніи, гдѣ я сыномъ и единственнымъ наслѣдникомъ изображенъ*, и которое, какъ я уже сказалъ, болѣе двадцати лѣтъ онъ утаивалъ. Первый отзывъ, когда Правленіе Смоленское потребовало отъ него моего отца завѣщаніе, онъ долженъ былъ поддержать; а главный предметъ его объясненія былъ помрачить меня во мнѣніи моей благодѣтельницы графини Анны Родіоновны Чернышевой, дабы отвратить взоръ ея отъ виновнаго по наружности и ввергнутаго въ наижесточайшее заключеніе, котораго человѣчеству

долго перенести невозможно. Бывшему 15-ть лѣтъ заключеннымъ, князю Кантемиру, также родному своему племяннику, могъ бы онъ, въ бытность свою генераломъ-адъютантомъ, испросить у Императрицы по крайней мѣрѣ облегченіе въ его заключеніи, естьли не освобожденіе, дарованное ему милосердымъ Александромъ; но въ смерти нашей видѣлъ онъ утвержденіе за собою нашихъ имѣній. Мое заточеніе убило меня утѣшавшаго во ономъ тайно жену, съ которой прижилъ я въ немъ двухъ сыновей, изъ коихъ младшій безвременно родился и умеръ отъ испугу и недостатка въ лѣкарствахъ, а старшій въ городовой тюрьмѣ иногда меня забавляетъ, и естьли бы не извлекла меня животворящая десница Александра изъ челюсти права сильнаго, то и сей сынъ мой лишенъ бы былъ своего отца! Сердце мое запекается кровію при вспоминовеніи сей ужасной картины. Когда бы были въ дядѣ и опекунѣ моемъ чувства имъ изъявляемыя, онъ бы не только гдѣ положено имъ завѣщаніе (какъ онъ самъ говоритъ, его друга, а моего отца), но и о содержаніи его помнилъ. Губернаторомъ Тредьяковскимъ было ему сообщено о должныхъ мною тысячѣ ста пятидесяти пяти рубляхъ, вслѣдствіе чего онъ и внесъ тысячу рублей. Для чего же не отдалъ и остальныхъ ста пятидесяти пяти рублей, зная мою невозможность ихъ заплатить, и что столько же они тягостны для меня, какъ и миліонъ долга? Не доказуетъ ли сіе его скряжества или желанія отяготить мое даже и въ заключеніи бремя? Хотя бы и дѣйствительно заслужилъ я его ненависть, чувства добраго сердца приглашаютъ помогать страждущему! Въ теченіи моего заключенія въ Дюнаминдѣ, имѣя все наслѣдство мое въ своихъ рукахъ, ни копѣйки онъ мнѣ не прислалъ; нельзя ему представить невозможности. Я могу доказать, что пріятели мои и за нѣсколько сотъ верстъ меня навѣщали и доставляли мнѣ помощь въ тюрьму. И Украинское мое имѣніе, часть наслѣдства моего отца, говоритъ онъ въ своемъ объясненіи, не прежде возвратитъ мнѣ, пока я не исправлюсь и не заслужу того чина, коего никогда не лишали меня; а ежели бы и дворянства меня лишили, какое съ симъ

имѣетъ сношеніе моя несеквѐстрованная и неконфискованная собственность? Развѣ нельзя движимости и въ этомъ случаѣ возвратить? Что же касается до моего поведенія, то только наружность была противу меня, и то не для дяди, а для незнающихъ меня. Естьли бы потребовалъ онъ отъ меня отчету и вмѣсто возвращенія безъ прочтенія моихъ писемъ, безпристрастно искомое мною изслѣдовалъ, то не имѣлъ бы предлога мое имѣніе удерживать. Но я былъ заточенъ и не въ силахъ остановить его злаго стремленія. Вороты Петрополя мнѣ открыла свобода; я не нашелъ уже Тайной Экспедиціи, гдѣ по произволу судей или Государя могли и законы молчать!

Но къ несчастію моихъ согражданъ, даже и въ судахъ столицы добраго Александра, попираютъ законы. Въ сегодняшней просьбѣ моей Правительствующаго Сената четвертому департаменту сіе я доказалъ. Дядя мой встрѣтилъ меня обѣщаніемъ возвратить мнѣ мое имѣніе и совѣтовалъ ѣхать въ деревню для возстановленія моего здравія. Вмѣсто слѣдуемаго мнѣ содержанія по его положенію отъ него, съ Генваря 1796-го по Майй мѣсяцъ прошлаго года, то есть вмѣсто шести тысячь четырехъ сотъ рублей, заплатилъ онъ за меня тысячу, да послѣ сто пятьдесятъ пять рублей долга по высочайшему повелѣнію, и далъ мнѣ тысячу шесть сотъ пятдесять рублей, когда я, возвратившись изъ заключенія, полумертвой и ободранной, въ серемягѣ къ нему предсталъ; и письменно обѣщанные имъ доходы съ моего имѣнія за годъ мнѣ не возвращаетъ. Сестры мои родныя еще хуже моего воспитаны и содержаны имъ; они сами научились грамотѣ и никакого не имѣютъ состоянія. Старшей изъ нихъ, съ тѣхъ поръ какъ вышла она за мужъ, даетъ онъ по девяносту рублей въ годъ, а меньшей ничего; и сіе содержаніе за три года слишкомъ моя сестра прошлаго только лѣта получила, и то потому, что я благостію Александра Перваго освобожденъ. Его Императорское Величество обнародовалъ мною невинно претерпѣнныя несчастія имяннымъ отъ 7-го Маія прошлаго 1801-го года указомъ и дозволилъ мнѣ чрезъ Михайлу Ни-

китича Муравьева избрать себѣ службу, сообразную съ растроеннымъ моимъ здравіемъ. Я предпочелъ Иностранную Коллегію. Дядя мой, дабы удалить меня отселѣ, просилъ и сыскалъ согласіе графа Маркова взять меня совѣтникомъ посольства въ Парижъ; но прежде нежели принять сіе мѣсто, хотѣлъ я окончить по наслѣдству съ моимъ дядею, для пресѣченія его намѣреній, и еще далѣе, нежели меня отселѣ удалить простиравшихся. Чтобы затмить мои права на наслѣдство, выдать себя Государю за великодушнаго и показаніемъ мнѣ своего могущества остановить мое ходатайствованіе по имѣнію, снискалъ онъ прошлаго года у Его Императорскаго Величества утвержденіе своей просьбы, въ которой назвалъ меня онъ снова Пасковымъ, представилъ прощеннымъ и освобожденнмъ изъ Дюнаминдской крѣпости и, повергая меня къ престолу Монарха, проситъ о повелѣніи именоваться мнѣ Пассекомъ и принять мнѣ во владѣніе яко бы принадлежащее ему Слободское Украинское имѣніе съ шестнадцатью тысячами рубл. имъ сдѣланнаго долга, и дабы выведенные изъ онаго люди за нимъ и его наслѣдниками остались и прочее. А сіе имѣніе есть частица моего наслѣдства, и ее я получилъ совсѣмъ раззоренною. Надъ нимъ не имѣли вліянія мои представленія, что въ Дубосарахъ 1793-го года отдавалъ онъ мнѣ сію частицу несравненно въ лучшемъ положеніи, но съ дватцатью шестью тысячами рублей имъ сдѣланнаго долга, кою я не принялъ; а естьли бы и принялъ, то выплатилъ бы давно оной и не имѣлъ своихъ долговъ, которые сдѣлалъ за неполученіемъ отъ него порядочнаго содержанія, и что я тогда былъ молодъ, безъ дѣтей, а теперь изнеможенной и имѣю сына и прочее. Въ этомъ имѣніи нашелъ я домъ наканунѣ отъ ветхости развалиться; въ немъ исчезли: библіотека, серебряные сервизы, мебели, посуда, экипажи, словомъ остались пустыя стѣны; винокурню и принадлежность къ оной долженъ я вновь сдѣлать; большую часть скота и конскаго завода угналъ онъ въ свои помѣстья, а мнѣ оставилъ бракъ и, не взирая, что въ актѣ своемъ Государю сказалъ, что мнѣ самому очищать по тяжбамъ имѣніе, и по утвержденіи онаго

акта, не хотѣлъ отдать незаложенные земли и лѣса къ Украинскому имѣнію принадлежащіе; и когда уже было Украинское имѣніе въ моемъ владѣніи, то безъ моего вѣдѣнія, по повелѣнію моего дяди отправлены изъ него харчи къ нему, болѣе нежели за тысячу верстъ, часть которыхъ для того только возвращена, что я не хотѣлъ подписать имъ подписанной у меня хранящейся домовой сдѣлки, въ коей обязываетъ онъ меня ничѣмъ не безпокоить и ничего не требовать, какъ отъ его самаго, такъ и отъ его наслѣдниковъ. Не явно ли же его стараніе сдѣлать со мною сію сдѣлку доказуетъ, что онъ моею собственностію владѣетъ? Проницательный увидитъ изъ тяжбы моей съ Софьею Бурмейстеръ, что она подкуплена для оклеветанія растлителемъ ея дочери, а что Управа Благочинія съ военнымъ губернаторомъ Кутузовымъ, и потомъ Санктъ-Петербургской губернской прокуроръ Харламовъ, Уголовная Палата, Надворнаго суда 1-й департаментъ и прочіе силились мою невинность попрать, утверждаютъ мои восемь объясненій, двадцать семь отвѣтовъ, мое письмо къ князю Кантемиру, письма мои о ономъ къ князю Петру Михайловичу Волконскому и бывшему генералъ-прокурору, моихъ свидѣтелей шесть объясненій и до пятнадцати сказокъ суду, равномѣрно и нѣсколько десятковъ узаконеній, меня по обѣимъ нынѣ существующимъ тяжбамъ защищающія. Послѣдняя вчинена мнѣ по письму моему къ князю Кантемиру для устроенія его семейства, и о письмѣ этомъ донесъ (какъ слухи носятся) генералъ отъ кавалеріи Обрѣсковъ, яко о содержащемъ таинства въ себѣ, подвергающіяся подъ оба важнѣйшіе пункты. Не надо того забыть, что Обрѣсковъ женатъ на родной сестрѣ жены моего дяди и опекуна. И за таковые поступки его со мною онъ требуетъ отъ меня благодарности! Порицанія, вельможею произнесенныя, имѣютъ перевѣсъ надъ моею истиною: я въ третій разъ въ тюрьмѣ, слѣдовательно наружность противу меня, а публика, на ней основываясь, дѣлаетъ свои заключенія. Мало кто хочетъ взять трудъ вникнуть во внутренность. Но правда наконецъ будетъ имѣть верхъ; но, можетъ, меня тогда не будетъ, и дядя мой такъ

устроить дѣла, что моимъ наслѣдникамъ, вмѣсто имѣнія, останется сія единственно бумага: моего отца завѣщаніе въ то время, когда я былъ заключенъ въ Динаминдской крѣпости, утвержденное высочайшимъ покойнаго государя императора Павла Петровича отъ 1[Августа 1799 года повелѣніемъ, подъ № 439 въ архивѣ бывшей Тайной Экспедиціи состоящимъ. Вотъ какъ господинъ бывшій генералъ-прокуроръ Беклешовъ въ письмѣ къ моему дядѣ изобразилъ его: «Должностію себѣ поставляю я по высочайшему повелѣнію увѣдомить ваше превосходительство, чтобы вы, милостивый государь мой, будучи въ обязанности по завѣщанію покойнаго брата вашего поступить съ сыномъ его маіоромъ Пасковымъ и матерью, какъ долгъ совѣсти велитъ, взнесли за него въ казну принадлежащіе сто пятдесятъ пять рублей».

О моей матери, по родству съ моимъ отцомъ помѣщенной въ завѣщаніи подъ непринадлежащимъ ей именемъ Надежды Петровны, подъ коимъ она до смерти его существовала съ тѣхъ поръ, какъ онъ ее увезъ, говоря мой дядя въ упомянутомъ своемъ объясненіи, какъ о несуществующей на свѣтѣ женщинѣ, подъ имянемъ Надежды Петровны, на изображенное выше высочайшее повелѣніе отъ 1-го Августа 1799-го года, яко одинъ оставшійся изъ ближайшихъ родственниковъ мужескаго пола моего отца, отъ 16 Августа того жъ 1799-го года въ письмѣ (находящемся въ той же архивѣ бывшей Тайной Экспедиціи подъ № 2010-мъ) по требованію бывшаго генералъ-прокурора Беклешова, отвѣчалъ: «Деньги на сей же почтѣ отправилъ. Страсть корыстолюбія, во всю жизнь мою не помрачала во мнѣ чувствъ къ должности, обязанности, дружбѣ. Почитая покойнаго брата дружбу и довѣренность, да и по обязанности моей совѣсти, никогда не имѣлъ я намѣренія поступать вопреки желаній покойнаго брата моего; что же касается до матери маіора Паскова, которая нынѣ подъ имянемъ Елисаветы Ильинишны за мужемъ за коллежскимъ совѣтникомъ Перковымъ, то хотя говорилъ братъ о ней въ письмѣ къ графу Генрикову, какъ о Надеждѣ Петровнѣ, но я, проникая въ прямой смыслъ сего изреченія, по обстоятель-

ствамъ покойнаго брата, опредѣлилъ ей ежегодно по пяти сотъ рублей изъ сего имѣнія содержаніе. Желаніе брата моего по возможности выполнить не отрекусь, лишь бы бывшій маіоръ Пасковъ могъ усчастливится имѣть право получить отъ меня на свое имя утвержденіе по владѣнію недвижимаго имѣнія. Что же отлагалъ выполненіе сего, то сіе происходило не отъ нехотѣнія, а единственно отъ того, что я его видѣлъ расточительна, небережлива и неблагодарна; то и ожидалъ времени, доколѣ онъ исправится. Вотъ истинное мое расположеніе касательно маіора Паскова».

Второе къ генералъ-прокурору письмо моего дяди и опекуна отъ 18-го Октября 1799-го года (въ той же архивѣ подъ № 2210-мъ существующее) содержало слѣдующее:

«Я имѣлъ честь къ вашему высокопревосходительству писать отъ 16-го Августа сего года; осмѣливаюсь и нынѣ повторить, что никакая корысть не имѣла и не имѣетъ мѣста въ душѣ и сердцѣ моемъ. Не поскучайте, милостивый государь, меня несчастнаго увѣдомить и наставить по дѣлу бывшаго маіора Василья Паскова, дабы я не могъ невиннымъ образомъ проступиться. Я недоумѣваю, какія я долженъ принять мѣры. Моя забота и безпокойство состоятъ по симъ обстоятельствамъ въ томъ, чтобы имѣть апробацію вашего высокопревосходительства о моемъ расположеніи, изъясненномъ въ вышеупомянутомъ письмѣ моемъ къ вамъ, милостивому государю.»

Въ письмѣ отъ 16-го Августа дядя мой говорилъ о готовности, по возможности, выполнить послѣднюю волю моего отца, изображенную въ завѣщаніи, гдѣ признаетъ меня отецъ мой единственнымъ своимъ наслѣдникомъ; слѣдовательно дядя во второмъ письмѣ проситъ о апробаціи по возможности возвратить мнѣ имѣніе; но бывшій генералъ-прокуроръ Беклешовъ, въ письмѣ отъ 7-го Ноября 1799-го года, подъ № 541-мъ въ той же архивѣ хранящемся, моему дядѣ такъ отвѣчалъ:

«Не могу я по сей матеріи никакого сдѣлать вамъ тутъ совѣта, и ничего инаго объявить, какъ сослаться на высо-

чайшее Его Императорскаго Величества повелѣніе, о коемъ увѣдомилъ ваше высокопревосходительство въ отношеніи отъ отъ 1-го Августа сего года».

И такъ вторично утверждено и собственнымъ моего дяди признаніемъ и высочайшею волею моего отца завѣщаніе. Но сіе высочайшее повелѣніе, изображенное въ отношеніи генералъ-прокурора къ моему дядѣ, подъ № 439-мъ состоящее, изъ бывшей Тайной Экспедиціи не было сообщено Правительствующему Сенату, и потому не повелѣно мнѣ и поднесь вступить въ права и во владѣніе всего наслѣдства моего отца, подполковника Василья Богдановича Пассека. Воинскаго процесса 2-й части 2-й главы 1-мъ пунктомъ и указомъ 28-го Августа 1797-го года опредѣлено: принимать безъ дальняго доказу собственное признаніе, какъ лучшее свидѣтельство всего свѣта, а словесныя Его Императорскаго величества повелѣнія считать имянными повелѣніями. Блаженной памяти Императрица Екатерина Алексѣевна утвердила завѣщаніе Александра Александровича Нарышкина, покойный Государь Императоръ Павелъ Петровичь сіе уничтожилъ завѣщаніе, а царствующій нынѣ Государь Императоръ по просьбѣ искательницы не приступилъ къ разсмотрѣнію о семъ распоряженіи прошедшихъ царствованій; по дѣламъ до имѣнія касательнымъ многіе получили таковые же отъ Его Императорскаго Величества отвѣты посредствомъ вѣдомостей.

Вѣрно. Надворный совѣтникъ Василій Васильевъ сынъ

Пассекъ.

3.

Завѣщательное письмо Василія Богдановича Пассека къ графу Гендрикову.

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь,
Иванъ Симоновичъ!

Зная вашего сіятельства чистѣйшую совѣсть и человѣколюбіе и довольно будучи доказанъ многими вашими въ жизнь мою милостьми, ласкаю себя несумнѣнно, что вы, милостивый государь, по толикой моей болѣзни, въ случаѣ смертнаго часу, воспріимете имя душеприкащика, къ чему я ваше сіятельство избирая, покорнѣйше прошу, по кончинѣ моей, взять домъ мой, всѣхъ людей моихъ дворовыхъ, Слободу и Крѣпостную въ ваше покровительство и приказать:

1) Быть имъ въ такомъ же послушаніи у любезной моей Надежды Петровны *и у любезнаго сына моего*, какъ точно въ моемъ.

2) Между тѣмъ отправить нарочнаго на почтовыхъ къ любезному брату моему Петру Богдановичу съ извѣстіемъ о моей кончинѣ и съ онымъ заготовленное передъ смертію отослать письмо и отъ него-то ожидать полнаго наставленія и распредѣленія, какъ для Надежды Петровны, такъ и для *любезнаго сына моего*; ибо я столь увѣренъ о любви ко мнѣ сего дражайшаго и любезнѣйшаго брата по великости его души, что онъ еще сверхъ моего положенія наградитъ сихъ безсчастныхъ.

3) Любезной сестрѣ моей княгинѣ Софьѣ Богдановнѣ *) тожъ дать знать тотчасъ въ самую кончину мою.

4) Погрести меня прошу безъ всякой пышности; для того гробъ ничѣмъ другимъ не обивать, какъ простою фланелью, черною, узенькою, полушелковою тесемкою и крестъ на немъ изъ той же полушелковой бѣлой тесемки, а не серебряный.

---

*) Кантемиръ. П. Б.

Тѣло больше бы не стояло, какъ трое сутокъ; къ погребенію онаго прошу пригласить моего благодѣтеля, отца Іоанна, протопопа Хотомлянскаго, да священниковъ шесть, а больше сего числа чтобъ не было. И похоронить меня (не въ церкви, а подлѣ церкви) благодѣтелю моему и всегда почтеннѣйшему мужу отцу протопопу Іоанну.

5) Вашему сіятельству въ знакъ памяти обо мнѣ служу всею моею псовою охотою, исключая только Вихры, Нахала и Тавуса, которыя въ память остаются любезному моему сыну, и исключая изъ того дворецкаго моего и псаря Корнюшки своръ, какихъ собакъ они себѣ въ оныя выберутъ, безъ остатку вамъ, милостивому государю моему; да сверхъ того вашему сіятельству обѣ мои верховыя лошади, сѣрую Турецкую и молодую бурую отъ Аглинской породы.

6) Да прошу на память раздать моимъ пріятелямъ: во первыхъ, графу Сергѣю Ивановичу отъ меньшаго жеребца чистаго и во всѣхъ статьяхъ гнѣдаго мерена, который долженъ весьма быть способенъ подъ верхъ; а другую бѣлоножку Ивану Герасимовичу Картавому; Петру Захарьевичу двойку карыхъ: одну ту, что̀ я къ ней нынче подобралъ въ пару; Алексѣю Ивановичу пара молодыхъ свѣтло-гнѣдыхъ; Рязановымъ Ивану и Михайлѣ по одной изъ молодыхъ лошадей; Григорью Алексѣевичу Свѣчникову на память, чтобъ прилежно *сына моего* училъ, вся моя красная пара съ серебрянымъ галуномъ и новая бекеша лисья шпиналетовая съ золотыми завязками. И ежели племянница моя графиня Анна Родіоновна *) или братъ мой Петръ Богдановичъ потребуютъ *сына моего* въ Санктъ-Петербургъ для опредѣленія его къ наукѣ, то прошу при ономъ отправить и Григорья Алексѣевича и написать отъ себя къ графинѣ письмо, что я обѣщалъ ему доставить записаться въ сухопутный гошпиталь; но какъ не имѣлъ времени и случая, то при кончинѣ своей то мое обѣщаніе исполнить за первый долгъ почелъ просить вашего сіятельства

*) Чернышева. П. Б.

объясниться съ графинею Анною Родіоновною и просить ее о доставленіи ему того мѣста.

7) Оставилъ я три подписанныхъ мною людямъ моимъ отпускныя, а именно: дворецкому моему Михайлѣ Захарову съ мачихою, двумя братьями и тремя сестрами; другую—брату его Григорью; третью—камердинеру моему Трофиму Мухину, изъ коихъ Михайлѣ и Трофиму прошу покорно по прошествіи шести недѣль, отдать, а третью—Григорью-стряпчему до тѣхъ поръ не отдавать, пока онъ гнусное свое пьяное состояніе не исправитъ, и доколѣ не окончится Хотомлянскаго уѣзду дачамъ формальное межеваніе, чтобъ онъ при межеваніи каждой моей покупной дачи не упустилъ нигдѣ соблюсти въ пользу *наслѣдника моего.*

А какъ и нынѣ, по челобитью г-на генералъ-поручика Ивана Самойловича Хорвата, потребенъ посланъ быть повѣренной въ Юстицъ-Коллегію: то онаго, буде я самъ до кончины моей не успѣю отправить, пожаловать ваше сіятельство послать въ Москву къ сестрѣ моей Марьѣ Богдановнѣ *), а къ брату Петру Богдановичу писать, чтобъ ему вѣрющее письмо какъ наискорѣе прислалъ. И по всѣхъ сихъ порученіяхъ, егда онъ исполнитъ все съ радѣніемъ и точностію и ничего не упуститъ, тогда прошу и отпускную ему отдать.

8) Какъ Михайла Захаровъ съ признанія за сдѣланіе свободными сверхъ его братьевъ и трехъ сестеръ, также мачиху его, обѣщался передо мною жить въ домѣ моемъ *до возроста сына моего* и смотрѣть какъ за винокуреннымъ заводомъ, такъ быть дворецкимъ въ домѣ и гдѣ возможно не пропустить интересу: то прошу вашего сіятельства опредѣлить его дворецкимъ, да и съ тѣмъ, чтобъ прикащикъ мой состоялъ подъ точною его командою; а *наслѣдникъ мой* долженъ ему давать въ годъ за труды его по пятидесяти рублевъ. Особливая пара лошадей опредѣлена ему была бы для поѣздокъ во время смотрѣнія за сѣнокосомъ и прочими хозяйственными надобностями.

---

*) Полтевой. П. Б.

Въ заключеніе обращаю еще разъ послѣдній мой христіанской долгъ на остающагося послѣ меня *сына моего и на его несчастную мать* и съ прошеніемъ вашего сіятельства быть симъ бѣднымъ сиротамъ вторымъ отцомъ, и принять ихъ въ ваше покровительство и защиту, и не допустить ни до малѣйшихъ обидъ; а обо мнѣ умирающемъ прошу быть увѣреннымъ, что никто столько искреннею преданностію и совершеннымъ къ вамъ высокопочитаніемъ не былъ наполненъ какъ вашего сіятельства, милостиваго государя, нижайшій и всеобязаннѣйшій слуга.

(Подлинное подписалъ) Василій Пассекъ.

16-го Февраля 1778-го года. Въ Спасскомъ.

Что все вышеписанное отъ имени господина подполковника Василія Богдановича Пассека къ его сіятельству графу Ивану Симоновичу Генрикову писано и подписано собственною его господина подполковника рукою, въ томъ во свидѣтельство подписался (у подлиннаго тако): Салтовской протопопъ Іоаннъ Иванецкій. На подлинной копіи Смоленскаго Намѣстническаго Правленія подписалъ: секретарь Козма Паломской. Сія копія по приказанію его высокопревосходительства господина генералъ-прокурора Александра Андреевича Беклешова дана изъ его канцеляріи господину надворному совѣтнику Пассеку Декабря 20-го дня 1801-го года. Подлинную копію подписалъ коллежскій совѣтникъ Петръ Молчановъ.—Надворный совѣтникъ Василій Пассекъ.

4.

Жалоба В. В. Пассека генералъ-прокурору Беклешову.

Милостивый государь!

Я просилъ губернскаго прокурора и писалъ къ военному губернатору о жалкомъ положеніи городовой тюрьмы, которую послѣдній ни разу во все время свое теперешней должности не навѣстилъ; но вотще, мы еще не облегчены. Всѣ вообще заключенные свой гласъ соединяютъ съ моимъ: мы

прибѣгаемъ къ законамъ, а тутъ поступаютъ противу ихъ по даннымъ инструкціямъ военныхъ прежнихъ губернаторовъ и настоящаго. Здѣсь нѣтъ различія между должниками осужденными, временнымъ заключеніемъ наказанными, обвиняемыми и уличенными: со всѣми единая и та строгость, которая употребляется по законамъ съ обвиняемыми въ великихъ преступленіяхъ. Въ три часа по полудни входъ въ тюрьму уже возбраненъ, а большая часть изъ навѣщающихъ насъ по человѣколюбію и дружбѣ занята цѣлое утро по своимъ дѣламъ; письма наши подлежатъ цензурѣ караульнаго офицера, дежуръ-маіора, надзирателя, помощника надзирателя, коменданта и военнаго губернатора. Гдѣ же отыскивать и какъ на нихъ право, когда кто изъ нихъ насъ угнететъ и захочетъ утаить жалобы? Чѣмъ болѣе сношенія имѣетъ должникъ внѣ тюрьмы, тѣмъ болѣе обрѣтаетъ онъ средствъ къ удовлетворенію своихъ заимодавцевъ. Какъ ихъ и приговоренныхъ, просто наказанныхъ заключеніемъ и уличенныхъ вольное письменное и личное сношеніе не только не опасно, но полезно; съ обвиняемымъ же не можетъ другая никакая по законамъ быть строгость, какъ пресѣкающая ему побѣгъ и наблюдающая, дабы онъ посредствомъ переписки и личнаго сношенія пронырствами не затмилъ свое преступленіе или не запуталъ дѣло для выигрыша времени въ надеждѣ дождаться милостиваго манифеста. Домашнія дѣла, счеты и тяжебныя бумаги не всегда могутъ быть обнаруживаемы и требуютъ личнаго и письменнаго, вольнаго и дѣятельнаго сношенія, безъ коего чувствительная особа, не могущая по какимъ либо обстоятельствамъ имѣть свиданія съ другою особою и не получая нужныхъ для себя извѣщеній, можетъ неизвѣстностію быть умерщевленною. Ценсура для обвиняемыхъ должна быть введена иная въ тюрьмы. Одинъ присяжный ценсоръ на сіе станетъ. Ему надо быть ученому, проницательному, приверженному къ правительству, человѣколюбиву и скромну. Онъ будетъ руководствоваться особенно долженствующимъ быть на сіе изданнымъ наставленіемъ. Есть комнаты, въ коихъ считаютъ слишкомъ 50 задержанныхъ, а иногда и до 80-ти

бываетъ въ одной. Въ стѣсненномъ воздухѣ, парами, исходящими нерѣдко изъ людей, находящихся въ заразительныхъ болѣзняхъ (которыя многіе скрываютъ, избѣгая больницъ), нужно употребленіе умѣренное горячихъ напитковъ; а здѣсь совсѣмъ они возбранены. Всѣ живутъ тутъ своимъ иждивеніемъ, и большая часть такъ бѣдна, что еслибъ сотоварищи имущіе не доставляли бъ первыя для человѣка надобности, принуждены бы были питаться воздухомъ: ибо и за конвоемъ милостины просить насъ отсюда не выпускаютъ. Я пишу сіе между солдатскою и офицерскою караульнями. Съ одной стороны шумъ стражей, а съ другой—просящихся о дозволеніи навѣстить какого изъ членовъ тюрьмы или приказать выпустить, вящше сжимаютъ сердце и мысль тюремщика и симъ однимъ лишаютъ его средствъ сдѣлать порядочное защищеніе по суду. Таковое заключеніе' есть вѣрное средство терпящихъ чрезъ несчастный какой случай до конца раззорить и разстроить безповоротно здравіе. Я предпочитаю крѣпостное заточеніе: тамъ по крайней мѣрѣ имѣть можно въ четырехъ стѣнахъ покой. Когда всѣ заключенные тутъ, какъ я, говорятъ откровенно и увѣрены въ своей правотѣ, то немалое число есть недолженствовавшихъ быть здѣсь и задержанными.

Съ глубокопочитаніемъ есмь, милостивый государь, вашъ покорный слуга. Подлинное подписалъ Василій Пассекъ. Истина сего была засвидѣтельствована многими подписавшимися заключенными.

Его высокопревосходительству господину генералъ-прокурору Александръ Андреевичу Беклешову. 'Надворный совѣтникъ Василій Пассекъ.

19-го Маія 1802-го года. Изъ градской тюрьмы.

5.

По дѣлу съ Софьею Бурмейстеръ.

Я нижеподписавшійся свидѣтельствую, что въ Августѣ и Сентябрѣ 1799-го года не болѣе полутора мѣсяца служила у меня ключницею Бурмейстерша и потому болѣе не могла остаться, что чрезвычайно сварлива и безпорядочна: всѣхъ находящихся въ моемъ домѣ людей неосновательно обвиняла, много оклеветывала, отъ чего и я не былъ пощаженъ ею, почему принужденъ былъ я въ судѣ сего Магистрата подать на нее просьбу и, по сдѣланному изслѣдованію, была наказана восьмидневнымъ заключеніемъ и хлѣбомъ и водою. Истину сего утверждаю своеручною подписью и печатью.—Рига, Іюня 21-го дня 1802-го года. Подлинное подписалъ Готтгардъ Абрагамъ Гримъ Ригской купѣцъ.—Что Ригской купецъ г-нъ Готтгардъ Абрагамъ Гримъ мнѣ объявилъ, что сіе свидѣтельство имъ писано и съ приложеніемъ его печати, я сіе свидѣтельствую симъ. Рига 21-го Іюня 1802-го года. Подлинное подписалъ: Карлъ Вильгельмъ Стоффрегенъ, публичный юридическій нотаріусъ правленія.

*

Санктпетербургъ, 18-го Августа 1802 года. За Софью и Анну Бурмейстеръ, просившихъ на надворнаго совѣтника Василья Васильевича Пассека, будто растлилъ онъ тридцать перваго Генваря сего года Анну Бурмейстеръ, ходатайствующій въ судѣ г-нъ капитанъ Блюмъ, пришедъ въ Санктпетербургкую городовую тюрьму, предлагалъ помянутому г-ну Пассеку съ просительницами на него такимъ образомъ примириться, дабы обоюдно другъ на друга искъ оставить и тѣмъ пресѣчь судебное теченіе дѣла, что̀ мы нижеподписавшіеся утверждаемъ. На подлинномъ подписали: отставной маіоръ Александръ Бемъ, отставной штабсъ-капитанъ Григорій Мариновскій, отставной титулярный юнкеръ Николай Але-

ксандровъ сынъ Крюковъ, отставной мичманъ Алексѣй Петровъ сынъ Бемъ, Павловскаго гренадерскаго полку подпоручикъ князь Мадатовъ, стоявшій тогда въ караулѣ. — Вѣрно: надворный совѣтникъ Василій Пассекъ.

*

Въ Санктпетербургскую Уголовную Палату
От надворнаго совѣтника Василія Васильева Пассека.

ОБЪЯСНЕНІЕ.

Хотя объясненіе нѣкоторыхъ изъ особъ, на коихъ я сослался и утвердившихъ предъ судомъ мою невинность, и довольно изобличаютъ клевету и сумозбродства Софьи и Анны Бурмейстеръ; но въ доказательство истины представляю я при семъ свидѣтельство Рижскаго купца Готтгарда Абрагама Грима, засвидѣтельствованное Рижскимъ юридическимъ публичнымъ нотаріусомъ Карломъ Вильгельмомъ Стоффрегеномъ и объявляю, что Рижскій магистратъ или ратгаусъ, осудившій Софью нѣсколько разъ за клеветы и прочее, можетъ на сдѣланный ему спросъ сообщить мною представляемое утвержденіе. Я сискивалъ въ моихъ объясненіяхъ о сдѣланіи сей справки и другихъ 3-й адмиралтейской части городовой судъ и 1-й департаментъ надворнаго суда. Я имѣю дополнительныя доказательства по сей тяжбѣ; но мнѣ нужна законная помощь. 28-го текущаго мѣсяца отняли у меня ширмы, охранявшія мое разслабленное здоровье и доставлявшія кроху покоя; запретили снова писать въ нумерѣ, гдѣ я содержусь и предали мои писанія цензурѣ шести особъ въ то время, когда обнаружена моя вина или невинность, слѣдовательно лишили меня возможности порядочно защищаться по суду. Все устроено здѣсь такъ, чтобъ изъ невиннаго, нетвердаго духу и слабаго разумомъ сдѣлать виновнымъ: ибо только въ конторѣ позволяется писать, а контора здѣсь состоитъ изъ двухъ перегородокъ изъ тонкихъ досокъ; съ одной ея стороны шумъ въ караульнѣ солдатской, а съ другой — непрестанный звукъ просьбъ у караульнаго офицера о дозволеніи навѣстить или сдѣлать по-

даяніе заключеннымъ, или выпустить изъ тюрьмы, или жалобы. Уже заключеніемъ сжатое сердце и стѣсненная мысль и еще болѣе удручаемы скорбью не имѣть даже средствъ и писать оправданіе. Ощущая всю силу сего бремени, я не единожды протестовалъ противу столь суроваго съ нами обращенія; а меня за это называютъ безпокойнымъ! Развѣ законы запретили кричать тому, котораго терзаютъ? Каждый съ чувствами и съ здравымъ разсудкомъ обязанъ безпокоиться, видя долженствующихъ облегчать судьбу страждущихъ и подавать руку помощи ищущему законной защиты невнемлющими Его Императорскаго Величества (къ г-ну военному губернатору Голенищеву-Кутузову отъ 8-го Августа 1801-го года) рескрипту, въ коемъ изображено: «Повелѣвъ Гдовскаго уѣзда помѣщицу Славищеву за злоупотребленіе ея власти надъ крестьянами предать суду, не мнилъ лишить ее средствъ, какія всякому обвиняемому закономъ къ оправданію его предоставлены. Нынѣ же до свѣдѣнія моего дошло, что, понимая указъ сей въ видѣ рѣшительнаго въ преступленіяхъ ея обвиненія, а потому не пріемля уже отъ нея никакихъ оправданій и не производя по онымъ слѣдствій, приступлено прямо къ рѣшительному надъ нею приговору. Подсудимый неотъемлемое имѣетъ право представить свои доказательства, а присутственное мѣсто не можетъ никогда отказываться отъ ихъ разсмотрѣнія и всѣхъ изслѣдованій, какія по обстоятельствамъ нужны найдутся. И что, предавая обвиняемаго дѣйствію закона, если я хочу, чтобъ преступленіе было обнаружено и получило должное возмездіе, то еще болѣе желаю, чтобъ невинность находила въ томъ же самомъ законѣ и судѣ всѣ средства къ своему оправданію.»

Закону нѣтъ, какъ поступать съ находящимися подъ стражею обвиняемыми, принадлежащими къ гражданскому чиноправленію. Да и въ случаяхъ, на которые не издано узаконеній, повелѣно сообразоваться съ Наказомъ Великія Екатерины. Я всеподданнѣйше прошу, дабы указали ввести въ здѣшнюю городовую тюрьму исполненіе по 168-й статьѣ Наказа, гдѣ сказано: «Взять человѣка подъ стражу ничто иное

есть, какъ хранить опасно особу гражданина обвиняемаго, доколѣ учинится извѣстно, виноватъ онъ или невиненъ. Строгость содержанія подъ стражею не можетъ быть иная никакая, какъ та, которая нужна для пресѣченія обвиняемому побѣга, или для открытія доказательствъ въ преступленіи». А съ нами обращаются по произвольнымъ инструкціямъ и приказаніямъ частнаго начальства, слѣдовательно вопреки инструкціи императорской! Наказа же въ въ 34-й статьѣ сказано: «Равенство всѣхъ гражданъ состоитъ въ томъ, чтобы всѣ подвержены были тѣмъ же законамъ». Въ 38-й и 39-й статьяхъ изображено: «Ежели бы гдѣ какой гражданинъ могъ дѣлать законами запрещаемое, тамъ бы уже больше вольности не было; ибо и другіе имѣли бы равнымъ образомъ сію власть. Чтобы люди имѣли сію вольность, надлежитъ быть закону такову, чтобъ одинъ гражданинъ не могъ бояться другаго, а боялися бы всѣ однихъ законовъ». А въ 147-й и 166-й статьяхъ сказано: «Жалость и человѣколюбіе внидутъ въ самыя темницы; всякое наказаніе несправедливо, какъ скоро оно ненадобное для сохраненія въ цѣлости сего залога».

Подлинное подписалъ надворный совѣтникъ Василій Васильевъ сынъ Пассекъ. 30-го Іюня 1802-го года.

6.

Всеподданнѣйшая просьба В. В. Пассека.

Всемилостивѣйшій Государь!

И предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ я также обнесенъ, какъ былъ предъ мудрою Вашею Бабкою и Вашимъ Родителемъ. Безъ суда былъ я четыре года и девять мѣсяцовъ въ заточеніи и болѣе двухъ лѣтъ и даже противъ непріятеля въ войскѣ подъ присмотромъ! Мои невинныя страданія обнародованы высочайшимъ указомъ 7-го Маія прошлаго года; подъ щитомъ симъ и своего поведенія считалъ я себя обезпеченнымъ, но ошибся. Я возобновилъ отысканіе моей

собственности; а дядя и бывшій опекунъ мой, генералъ Петръ Богдановичъ Пассекъ возобновилъ свои пронырства, и я опять седьмой мѣсяцъ заключенъ и стражду отъ клеветы и за устроеніе (иждивеніемъ моего кошелька) семейства полоумнаго двоюроднаго моего брата, князя Кантемира. Сіе ясно доказываю я въ представляемой у сего копіи съ просьбы моей 20 Сентября сего года Правительствующаго Сената въ четвертый департаментъ и съ принадлежащихъ къ оной документовъ. Наружность опять противу меня; но на меня преслѣдованіями положенный завѣсъ, затмѣвающій истину, сорванъ будетъ Монархомъ, вникающимъ во внутренность и о безопасности каждаго, какъ и о общемъ спокойствіи, бдящимъ. Извлеченіе тысячей невинныхъ и пострадавшихъ свыше содѣяннаго преступленія изъ пустынь Сибири, достодолжное возмездіе за злоупотребленіе исполнительной власти въ Казанской, Вятской и Калужской губерніяхъ, также и введеніе новаго государственнаго управленія, обѣщаютъ Россіянамъ времена Нуширвана, а безгласнымъ моимъ—двумъ сыновьямъ и требующимъ отъ меня хлѣба двумъ сестрамъ и ихъ семерымъ дѣтямъ возвращеніе отца, брата и дяди; мнѣ же возстановленіе моего покоя и собственности, которая всѣхъ моихъ бѣдствій есть виною.

Ваше Императорское Величество утвердили послѣ отца и дяди оставшееся наслѣдство малолѣтной Александрѣ Надаржинской, ибо крещеніе и рожденіе ея не были тайными и никѣмъ въ то время опровергаемы, ни даже отцомъ и матерью ея отрицаемы и что письмами своими то доказывали, и не только при жизни отца, но и по смерти его никто изъ родственниковъ болѣе десяти лѣтъ никакого нигдѣ спора не предъявляли и даже не подавали о томъ явокъ; да и дядя родной Александры, въ письмахъ своихъ самъ называлъ ее образомъ и кровью своего брата. И споръ первоначальный открылся вопреки манифеста 1787 года Іюня 28 дня, коимъ узаконено: всѣ иски чрезъ десять лѣтъ не учинившіеся гласными уничтожать и предавать вѣчному забвенію, и потому еще что заготовленное вчернѣ Алексѣемъ Надаржинскимъ ра-

споряженіе было несообразно законамъ, поелику подъ видомъ испрашиванія правъ малолѣтней назначилъ половину родоваго имѣнія женѣ своей. Мой родитель, покойный подполковникъ Василій Пассекъ, при рожденіи и крещеніи моемъ, письменно изобразилъ меня своимъ сыномъ, а въ завѣщаніи своемъ, духовникомъ его засвидѣтельствованномъ, утверждая сіе, объявилъ меня единственнымъ своимъ наслѣдникомъ. Слово *наслѣдникъ* означаетъ неопровержимо мои права на все наслѣдство моего отца: я ссылаюсь на статью въ манифестѣ 1725 года 28 Маія, сдѣланную на первый докладъ по третьему пункту 1714 года 23 Марта указа, гдѣ изображено:

«быть наслѣдникомъ тому, котораго кто учинитъ по челобитью своему, или по духовной во всемъ недвижимомъ одному».

Ни родные братья и сестры моего отца, ни даже кто либо изъ родственниковъ его, ни при жизни, ни по смерти моего родителя, болѣе двадцати лѣтъ утаеваемаго ими завѣщанія не опровергали и близъ тридцати лѣтъ на мое рожденіе и крещеніе не предъявляли спора и не подавали о этомъ явокъ. Я же не пропустилъ десятилѣтняго срока отъ вступленія моего въ совершенный возрастъ къ отысканію моей собственности; а подъ срокъ для сиротъ въ 1797 году узаконенный не подхожу: ибо съ 25 Декабря 1796 года по Іюль 1799 года, а съ 5 Іюля 1799 года по 25 Марта 1801 года мнѣ возбранено было въ моемъ заключеніи по суду ходатайствовать, что̀ видно въ высочайшемъ повелѣніи обо мнѣ къ Дюнаминдскому коменданту, подъ 405 нумеромъ въ архивѣ бывшей Тайной Экспедиціи находящемся, съ коего копію у сего прилагаю. Признавая меня, дядя мой въ 1792 году письменно своимъ племянникомъ и Пассекомъ, назвалъ въ 1798 году пріемышомъ и утверждалъ въ 1799 году, что мнѣ только одно Украинское имѣніе завѣтствовано и что отецъ мой, оконча дни свои въ началѣ 1778 года, до изданія грамоты о дворянствѣ, не могъ завѣщать; но сіе опровергается 250 статьею десятой главы Уложенія и указомъ 4 Маія 1746 года, коими узаконено вотчинныя и дворовыя купчія и закладныя и данныя и

иныя крѣпости писать въ городахъ, не отъемля права и въ селахъ, деревняхъ и подворьяхъ писать сговорныя записи, духовныя и заемныя памяти и дабы произведены были въ дѣйство духовныя и не у крѣпостныхъ дѣлъ писанныя. Надо взглянуть на старшую и рожденную отъ другой матери мою родную сестру и на меня, дабы увѣриться, что я сынъ моего отца, а не пріемышъ, какъ дядѣ моему угодно было меня назвать въ то время, когда темница наижесточайшая мои уста и доказательства поглощала. Возраженія мои на объясненіе моего дяди, по высочайшему повелѣнію, были Дюнаминдскимъ комендантомъ 9-го Іюля 1799 года къ бывшему господину генералъ-прокурору князю Лопухину отправлены при находящемся въ упомянутой архивѣ подъ № 1713 рапортѣ, съ коего прилагаю у сего копію, также и съ экстракта тяжбы моей съ сказаннымъ моимъ дядею по наслѣдству, оставшемуся послѣ моего отца, съ сдѣлки Іюля прошлаго года, дядею моимъ подписанной и предлагаемой мнѣ, съ свидѣтельства, даннаго мнѣ коллежскимъ совѣтникомъ Морашевичемъ и иностранцомъ Іосифомъ Веберомъ, о дѣланныхъ дядею моимъ въ 1793 году мнѣ преуничижительныхъ и предосудительныхъ предложеніяхъ и съ завѣщанія моего родителя, которое утверждено 1-го Августа и 7-го Ноября 1799 года высочайшимъ повелѣніемъ, а 16-го Августа и 18-го Октября того же года объявленіемъ моего дяди, что онъ готовъ послѣднюю волю моего родителя выполнить; а дядя мой теперь одинъ остался изъ ближайшихъ родственниковъ мужескаго колѣна моего отца. По высочайшему повелѣнію потому не было исполнено, что оно изъ сказанной архивы не было сообщено Правительствующему Сенату; но господинъ юстицъ-министръ сдѣлалъ уже касательно до сего для меня удовлетворительныя распоряженія. Сіи послѣднія бумаги находятся въ упомянутой архивѣ подъ 439, 2010, 2210 и 541 нумерами, и съ нихъ копіи у сего представляю. Заточеніе лишило меня здравія, почти всѣхъ зубъ и зрѣнія, похитило у меня жену и сына, бросило мракъ на мою честь и невинность и сдѣлало изъ тридцати-лѣтняго шестидесяти-лѣтнимъ. Но сіе безпо-

воротно, и мое окровавленное сердце напоминовеніемъ о прошедшихъ и силою настоящихъ преслѣдованій и угнетеній питаетъ мой духъ надеждою, что Ваше Императорское Величество не только отторгните отъ моихъ дѣтей Вильгельма и Валеріана чашу, изъ коей меня поя, укрощаютъ дни ихъ отца, но и утвердите сихъ безгласныхъ законнорожденными. Мои страданіи уполномочиваютъ меня ожидать сего и конца моихъ бѣдствій отъ добродѣтельнаго Государя.

Всемилостивѣйшій Государь и пр.

Вашего Императорскаго Величества.

Рукою В. В. Пассека:

«Будетъ на этихъ дняхъ отправлено».

7.

Записка о надворномъ совѣтникѣ Пассекѣ.

Отставной надворный совѣтникъ Василій Пассенъ сужденъ въ Санктпетербургской губерніи, *во первыхъ* за написаніе имъ отъ имяни генералъ-адъютанта князя Волконскаго фальшиваго письма къ жительствующему въ Ревелѣ полковнику князю Кантемиру, съ обнадеживаніемъ, что Государь Императоръ соизволяетъ возвратить ему князю Кантемиру предковъ его владѣнія, Молдавію, Валахію и другія земли и провозгласить Европейскимъ государемъ, съ титуломъ князя Романійскаго; *а во вторыхъ* за растлѣніе малолѣтной дѣвицы Анны Бурмейстеръ, въ каковыхъ преступленіяхъ по суду признанъ виновнымъ, и дѣла объ немъ, отъ бывшаго военнаго губернатора генерала отъ инфантеріи Голенищева-Кутузова представленныя въ Правительствующій Сенатъ 19-го Іюля сего 1802 годо по генеральному уголовнымъ дѣламъ реестру въ числѣ нерѣшенныхъ, состоятъ подъ № 36-мъ, а по экспедиціи подъ № 18.

Всеподданнѣйшее донесеніе Иркутскаго генералъ-губернатора Пиля о послѣдствіяхъ совершенной поручикомъ Лаксманомъ экспедиціи въ Японію.

(28 Февраля 1794).

Всепресвѣтлѣйшей, державнѣйшей Великой Государынѣ Императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, Самодержицѣ Всероссійской, Государынѣ всемилостивѣйшей, генералъ-поручика, правящаго должностію Иркутскаго и Колыванскаго генерала губернатора и кавалера,

Всеподданнѣйшій рапортъ.

Вашему Императорскому Величеству имѣлъ я счастіе отъ 27-го Ноября прошедшаго 1793 году всеподданнѣйше донести, что отправившееся изъ Охотскаго порта 1792 года Сентября 13 въ Японію транспортное судно подъ предводительствомъ штурмана прапорщика Ловцова обще съ поручикомъ Лаксманомъ, по благополучномъ плаваніи до 22 Курильскаго острова и далѣе до Японскаго владѣнія и обратно Сентября 8-го ч. того прошедшаго году возвратилось. А нынѣ, сождавъ я прибытія сюда помянутыхъ Ловцова и Лаксмана, получа отъ нихъ плаванію журналъ и карту, нужные ихъ обо всемъ ими видѣнномъ рапорты, описанія и планы, также собранныя натуральныя вещи, три Японскіе листа, врученные Лаксману чрезъ присланныхъ въ Матсмай отъ Японскаго двора чиновниковъ съ изъясненіемъ одного на посланное къ Японскому правительству по высочайшему Вашего Величества соизволенію отъ имени моего письмо, и другое отъ Лаксмана и Ловцова

къ Матсмайскому губернатору, писанное съ учиненными на Россійской языкъ переводами, паки имѣю наипріятнѣйшій случай на прозорливое Вашего Величества благоразсмотрѣніе все оное въ оригиналѣ поднести у сего, исполненъ будучи удовольствія, что слѣдствіе сей экспедиціи доставило нѣкоторое на первой случай удовлетвореніе высочайшимъ и благодѣтельнымъ Вашего Величества намѣреніямъ, простирающимся чрезъ торговлю съ Японіею открыть новую отрасль и новое приращеніе коммерціи подвластныхъ Вамъ народовъ и, почитая все оное дѣломъ уваженія достойнымъ, осмѣливаюсь по ревности моей изъяснить слѣдующее мое заключеніе.

Хотя посланной мною къ Японскому правительству листъ якобы за незнаніемъ ими перевода не разсматриванъ и съ тѣмъ возвращенъ обратно при письмѣ къ Лаксману; но поелику послѣдній Японскаго двора листъ, врученный тому же Лаксману 23-го числа Іюля, дозволяетъ уже безвозбранно Россійскимъ для торговли приходить въ одну токмо Нангасакскую гавань и подаетъ по обласканіямъ и уваженіямъ, оказаннымъ Японцами нашимъ мореходамъ, несомнѣнную надежду опредѣлять, что Японской дворъ никогда уже не перемѣнитъ своихъ о семъ мыслей: то и нужно учинить повтореніе дальнѣйшаго испытанія, чрезъ которое бы достигнуть до постановленія дружескихъ взаимныхъ и торговыхъ условій между обѣими державами въ Нангасакѣ, гдѣ (какъ въ первомъ же Японскомъ листѣ полученномъ Лаксманомъ 17-го Іюля съ объявленіемъ Японскаго объ иностранныхъ судахъ узаконенія изъясняется) находятся опредѣленные для таковыхъ дѣлъ чиновники. Но сего вторичнаго покушенія, всемилостивѣйшая Государыня, нельзя иначе произвесть, какъ чрезъ особую и подобную нынѣ возвратившейся экспедицію. И ежели на сіе воспослѣдуетъ высочайшее Вашего Императорскаго Величества соизволеніе, то сужу я необходимо будетъ потребно построить въ Охотскѣ для сего посольства особое лучшей конструкціи транспортное судно; поелику нынѣ возвратившееся транспортное судно не можетъ уже быть прочнымъ и совершенно способнымъ къ дальнѣйшему плаванію,

а врядъ ли могутъ быть способны и прочія тамошнія транспортныя суда. Новое судно по окончаніи экспедиціи можетъ остаться для обыкновенной изъ Охотска въ Камчатку перевозки тягостей, или продано партикулярнымъ морскимъ промышленнымъ компаніямъ, или тѣмъ же самымъ, кои въ последующее время торгъ съ Японіею отправлять будутъ. Но къ построенію онаго новаго въ Охотскѣ судна нѣтъ искуснаго нынѣ какъ судоваго мастера, такъ и знающаго разныя судовыя оснастки и дѣлающаго якори, каковымъ не только на сей разъ, но и навсегда необходимо быть тамъ нужно, и безъ оныхъ никакъ обойтиться нельзя. Въ разсужденіи чего, ежели благоугодно будетъ Вашему Императорскому Величеству повелѣть ко вторичному отправленію въ Японію экспедиціи построить новое лучшей нежели Охотскія суда конструкціи, то всеподданнѣйше испрашиваю высочайшаго Вашего указа Адмиралтейской Коллегіи, чтобъ оная снабдила вышеупомянутыми необходимо нужными тамъ мастерами съ опредѣленіемъ имъ пристойнаго жалованья на счетъ Иркутской губерніи. Весьма бы можно было употребить въ настоящій случай оставшіяся отъ астрономической экспедиціи суда, именуемыя «Слава Россіи» или другое «Черный Орелъ», находящіяся нынѣ безъ употребленія, первое въ Камчатской Петропавловской гавани, а другое въ Охотскѣ. Но изъ нихъ первое, какъ извѣстно мнѣ, не самой лучшей конструкціи и не ходкое и къ слѣдованію въ тотъ путь по обширности своей (на коемъ и комплектъ людей противу бывшаго въ Японіи долженъ быть вчетверо) совершенно неспособное; а другое «Черный Орелъ» малой конструкціи; да и на обоихъ ихъ такелажи пришли въ совершенную негодность, и потому не можно ни на которое изъ нихъ полагать надежды, чтобъ могли они быть способны къ тому вояжированію. Развѣ неугодноли будетъ Вашему Императорскому Величеству лучшей конструкціи судно искуснымъ образомъ экипированное назначить отъ города Архангельска, отколь и вся экспедиція въ Японію отправлена быть можетъ?

За тѣмъ, всемилостивѣйшая Государыня, предполагаю я, что и начальника сей вторичной экспедиціи нужно отправить изъ природныхъ Россійскихъ штабъ-офицеровъ, человѣка искуснаго, гражданскія и политическія дѣла знающаго и совершеннаго патріота, которому можно дозволить для пріобрѣтенія отъ Японцевъ бо́льшаго уваженія къ возложенному на него дѣлу во время отправленія сей его должности объявить себя Японцамъ противу того чина, какой онъ дѣйствительно имѣть будетъ по службѣ степеньми двумя выше, снабдить его кредитивою и полною инструкціею сообразно предложеніямъ, въ Японскихъ листахъ означающимся, равно и тому, что́ къ уваженію и достоинству Всероссійской Имперіи пристойно, и для выгоды и пользы торговли необходимо нужно. Но какъ здѣсь совершенно я таковаго человѣка не имѣю, а потому и назначить кого либо не могу. Неизлишне будетъ оному посланному вручить нѣсколько и подарковъ приличныхъ для Японской министеріи или же и для самаго Японскаго императора, которые именемъ Вашего Императорскаго Величества и поднесены быть могутъ во увѣреніе сосѣдственной дружбы.

Въ сію же экспедицію нужно будетъ пригласить Россійскихъ и Сибирскихъ купцовъ, чтобъ оные для опыту сами отправились или бы послали своихъ прикащиковъ съ приличными для Японцовъ товарами. Таковымъ пожелающимъ ѣхать въ Японію для опытный торговли можно дозволить во время бытности своей въ Японіи носить шпаги и объявить себя, по разсмотрѣнію начальника экспедиціи, чиновными купечествующими, дабы придать всему посольству бо́льшую важность, тѣмъ наипаче, что и Японцы у себя имѣютъ отличившееся трудами купечество чиновное, которое содержутъ въ бо́льшемъ почтеніи, нежели прочее нечиновное.

Впрочемъ, все сіе повергая во всемилостивѣйшее Вашего Императорскаго Величества благоволеніе, долгомъ себѣ поставляю присовокупить еще и то, что къ совершенному достиженію новой торговой съ Японцами связи не встрѣчаю я на первыя времена никакихъ затрудненій, какъ только пред-

ставляю себѣ: 1-е) что наши торговые люди, могущіе отправиться въ Японію, будутъ на первой случай подвергаться неминуемымъ интригамъ Голанцовъ, которые несомнѣнно станутъ преклонять Японцовъ охотнѣе покупать ими привозимые товары, поелику могутъ оные продавать дешевлѣе противу привозимыхъ Россійскими, такъ какъ послѣдніе необходимо должны имѣть между доставляемыми туда товарами иностранные и такіе же какіе и Голанцы туда привозятъ, да еще многіе и собственныхъ ихъ манифактуръ и рукодѣлій, какъ то тонкія сукна, камлоты, стамеды, и прочія тонкія шерстяныя истканія, и отъ такихъ интригъ неминуемо послѣдовать должны на первой случай убытки; 2-е) что Агличане, занявшіе въ части сѣверной Америки подъ 50 градусомъ хорошее мѣсто Нотку, по видимому изъ нѣкоторыхъ извѣстныхъ уже Вашему Величеству обстоятельствъ предпріятію сей націи о заведеніи прочныя своея торговли съ Китаемъ, по близкому своему изъ Нотки сосѣдству же, не оставятъ дальнихъ своихъ дѣлать покушеній и о торговлѣ съ Японіею къ чему они имѣютъ уже довольно хорошій случай, ежели вѣрить нѣкоторымъ извѣстіямъ подтвержденнымъ Японцомъ Коодаемъ, бывшимъ предъ отправленіемъ помянутой экспедиціи въ столицѣ Вашего Величества, что Агличане ѣздятъ въ Японію. Ежели сія преданная интересамъ нація будетъ имѣть успѣхъ, то конечно сдѣлается соревнующею и соперничествующею въ тамошней торговлѣ Россійскимъ столько же, сколько и Голанцы. Для сей причины, а наиболѣе, что Агличане заняли Нотку, гдѣ они, заводя разныя фабрики, въ томъ числѣ конечно и суконныя, также имѣя хорошіе звѣриные всякаго рода промыслы, они имѣютъ случай въ торговлѣ своей сими свѣжими товарами вредить нашу съ Китайцами торговлю. Но всѣ сіи интриги, могущія произвести на первой разъ невыгоды для Россійскихъ купечествующихъ, могутъ однакоже быть отвращены тѣмъ *вопервыхъ*, что хотя Японцамъ на первой случай для дальныхъ испытаній и узнанія нуждъ ихъ и должно будетъ пожертвовать уступкою цѣнъ на привозимые къ нимъ Россійскими иностранные товары,

но можно притомъ довести ихъ и до узнанія, что привозимые потомъ Россійскими товары, будучи везены изъ сѣверной державы, гораздо прочнѣе привозимыхъ Голанцами; поелику извѣстно уже изъ опытовъ, что везенныя чрезъ сѣверныя страны манифактурныя издѣлія болѣе безвредно сохраняютъ свою прочность, нежели тѣ, кои вокругъ свѣта чрезъ жаркой поясъ привозятся. Доказательство сіе яко истинное, когда узнаютъ Японцы, всеконечно будутъ тогда охотнѣе къ товару Россійскими привозимому, ежели только не останется сіе доказательство въ забвеніи. *Вовторыхъ*, уваженіе всея Европы къ мудрымъ дѣятельностямъ Вашего Величества и силамъ пространныхъ Вашихъ обладаній, можетъ чрезъ труды министерскіе доставить случай согласить Голанцовъ, чтобъ не только Россійскіе отъ вышедонесенныхъ интригъ были ими освобождены, но интересы обоихъ народовъ по сей части торговли выгодно и прочно соединены, чтобъ общими силами Агличанъ отъ торговли въ Японіи всеконечно удалить что̀ двумъ взаимнопріятствующимъ націямъ легко можно произвести, особливо подъ высочайшимъ покровительствомъ Вашего Величества. *Въ третьихъ*, ежели бы и подлинно случилось, что Россійскіе торгующіе, нѣсколько лѣтъ подвергались убыткамъ отъ привозимыхъ ими въ Японію иностранныхъ товаровъ, то сей убытокъ могутъ награждать собственные Россійскіе товары, какъ то рыба всякаго рода, соленая и сухая, которую на Алеутскихъ и Курильскихъ островахъ можно доставать и пріуготовлять весьма легко въ превеликомъ изобиліи, въ Японію возить яко вещь тамъ весьма нужную, по причинѣ что рыба, какъ по свѣдѣніямъ извѣстно есть, тамъ важнѣйшій и питательный почти для всей Японіи продуктъ; китовой, тюленій и львовъ морскихъ жиръ, выдѣланныя разными манерами сихъ морскихъ звѣрей, также и земляныхъ звѣрей кожи, оленьи, лосинныя, частію барсовыя, могущія получаться (первыя съ острововъ Алеутскихъ и изъ Россійской Америки, а вторыя изъ кряжей Якутскихъ, Охотскихъ и Нерчинскихъ) равномѣрно островная и земляная разнаго рода мягкая рухлядь, моржовая и мамонтовая кость, и

еще что нибудь Японцамъ потребное, чего теперь совершенно узнать не можно, пока чрезъ посредство начальника новой экспедиціи въ общей конференціи съ Японскою министерію не положится взаимнымъ трактатомъ, или чрезъ другія средства не будетъ узнано, въ чемъ Японцовъ нужда состоитъ, такъ какъ и полученные отъ Японцовъ товары бумажные, сорочинское пшено и другія хлѣбныя семена, наилучшая мѣдь, желѣзо въ дѣлѣ и не въ дѣлѣ и многія другія вещи, продаться могущія въ Охотскѣ, въ Камчаткѣ и Якутскѣ удобно и выгодно и безъ малѣйшія въ цѣнѣ тягости тамошнимъ жителямъ, особливо сорочинское пшено и другія хлѣбныя семена, яко вещи къ пропитанію въ тамошнихъ безхлѣбныхъ мѣстахъ нужныя, несравненно дешевлѣе будутъ проданы, нежели привозимой туда, а наипаче изъ Иркутской области хлѣбъ нынѣ казною туда поставляемой, въ разсужденіи труднаго изъ Якутска въ Охотскъ транспорта весьма дорогою цѣною. Да и ту еще пользу произведетъ, что менѣе уже потребуется туда доставлять казеннаго провіанта, слѣдовательно менѣе казенныхъ издержекъ на будущее время происходить будетъ.

Но чтобъ сей новый опытъ въ торговлѣ съ Японіею не былъ подверженъ каковымъ либо неудобствамъ еще и съ той стороны, чтобъ Россійскіе купечествующіе, пожелавшіе отправлять туда свои товары (когда уже по взаимному между Японіею торговому постановленію откроются основательные виды нуждъ Японскихъ и правила, на каковыхъ сія торговля производима быть можетъ) другъ передъ другомъ не возревновали съ соперничествомъ между собою и тѣмъ бы одинъ другому въ продажѣ и въ цѣнахъ не дѣлали подрыву (что̀ можетъ послужить сугубымъ убыткомъ, противу вышеизъясненныхъ интригъ Голанцовъ причиниться могущимъ), сужу я, всемилостивѣйшая Государыня, что удобнѣе будетъ, ежели всѣ пожелающіе производить въ Японіи торгъ составятъ компанію и будутъ на прочныхъ основанныхъ по волѣ Вашего Величества правилахъ производить оной. Сію компанію могутъ составить люди изъ Россійскаго и Сибирскаго купе-

чества, положивъ каждый по силамъ своимъ сумму или равными частями на урочные годы. Чѣмъ болѣе сихъ складчиковъ будетъ, тѣмъ болѣе умножится капиталъ; поелику компанія сія должна имѣть знатныя издержки на заведеніе порядочныхъ конторъ въ Иркутскѣ и Охотскѣ, а по времени и въ Японіи, такъ какъ Голандцы, и слѣдовательно немало надобныхъ людей содержать должна, построить и соорудить нѣсколько транспортныхъ судовъ для посылки товаровъ въ Японію и въ другія мѣста по дѣламъ сей компаніи. Дѣлая же разные опыты, въ коихъ на первой случай иногда послѣдують неудачи, легче сносить могутъ убытки или несчастливыя приключенія и съ лучшею удобностію продолжать могутъ далѣе свое дѣло, употребляя на достиженіе своихъ намѣреній подарки Японскимъ вельможамъ, пока достигнутъ до совершенныхъ своихъ выгодъ, чего малымъ капиталомъ выполнить не можно. Высокоматернее Вашего Императорскаго Величества милосердіе къ подданнымъ удобно можетъ даровать всѣ выгоды и высочайшее покровительство, сей предметъ прочно устроить могущее.

Распространеніе сея новыя съ Японіею торговли, всеавгустѣйшая Монархиня, послужитъ непримѣтнымъ распространеніемъ обладанія Вашего надъ пріобрѣтеніями до сего на Тихомъ морѣ утвержденными; ибо Курильскіе и Алеутскіе острова, равно и матерая Россійская Америка, съ ея островами, могущіе доставлять прожектируемой Японской компаніи рыбные, китовые и другихъ морскихъ звѣрей жировые, кожевенные и всякіе промыслы для посылки въ Японію, болѣе прежняго будутъ Россійскими мореходцами увеличены, и новые каналы на пространствѣ тамошнихъ водъ и земель къ умноженію промысловъ къ торговлѣ изыскиваемы; обращеніе мореходныхъ судовъ на тамошнемъ море будетъ удвоено; чаще тамошніе народы станутъ видѣть нравы и обычаи Россійскіе и ко онымъ съисподоволь привыкая, сдѣлаются наконецъ надежными подданными высочайшей державы Вашей. Да и земледѣліе, столь нужное въ тамошнихъ краяхъ, особливо на Курильскихъ островахъ, съ лучшею удобностію со време-

немъ можетъ распространиться, а отъ всѣхъ таковыхъ предположеній и высочайшіе доходы Вашего Величества несравненно тамъ противу нынѣшнихъ будутъ пріобрѣтаться; а во время каковаго либо по подобію прежнихъ лѣтъ несогласія съ Китаемъ Россія будетъ получать изъ Японіи бумажные, а частію шелковые товары лучшіе, нежели Китайскіе; поелику извѣстно, что Японцы въ отдѣлываніи своихъ манифактурныхъ вещей превосходятъ Китайцовъ, которые, узнавъ о связи нашей съ Японіею, меньше будутъ надменны, нежели нынѣ.

Изъяснивъ Вашему Императорскому Величеству о всемъ томъ, въ чемъ вѣрноподданническое мое усердіе обязывало, обращаюсь теперь доложить здѣсь высокомонаршей особѣ Вашей о суммѣ, которая отъ помянутой Японской экспедиціи осталась въ наличіи. Ея послѣ отправленія въ прошломъ 1792 году въ Японію судна (какъ изъ всеподданнѣйшаго моего рапорта отъ 11-го Декабря того 1792 году Ваше Величество высочайше усмотрѣть соизволили) оставалось за всѣми расходами 13100 рублей 30³/₄ копѣйки. Изъ сего числа, по высочайшему Вашему повелѣнію отъ 20-го Генваря 1793 году, употреблено для предположеннаго за Байкаломъ въ иновѣрческихъ селеніяхъ хлѣбопашества 5190 рублей 56¹/₂ копѣекъ, о чемъ я также имѣлъ счастіе донести всеподданнѣйше отъ 2-го числа Марта тогожъ 1793-го году. Изъ оставшейся за тѣмъ 7909-ти рублей 74¹/₄ копѣйки выдано по возвращеніи нынѣ Японской экспедиціи находившимся во оной чинамъ и служителямъ денежнаго жалованья, котораго они сверхъ положеннаго въ исчисленіи на одинъ годъ заслужили въ пути и по прибытіи въ Охотскъ за исправленіемъ по тойже экспедиціи дѣлъ по 1-е Октября 1793-го году, 1448 рублей 76³/₄ копѣйки, прогоновъ отъ Охотска до Иркутска Лаксману, Ловцову съ двумя съ ними сержантами и подъ свозъ разныхъ собраній 135 рублей 52; отъ Иркутска первымъ двумъ прогоновъ же до Санктпетербурга на 5 лошадей 309 рублей 22¹/₂-ю копѣйки. За тѣмъ дѣйствительно осталось въ наличіи 6078 рублей 83¹/₂ копѣйки. Къ сей же бы суммѣ надлежало

причислить изъ числа отпущенныхъ въ Японію на непредвидимые расходы денегъ 3686 рублей 60 копѣекъ, употребленные въ плаваніи Лаксманомъ, Ловцовымъ и другими чинами и служителями въ порцію и на другіе къ ихъ же содержанію расходы, 3185 рублей 92½ копѣйки, такъ какъ издержаны они сверхъ тѣхъ, кои изъ той же суммы на другія необходимыя надобности по экспедиціи употреблены, поколику на провизію и порцію, а нижнимъ служителямъ аммуниція въ числѣ жалованья по исчисленію апробованному Вашимъ Величествомъ были ассигнованы; но, уважая трудной и продолжительной путь и самое ихъ странствованіе въ неизвѣстности, гдѣ многіе изъ нижнихъ чиновъ и служителей подвержены были болѣзнямъ, по неминуемости заслуживали сіе вспомоществованіе, которое имъ въ провизію и порцію употреблено; то сіе обстоятельство повергая въ матернее Вашего Величества соизволеніе, испрашиваю высочайшаго повелѣнія куда оставшуюся нынѣ на лицо сумму 6078 рублей 83½ копѣйки, какъ равно и оставшіеся товары, которые вожены были въ Японію на подарки (о числѣ коихъ подношу у сего реестръ) обратить будетъ указано. А какъ изъ числа приготовленной для экспедиціи провизіи и разныхъ вещей, осталось небольшее число безъ употребленія, то чтобъ отъ долговременного лежанія не могли придти они въ негодность, предписалъ я Охотскому коменданту употребить ихъ тамъ аукціонномъ порядкомъ въ продажу и вырученныя деньги, не причисляя въ общіе доходы, хранить до тѣхъ поръ, поколь о вышеписанной суммѣ послѣдуетъ высочайшее соизволеніе, при чемъ всеподданнѣйше осмѣливаюсь испрашивать высочайшаго Вашего Императорскаго Величества повелѣнія и о оставшихъ съ Охотскѣ астрономическихъ инструментахъ и другихъ вещахъ къ тому относящихся, кои употреблялись при той же Японской экспедиціи, не благоугодно ли будетъ повелѣть оставить ихъ въ храненіи тамошняго начальства для могущихъ впредь встрѣтиться надобностей?

Изъ представленныхъ отъ порутчика Ласкмана и штурмана Ловцова извѣстіевъ, между прочимъ явствуетъ, что во время

бытности ихъ на 22-мъ острову подарено отъ имени Японскаго императора сто кулей Японскаго пшена, изъ коего за употребленіемъ въ пути одного, осталось въ Охотскѣ въ 99-ти по вѣсу въ каждомъ съ кулями по 4 пуда 25 фунтовъ, а во всѣхъ 457 пудъ 35 фунтовъ, то и объ ономъ испрашиваю высочайшаго повелѣнія, на какое должно остаться оно употребленіе.

Наконецъ всего, не могу умолчать предъ освященнымъ престоломъ Вашего Императорскаго Величества о бывшихъ въ той экспедиціи штурманѣ прапорщикѣ Ловцовѣ и порутчикѣ Лаксманѣ, изъ коихъ первой, продолжая долговременную въ Охотскѣ морскую службу, будучи употребляемъ въ разныя по тамошнимъ водамъ вояжированія, совершилъ и нынѣ плаваніе свое въ Японію, какъ доселѣ неизвѣстное для него мѣсто, желаемымъ образомъ; второй, участвуя въ томъ же неизвѣстномъ пути, исполнилъ порученную коммисію, сколько настоящія обстоятельства позволять могли, учиня описаніе многимъ неизвѣстностямъ, кое послужитъ, какъ новѣйшее, многому любопытству. Равномѣрно отдаю мою признательность и бывшимъ съ ними геодезіи сержантамъ Туголукову и Трапезникову. Первой изъ нихъ употреблялся въ переводѣ разговоровъ съ Японцами, даже самыхъ листовъ, къ нимъ посылаемыхъ и полученныхъ отъ нихъ порутчикомъ Лаксманомъ, служилъ къ многимъ предубѣжденіямъ Японцовъ въ случаѣ происходящихъ съ ними конференцій; другой, вспомоществуя въ описаніяхъ Лаксману и въ протчихъ по экспедиціи препорученностяхъ, таковое же обращаетъ на себя вниманіе. И для того, всемилостивѣйшая Государыня, всѣхъ ихъ труды по сей экспедиціи переносимые, какъ равно и оказанное ими къ службѣ усердіе и ревность, повергаю въ высокоматернее Вашего Императорскаго Величества благоволеніе.

Столько же обязаннымъ себя почитаю свидѣтельствовать предъ освященною особою Вашею труды коллежскаго ассесора Коха, находящагося въ Охотскѣ совѣстнымъ судьею съ 1784-го года, съ открытія тамъ области, и бывшаго, сверхъ настоящей своей, три раза во управленіи положеннаго тамъ

коменданта должности, и еще въ Губернскомъ Магистратѣ председательской. Онъ, при отправленіи всѣхъ сихъ должностей, паче комендантской, оказывалъ особую расторопность и благоразуміе, не упустилъ ничего что̀ относилось до правосудія и всякаго порядка, тишины и спокойствія во всей тамошней области, трудяся и занимаяся вездѣ самъ собою, такъ что потерялъ здоровье; дѣла, имъ руководствуемыя, ясно то свидѣтельствуютъ. Почитая его въ искусствѣ, знаніи и попечительности за рѣдкаго человѣка, и какъ такого, которой и при отправленіи въ Японію въ прошломъ годѣ вышеимянованной экспедиціи исполнилъ все до оной касающееся и отъ меня особенно на него возложенное, съ желаемымъ успѣхомъ и съ соблюденіемъ казеннаго интереса, къ тому же обремененнаго немалымъ семействомъ, при крайнемъ недостаткѣ имѣнія, которое состоитъ только въ 750 рублевомъ его жалованіи, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ все несравненно дорого и оставшагося отъ сверстниковъ своихъ, получившихъ чрезъ 10 лѣтъ повышеніе въ чинахъ, ненагражденнымъ, осмѣливаюсь Ваше Императорское Величество, всеподданнѣйше просить въ награжденіи его онымъ высокомонаршаго Вашего благоволенія.

Повергая однакожъ все сіе, какъ равно и расположеніе мое до экспедиціи относящееся, въ высочайшую волю Вашего Императорскаго Величества, осмѣливаюсь всеподданнѣйше испрашивать высочайшаго повелѣнія.

Февраля 28 дня 1794 года.
Въ Иркутскѣ.

Донесеніе штурмана прапорщика Ловцова И. А. Пилю, поданное Генваря 18 числа 1794 года.

Въ данной мнѣ отъ вашего высокопревосходительства инструкціи въ 6 пунктѣ повелѣно было сдѣлать мнѣ замѣчаніе о 22-мъ Курильскомъ островѣ, и въ чемъ состоитъ главный жителей сего острова продуктъ, какими товарами торгуются съ Японцами, и о многомъ прочемъ. Въ слѣдствіе сего вашего высокопревосходительства повелѣнія, сколько обстоятельства и возможность при неимѣніи Курильскаго языка толмача позволили мнѣ навѣдаться въ бытность мою на ономъ островѣ, о всемъ томъ имѣю честь доносить вашему высокопревосходительству въ слѣдующемъ.

Сей островъ исполненъ множествомъ равнинъ и другихъ земель, удобныхъ къ произведенію лучшаго хлѣбопашества; но жители онаго, природные Японцы, въ томъ весьма мало упражняются: ибо, хотя и имѣютъ около губернскаго города Матсмая пашни, но самую малѣйшую часть въ самой близи. Мохнатые же Курильцы, обитающіе на семъ же острову, нисколько никакихъ хлѣбовоздѣлываній не имѣютъ, а получаютъ вообще съ Японцами хлѣбныя зерна въ пищу изъ Нифона. Всѣхъ живущихъ на семъ острову Курильцовъ полагаютъ, какъ Японцы между разговорами объявляли, около семи тысячь душъ, изъ коихъ Японцы немногое число весьма мало знаютъ, по причинѣ что скитаются они въ горахъ. Селеніевъ Японскихъ на ономъ острову замѣчено мною немало. Курильцы же живутъ въ шалашахъ, покрытыхъ травою. Курильцы какъ на семъ острову, такъ и на прочихъ Ку-

рильскихъ же островахъ 19, 20 и 21 обитающіе, Японцами почитаются за подданныхъ своихъ, и употребляютъ ихъ въ такія работы при всѣхъ чинимыхъ Японцами разныхъ промыслахъ, въ перенесеніи изъ мѣста въ мѣсто разныхъ тягостей и въ прочія работы употребляютъ и содержутъ въ превеликомъ порабощеніи, даже до самого Матсмайскаго градодержателя, который величайшую честь и раболѣпіе оказываетъ послѣднему Японскому солдату; а отъ того очень примѣтно, что всѣ Курильцы крайне Японцами недовольны, что̀ изображали они чрезъ разныя движенія при разговорахъ съ нами, чинимые украдкою по ночамъ: ибо въявь говорить съ нами не смѣли.

Происшествіе, о которомъ въ помянутой данной мнѣ инструкціи ваше высокопревосходительство для развѣданія о истинѣ включить изволили, подтверждено и Японцами. Оное было слѣдующимъ образомъ. Въ прошломъ 1788 году, въ Маіѣ мѣсяцѣ, одно Японское торговое судно пришло на Матсмай въ пристань, Чуруй называемую и отстоящую отъ пристани Нимуро, въ которую я сначала съ судномъ присталъ, къ сѣверной сторонѣ на два дни пути въ лодкахъ, а сухимъ путемъ на три дни. Сіе судно привезло разные на Курильскую руку товары. Курильцы, въ помянутой пристани обитающіе, какъ думать должно, будучи Японцами издавна недовольными за порабощеніе ихъ или по другимъ какимъ причинамъ, соглашась съ Курильцами Кунаширскаго острова, сдѣлали на то судно нападеніе и бывшихъ на ономъ Японцовъ, семдесятъ пять человѣкъ, убили, а товары ихъ взявъ разбили. Какъ скоро Матсмайское правительство и другія мѣста сего острова, гдѣ живутъ Японцы, узнали о семъ отъ Курильцовъ же, не бывшихъ въ согласіи съ помянутыми убійцами, присланъ былъ изъ Матсмая Японской чиновникъ для изслѣдованія въ Августѣ мѣсяцѣ того же года и, найдя виновныхъ, такъ какъ и нѣкоторыхъ Курильскихъ старшинъ за слабое ихъ смотрѣніе, казнилъ на мѣстѣ преступленія, всего 35 человѣкъ, разбросавъ тѣла казненныхъ, а головы ихъ, осоля, для увѣренія начальства привезъ въ городъ Матс-

май. Послѣ сего никакого уже безпокойства не было; однако очень примѣтно изъ поведенія Японцовъ, что весьма худую имѣютъ къ Курильцамъ довѣренность.

Торгъ Курильцы оного острова производятъ съ Японцами слѣдующими продуктами: послѣдніе первымъ привозятъ табакъ, вино, сорочинское пшено и небольшое количество бумажныхъ тканей для верхняго платья, также разную посуду лаковую и иныя мелочи, топоры и ножи; а отъ Курильцовъ за сіи вещи получаютъ сушеную разную рыбу, яко коренную, всѣмъ Японцамъ въ провизію, грибы, нерпичій и китовой жиръ и морскую выкидную на берега капусту. При томъ даютъ Курильцы Японцамъ нѣсколько бобровъ и лисицъ. Лѣсу на семъ острову находится въ изобиліи, какъ то: дубу, клену, ели, пихты, березы; мѣстами есть орѣховой (чтѝ называютъ Цареградскими или Волошскими) и яблонной плодовитой лѣсъ, а кромѣ онаго еще довольно есть другихъ разного рода прекрасныхъ деревъ, коимъ имена объяснить я не могу, поелику нигдѣ подобныхъ видѣть мнѣ не случалось, токмо вообще доношу, что какъ къ строенію нужнаго, такъ и плодоноснаго лѣсу есть избыточно, такъ же и дикаго бѣлаго, крупнаго и краснаго мелкаго винограда изобильно. Впрочемъ Курильцы съ Корейцами никакого торгу не ведутъ, но только сказываютъ, что видятся съ жителями лежащаго отъ ихъ острова на Сѣверозападъ въ 20-ти верстахъ острова Карапты, до котораго перегребаютъ мелкими судами, куда и Японцы приходятъ. Карaптинцы имѣютъ тоже все чтѝ и 22 острова жители. Порядочно же осмотрѣть весь оной 22-й островъ я не имѣлъ возможности, сколько по малости бывшихъ съ нами людей, изъ коихъ многіе были одержимы цынготною болѣзнію, столько и ради удаленія всякаго на насъ подозрѣнія. Однакожъ доставшійся мнѣ отъ Матсмайцовъ планъ сего острова при семъ вашему высокопревосходительству всепокорнѣйше подношу, да таковой же ими сочиненной и острову Нипонту.

Штурмамъ въ рангѣ прапорщика Василій Ловцовъ.

Донесеніе порутчика Адама Лаксмана И. А. Пилю поданное Генваря 22 числа 1794 года.

Въ исполненіе повелѣнія вашего высокопревосходительства отъ 19 Маія 1792 года, отправились мы изъ Охотска 13-го числа Сентября въ Японію, имѣя первую пристань по предписанію на 22-мъ Курильскомъ островѣ въ восточной оконечности. Но какъ извѣстились, что оной островъ есть Японскаго государства Матсмайская губернія, не упустилъ, порѣшившись тутъ зимовать, предварительно чрезъ губернатора оной главное правительство о нашемъ до ихъ столицы слѣдованіи увѣдомить, на что чрезъ присланныхъ изъ Эддо чиновниковъ, по переговору позволено было намъ слѣдовать до пристойной къ отстою судна по близости губернскаго города Матсмая гавани, съ увѣдомленіемъ, что для дальнаго разрѣшенія экспедиціи присланы въ оной отъ ихъ императора большой степени чиновники. Почему прошедшаго года Іюня 4 числа изъ гавани Нимуро отправились и Іюля 5-го вошли въ гавань по имени города называемую Хакодаде; изъ оной же 13 числа выѣхали и 16 числа пріѣхали въ Матсмай горнымъ трактомъ, гдѣ и находились за рѣшеніемъ дѣлъ по 26 число до выѣзду въ Хакодаде, куда и прибыли Іюля 30 числа обратно. Августа же 11-го, по исправленіи всего нужного на суднѣ къ обратному вояжу, съ рейду оной гавани вышли въ море и, слѣдуя по 9 число Сентября (исключая первой статьи матроза Семена Малютина, которой прошедшаго жъ года Апрѣля 11-го числа въ цынготной болѣзни волѣе Божіею помре) всѣ прибыли въ Охотскъ благополучно.

Откуда по сдачѣ всѣхъ вещей и припасовъ за расходомъ оставшихся, съ принятыми реестрами, документами и книгами, удовольствовавъ также всѣхъ нижнихъ чиновъ служителей атестатами и жалованьемъ, прошедшаго года по 1-е Октября, онагожъ мѣсяца 4 числа отправясь въ путь, сего Генваря 21 въ Иркутскъ прибыли благополучно. О чемъ симъ рапортомъ вашему высокопревосходительству нижайше донесть честь имѣю. О происходившихъ же переговорахъ въ Матсмаѣ полученные листы и росписку въ сдачѣ препровожденныхъ Японцовъ, описаніе сего острова, физическія наблюденія въ продолженіе всего вояжа и протчее буду имѣть честь по исправленіи и приведеніи въ порядокъ всѣхъ имѣвшихся записокъ при особомъ рапортѣ поднесть.

Подлинной подписалъ порутчикъ Адамъ Лаксманъ.

Великаго Нифонскаго государства, его Тензинъ-Кубоскаго величества Матсмайской губерніи главнокомандующему Шимано Ками Сама.

Извѣщая симъ главнокомандующаго Матсмайской губерніи начальника о воспослѣдовавшемъ слѣдованіи нашемъ Нифонскаго государства въ главное начальство назначеннаго (по случаю Его Тензинъ Кубоскаго величества торгующихъ подданныхъ Коодаю съ товарищи, спасшихся по разбитіи ихъ судна на островахъ Алеутскихъ, гдѣ Россійскіе промышленники за два года до сего подобное же въ разбитіи судна злоключеніе претерпѣли), я ожидалъ тутъ другихъ за промысломъ звѣрей разъѣзжающихъ около тѣхъ мѣстъ судовъ. По природному и свойственному человѣколюбію и чувствительной сострадательности, соболѣзнуя о несчастномъ жребіи, стараніемъ своимъ изъ разбитыхъ своего и Тензинъ Кубоскаго величества судовъ построили одно удобное къ путешествію судно, вывезли ихъ въ ближайшій оттуда Россійскій городъ Камчатку. А сего города начальники, какъ исполнители человѣколюбивыхъ великой Всероссійской Императрицы узаконеній, повелѣвающихъ всѣмъ странствующимъ оказывать всевозможное покровительство и вспоможеніе, употребили всѣ силы для лучшаго истребленія изъ памяти ихъ того претерпѣваемаго страха и нужды, коими одолѣваемы были, доставили ихъ въ намѣстническій городъ Иркутскъ. Откуда, при первомъ о несчастіи ихъ свѣдѣніи, Ея Императорское Величество всепресвѣтлѣйшая Россійская Государыня, по высокоматернему и единственно о благѣ человѣчества пекущемся покрову, указать соизволила великаго Россійскаго государства войскъ Ея Им-

ператорскаго Величчтва генералъ-порутчику Иркутскаго и Колыванскаго намѣстничествъ государеву намѣстнику и разныхъ орденовъ кавалеру Ивану Алферьевичу Пилю, чтобъ упомянутыхъ подданныхъ великаго Нифонскаго государства возвратить въ ихъ отечество, чтобъ они могли видѣться съ своими родственниками и соотчичами.

Вслѣдствіе таковаго высочайшаго Ея Императорскаго Величества повелѣнія его высокопревосходительство и отправилъ насъ какъ для посольства въ великое Нифонское государство къ главному правительству, такъ и для доставленія онаго государства подданныхъ въ свое отечество съ подробнѣйшимъ описаніемъ о ихъ приключеніи, и обо всемъ прочемъ по сосѣдственной смежности.

Но какъ дошедъ до сего берега обитаемаго Курильцами, свидѣлись съ служителями начальства вашего, почли за лучшій способъ (какъ уже наступило позднее осеннее время) здѣсь зимовать и чрезъ сіе самое для свѣдѣнія вашего и собственной нашей пользы для безопаснаго будущей весны впередъ путеслѣдованія просить ихъ о доставленіи вамъ, главному Матсмайскому начальнику, сего письма нашего, которымъ просимъ васъ, чтобъ вы отъ себя великаго Нифонскаго государства главному правительству возвѣстили о нашемъ туда шествіи съ таковымъ расположеніемъ, чтобъ главное начальство онаго государства на случай естьли по приближеніи нашемъ къ берегамъ Нифонскаго государства, мы имѣть будемъ не дошедъ главной пристани, либо въ разсужденіи погодъ или другихъ какихъ могущихъ встрѣтиться случаевъ необходимую нужду въ пристанищѣ, предписало своимъ подданнымъ, дабы оные намъ какъ сосѣдственнымъ союзникамъ безъ всякаго препятствія безвозбранный входъ имѣть позволяли, не считая насъ за противоборствующихъ и нечестивыхъ противниковъ.

Увѣдомляя же васъ симъ письмомъ, также просимъ, что когда вы получите изъ главнаго начальства Нифонскаго государства на увѣдомленіе свое по сему письму нашему для продолженія нашего путешествованія соотвѣтствіе, насъ въ

разсужденіи чтобъ мы не могли упустить удобнаго времени, о семъ главнаго начальства предписаніи поспѣшить увѣдомленіемъ не оставить. Подлинной подписали начальствующій Японской экспедиціей порутчикъ Адамъ Лаксманъ, штурманскаго ранга прапорщика Василій Ловцовъ.

Октября 12-го дня 1792-го года.
Островъ Эззо.

Листъ предписанный отъ его Тензинъ-Кубоскаго величества о узаконеніи въ государствѣ Японскомъ въ разсужденіи приходу иностранныхъ судовъ.

Какъ уже съ самыхъ древнихъ лѣтъ до нынѣ въ государствѣ нашемъ законъ непоколебимъ, и никогда никакой въ ономъ перемѣны быть не можетъ; а какъ вы изъ своего государства за препровожденіемъ по жребію занесшихъ моремъ людей по незнаемости, прибыли, но не въ Нангасаки, а въ другое мѣсто (въ другія же мѣста къ нашей землѣ съ моря приходить иностраннымъ судамъ не позволено, и никогда въ Японіи не бывали, естьли же какія и придутъ, будутъ взяты въ плѣнъ, хотя бы сколько ихъ ни было) за тѣмъ, когда и моремъ слѣдуютъ, слѣдуютъ безъ всякаго огненнаго орудія, изъ древнихъ же лѣтъ живущій всегда въ содружествѣ государственномъ народъ, а имянно Голандцы, приходятъ судами въ Нангасакскую гавань, но не во внутреннія мѣста государства, такъ какъ вы за препровожденіемъ людей нашихъ прямо въ здѣшнее мѣсто, не имѣя еще никакого дружества съ людьми на суднѣ вооруженномъ пришли: чего для и слѣдовало бы долговременно обратно не отпускать, какъ пришедшихъ безъ вѣдома, а особливо противъ закона нашего, ибо таковые, которые какія законопротивныя дѣла производить будутъ, и вовсе обратно не отпускаются. Но, уважая, что за препровожденіемъ нашихъ подданныхъ людей изъ своего государства отправлены, съ великою трудностію слѣдовали и государства нашего законовъ еще не вѣдая, нынѣ возвратить обратно простительно, только съ тѣмъ, какъ въ

здѣшнее мѣсто заходить запрещается, чтобъ впредь не приходить.

Изъ древнихъ же лѣтъ не имѣя содружества и не вѣдая о степени достоинства имперіи государства вашего, также чрезъ переводъ нарѣчія и письма величія и низкости и какое обхожденіе и обыкновеніе имѣете, не знаемъ, почтительно ли или непочтительно вашему государству въ нашемъ покажется. Для чего и посланное письмо хотя отъ васъ и принято, но на оное по несовершенной знаемости никакого исполненія учинить не можно будетъ, исключая какъ прибыли за препровожденіемъ занесшихъ по жребію къ вамъ людей, чтобъ оныхъ принять. Дальныхъ же переговоровъ о семъ быть не чаемъ; чтожъ до условія о содружествѣ касается въ здѣшнемъ мѣстѣ, того сдѣлать неможно, также и въ столичной городъ Эддо отсюда идти не позволяется.

Торгующіе же издревле по утрактованной дружбѣ разныхъ государствъ подданные ни въ какомъ другомъ какъ только въ одномъ показанномъ мѣстѣ торгуются. Впрочемъ же со всѣми усильно хотя въ какую-нибудь гавань или пристань приходящими повелѣно поступать весьма строго и никакихъ разговоровъ и отговорокъ не принимать.

Будеже довольно, какъ слышали, извѣстно, что по повелѣнію вашего главнаго начальства прежде со стороны Курильскихъ острововъ прямо итти въ столичной городъ Эддо намѣреніе имѣли: и за тѣмъ извѣщаемъ, чтобъ исполненіе сего начальства своего повелѣнія оставить и уже не напоминать, дабы чрезъ сіе самое, какъ не для чего тамъ видѣть иностранное судно, себѣ не надѣлали болѣе затрудненія; потому что по строгости узаконеній во всѣхъ пристаняхъ, а наипаче естьли еще съ какимъ орудіемъ кого поймаютъ, не смотря хотя и со дружественныхъ, тогда говоренныя отговорки или что по повелѣнію начальства исполнили, приняты не будутъ, но чрезъ оныя еще вяще и наиболѣе подвергнутся опасности.

Ежели же все предписанное и разговоромъ растолкованное еще не послушаютъ, тогда связавши и не пріемля никакова

признанія въ оправданіе, по узаконенію нашему, поступлено быть имѣетъ. Для объявленія жъ узаконенія нашего посланы къ вамъ изъ столицы Эддо двое чиновниковъ Шенъ-Яши, которымъ (какъ прибытіе ваше изъ иностраннаго государства по отдаленности за препровожденіемъ по жребію попавшихъ людей, поставляя за великой трудъ) также объявить повелѣно, чтобъ вы были безъ опасности, показанныхъ же людей нашихъ можете посланнымъ для принятія оныхъ изъ столицы Эддо въ здѣшнее мѣсто нашимъ вѣрнымъ главнымъ чиновникамъ тамъ на мѣстѣ находящимся сдать. Впрочемъ же оными чиновниками по закону нашему никакія отъ васъ болѣе объясненія приняты быть не могутъ; даже что̀ касается и до людей, то хотя и имѣемъ сожалѣніе, но также въ противность узаконеній нашихъ насильно у васъ не просимъ, и естьли отдавать добровольно не будете согласными, взять ихъ къ себѣ не можемъ; почему все предписанное со вниманіемъ выслушать и разсудить, чтобъ впредъ, естьли оставшіе два человѣка посланы будутъ въ здѣшнее мѣсто, не препровождать, а въ Нангасакскую гавань и въ оную также слѣдовать открытымъ моремъ, одаль въ невидимости земли, какъ довольно уже выше объявлено, что во всѣхъ пристаняхъ приставать возбранно, равно хотя съ кѣмъ и дружески обходимся, повелѣно ни подъ какимъ видомъ за опасеніемъ не пускать. Въ Нангасакскую же гавань слѣдовать однимъ судномъ съ даннымъ отъ насъ листомъ, которой показавъ впущены будете, а не имѣя оного и туда не позволяется.

Относительно же для заключенія дружбы и согласнаго трактату, чтобъ торговатся: въ ономъ мѣстѣ находится опредѣленной чиновникъ. И обо всемъ вышепрописанномъ выразумѣвъ обстоятельнѣйшимъ образомъ, съ успѣхомъ слѣдовать обратно.

Полученъ Іюля 17 числа 1793 года.

Записка, съ которой отъ имени его Тензинъ Кубоскаго величества Адаму Лаксману вручили подарокъ, а имянно: три сабли и сто кулей пшены сорочинской.

Получена Іюля 17 числа 1793 года.

*

Росписка въ пріемѣ Японскихъ подданныхъ Коодая и Исокича.

Отъ присланнаго за препровожденіемъ по жребію попавшихся Японцовъ Коодая и Исокича, оныхъ въ городѣ Матсмаѣ приняли, въ чемъ за подписаніемъ нашимъ съ приложеніемъ печатей и росписка сія дана.

Фамилія Ишикава, имя Шіонгенъ Муракими Дайкаку.

Получена Іюля 21 числа 1793 года.

*

Листъ о позволенномъ входѣ въ Нангасакскую гавань.

Позволяя Велико-Россійскаго государства одному судну имѣть входъ въ гавань Нангасакскую, изъяснивъ уже, что исключая оной въ протчія мѣста иностраннымъ судамъ приставать возбранно, и повторяя о нетерпимой въ нашемъ государствѣ вѣрѣ Христіанской, дабы по прибытіи онаго образовъ служенія и жертвоприношенія ниже знаковъ не было; а во всемъ, естьли какое условіе будетъ, чтобъ поступать безъ противности нашему закону по врученному отъ насъ предписанію; съ чѣмъ для слѣдованія и листъ препоручаемъ Адаму Лаксману.

Полученъ Іюля 23 числа 1793 года.

*

На случай недостатка въ обратный путь харчевыхъ припасовъ повелѣно приказаніемъ его Тензинъ Кубоскаго величества выдать въ раздѣлъ на команду, а имянно: ржи 61, пшеницы 27, гречихи 3, итого 91 куль; козьяго соленого мяса 6 боченковъ. Сверхъ того для молотья муки жерновъ ручной одинъ и два сита, изъ коихъ одно проволошное красной мѣди.

Получено Іюля 24 числа 1793 года.

Письмо Костюшки къ императору Павлу Петровичу.

(1798).

Sire!

Je profite des premiers instants de la liberté dont je jouis sous les loix protectrices de la plus grande et la plus généreuse nation pour vous renvoyer le présent que l'apparence de votre bonté et la conduite atroce de vos ministres m'ont forcé d'accepter. Si je m'y suis prêté, Sire, ne l'attribuez qu'à la force irresistible de l'attachement que je porte à mes compatriotes, compagnons de mes malheurs et à l'espoir de servir encore peut-être ma patrie. Oui, je vous le répète, Sire, que j'aime à vous le déclarer. Votre coeur m'a paru touché de ma situation désastreuse; mais vos ministres et leurs satellites n'ont pas agi à mon égard conformément à vos voeux. Aussi s ils osaient attribuer à la détermination de ma volonté libre une démarche qu'ils m'ont contraint de faire, je dévoilerai devant vous et devant tous les hommes qui connaissent le prix de l'honneur, leur violence et leur perfidie, et c'est à eux seuls, Sire, que vous devez vous en prendre de la publication de leurs forfaits.

Paris, 4 Août 1798.

Signé: Koscuiczko.

*

Cette lettre a été envoyée à Sieyès pour la faire passer en Russie par mon entremise. Il s'y est refusé en prevoyant que je ne l'accepterai pas; il l'a renvoyée au Directoire. Alors elle a été interceptée à la poste, et m. de Haugwitz m'en a confié une copie sous le sceau du secret. Je supplie votre excellence de n'en faire mention nulle part.

Печатается со списка, доставленнаго изъ Берлина графомъ Н. П. Панинымъ въ Лондонъ графу С. Р. Воронцову. Сіесъ въ 1798 году съ порученіями отъ Директоріи находился въ Берлинѣ, гдѣ, какъ извѣстно, Французская республика нашла себѣ самыхъ раннихъ союзниковъ. П. Б.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ,

УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЙ КНИГѢ

АРХИВА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.
